

ЧТЕНІЯ
ВЪ
ИМПЕРАТОРСКОМЪ
ОБЩЕСТВЪ
ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ
ПРИ
МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТЪ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ПОДЪ ЗАВѢДЫВАНІЕМЪ

Е. В. БАРСОВА.

1885

ІЮЛЬ — СЕНТЯБРЬ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ
1885.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТРЕТЬЕЙ КНИГИ ЧТЕНИЙ 1885 ГОДА.

I. МАТЕРИАЛЫ ИСТОРИЧЕСКИЕ.

Стран.

- Историческіе матеріалы о церквахъ и селахъ XVI—XVIII столѣтій. Селецкая десятина Московскаго уѣзда, В. и Г. Хомяговыхъ..... 1— 80

II. МАТЕРИАЛЫ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ.

- Причитанія Сѣвернаго края собранныя Е. В. Барсовымъ. Томъ III-й. Плачи свадебные, гостибные, баенные и предвѣчные..... 1—160

III. МАТЕРИАЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

- Житіе Византіяца Феофана. Въ переводѣ съ Греческаго В. И. Оболенскаго и Ф. А. Терновскаго. Съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго..... 137—168

IV. ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

- Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской дружинной Руси. Изслѣдованіе Е. В. Барсова. Часть II. Съ новыми неизвѣстными приложеніями... 1— 64

V. С М Ъ С Ъ.

1. Историческіе акты. Ввозная грамота воеводы Казанскаго царства боярина Василья Петровича Шереметева, данныя Семичеву на прожиточное помѣстье 1649 г..... 1— 2
2. Жалованная грамота царей Іоанна и Петра Алексѣевичей Никитѣ Ивановичу Ступищину на владѣнія за участіе его въ мирномъ прибыльномъ договорѣ съ Польшею 1680 г..... 2— 8
3. Дневныя записи Правительственнаго дозора о Московскихъ раскольникахъ..... 41— 80

I.

МАТЕРІАЛЫ ІСТОРИЧЕСКІЕ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ

0

ЦЕРКВАХЪ И СЕЛАХЪ

XVI—XVIII ст.

ВЫПУСКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

СЕЛЕЦКАЯ ДЕСЯТИНА

(МОСКОВСКАГО УЪЗДА.)

В. и Г. Холмогоровыхъ.

СЕЛЕЦКАЯ ДЕСЯТИНА.

Селецкая десятина по приходнымъ книгамъ «жилыхъ данныхъ церквей» и «пустовыхъ оброчныхъ церковныхъ земель» Патриаршаго Казеннаго Приказа, составленнымъ по письму и дозору Безсона Рагозина 128 (1620) г., находилась съ 7136 (1628) г. въ завѣдываніи тѣхъ старостъ поповскихъ, которымъ были подчинены Загородская и Радонежская десятины. Съ 7183 (1675) г. Селецкая десятина отдѣляется отъ Загородской и Радонежской десятинь съ назначеніемъ особаго старосты поповскаго, избраннаго духовенствомъ изъ среды себя, для сбора данныхъ денегъ съ *жилыхъ церквей* и оброчныхъ — съ *пустовыхъ церковныхъ земель*.

Селецкая десятина, получившая названіе отъ села Троицкаго — Сельцы, занимала въ XVII ст. часть Московскаго уѣзда отъ Тверской заставы по правой сторонѣ Тверской большой дороги и отъ нынѣшней Бутырской заставы по обѣ стороны Дмитровской дороги къ сѣверу до границъ Дмитровскаго уѣзда.

Всѣ силы, входившія въ составъ Селецкой десятины, находились по писцовымъ книгамъ 7131 и 7132 (1623 — 1624) гг., письма и мѣры Лаврентья Кологривова и подьячаго Дружины Непейцына, Московскаго уѣзда, въ станахъ: Горетовѣ (села: Левлево, Космодамьянское — Химки и Черкизово на Тверской большой дорогѣ), Боховѣ (села: Михалево, Кононово и Рождествено - Суворово) и Манатинѣ-Быковѣ и Коровинѣ (остальные села оной десятины).

---

1. Ц. Космы и Даміана въ селѣ Козмодемьянскомъ на рѣчкѣ Химкѣ *).

Село Козмодемьянское на рѣчкѣ Химкѣ, нѣкогда принадлежало Степану Григорьеву Чубарову. По писцовымъ книгамъ Московскаго уѣзда Горетова стана 7093 (1585 — 1586) гг. значится: «за бояриномъ, за коношымъ Борисомъ Ѳедоровичемъ Годуновымъ вотчина купли село Кузмодемьянское, на рѣчкѣ Химкѣ, а въ немъ церковь Кузма и Демьянъ; пашни церковныя земли 12 четьи въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 30 копенъ, лѣсу рощи 3 десятины». (Писцов. кн. 257, л. 146). По упраздненіи въ началѣ XVIII ст. церкви Космы и Даміана церковная Козмодемьянская земля въ селѣ Кузмодемьянскомъ съ 1642 г. отдавалась въ оброкъ и въ книгахъ Патриаршаго Казеннаго Приказа оброчныхъ земель писалась подъ Селецкой десятиной: «Николы Чудотворца стараго монастыря на игуменѣ Симеонѣ, оброку по рублю на годъ»; во 159—167 (1651—1659) гг. «на дьякѣ Иванѣ Михайловѣ оброку полтина»; во 168 (1660) г. отдана на оброкъ думному дворянину Дементію Миничу Башмакову «оброку вѣчно ему платить по рублю на годъ и строить на той церковной землѣ церковь». (Дворц. Прик. кн. 6, л. 1014. Патр. Прик. кн. 25, л. 1092).

Во 181 (1675) г. село Козмодемьянское продано изъ Помѣстнаго Приказа въ вотчину Дементію Миничу Башмакову (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ ст. л. кн. 5, № дѣла 12). Здѣсь была построена имъ деревянная церковь во имя Космы и Даміана.

Въ переписныхъ книгахъ 1678 г. значится: «въ селѣ Кузмодемьянскомъ дворъ вотчинниковъ (Дементія Минича Башмакова), во дворѣ живутъ кабалныя и полонныя люди, на другомъ ево дворѣ

---

*). Имя селѣ Козмодемьянское Московскаго уѣзда.

живуть кабальные и полонные люди на монастырской землѣ Новодѣвичьяго монастыря на Красной горкѣ, а та земля взята имъ изъ того монастыря въ строенье по ево вѣкъ, а крестьянскихъ и бобыльскихъ двор.въ селѣ и въ деревнѣ нѣтъ». (Переписн. кн. 9813, л. 242 об.)

Въ приходной книгѣ Патр. Казеннаго Приказа оброчныхъ земель за 7187 (1679) г. написано: «съ церковной земли Козмы и Доміана, что на рѣчкѣ Химкѣ на печатникѣ Дементѣ Миничѣ Башмаковѣ оброку рубль. На сей церковной землѣ построена церковь и въ нынѣшнемъ во 188 г. обложена данью и внесена въ приходную книгу жилыхъ церквей подъ Селецкой десятиною». (Патр. Прик. кн. 96, л. 187).

Во 7188 (1680) г. по указу св. патріарха церковная Козмодемьянская земля въ селѣ Козмодемьянскомъ была досмотрѣна Романомъ Ивановичемъ Владыкинымъ «а по досмотру: на той церковной землѣ построена церковь Козмы и Доміана, а у той церкви на церковной землѣ дворъ поповъ, да дворъ печатника Дементѣя Минича Башмакова; а по сказкѣ Дементѣя Минича челоуѣка его села Козмодемьянскаго, что на рѣчкѣ на Химкѣ, прикащика Фетки Степанова, ту де церковь построилъ Дементій Миничъ тому лѣтъ съ пять (т. е. въ 1675 г.) и той церкви церковною землею владѣть изъ оброку, а оброкъ платитъ въ Патріаршѣ Казенномъ Приказѣ, а сколько той церковной земли пашни и сѣнныхъ покосовъ, того де онъ не вѣдаетъ; а то де село Кузмодемьянское Дементій Миничъ купилъ изъ Помѣстнаго Приказу въ вотчину; а отъ Москвы то село 12 верстѣ на Тверской дорогѣ. А по досмотру и по сказкѣ вотчины боярина князя Петра Семеновича Урусова села Петровскаго Петропавловскаго попа Данила, да вотчины Новодѣвичья монастыря села Кокорева, Бусино тожъ, Сергіевскаго попа Ивана, церкви Кузмы и Домьяна, что на рѣчкѣ на Химкѣ, Козмодемьянская земля смежна Новодѣвичья монастыря съ вотчинною землею съ Красными горками, что нынѣ владѣетъ тѣми горками печатникъ Дементій Миничъ, а съ другую сторону за Тверскую дорогу по врагъ, которой впалъ въ рѣчку Чернавку, смежна съ землею вотчины Николаевского монастыря Большія главы, что на Москвѣ возлѣ Печатнаго двора, деревни Бутакова, а съ третью сторону за рѣчку Чернавку смежна тогожъ монастыря съ землею деревни Алешкиной; а рѣчка Чернавка впала въ рѣчку въ Химку; а съ четвертую сторону розошла рѣчка Химка, а та Козмодемьянская земля по челобитью Дементѣя Минича съ монастырскими землями размежевана и отгранена и столбы поставлены и ямы на межахъ покопаны, а межевалъ тое Козмодемьянскую землю въ прошломъ во 187 (1679) году Помѣстнаго Приказа модьячей, а какъ тое

землю межевалъ и про тое землю вотчины боярина князя Ивана Алексѣевича Воротынскаго села Куркина деревни Баранекъ сторожилъ крестьянинъ Никифорко прозвище Шатунъ со многими окольными людьми въ сыску сказали, что тою Козмодемьянскою землею владѣтъ печатникъ Дементій Миничъ Башмаковъ по Тверскую дорогу, а за Тверскую дорогу преже сего владѣли по 187 (1679) годъ Николаевскаго монастыря Большіе главы деревни Алешкиной крестьяня; а по досмотру тое Козмодемьянскіе земли отъ церкви и отъ рѣчки по большую Тверскую дорогу пашни паханые десятинь съ 10, да лѣсу десятинь съ 5, да сѣна по рѣчкѣ по Химкѣ копенъ съ 20 волоковыхъ, да за большою Тверскою дорогою по врагъ и по рѣку Чернавку, внизъ Чернавкою рѣкою до рѣчки до Химки и вверхъ рѣчкою Химкою до Тверскія жъ дороги десятинь съ 20, сѣна по врагу и по рѣчкѣ Чернавкѣ копенъ съ 30 волоковыхъ». (Патр. Прик. Дозорная кн. 410 л. 475—477).

Новопостроенная въ селѣ Козмодемьянскомъ церковь, по распоряженію Патріаршаго Каз. Приказа, обложена данью. Въ приходной книгѣ того же Приказа записано: «Въ нынѣшнемъ во 188 (1680) г. іюля въ 5 день по указу св. патріарха и по помѣтѣ на выпискѣ дьяка Перфилья Сѣменникова обложена данью на Москвѣ церковь Космы и Доміана въ Московскомъ уѣздѣ въ Горетовѣ стану на рѣчкѣ на Химкѣ, которую построилъ печатникъ Дементій Миничъ Башмаковъ на церковной пустовой землѣ, которая прежь сего была на разныхъ оброчникахъ и на немъ на оброкѣ; а тоя церкви велѣно по указу св. патріарха положить дани съ дворовъ: съ попова, съ дьячкова, съ пономарева, съ просвирицына, да съ приходскихъ — съ одного вотчинникова, да церковныя земли по памяти изъ Помѣстнаго Приказа, за приписью дьяка Ивана Максимова, какова въ Казенный Приказъ внесена въ нынѣшнемъ во 188 г. марта въ 8 день, по лицевымъ книгамъ Московскаго уѣзда письма и мѣры Тимофея Хлопова 93 и 94 (1585 — 1586) годовъ, что написано за бояриномъ и конюшемъ за Борисомъ Ѳедоровичемъ Годуновымъ, съ пашни съ 12 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна съ 30 копенъ, лѣсу роци съ 3 десятины, по указной статьѣ 18 алтынъ съ денгою, заѣзда гривна и по тому окладу тѣ денги принять и изъ окладу оброчныхъ книгъ очистить и впредь не писать». Церковь Космы и Доміана въ приходныхъ окладныхъ книгахъ того же Казеннаго Приказа въ 1681—1740 гг. писалась подъ Селецкою десятиною съ обозначеніемъ дани съ 1715 г. 31 алт. 3 ден. (Патр. Прик. кн. 98 л. 163, кн. 100 л. 166 и кн. 252 л. 485).

Въ 1685—1686 г. въ селѣ Козмодемьянскомъ числилось 25 человекъ кабалныхъ и полоняничныхъ и дѣловыхъ людей; при церкви находились «во дворѣ попъ Іяковъ, въ избѣ просвирня Матренка, у нея дѣти при той церкви дячекъ Васка, да пономарь Ивашко, а живеть она съ дѣтьми по отпускнуой мужа Степана Костыча». (Писцов. кн. 283, л. 79).

Въ 1703 г. Деметій Миничъ Башмаковъ село Козмодемьянское съ дворомъ вотчинниковымъ продалъ Василію Никитичу Зотову; а отъ него перешло къ его сыну Никитѣ Вас. (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ от. л. кн. 4 № дѣла 40). Въ 1704 г. въ селѣ былъ дворъ вотчинниковъ, въ которомъ жили дѣловые люди 11 человекъ. (Перепис. кн. 9815, л. 728).

При Вас. Ник. Зотовѣ была построена въ селѣ Козмодемьянскомъ каменная церковь во имя Козмы и Доміана.

Въ Синодальномъ Казенномъ Приказѣ производилось дѣло о построеніи каменной церкви. Дѣло началось по прошенію генералъ-маіора Василія Никитича Зотова. Въ своемъ прошеніи, поданномъ въ Казенный Приказъ 1726 г. іюля 6 дня, онъ Зотовъ писалъ: «Имѣю вотчину въ Московскомъ уѣздѣ въ Горетовѣ стану село Кузмодемьянское, въ немъ церковь деревянная св. чудотворцевъ и безсребренниковъ Козмы и Доміана построена въ давнихъ годѣхъ, а нынѣ она церковь ветха и на одну сторону повривилась и для того служить въ ней опасно, а она церковь въ томъ селѣ и по писцовымъ книгамъ 135 и 136 годовъ написана, а желаніе мое въ томъ моемъ селѣ Козмодемьянскомъ построить церковь кирпичную во имя св. Единосущнаго Животворящаго и Нераздѣльнаго Троицы, въ честь и похвалу св. чудотворцевъ Козмы и Доміана и чтобъ указомъ повелѣно было о построеніи той церкви дать мнѣ благословенную грамоту».

Вслѣдствіе сего прошенія въ Синодальномъ Казенномъ Приказѣ на справку выписано: «По окладнымъ книгамъ жилыхъ данныхъ церквей прошлыхъ лѣтъ и сего 726 года Московскаго уѣзда въ Селецкой десятинѣ написано: Церковь Козмы и Доміана на рѣкѣ Кшицѣ, дани и заѣзда и десятильничнаго доходу 31 алт. 3 ден., казенныхъ пошлянъ 5 алт. 4 ден. и тѣ деньги по 1726 годъ плачены. А по писцовымъ книгамъ Московскаго уѣзда вышешисанной Кузмодемьянской церкви не написано; а ярибыла та церковь и данью обложена во 188 г. и у той церкви написано дворы вполвъ, дячковъ, пономаревъ, просвирницынъ, въ приходѣ дворъ вотчинниковъ, нашихъ церковныхъ земли 12 четъ въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 30 копень, лѣсу роши 3 десятины; а по переписнымъ 703 г. книгамъ у

той же церкви написано: попъ Василій Степановъ, дячекъ Иванъ Степановъ, въ приходѣ 5 дворовъ; а пашни и сѣнныхъ покосовъ не написано, понеже онъ попъ съ причетники живетъ на ругѣ». Резолюція: «1726 г. іюня 10 день дать указъ о строеніи». Того же года іюня 12 числа, по благословенію преосвященнаго Леонида Архіепископа Сарскаго и Подонскаго, изъ Синодальнаго Казеннаго Приказа выданъ указъ генераль-маіору Зотову о строеніи каменной Кузюдемьянской церкви.

1730 г. іюня въ 9 день, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка солдатъ Никита Васильевъ Зотовъ въ прошеніи, поданномъ въ Синодальный Казенный Приказъ, писалъ: «по обѣщанію блаженнаго памяти отца моего Василья Никитича Зотова построена въ вотчинѣ моей, въ селѣ Козюдемьянскомъ, вмѣсто ветхой деревянной церкви, каменная церковь Божія во имя Святыхъ Живоначальныхъ и Нераздѣльныхъ Троицы въ славу и похвалу чудотворцевъ и безсребренниковъ Козмы и Доміана со всякимъ церковнымъ украшеніемъ и ко освященію въ готовности; токмо вышереченной отецъ мой завѣщалъ мнѣ, чтобы на освященіи быть и помянутой храмъ соборне святить преосвященному Силвестру митрополиту Казанскому и Свіяжскому и дабы указомъ пбвѣдно было вышечисланную новопостроенную каменную церковь во имя Кузюмы и Доміана освятить преосвященному Силвестру митрополиту, понеже нынѣ его преосвященство обретається въ Москвѣ, дать указъ и святой антиминсъ».

1730 г. іюня въ 19 день, въ Синодальномъ Казенномъ Приказѣ опредѣлено: «по благословенію святѣйшаго Правительствующаго Синода о священіи церкви и о выдачѣ антиминса дать указъ».

Того же года іюня 25 числа, изъ Синодальнаго Казеннаго Приказа выданъ указъ Большаго Успенскаго Собора протопопу Іоанну Максимову, велѣно ему новоотстроенную церковь во имя Кузюмы и Доміана освятить соборне съ преосвященнымъ Силвестромъ митрополитомъ Казанскимъ. (Патр. Прик. связка 453, № дѣла 1160 и кн. 203, л. 85).

Послѣ Никиты Васильевича Зотова († 1738) г. село Козюдемьянское досталось его вдовѣ Аннѣ Логиновнѣ, которая была послѣ за вторымъ мужемъ Иваномъ Крестьяновичемъ Эйхлеръ, по раздѣлу съ дѣтьми Ив. Никит., Елизаветою Никит. женою князя Якова Васильевича Хилкова и Екатериною Никитичою женою князя Алексѣя Васильевича Хованскаго. (Вотчин. Колл. по гор. Москвѣ мол. л. кн. 45, № дѣла 20).

При церкви Космы и Доміана находились священники: Василій

Степановъ 1703—1710 г. и Георгій Васильевъ 1720 г. (Переписи. кн. 9815, л. 728, Ландр. переп. 1710 г. л. 369 и Переп. 1720 г. л. 261 об.).

2. Ц. Рождества Пресвятыя Богородицы въ селѣ Владыкинѣ *).

Село Владыкино въ XVI ст. называлось «Вельяминово» на рѣчкѣ Лихоборѣ. Въ селѣ существовала церковь во имя Св. Николая чудотворца, которая въ 7095 (1585) г. стояла «безъ пѣнія», и Вельяминово съ дворами монастырскимъ и челядиннымъ и 3 дв. крестьянъ, людей въ нихъ 3 челов. принадлежало Богоявленскому монастырю, что въ Москвѣ, за Ветошнымъ рядомъ. (Писцов. кн. 257 л. 297). Въ началѣ XVII ст. церковь Николая чудотворца была уничтожена; село Вельяминово состояло въ вотчинѣ за бояриномъ княземъ Иваномъ Ивановичемъ Шуйскимъ, по жалованной грамотѣ 132 года, а въ селѣ находились дворъ его вотчинниковъ, въ которомъ жили дѣловые люди, 2 дв. кр. и 4 дв. бобыльскихъ, въ нихъ 16 челов. (Писцов. кн. 685 л. 782).

При этомъ владѣльцѣ здѣсь была построена около 1627 г. новая деревянная церковь во имя Рождества Пресвятыя Богородицы. Въ книгѣ Патр. Каз. Приказа 136 (1628) г. написано: «новоприбылая во 135 году церковь Рождество Святѣй Богородицы въ вотчинѣ боярина князя Ивана Ивановича Шуйскаго, въ селѣ Вельяминовѣ, дани 3 алт. по наказу гривна, и апрѣля въ 8 день на нынѣшней 136 годѣ тѣ денги взято»; за 1635—1673 гг. съ сей церкви дани 7 алт. 3 ден., десятильничьихъ и завѣзда гривна. (Патр. Пр. кн. 2 л. 183; кн. 77 л. 82).

Въ 7146 (1639) г. князь Иванъ Ив. Шуйскій отказалъ по духовному завѣщанію свою вотчину село Вельяминово въ Богоявленскій монастырь, которому и выдана въ 7147. (1639) г., на эту вотчину жалованная грамота. Въ 7154 (1646) г., въ этомъ селѣ находились при Рождественской деревянной церкви «во дворѣ попъ Логинъ, дв. монастырской, 4 дв. кр. и дв. бобыльской, въ нихъ 10 челов.». Въ 7161 (1653) г. архимандритъ Богоявленскаго монастыря Серапіонъ промѣнилъ село Вельяминово патриарху Никону на его домовыя вотчины село Покровское Моск. уѣзда и село Бисерово Колом. уѣзда и съ этого времени Вельяминово стало называться село Владыкино.

---

* Нынѣ Владыкино село Москов. у.

(Вотч. колл. по гор. Москвѣ связка 13 № дѣла 16; переписи кн. 9809 л. 122; Дворц. Прик. кн. 11 л. 254).

Въ 7162 (1654) г. въ селѣ Владыкинѣ построена другая церковь во имя Пресвятыя Богородицы Иверскія и того же года «апрѣля въ 9 день, вел. государь св. патриархъ Никонъ ходилъ въ свое государево дворцовое село Владыкино для освященія церкви и въ тѣ поры въ селѣ Владыкинѣ, по ево государеву приказу, дано ево патриаршимъ пѣвчимъ дякомъ дву станицамъ по 2 рубли на станицу, подьякомъ 4 человекъ по 2 рубля, подьякомъ первой станицы рубль 16 алтынъ 4 денги, другой станицы 1 рубль 16 алтынъ 4 денги, третьей станицы 1 руб., четвертой станицы 30 алт., пятой станицы 26 алт. 4 ден., конюхомъ 6 чел. рубль, приспѣшникомъ 7 чел., поваромъ 8 чел., сытнымъ 2 чел., сторожемъ, скатерникомъ и сушильному по гривнѣ человекъ»—7162 (1654) г. апрѣля въ 10 день, Иконнаго ряду торговому человекъ Михаилу Михайлову сыну Кадашеву за двери сѣверныя Одамово изгнаніе, что взято у него въ село Владыкино, въ церковь Прѣсвятыя Богородицы Иверскія 3 руб. дано. Того же дни, приставу Борису Нестерову за 100 крючковъ желѣзныхъ образныхъ, да за 5 колодокъ гвоздей луженыхъ, что куплено въ село Владыкино въ церковь 5 алт. 4 ден. дано. Того же дни, Москательнаго ряду торговому человекъ Федкѣ Антипьеву за 10 ф. масла деревяннаго, что у него куплено въ село Владыкино ко освященію церкви 30 алт. дано. Того же дни, подъячему Ивану Зерцалову за два наложья кожанныхъ, что онъ купилъ въ село Владыкино, въ церковь Пресв. Богор. Иверскія, на ворота, 22 алт., да за 4 губки грецкихъ въ церковь ко освященію 7 алт., обоєво 29 алт. дано. Апрѣля въ 12 день, оконничнику Фялкѣ Михайлову за 5 деревьевъ оконничныхъ, что ему дѣлать окончины въ село Владыкино къ церкви Пресв. Богор. Иверскія въ паперти 11 алт. 4 ден., да за 15 листовъ желѣза бѣлова къ тѣмъ же окончинамъ 20 алт., да на гвоздь 10 ден., всего рубль дано. Того же дни, патриаршу сыну боярскому Михаилу Всеволодскому за 2 ф. свинцу, что онъ купилъ ко освященію церкви 2 алт. 2 ден. дано. Того же дни, портному мастеру Федкѣ Микифорову за 2 вервы нитяныя, что взято на престолъ, да за проволоку, да за кольца къ запону 4 алт. дано. Того же дни, Свѣчнаго ряду торговому человекъ Микиткѣ Осипову за 6 подсвѣшниковъ деревянныхъ точеныхъ съ жестяными блюдами—2 золоченыхъ, 2 золоченыхъ мѣстами, да 2 крашеныхъ безъ золота, всего 2 р. 5 алт. 2 ден. дано. Того же дни, приставу Якиму Архипову за кадило мѣдное, да за ковшъ мѣдной за луженой 2 р. 3 алт. 2 ден. дано. Мая 3, за кисть

паншикадильную шолковую, шолкъ красной да зеленой, что взято въ церковь Пресв. Богор. Иверскія на ворота 4 алт. 4 ден. дано. Юля въ 20 день. Иконнаго ряду торговому человѣку Ивану Деревщику за 200 листовъ золота сусальнаго, что у него куплено на икону Пресв. Богородицы Иверскія, которая написана въ село Владыкино, 2 руб. дано. Юля 30, иконописцу Леонтію Остафьеву, что онъ посыланъ въ село Владыкино вымѣривать мѣсто, гдѣ быть иконѣ Пречистой Богородицы Иверскія, за провозъ въ село Владыкино и назадъ до Москвы 3 алтына 2 деньга дано. Августа 30, за атласъ турецкой по червчатой землѣ, листья золоченые съ бѣлымъ да съ лазоревымъ шолкомъ по цѣнѣ 35 рублевъ; да атласъ турецкой по зеленой землѣ золото съ бѣлымъ да съ краснымъ шолкомъ, что вымѣнено у греченина на келейные соболи, по цѣнѣ 18 руб., да за два сорока соболей, по цѣнѣ 50 руб. за 30, итого 100 руб. и тѣ атласы и соболи поднесены государю царю и великому князю Александру Михайловичу всеа Русіи въ дарѣхъ въ селѣ Владыкинѣ на освещеніи церкви Пресв. Богородицы Иверскія. (Патр. Прик. кн. 36 л. 73—77, 310, 343, 344 и 615).—7162 (1654) г. апрѣля 28, великій государь св. патріархъ Никонъ ходилъ въ свои государевы дворцовые селы во Владыкино, да въ Озерецкое, а изъ Озерецкаго въ Троицы-Сергіевъ монастырь, и въ томъ походѣ вышло въ расходъ 24 руб. 2 алтына. (Патр. Пр. кн. 36 л. 345—346). 7165 (1657) г. апрѣля 8, патріархъ Никонъ въ селѣ Владыкинѣ самъ раздовалъ крестьяномъ милостыню. (Кн. 41 л. 121). 7166 (1658) г. апрѣля 20, патріархъ Никонъ, идучи въ Воскресенскій монастырь, въ селѣ Владыкинѣ отслушалъ обѣдню и приказалъ выдать попу Ивану съ причетники полтину (Кн. 43 л. 247). 7191 (1683) г. мая 3, св. патріархъ Іоакимъ ходилъ въ село Дмитровское и 6 мая слушалъ въ селѣ Владыкинѣ, что на Лихоборкѣ, литургіи. (Кн. 108 л. 198). 7193 (1685) г. іюля 14, св. патріархъ Іоакимъ послѣ вечерни пономѣлъ съ Москвы въ село Владыкино и въ 15 день въ селѣ Владыкинѣ слушалъ божественной литургіи, а послѣ литургіи пожаловалъ того села попу Ивану рубль, дьячку 2 гривны, пономарю и просвирнѣ по гривнѣ, а изъ села Владыкина ходилъ святѣйшій патріархъ въ село Троицкое Сельцы, да въ село Игнатовское и въ 19 день, въ недѣлю, въ селѣ Игнатовскомъ по божественной литургіи слушаніи пожаловалъ того села попу Никифору полтину, дьячку 2 гривны, пономарю и просвирнѣ по гривнѣ и іюля въ 20 день, на праздникъ св. пророка Іліи, въ селѣ Озерецкомъ по божественной литургіи слушаніи пожаловалъ того села попу Аванасью полтину, дьякону Андрею 8 алт.

2 деньги, дьячку, пономарю и просвирнѣ по гривнѣ и 22 числа іюля св. патріархъ пришлоу къ Москвѣ. (Кн. 115 л. 178). 7195 (1686) г. сентября 13, св. патріархъ слушалъ божественной литургіи въ церкви Рождества Пресв. Богородицы, что въ селѣ Владыкинѣ и послѣ литургіи пожаловалъ того села попу Ивану 16 алт. 4 деньги, да пономарю и просвирнѣ по гривнѣ. (Кн. 122 л. 161). 7197 (1688) г. октября 17, св. патріархъ ходилъ въ село Владыкино и 18 числа въ томъ селѣ слушалъ божественной литургіи, пожаловалъ того села попу Іоанну Архипову на молебень 16 алт. 4 д., пономарю, дьячку и просвирнѣ по гривнѣ.—7198 (1690) г. мая 19, великій государь царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ (т.) изволилъ быть въ патріаршѣ домовомъ селѣ Владыкинѣ и въ патріаршихъ хоромѣхъ изволилъ хлѣба кушать и для его государскаго пришествія въ село Владыкино куплено къ столу кушанью къ домовому готовому въ прибавку бѣлая рыбаца дана рубль, да яблоковъ на 16 алт. 4 деньги, да извошикомъ 9 человекомъ, которые съ Москвы отвесли въ село Владыкино съ патріарша двора питье и столовой обиходъ дано рубль 11 алт. 4 деньги. А у столового кушанья великому государю питье подносилъ и вѣтвы на столъ ставилъ казначей старецъ Паисій Сійской. (Кн. 129 л. 179; кн. 134 л. 358; кн. 147 л. 275).—7201 (1693) г. іюня 25, св. патріархъ Андрианъ ходилъ послѣ литургіи въ село Владыкино и въ селѣ было столовое кушанье и послѣ пошолъ къ Москвѣ». 7202 (1693) г. декабря 9, патріархъ Адрианъ пошолъ съ Москвы въ свое село Владыкино и въ церкви Рождества Пресв. Богородицы слушалъ божественной литургіи и послѣ литургіи пожаловалъ того села попу Ивану на молебень 8 алт. 2 ден.; изъ села Владыкина св. патріархъ пошолъ въ село Пушкино; 12 числа въ селѣ Пушкинѣ въ церкви Николая чудотворца слушалъ божественной литургіи и пожаловалъ той церкви попу Семену на молебень 10 алт., дьячку, пономарю и просвирнѣ по гривнѣ; а 13 числа изъ села Пушкина пошолъ къ Москвѣ». (Кн. 152 л. 192). 7203 (1695) г. іюня 9, въ недѣлю, послѣ ранней литургіи св. патріархъ пошолъ въ Московской уѣздъ, въ свое патріарше село Владыкино; 10 числа изъ села Владыкина ходилъ въ свое село Троицы Сельцы и 11 числа въ селѣ Троицкомъ Сельцы по божественной литургіи пожаловалъ той церкви попу Фодору на молебень 16 алт. 4 д., дьячку, пономарю по гривнѣ; а изъ села Троицкаго святѣйшій патріархъ ходилъ въ село Владыкино, 12 числа въ селѣ Владыкинѣ по божественной литургіи пожаловалъ священнику той церкви Ивану на молебень 18 алт. 2 д., дьячку, пономарю по гривнѣ. (Кн. 156 л. 202). 7206 (1697) г. сентября въ 21 день, отпу-

щеве въ походъ св. патр. нитья въ село Владыкино 1¼ ведра ренскаго, 2 ведра церковнаго, 3 ведра меду вишняваго, ведро малиноваго, 2 ведра свѣтлаго, 6 ведръ меду лехкова, 10 ведръ меду выки-слова, 7 ведръ меду черничнаго, 20 ведръ меду братцкаго, 5 ведръ пива мартовскаго, 3 ведра пива приварнаго, свят. патріарху мешечекъ пивца лехкова, брашки тожъ, мешечекъ кислыхъ штей, 2 ведра браги, въ расходъ 3 бочки пива простаго астраханскія по 18 ведръ, 10 лимоновъ. Сентября 25, въ субботу, пришелъ св. патр. изъ походу къ объденному кушанью и по именному его приказу поены на погребѣ подъяконы и пѣвчіе походныя и дворяне пивомъ и медомъ, стрелянные и стряпчіе конюхи поены-жъ пивомъ и медомъ, крестьяне, которые были съ обиходами поены же. (Кн. 169 л. II).

За 7181 (1673) г. въ книгѣ Патріаршаго Каз. Прик. написано: «церковь Рождества Пресв. Богородицы, что была въ вотчинѣ боярина князя Ивана Шуйскаго въ селѣ Вельяминовѣ, дани 7 алт. 3 деньги, десятильничьихъ и заѣзда гривна. И въ нынѣшнемъ во 181 (1673) году по челобитью, за помѣтою дьячка Бориса Остолопова, съ сей церкви данныхъ денегъ на прошлые годы и на нынѣшній годъ имать не велѣно и изъ окладу выложить и впредь писать въ патріаршей вотчинѣ въ селѣ Владыкинѣ, что было село Вельяминово; а въ 7188 (1680) г., по сказкѣ той церкви попа Ивана дано къ той церкви земли 2 десятины въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣнныхъ покосовъ на Подлипномъ лугу копень съ 20». (Патр. Пр. кн. 77 л. 82 и Дозорн. кн. 141 л. 548).

Въ 7186 (1678) г., въ селѣ Владыкинѣ находились: дворъ св. патріарха «становой», въ которомъ жили посельской старецъ, да прикащикъ, дворы: скотной, конюшенной, ремскаго дьячка, садовника, мельника и 11 дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ, людей въ нихъ 48 человекъ и дер. Лихоборки—15 дв., итого 26 дворовъ, «съ нихъ доходовъ Дворцоваго Приказа за масло коровье, за 600 яицъ, за осмину съ получетверикомъ орѣховъ, дворецкаго дохода подѣемныхъ, и прикащикьихъ половиннаго дсходу 8 рублевъ, 9 алтынъ, 2 деньги». (Переписн. кн. 9,812, л. 149 и Дворц. Пр. кн. 157 л. 171—172).

Въ 1701 г. въ селѣ Владыкинѣ церковь во имя Рождества Пресвятыя Богородицы была «древяная, а въ церкви образовъ: двери, царскія столпы и сѣнь писаны на краскахъ; по правую сторону царскихъ дверей образъ Спасовъ написанъ на краскахъ; образъ Рождества Богородицы писанъ на краскахъ; образъ Николая чудотворца, на немъ вѣнецъ и цапа серебряные басемные золочены; передъ ними двѣ лампы мѣдныя прорѣзныя, у нихъ же три пелены, двѣ комча-

тыя, третья выбоичатая, вѣтхо; по лѣвую сторону царскихъ дверей образъ Пресвятыя Богородицы Одигитріи, на немъ убрусь тафтяный, красный вѣтхъ, у ней же пелена выбоичатая; двери южныя, на нихъ писанъ архидіаконъ Стефанъ; образъ Пресвятыя Богородицы Тихвинскія съ праздники, на ней вѣнецъ серебряный, басемный, вызолоченъ, цата рѣзная не золочена; образъ Спасовъ писанъ на краскахъ; передъ ними двѣ лампады мѣдныя прорѣзныя; образъ Пресвятыя Богородицы Умиленія въ кіотѣ деревяномъ, на створахъ, писаны праздники; теруговъ писаны на дскѣ красками; надъ царскими дверьми Дѣисовъ и Спасовымъ образомъ да праздниковъ, всего сорокъ пять образовъ писаны на краскахъ; образъ Пречистыя Богородицы Рождества, окладъ серебряный, гладкой золоченъ, три вѣника серебряные жъ золочены; образъ Воскресенія Христова писанъ на краскахъ; два наоя оболочены выбоикою, на нихъ же двѣ пелены, одна въ срединѣ камка желтыя, опушка камка зеленая, травчатая; другая пелена въ срединѣ объяръ желтая, опушена камкою жаркою, на престолѣ одежда и пелена выбоичатая; евангеліе на престолѣ оболочено бархатомъ краснымъ; евангелисты серебряные золочены, другое евангеліе оболочено изорбатомъ золотымъ; евангелисты мѣдныя, вѣтхо; крестъ благословящій деревянный обложенъ серебромъ вѣтхъ; другой крестъ мѣдный; запрестольный образъ Пречистыя Богородицы Знаменія обложенъ, окладъ серебряный басемный, вѣнецъ съ короною и цата рѣзные золочены; на другой сторонѣ образъ Николая чудотворца, вѣнецъ и цата серебряные басемные золочены; образъ запрестольный Пресвятыя Богородицы Одигитріи въ кіотѣ рѣзномъ золочено вѣтхо; на жертвенникѣ одежда выбоичатая; дискось и съ блюдами оловянные; крестъ запрестольный, деревянный, (за симъ слѣдуетъ описаніе ризъ и стихарей и церковныхъ книгъ Дворц. Прик. кн. 119 л. 74—77).

Въ 1704 г. въ с. Владыкинѣ числилось 16 дв. крестьянскихъ и дворъ земскаго дьячка. (Переп. кн. 9,815 л. 703).

При Рождественской церкви находились священники: Леонтій 1653—1656 года, жалованья получалъ въ годъ 4 рубл. изъ патріаршей казны, (въ 1653 г. «по патріархову именному приказу выдано села Владыкина Рождественскому попу Леонтію на погребеніе попады ево 16 алт. 4 деньги;); Григорій 1655—1658 года, Иванъ Архиповъ съ 11 іюня 1658—1693 г., Никита Васильевъ 1694—1701 г., Гавріилъ Максимовъ 1704 г. и Семень Мартиновъ 1720 г. Дьячки: Василій Ивановъ 1681—1689 г. и Иванъ Ивановъ 1690—1695 г. Пономари: Иванъ Васильевъ 1681—1720 г. и Василій Никитинъ 1704—1720 г.

Село Владыкино по имянному указу и по приговору Св. Правительствующаго Синода 1722 г., августа въ 22 день отдано во владѣніе преосвященному Теофану архіепископу Псковскому и Нарвскому. (Дворц. Прик. кн. 157 л. 171).

3. Ц. Рождества Пресвятыя Богородицы въ селѣ Пояркозѣ *).

Село Поярково на рѣкѣ Клязьмѣ съ деревянною церковью Георгія страстотерпца, построенною «клѣтцки», находилось въ 7093 г. Горетова (въ другомъ мѣстѣ Манатына, Быкова и Коровина) стана въ Московскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ митрополита. Къ сему принадлежала «пустошь Болдырева, а въ ней пашни паханой, средней, церковной земли 12 четвертей. (Писц. кн. 257 л. 434). Въ началѣ XVII ст., Георгіевская церковь была уничтожена. Въ писцовыхъ книгахъ 131 и 132 (1623—1624) гг. значится: «за дьякомъ Федоромъ Опраксынымъ въ помѣстьи, по государевѣ грамотѣ, за приписью дьяка Анисима Мартемьянова, 127 г. пустошь, что было село Поярково на рѣкѣ на Клязьмѣ, а въ немъ былъ храмъ Страстотерпца Христова Георгія; пашни церковные паханые, наѣздомъ середніе земли 4 четверти, лѣсомъ поросло 8 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна по рѣкѣ Клязьмѣ 50 копенъ». (Писцов. кн. 685 л. 24). Церковная Георгіевская земля находилась въ вѣдѣніи Патриаршаго Казеннаго Приказа и отдавалась въ оброкъ. Въ 7137 (1629) г. пустошь Пояркова безъ церковнаго мѣста была во владѣніи стряпчаго Михаила Ларіонова и за нямъ же по приходнымъ оброчнымъ книгамъ Патриаршаго Приказа, за 7146 (1638) г., значится: «на оброкѣ церковная Георгіевская земля, въ селѣ Поярковѣ оброку 4 алтына 2 деньги на годъ»; Въ 1648 г. Георгіевская земля отдана ему же Ларіонову на оброкъ «до тѣхъ мѣстъ, пока церковь построится». (Вотч. колл. по гор. Москвѣ ст. л. кн. 61 № дѣла 11, патр. прик. кн. 6 л. 95, кн. 25 л. 124, кн. 45 л. 384).

Въ 7158 (1650) г. пустышь Пояркова, безъ церковной земли, была во владѣніи Богдана Федорова Нарбѣкова, а отъ него, по промѣнной записи 1651 года, досталось Артемону Сергѣевичу Матвѣеву, которому она была пожалована въ вотчину вмѣстѣ съ церковною Георгіевскою землею. На Георгіевскоіи землѣ построена въ 1665 г. новая каменная церковь во имя Рождества Пресвятыя Богородицы и пустошь

---

*) Село Поярково нынѣ приписано къ селу Мышецкому—Ново-озерскому Москов. уѣзда.

Поярково, по церкви названо Рождественскимъ». (Патр. прик. дозор. кн. 141 л. 396—397; Вотч. колл. ст. л. кн. 60 № дѣла 11).

Въ 7185 (1677) г. по имянному государеву указу вотчины, принадлежавшія Артемону Серг. Матвѣеву, были отписаны на великаго государя и причислены къ дворцовому вѣдомству. Въ 7186 (1678) г. село Рождествено, Поярково тожь, пожаловано князю Михаилу Алегуковичу Черкасскому и за нимъ же оно утверждено того же года генваря 9 дня отказною книгою, въ которой Рождественская церковь въ селѣ Поярково описана такъ: «въ Московскомъ уѣздѣ, въ Горетовѣ стану, село Рождествено, а Поярково тожь, а въ немъ церковь каменная во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, а въ ней въ олтарь: за престоломъ крестъ рѣзной золоченой, образъ Пресвятыя Богородицы Знаменія, прикладныхъ денегъ у онаго образа рубль три алтына 2 денги; надъ жертвенникомъ образъ Рождества Пресвятыя Богородицы обложенъ серебромъ; крестъ благословенной обложенъ серебромъ, другой крестъ не обложенъ; царскіе двери рѣзные вызолочены и проишываны красками; да мѣстныхъ иконъ: образъ Всемиловитаго Спаса, образъ Рождества Пресвятыя Богородицы, образъ Пресвятыя Богородицы Кипрскіе, образъ Іоанна Предтечи, образъ Николая Чудотворца, образъ государскихъ ангеловъ въ моленіи, всѣ въ кіотѣхъ, столбцы рѣзные золочены; надъ мѣстными иконами шестнадцать иконъ праздничныхъ на золотѣ, въ круглыхъ кіотѣхъ; да деисусы: образъ Всемиловитаго Спаса на золотѣ, образъ Пресвятыя Богородицы, образъ Іоанна Предтечи, образъ Архистратига Михаила, образъ Архистратига Гавриила, да по сторону дванадесятихъ Апостоловъ, промежь ими столбцы рѣзные золочены, въ верху надъ деисусы распятіе Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа въ кругломъ рѣзномъ кіотѣ; по правую сторону два кіота жъ круглые жъ, а въ нихъ дванадцать пророковъ, а надъ ними десять херувимовъ рѣзныхъ. Въ трапезѣ: образъ св. великомуч. Димитрія, да образъ св. великомуч. Георгія въ рѣзныхъ же кіотѣхъ.—Да сосуды оловянные, покровы камчатые цвѣтные, кругомъ камка бѣлая; на престолѣ покровъ камчатой, евангеліе крупная печать, покрыто бархатомъ золотымъ, на немъ Спасовъ образъ и евангелисты серебряные чеканные и застешки вызолочены и гвозди серебряные жъ, другое евангеліе покрыто бархатомъ червчетымъ, распятіе и евангелисты серебряные позолочены басенной окладъ. Да книгъ печатныхъ: апостоль, служебникъ, потребникъ, уставъ, прологъ, прологъ марта съ 1 числа декабря по 1 число, тріоди—постная и цвѣтная, минея общая съ праздники, шестодневъ, двѣ похвалы учительные, два часослова, канонникъ.— Два кадила мѣдные, ~~пять шамъ~~.

дановъ, укропникъ, чаша водосвятная мѣдная, паликадило деревянное рѣзное иззолочено, а на немъ 12 ручекъ оловянныхъ, кисть шолковая съ зототомъ и съ серебромъ, паликадило жъ деревянное рѣзное 6 ручекъ оловянныхъ, паликадило костеное ипорченное, 8 подсвѣшниковъ деревяныхъ рѣзныхъ посеребрены листовымъ серебромъ.—Ризы отгласные зеленые, оплечье отгасъ цвѣтной ветки, ризы киндяшные, оплечье дорогильное полосатое, ризы полотняные, оплечье выбойчатое, стихарь отгасной зеленой, оплечье отгасъ цвѣтной, стихарь киндяшной осиновой, оплечье дорогильное полосатое, патрахель, да поручи бархатъ золотной ветки, а на нихъ 18 пуговиць серебряныхъ, поручи дорогильные полосатые, двѣ пелены наложные, камчатные желтые, кресты нашиты, кружева серебряные, пелена камчатная желтая, кресты кружево серебряны жъ, уларь бархатъ золотной, обложенъ отгасъ червчатымъ, уларь отгасъ цвѣтной лазаревой, уларь дорогильной полосатой, 5 налоевъ деревянныхъ.—Трои двери церковные желѣзные, 6 затворовъ оконничныхъ желѣзныхъ, у церковныхъ же сѣверныхъ и южныхъ дверей два затвора слюдяныхъ; въ окнахъ 6 окончинъ стеклечетыхъ. Колокольня каменная, а на ней колоколъ вѣсу въ немъ 29 пудъ 8 гривенокъ, 9 колоколъ среднихъ и малыхъ.—Въ томъ же селѣ церковники во дв. попъ Петръ Гавриловъ, во дв. дьяконъ Иванъ Андреевъ, во дв. дьячекъ Якушка Петровъ, дв. вотчинниковъ, да крестьянъ 39 дв., въ нихъ 173 челов. и 4 дв. бобыльскихъ, въ нихъ 7 челов.» (Отказн. кн. 12 л. 193—208; переписн. кн. 9813 л. 1—6).

Рождественская церковь въ 1678 г. обложена данью и записана въ приходныя книги Патр. Каз. Приказа, такъ: «Въ нынѣшнемъ во 187 г. октября 27 дня, по указу св. патриарха и по помѣтѣ на выпискѣ дьяка Перфиля Сѣменникова, обложена на Москвѣ церковь Рождества Пресвятыя Богородицы въ селѣ Рождественскомъ, Поярково тожъ, а на тоя церковь положно дани, по сказкѣ тоя церкви цопа Петра Гаврилова съ дворовъ: съ попова, съ дьяконова, съ дьячкова, съ просвирницына, съ 28 дв. крестьянскихъ молодчихъ и 14 дв. бобыльскихъ, да съ церковной земли по писцовымъ книгамъ Московскаго уѣзда, письма и мѣры Лаврентья Кологривова, да подьячаго Дружины Секерина 131 и 132 г., въ Горетовѣ стану, въ пустоши, что было село Поярково, на рѣкѣ на Клязмѣ, съ пашни 12 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣнныхъ покосовъ съ 50 копень, по указной статьѣ, рубль 2 алт. 2 ден., заѣзда гривна, и по тому окладу на нынѣшней 187 г. взято и въ пустовой книгѣ ту землю очистить.» «Церковь Рождества Пресвятыя Богородицы, въ селѣ Поярковѣ» въ приходныхъ книгахъ того же казеннаго приказа въ 1678—1701 г. писалась подѣ

Салецкою десятиною, «въ вотчинѣ боярина князя Михаила Алегукovichа Черкаскаго, а въ 1702—1743 гг.—«въ вотчинѣ стольника Андрея Артемонова Матвѣева», съ обозначеніемъ дани рубль 47 коп. (Патр. прик. кн. 91 л. 287, кн. 98 л. 286, кн. 100 л. 167, кн. 252 л. 485).

Въ дозорной и описной книгѣ церковныхъ земель въ Московскомъ уѣздѣ, досмотра и описи Ивана Соболева и подьячаго патриаршаго разряда Якова Тулубьева, по указу патриарха Іоакима написано: «въ нынѣшнемъ во 189 (1681) г. по сказкѣ вотчины боярина, князя Михаила Алегукovichа Черкаскаго, села Рождествена, Поярково тожъ, церкви Рождества Пресвятыя Богородицы попа Никиты Титова: прежнее де кладбище, что бывала церковь Георгія Стратотерца, отъ той церкви съ полверсты, на старомъ кладбищѣ поставлена часовня, а у новой церкви кладбища нѣтъ, а погребають умершихъ на старомъ кладбищѣ, а отъ кладбища до Москвы 30 верстъ; попу съ причетниками дается годовая денежная и хлѣбная руга.» (Патр. прик. дозорн. кн. 141 л. 396—397, 683—684).

Въ 7190 (1682) г. по государеву указу отписныя вотчины, въ томъ числѣ и село Поярково, возвращенныя боярину Матвѣеву, пожалованы послѣ его смерти въ 7191 (1683) г. его сыну Андрею Артем. Матвѣеву. Въ 1704 г., въ этомъ селѣ находились: дв. помѣщиковъ, дв. скотной, въ нихъ 6 челов., крестьянъ 31 дв. въ нихъ 121 челов.» Въ 1728 г. графъ Андрей Артем. Матвѣевъ село Поярково продалъ Василію Васильеву Степапову, а отъ послѣдняго перешло въ 1739 г. къ его дѣтямъ: Василію и Алексѣю; затѣмъ оно находилось во владѣніи у ихъ родной сестры Екатерины Васильевой, по мужѣ Мошковой, и въ 1782 г. продано опекуномъ надъ ея дѣтьми: Александромъ, Петромъ и Натальею Павловыми Мошковыми Павлу Ивановичу Глѣбову. (Вотч. колл. по гор. Москвѣ ст. л. кн. 53 № дѣла 8, мол. л. кн. 41 № дѣла 10, св. 9 № дѣла 8; переписн. кн. 9815 л. 24—27).

При Рождественской церкви въ селѣ Поярково находились священники: Дмитрій Григорьевъ 1704—1710 г., Василій Афанасьевъ († 1714 г.), Никита Ивановъ 1714—1720 г.; дьячки: Василій, Ивановъ 1704—1710 г. и Василій Ульяновъ 1720 г.; пономари Максимъ Андреевъ 1704—1710 г. и Петръ Васильевъ 1720 г.

4. Ц. Николая чудотворца въ селѣ Никольскомъ-Сабакинѣ.

Село Сабакينو, на рѣкѣ Клязьмѣ, въ XVI ст. находилось въ числѣ дворцовыхъ вотчинъ. Въ селѣ изстари существовала церковь во имя Николая чудотворца, которая вѣроятно въ началѣ XVII столѣтія была

уничтожена Литвою и Сабакино потомъ было деревнею. Въ писцовыхъ книгахъ 7131 и 7132 (1623—1624) гг. написано: «За бояриномъ за княземъ Юрьемъ Яншеевичемъ Сулешевымъ въ помѣстьи, по государевѣ жалованной грамотѣ 126 г., что ему дано изъ государевыхъ дворцовыхъ земель, село Сабакино, на рѣкѣ Клязьмѣ, а нынѣ деревня, а въ ней былъ храмъ во имя Николы чудотворца, да въ деревнѣ 5 дв. крестьянскихъ, въ нихъ 6 челов. и 3 дв. бобыльскихъ, въ нихъ 6 челов. (Писцов. кн. 685 л. 663). Послѣ кн. Юрія Сулешева его помѣстье дано внуку князю Ивану Мурзину сыну Юсупову.

При этомъ владѣльцѣ въ деревнѣ Сабакиной около 1646 года была построена деревянная церковь во имя св. Николая чудотворца и деревня стала называться по церкви с. Никольскимъ. Въ переписныхъ книгахъ 7154 (1646) г. значится: за княземъ Иваномъ Мурзиннымъ сыномъ Юсупова, что было за дѣдомъ ево княземъ Юрьемъ Яншеевичемъ Сулешевымъ, село Никольское, на рѣкѣ Клязьмѣ, а въ селѣ церковь Николы чудотворца деревянная, у церкви во дв. попъ Осипъ, да въ селѣ дворъ вотчинниковъ и дв. скотной». Ему же кн. Юсупову принадлежали дер. Хлѣбникова, на рѣкѣ Клязьмѣ, и Капустина, на рѣчкѣ Созоньѣ. (Переписн. кн. 9809, л. 352 — 353).

Новопостроенная въ селѣ Никольскомъ Николаевская церковь обложена данью въ 1648 г. Объ этомъ находится свѣдѣніе въ приходной окладной книгѣ Патриаршаго Каз. Приказа за 7156 (1648) г. Тамъ подъ Радонежской, Селецкой и Загородской десятинами читаемъ: «По книгамъ Радонежской десятины сбору десятильника Матвѣя Облесова, да старосты поповскаго села Братошина Благовѣщенскаго попа Григорья, прибыла вновь церковь Николы чудотворца въ вотчинѣ князя Ивана Мурзича Юсупова, въ селѣ Никольскомъ, дани 3 алтына 4 денги, заѣзда гривна». Тоже значится въ приходныхъ книгахъ того же Казеннаго Приказа за послѣдующіе 1649—1680 годы. (Патр. Прик. кн. 23 л. 264 и кн. 74 л. 271).

Послѣ это село находилось во владѣніи у князя Якова Куденетовича Черкаскаго, а отъ него перешло въ 1667 году къ его сыну кн. Михаилу и за нимъ отказано того же года, а въ отказной книгѣ упоминается: «въ селѣ церковь Николая чудотворца древяна клѣтцки, а въ церкви образы и книги и ризы и на колокольницѣ колокола и всякое церковное строенье вотчинниково — князя Якова Куденетовича Черкаскаго, у церкви во дворѣ попъ Леонтій Тимофеевъ, во дворѣ дьячекъ Степанко Максимовъ». (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ ст. л. кн. 34 № дѣла 5; дѣла

по имѣнію гг. Нарышкиныхъ, отв. кн. 11 л. 20). Въ приходной окладной книгѣ Патр. Приказа за 1681 годъ подъ статью о Николаевской церкви отмѣчено: «писать въ вотчинѣ князя Михаила Яковлевича Черкаскаго, въ селѣ Никольскомъ, на рѣкѣ Клязьмѣ». (Патр. Прик. кн. 77, л. 93 об.). Въ 7186 (1678) г., въ Никольскомъ находились дворъ вотчинника кн. Черкаскаго, дв. скотной, дв. прикащика и 19 дв. кабалныхъ, людей въ нихъ 19 челов. (Переп. кн. 9813 л. 303).

Въ дозорныхъ книгахъ 7188 (1680) г. церковей и церковныхъ земель досмотра и описи Романа Ивановича Владыкина, написано: церковь Николая чудотворца въ селѣ Никольскомъ по окладнымъ книгамъ въ Селецкой десятинѣ, а по сказкѣ той церкви попа Федора съ причетники, къ той церкви дано изъ вотчинной земли пашни по десятинѣ въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна въ поляхъ на 30 копенъ, а та де церковь построена изстари; да ему жъ попу съ причетники князь Михаилъ Яковлевичъ Черкасскій даетъ годовую хлѣбную и денежную ругу. (Патр. Прик. дозорн. кн. 141 л. 443 и 658).

Въ 7194 (1686) г. билъ челомъ великому государю въ Помѣстномъ Приказѣ бояринъ князь Михаилъ Яковлевичъ Черкасскій: въ Московскомъ уѣздѣ въ Монатинѣ Быковѣ и Коровинѣ стану вотчина у него село Никольское, а по крестьянскому званію Сабакино, на рѣкѣ Клязьмѣ, а въ той вотчинѣ церковь Великого Чудотворца Николая и священникъ той церкви съ причетники изстари при нихъ вотчинникахъ жили и нынѣ живутъ на денежной и хлѣбной ругѣ, а нынѣ по указу вел. господина св. патріарха Іоакима спрашиваютъ въ его святительской Казенный Приказъ къ той церкви Николаю чудотворцу, вмѣсто руги, церковной земли и просилъ, чтобъ изъ вотчинной его земли въ селѣ Никольскомъ церковникамъ написать 10 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, да сѣнныхъ покосовъ на 20 копенъ и о томъ въ Патріаршій Приказъ послать память». По этому прошенію въ Помѣстномъ Приказѣ того же года состоялся приговоръ: «по заручной челобитной и по допросу князя Черкаскаго справить къ оной церкви земли и послать въ Казенный Приказъ память». (Помѣстн. Прик. столб. 33127 № дѣла 2). По полученіи объ этомъ увѣдомленія въ Патр. Казенномъ Приказѣ послѣдовало распоряженіе: «Въ нынѣшнемъ во 195 (1687) г. февраля 15 день, по указу св. патріарха и по помѣтѣ на выпискѣ казначея старца Паисія Сійскаго вѣлено: Московскаго уѣзда, Селецкой десятины, съ церкви Николая чудотворца, что въ вотчинѣ боярина князя Михаила Яковлевича Черкаскаго въ селѣ Сабакинѣ Никольское тожъ, на рѣкѣ Клязьмѣ, дани положить вмѣсто того, что была положена по книгамъ десятильника Матвѣя Облесова,

да Радонежской десятины старосты поповскаго Благовѣщенскаго попа Григорія 156 г., по сказкѣ той церкви пона Марка Иванова, съ ево попова, съ дьячкова, съ прикащикава и 9 дворовъ конюховыхъ, да церковные земли, по памяти изъ Помѣстнаго Приказа, за приписью дьяка Анисима Невѣжина 195 года октября 14 дня, съ пашни съ 10 четьи въ полѣ, а въ дву потомужъ, да съ сѣнныхъ покосовъ съ 20 копенъ, по указной статьѣ, 13 алтынъ 5 денегъ, заѣзда гривна». Николаевская церковь въ приходныхъ книгахъ Казеннаго Приказа писалась по 1740 г. «въ вотчинѣ боярина князя Михаила Яковлевича Черкаскаго въ селѣ Никольскомъ, Сабакіно тожъ», съ обозначеніемъ дани съ 1712 г. 17 алтынъ съ деньгою. (Патр. Прик. кн. 124, л. 135, кн. 252 л. 485).

При церкви въ 1704 г. состояли: священникъ Иванъ Сафоновъ и дьячекъ Митрофанъ Ларионовъ. Въ 1720 г. причта не было.

Въ 1704 г. въ селѣ Никольскомъ находилось 3 двора конюховыхъ и дворъ скотной. (Череписн. кн. 9815, л. 604 об.).

По смерти кн. Михаила Як. Черкаскаго село Никольское съ деревнями Хлѣбниковою и Капустиною въ 1713 г. досталось его сыну кн. Алексѣю Мих. Черкаскому и въ 1757 г. оно находилось во владѣніи у графа Петра Борисовича Шереметова. (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ ст. л. кн. 34 № дѣла 5, кн. 45 № дѣла 7; мол. л. кн. 78 № 25).

5. Цъ Успенія Пресвятыя Богородицы въ селѣ Архангельскомъ-Тюриковѣ.

Село Тюриково съ находившеюся въ немъ изстари церковью во имя Архангела Михаила въ XVI ст. принадлежало Петру и Никитѣ Годуновымъ, Мисюрѣ Перхушкову, Ивану Богдану и Ждану Сабуровымъ, Юрію Тутолмину и Игнатію Михневу. Въ началѣ XVII стол. церковь Михаила Архангела была уничтожена и село Тюриково съ перковнымъ мѣстомъ, по писцовымъ книгамъ 7131 и 7132 (1623 — 1624) г., находилось въ помѣстьи «за княземъ Андреемъ Даниловымъ Сицкимъ, по государевѣ грамотѣ 7098 (1590) г., за женою боярина князя Семена Куракина вдовою княгинею Еленою съ стольникомъ княземъ Григорьемъ Куракинчымъ, за князьями Иваномъ Даниловымъ и Васильемъ Володиміровымъ Мосальскими, за княземъ Андреемъ Федоровымъ Литвиновымъ, за Дмитріемъ Федоровымъ Скуратовымъ, за Иваномъ Михневымъ и Алексѣемъ Нивитинымъ Годуновымъ; въ селѣ 5 дв. помѣщиковыхъ, въ которыхъ жили дворовые и дѣловые люди;

къ селу Тюрикову принадлежала пустошь Подберезникъ, на суходоли, находившаяся во владѣніи у князей Мосальскихъ. Къ церкви Михаила Архангела значится церковная пустошь Ильшина, а въ ней пашни церковныя земли 10 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна межъ полъ 12 копенъ (Шисцов. кн. 685 л. 680—686).

Церковная земля Михаила Архангела отдавалась въ оброкъ и по приходнымъ книгамъ Патр. Каз. Приказа оброчныхъ земель съ 7142 (1634) г. писалось «на князь Григорь Семеновичъ Куракинъ оброку 8 алтынъ. (Дворцов. Прик. кн. 6, л. 89).

Въ 7173 (1665) г. часть села Тюрикова находилась во владѣніи у боярина Ивана Петровича Пронскаго. Въ 7174 (1666) г. по распоряженію Патріаршаго Казеннаго Приказа церковная земля Архистратига Михаила отдана на оброкъ ему князю Пронскому «изъ стараго оброка, для церковнаго строенія, а доимочныя денги за прошлые годы велѣно взять на прежнемъ обротчикѣ. И февраля въ 8 день на нынѣшней 174 (1666) г. платилъ князя Пронскаго человѣкъ его Иванъ». (Патр. Прик. кн. 55 л. 1123).

Князь Ив. Петр. Пронской на пустоши Подберезникъ поставилъ для себя дворъ, въ которомъ жили: прикащикъ, 3 челов. конюховъ и 8 челов. дѣловыхъ людей. Здѣсь же была построена княземъ Пронскимъ деревянная церковь во имя Успенія Пресвятыя Богородицы съ придѣлами Михаила Архангела и Алексія человѣка Божія, и селеніе это стало называться Архангельскимъ, Тюриково тожъ. Церковная же земля въ оброкъ не отдавалась и изъ окладныхъ книгъ велѣно выключить. (Отказн. кн. 21 л. 396. Переписн. кн. 9813 и Патріар. Прик. кн. 76 л. 192).

Новопостроенная Успенская церковь была обложена данью. въ 1673 г. Въ приходной книгѣ Патр. Приказа записано: «Въ нынѣшнемъ во 181 (1673) г. апрѣля 11 дня по выпискѣ за помѣтою дьяка Сѣменникова, а по челобитью боярина князя Ивана Петровича Пронскаго въ Московскомъ уѣздѣ, въ Селецкой десятинѣ, въ вотчинѣ ево въ селѣ Тюриковѣ, на пустовой церковной оброчной Архангельской землѣ, по благословенной грамотѣ, велѣно построить церковь во имя Успенія Пресвятыя Богородицы и ту новопостроенную церковь, по сказкѣ боярина князя Ив. Петр. Пронскаго человѣка ево Якова Денисова, велѣно обложить данью, и на тою церковь положено дани съ церковной Архангельской земли по оброчной книгѣ оброку 8 алтынъ, да сверхъ оброчныхъ денегъ съ приходскихъ дворовъ: съ попова двора 4 денги, съ одного двора боярскаго 6 денегъ, съ 3 дворовъ крестьянскихъ по 3 денги съ двора, и всего положено дани и за-

зда съ старымъ оброкомъ 14 алтынъ 3 денги и велѣно тѣ денги на нынѣшній на 181 годъ принять и впредь писать». Успенская церковь въ приходныхъ книгахъ Патріаршаго Казеннаго Приказа писалась съ 1674 по 1740 годъ подъ Селецкой десятиной, дани платилось 11 алтынъ съ деньгою, а съ 1712 года 24 алт. 4 ден. (Патр. Прик. кн. 77 л. 87 кн. 82 и 100).

Въ дозорныхъ книгахъ 7188 (1680) года написано: «по дозору и по сказкѣ попа Успенской церкви Максима, нынѣ то село Тюриково Архангельское тожъ въ вотчинѣ боярина князя Ивана Петровича Пронскаго, въ Селецкой десятинѣ, а въ томъ селѣ построена вновь церковь на новомъ мѣстѣ во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, да въ предѣлѣ Архангела Михаила, а та церковь построена отъ села Тюрикова и отъ стараго кладбища съ полверсты, а по окладнымъ книгамъ съ тоѣ церкви дани 11 алтынъ съ деньгою, заѣзда гривна; а церковною пустошью Ильшиною владѣетъ бояринъ Иванъ Петровичъ, а межъ и границей тоѣ пустоши онъ, попъ Максимъ, не указалъ, а даетъ де ему попу съ причетники хлѣбную и денежную ругу». (Патр. Прик. дозорн. кн. 141).

Послѣ князя Ив. Петр. Пронскаго селомъ Архангельскимъ, Тюриково тожъ, съ деревнями владѣла его жена вдова княгиня Ксенія Васильевна, а отъ нея перешло въ 203 (1695) г. къ ея внуку Алексѣю Семеновичу Шейну; въ 1704—1710 г. принадлежало его сыну Сергѣю Ал. Шейну и въ 1723 г. это село находилось въ числѣ дворянскихъ вотчинъ. (Отказн. кн. 21 л. 396; переписн. кн. 9815).

Въ Синодальномъ Казенномъ Приказѣ производилось дѣло о построении вновь церкви въ селѣ Архангельскомъ-Тюриковѣ. Дѣло началось по доношенію изъ домовой канцеляріи Ея Величества Екатерины Алексѣевны, присланному и поданному 1723 г. февраля 8 дня преосв. архіепископу Леониду Сарскому и Подонскому. Въ доношеніи писано: «Сего 1723 году генваря 24 числа въ Москвѣ, въ домовой Ея Величества канцеляріи подмосковной Ея Величества вотчины села Архангельскаго Тюриково тожъ церкви Успенія Пресвятыя Богородицы попъ Иванъ Петровъ подалъ доношеніе, въ которомъ написано: въ вышеписанномъ селѣ Архангельскомъ святая церковь издревле и велми ветха, полъ и подволока все обвалилось и снѣгу много наноситъ и святыя иконы заноситъ же, а въ лѣтнее время отъ дождя мокрота великая, отъ чего святымъ образамъ есть поврежденіе; а при оной церкви два предѣла, а именно: Архистратига Михаила, Алексѣя челоуѣка Божія, въ которыхъ предѣлахъ служить невозможно того ради, что полъ и подволоки въ церквахъ и въ олта-

рых обвалилось и въ деисусахъ изъ тѣловъ святыхъ иконы выпадали, и ваше архипасторство да благословить о строеніи вышеписанной церкви вновь указъ учинить».

Вслѣдствіе сего доношенія въ Синод. Казенномъ Приказѣ на справку выписано: «въ приходныхъ окладныхъ книгахъ жилыхъ даныхъ церквей нынѣшняго 1723 года Московскаго уѣзда, Селецкой десятины написано: церковь Успенія Пресвятыя Богородицы въ вотчинѣ боярыни вдовы Ксеніи Васильевны Пронской, въ селѣ Тюриковѣ, Архангельское тожъ, дани и заѣзда и десятильничя доходу 24 алт. 3 ден.; казенныхъ пошлинъ 5 алт. 4 ден. и тѣ деньги на 722 и на сей 723 г. не плачены. А въ писцовыхъ книгахъ Московскаго уѣзду писца Лаврентья Кологриваго 131 и 132 годовъ у вышеписанной Успенской церкви написано: дворъ поповъ, въ приходѣ 4 двора, пашни 10 четви въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 15 копенъ. А въ переписной книгѣ 1703 года у той же церкви написано: попъ Петръ Григорьевъ; въ приходѣ 4 двора, пашни по 10 четви въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣнныхъ покосовъ 15 копенъ.» Резолюція: «1723 года іюля 12 дня, дать указъ о строеніи».

Того же года іюля 15 числа, изъ Синод. Казеннаго Приказа, по благословенію преосвященнаго Леонида архіепископа Сарскаго и Подонскаго, выданъ указъ о строеніи вновь церкви.

1726 года генваря 17 дня, въ Синод. Казенномъ Приказѣ «билъ челомъ Великому Государю церкви Успенія Пресвятыя Богородицы пощъ Иванъ Петровъ: «въ вышеписанномъ селѣ Архангельскомъ церковь Божія состроена и святыми иконами, какъ по правиламъ святыхъ отецъ и уставомъ церковнымъ содержится, убрана и ко освященію готова и чтобъ повелѣно было оную новопостроенную Божию церковь кому надлежитъ освятить».

На прошеніи написано: «1726 года генваря въ 24 день, дать указъ о освященіи».

Того же года генваря 25 числа, по благословенію преосвященнаго Леонида архіепископа Сарскаго и Подонскаго изъ Синод. Казеннаго Приказа выданъ указъ Большаго Успенскаго Собора протопопу Симеону Лукину, велѣно ему освятить новопостроенную церковь во имя Успенія Пресвятыя Богородицы по новоисправному требнику... а что учинено будетъ о томъ подать въ Казенный Приказъ доношеніе. (Патр. Прик. №№ дѣлъ 911, 1007 и кн. 266, л. 206).

При Успенской церкви были священники: Максимъ Григорьевъ 1678 — 1695 г., Петръ Григорьевъ 1704 — 1710 г.; дьячки: Яковъ Игнатьевъ 1678 г., Василій Яковлевъ 1695 г., Василій Тихановъ

1704 — 1710 г.; пономари: Иванъ Игнатьевъ 1695 г. и Иванъ Константиновъ 1704—1710 г.

6. Ц. Сергія чудотворца въ селѣ Бусиновѣ, Кокорево тожъ *).

Село Кокорево, Бусиново тожъ, на рѣчкѣ Лихоборкѣ, съ деревянною въ немъ церковью Сергія чудотворца, построенною клѣтцки, въ 7093 (1685) г. было вотчиною Новодѣвичьяго монастыря. Въ началѣ XVII ст., по случаю уничтоженія церкви, Кокорево въ 7131 (1623) г. было деревнею, въ ней состоялъ одинъ дворъ съ однимъ въ немъ крестьяниномъ. (Писц. кн. 257 л. 296 и 685 л. 720).

Церковная земля въ деревнѣ Кокоревѣ отдавалась въ оброкъ и въ приходныхъ книгахъ. Каз. Приказа за 7145—7150 (1637—1642) гг. писалась такъ: «съ церковной земли Георгія мученика (sic), что въ вотчинѣ Новодѣвичья монастыря села Кокорева, Бусиново тожъ, на Юрьѣ Ивановѣ съ товарищи оброку 6 алтынъ». (Дворц. прик. кн. 6).

Въ 7151 (1643) г. въ Кокоревѣ построена на старомъ церковномъ мѣстѣ новая деревянная церковь во имя Сергія чудотворца и оно снова стало селомъ. Въ приходной окладной книгѣ Патріаршаго Казеннаго приказа «жилыхъ данныхъ церквей» за 7151 (1643) г. подъ Селецкой десятиною написано: «По книгамъ старосты поповскаго села Крылацкаго Рождественскаго попа Мины, прибыла вновь изъ пустовыхъ церковныхъ земель церковь Сергія Радонежскаго чудотворца въ вотчинѣ Новодѣвичья монастыря въ селѣ Кокоревѣ, а Бусиново тожъ, дани 6 алтынъ 4 денги, по наказу гривна; и іюня въ 18 день тѣ денги платилъ староста поповской Рождественской пошъ Мина.» (Патр. прик. кн. 16 л. 232, кн. 19 л. 628).

Въ селѣ Кокоревѣ подъ 7154 (1646) г. значится: «церковь Сергія чудотворца древяная, у церкви во дворѣ пошъ Сергѣй, да въ селѣ жъ 14 дв. ярестьянскихъ, въ нихъ 33 челов.»; а въ 7186 (1678) г.— 4 дв. крестьянскихъ въ нихъ 19 челов. и 6 дв. бобыльскихъ, въ нихъ 33 челов. (Переписн. кн. 9809 л. 120, кн. 9812 л. 160).

Въ дозорныхъ книгахъ Патріаршаго Казеннаго приказа 7188 (1680) г. письма и дозора Романа Ивановича Владыкина, написано: «Церковь Сергія Радонежскаго чудотворца въ Селецкой десятинѣ, въ вотчинѣ Новаго дѣвича монастыря, на Москвѣ, въ селѣ Кокоревѣ, Бу-

---

*) Нынѣ Бусиново село Московск. у.

сво тожъ, дани 6 алт. 4 ден. заѣзда гривна. Въ писцовыхъ книгахъ Лаврентья Кологривова 131 и 132 г. къ той церкви церковной земли не написано, а по досмотру и по сказкѣ той церкви попа Ивана, та церковь построена изстари, а къ той церкви церковной земли по три четьи въ полѣ, а въ дву потомужь, сѣна въ дву поляхъ копень по 10 въ полѣ, да ему жь попу Ивану съ причетники дають изъ монастыря ругу по два рубли на годъ.» (Патр. прик. дозор. кн. 141 л. 527 и 669).

Игуменья Новодѣвичьяго монастыря Памфиля съ сестрами входила въ помѣстный приказъ 1701 г. марта 14 числа съ прошеніемъ, въ которомъ объясняла: «въ ихъ вотчинѣ Московскаго уѣзда, Манатьина Быкова и Коровина стана, въ селѣ Кокоринѣ (sic) построена вновь церковь во имя Сергія Радонежскаго чудотворца и къ той церкви они поступились земли 10 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужь, и чтобъ указомъ повелѣно было къ той церкви землю справить и отказать и о томъ въ Патриаршіи Приказъ послать память.» (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ ст. л. кн. 2 № дѣла 11).

Въ 1704 г., въ селѣ Бусиновѣ, Кокорево тожъ числилась 17 дв. крестьянскихъ. Церковь была деревянная, церковной дани платилось въ 1712—1740 г. 20 алт.; при ней находились: священникъ Дмитрій Андреевъ 1704—1720 г., и дьячки: Акимъ Ивановъ 1704 г. и Константинъ Фроловъ 1710—1720 г. (Переписн. кн. 9815 л. 803 и кн. 1720 г. л. 227).

7. Ц. Николая чудотворца въ селѣ Литвиновѣ *).

Село Литвиново, оно же и Хорюхино, на рѣчкѣ Черной, въ 1585 г. принадлежало Новоспасскому монастырю, что въ Москвѣ, на Крутицахъ. Въ селѣ существовала церковь во имя Св. Николая чудотворца деревянная, построенная «кѣтъцки», которая по 1628 г. стояла «пуста безъ пѣнія». По писцовымъ книгамъ 7131 (1623) г. показано: въ селѣ Литвиновѣ пашни церковные зѣмли 7 четьи, лѣсомъ поросло 2 четьи въ полѣ, а въ дву потомужь, сѣна 10 копень; да въ селѣ дворъ монастырской, въ которомъ жили монастырскіе дѣтеныши, 4 дв. крестьянскихъ и 6 дв. бобыльскихъ, въ нихъ 10 челов.

Въ приходной окладной книгѣ Патр. Каз. Приказа подъ Селецкой, Радонежской и Загородной десятинами написано: «Новоприбылая во 136 (1628) г. по дозору старость поповскихъ церковь Николы чудо-

---

*) Нынѣ Литвиново село Москов. у.

творца Спаса Новаго монастыря въ вотчинѣ въ селѣ Литвиновѣ, дани 6 денегъ, по наказу гривна; и апрѣля въ 8 день на нынѣшней 136 годъ тѣ деньги взято.» (Патр. Прик. кн. 2, л. 184). Тамъ же за послѣдующіе 1635 — 1681 гг. подъ Загородскою десятиною читаемъ «церковь Николы чудотворца въ вотчинѣ Спаса Новаго монастыря на погостѣ на Пни, усть рѣчки у Вздериношки, дани 17 алтынъ съ денгою, десятильничихъ и заѣзда гривна.» (Патр. Прик. кн. 103 л. 135. кн. 196 л. 95). Въ 7141 (1633) г. въ приходѣ Николаевской церкви было 17 дворовъ. Подъ 7162 (1654) г. отмѣчено: «по государеву патріархову указу и по подписной челобитной съ тое Николаевской церкви данныхъ денегъ на нынѣшней 162 и впредь до 168 года имать не велѣно.» (Патр. Прик. кн. 35 л. 24 и вязка 464 № дѣла 2033).

По переписнымъ книгамъ 7154 (1646) г.: «церковь въ селѣ Литвиновѣ деревянная во имя Николая чудотворца, у церкви во дв. попъ Петръ, да въ селѣ 36 дв. крестьянъ въ нихъ 63 челов.» Въ 7186 (1678) г. «у церкви во дворѣ попъ Евстафій Дѣвѣ, съ нимъ живеть дьячекъ Микишка Дѣвѣ, да въ селѣ дворъ монастырской, дв. прикащика, дв. конюховъ, въ нихъ 9 челов., 8 дв. монастырскихъ дѣтнышей, людей въ нихъ 10 челов., 13 дв. крестьянскихъ, въ нихъ 70 челов. и 9 дв. бобыльскихъ въ нихъ 27 челов.» (Переписн. кн. 9809 л. 119 об. и кн. 9812 л. 152—158).

Въ дозорныхъ книгахъ Патріаршаго Приказа 7188 (1680) г. написано: «по досмотру и по сказкѣ церкви Николая чудотворца попа Евстафія съ причетники: та церковь построена изстари, а къ той церкви церковной земли 3 десятины въ полѣ, а въ дву потомужъ, да лѣсу десятинь съ 7, сѣна по рѣчкѣ Хвостовкѣ и по рѣчкѣ Розношкѣ копенъ съ 50, да на отхожемъ лугу на суходолѣ копенъ съ 50 и та земля и сѣнные покосы и лѣсъ отъ монастырской и отъ вотчинниковыхъ земель отмежевана, а межеваль тое землю Сергѣй Оксаковъ.» (Патр. Прик. дозорн. кн. 141 л. 449 и 686).

Въ 7194 (1686) Николаевская церковь изъ Загородской десятины перечислена въ Селецкую и писалась въ приходныхъ окладныхъ книгахъ Патріаршаго Казеннаго Приказа по 1740 г. (Патр. Прик. кн. 116 л. 142—149).

Въ 1703 году въ приходѣ оной церкви находилось 55 дворовъ, церковной земли по 8 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна по 10 копенъ. (Патр. Прик. вязка 464 № дѣла 2033).

Въ переписныхъ книгахъ 1704 г. значится: «погостъ Николы на Пни, на рѣчкахъ Розногѣ и Хвостовкѣ, а на погостѣ церковь Нико-

лая чудотворца, у церкви во дв. попъ Евстафій Дзевъ, у него сынъ пономарь Степанъ, во дв. дьяконъ Иванъ Никифоровъ у него братъ дьячекъ Андрей Никифоровъ; да на церковной землѣ дв. бобыля, въ немъ 5 челов.» А Литвиново называлось сельцомъ, въ которомъ находились: дворъ монастырской, дв. прикащика, дв. скотной и 32 дв. крестьянскихъ. (Переписн. кн. 9815 л. 622, 788—789).

Въ 1710 и 1720 гг. при Николаевской церкви состояли: священникъ Иванъ Никифоровъ, дьячекъ Андрей Никифоровъ и пономарь Семень Степановъ, (Переписн. кн. 1710 г. л. 165 и кн. 1720 г. л. 235); въ 1734 г. священникъ Кузма Ивановъ, дьяконъ Семень Стефановъ, пономарь Ефремъ Степановъ (Патр. Прик. кн. 371 л. 87 кн. 377 л. 41).

8. Ц. Рождества Христова въ селѣ Черкизовѣ *).

Село Черкизово въ 7093 (1585) г. находилось въ Московскомъ уѣздѣ, Горетова стана, въ числѣ вотчинъ царевича Ивана Ивановича и царицы Леониды. Въ селѣ изстари существовала церковь во имя Рождества Христова деревянная «на каменное дѣло». (Писцов. кв. 257 л. 258). Потомъ это село было причислено къ дворцовому вѣдомству.

Во приходныхъ книгахъ Патр. Каз. Приказа подъ Загородскою десятиною за 7136 (1628) г. написано: «Церковь Рожества Христова въ государевѣ дворцовомъ селѣ Черкизовѣ, у пруда, дани 3 алт. 3 дѣн., по наказу гривна, и апрѣля въ 8 день на нынѣшней 136 годъ тѣ денги взято». За послѣдующіе 1635—1680 г. платилось церковной дани рубль 7 алт. съ деньгою, заѣзда гривна. (Патр. Прик. кн. 2 л. 178, кн. 14 л. 240, кн. 196 л. 95).

Въ писцовыхъ книгахъ 7139 и 7140 (1631—1632) г. написано: «Государево дворцовое село Черкизово, по обѣ стороны пруда, а въ селѣ церковь Рождество Христова древяна клѣтки, на церковной землѣ 4 дв.: поповъ, дьячковъ, просвирицынъ и пономаревъ; пашни церковные середніе земли 7 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна церковнаго отъ пруда, что въ селѣ, внизъ по обѣ стороны ручья, по Бурцовской мостъ, что на большой дорогѣ, 50 копенъ; да пустошь церковная Федоровская, а въ ней пашни перелогомъ и лѣсомъ поросло 2 четверти въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 30 копенъ; а владѣть тою церковною пустошью попъ съ причетники; да въ селѣ жъ крестьян-

---

*) Нынѣ Черкизово село Московск. уѣзда.

скихъ и бобыльскихъ 23 двъ. Въ 7154 (1646) г. въ селѣ числилось крестьянскихъ и бобыльскихъ 31 дв., въ нихъ 67 челов.; при Рождественской церкви находились: «во дв. попъ Ларіонъ Ѳедоровъ (1646—1649 г.), во дв. пономарь Никифорко Игнатъевъ, во дв. просвирница Овдотьица». Въ 7157 (1649) г. этимъ селомъ владѣлъ Богданъ Ѳедоровичъ Нарбековъ; послѣ его смерти оно снова было причислено къ дворцовому вѣдомству. (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ мол. л. кн. 7 № дѣла 37; Переписн. кн. 9809 л. 51—52, отказн. кн. 5 л. 177).

Въ писцовыхъ книгахъ 7189—7190 (1681—1682) г. Рождественская церковь описана въ слѣдующемъ порядкѣ: «Село Черкизово, по обѣ стороны пруда, а къ нему припущено въ пашню пустошь Горина, а въ селѣ церковь во имя Рожества Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа древяна клѣтчки, около церкви съ трехъ сторонъ паперть, на паперти двѣ лѣстницы входныхъ, церковь и паперть и надъ лѣстницею крыто тесомъ; въ церковь двои двери, въ церкви царскія двери, сѣнь и столбцы, по правую сторону царскихъ дверей: образъ Рожества Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа въ кіотѣ, окладъ серебряной басемной золоченъ, 13 вѣнцовъ серебряныхъ рѣзныхъ золоченыхъ, передъ образомъ свѣча поставная восковая, надсвѣчникъ жестяной, образъ Нерукотвореннаго образа Спасова; по лѣвую сторону царскихъ дверей: образъ Пресв. Богородицы Казанскія, образъ Чудотворца Николая съ житіемъ, вставной въ кіотѣ, окладъ серебряной рѣзной, въ образѣ окладъ серебряной басемной золоченъ, вѣнецъ и цата серебряные жъ, разные каменья, 12 вѣнцовъ не большихъ, передъ образомъ свѣча поставная, писана разными красками, надсвѣчникъ жестяной, пелены выбойка крашенинная; образъ Огненное восхожденіе св. пророка Іліи; надъ царскими дверьми деисусовъ и празниковъ 21 икона, передъ деисусами наикадило мѣдное о 18 шейданѣхъ, кисть шелковая съ серебромъ.—Въ трапезѣ: образъ Рожества Христова, 4 вѣнца серебряныхъ басемныхъ золоченыхъ; образъ св. Женъ Мироносицъ; два наоя деревянныхъ, третій—крашенинной; два подсвѣшника деревянныхъ.—Въ олтареѣ: на престолѣ евангеліе обложено бархатомъ чернымъ, распятіе и евангелисты мѣдные, крестъ благословенной, обложенъ серебромъ золоченымъ, распятіе чеканное серебряное бѣлое; за престоломъ образъ Пресв. Богородицы Смоленскія, окладъ и вѣнецъ и цата серебряные золочены, да прикладу денегъ рубль, на иконѣ убрусъ отласъ червчатой, кружево мишурное, пелена кумачная, на той же цѣбѣ на другой сторонѣ образъ Чудотворца Николая; на жертвенникѣ сосуды оловянные, воздухи и покровы дорогильные.—Да книгъ: евангеліе писмен-

ное, распятіе и евангелисты мѣдные, служебникъ, требникъ, двѣ тріоди—посная да цвѣтная, апостолъ, шестодневъ, псалтырь со слѣдованіемъ, псалтырь учебная въ поддестъ, часословъ малой, минея общая, прологъ первая половина — сентябрь по мартъ.—Кадило да укронникъ мѣдные. Колокольня рублена въ лапу о 8 углахъ, верхъ шатровой, крыта тесомъ; на колокольнѣ 4 колокола, а въ нихъ по смѣтѣ пудъ съ 10. Церковь и въ церкви ризы строеніе великаго государя, а достальное—книги и колокола и всякая церковная утварь — подаеніе мірскихъ людей.—Да на церковной землѣ во дв. попъ Ѳеодоръ Лукинъ (онъ же былъ въ 1680 г.), во дв. дьячекъ Васка Лукинъ, во дв. пономарь Сенка Лукинъ, во дв. просвирница Окулиница Петрова; подъ дворами и огородами церковные усадебные земли десятина безъ чети, пашни паханые середніе земли 7 четвертей въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна церковнаго отъ пруда, что въ селѣ, внизъ по обѣ стороны ручья, по Бурцовой мостъ, что на большой дорогѣ, 50 копенъ; да пустошь церковная Ѳеодоровская, а въ ней пашни и передогомъ и лѣсныя поросли середніе земли 19 четвертей въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна 30 копенъ, владѣеть тою церковною пустошью села Черкизова попъ съ причетники. Въ селѣ государевъ прудъ, а въ прудѣ рыба караси, а по мѣрѣ того пруда въ длину 140 сажень, поперегъ по плотинѣ 60 сажень, а рыбу ловятъ на государевъ обиходъ, пріѣзжая изъ Москвы подклучники. Въ селѣ же крестьянъ (35 дворовъ).

Въ 7197 (1689) г. по указу великаго государя село Черкизово пожаловано изъ Приказа Большаго Дворца боярину Льву Кирилловичу Нарышкину; въ 1704 г. въ этомъ селѣ числилось 57 дв. крестьянскихъ. По смерти Льва Кир. Нарышкина оно досталось его сыну Ивану, по раздѣлу 1732 г. съ роднымъ братомъ Александромъ Львов.; а послѣ Ив. Льв. владѣла его дочь Екатерина, бывшая потомъ замужемъ за графомъ Кирилломъ Григорьевичемъ Разумовскимъ. (Вотч. Кош. по гор. Москвѣ ст. л. кн. 78 № дѣла 37, кн. 62 № дѣла 15; переписн. кн. 8815 л. 647).

Въ Синодальномъ Казенномъ Приказѣ производилось дѣло о построеніи въ селѣ Черкизовѣ, вмѣсто ветхой, вновь деревянной церкви во имя Рождества Христова. Дѣло началось по прошенію дѣвицы Екатерины Ивановны Нарышкиной. Въ своемъ прошеніи, поданномъ въ Казенный Приказъ 1738 г. октября 9 дня она Екат. Нарышкина писала: «Въ Московскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ моей, въ селѣ Черкизовѣ имѣется церковь деревянная во имя Рождества Христова въ самой ветхости, кровля и папѣрть и крыльцы и полъ сгнили и за тѣмъ

служить въ ней и приходскимъ людямъ приходитъ опасно и того ради желаю вмѣсто той ветхой построить вновь церковь во имя того жъ храма Рождества Христова и на томъ же церковномъ мѣстѣ, а безъ указу и безъ благословенія святѣйшаго Правительствующаго Синода того учинить не смѣю и чтобъ указомъ повелѣно было о строеніи вышеписанной церкви дать указъ».

Вслѣдствіе сего прошенія въ Синод. Каз. Приказѣ на справку выписано: «Въ окладной сего 1738 г. книгѣ по Селецкой десяти-нѣ написано: церковь Рождества Христова въ селѣ Черкизовѣ, дани рубль 61½ коп., казенныхъ пошлинъ 17 коп.; а въ писцовыхъ книгахъ Ивана Нелединскаго 141 (1653) г. у означенной церкви написано: во дворѣ попъ Федоръ Константиновъ, во дворѣ дьячекъ Иванъ Гавриловъ, во дворѣ пономарь Никифоръ Игнатьевъ, въ приходѣ 52 двора, пашни церковныя лѣсомъ поросло 5 четвертей въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна подъ селомъ на лугу и на пустоши Федоровской и по пашни и по лугамъ 40 копенъ; а въ переписной 1703 г. книгѣ у той же церкви написано: попъ Иванъ Филипповъ, попъ Дмитрій Ивановъ, дьяконъ Василій Ивановъ и пономарь Иванъ Ивановъ, пашни церковныя земли по 7 четвертей въ полѣ, а въ дву потому жъ, перелогомъ и лѣсомъ поросло 12 четвертей съ осминою, сѣнныхъ покосовъ 10 копенъ». По этому дѣлу послѣдовала резолюція преосвящ. Веніамина епископа Коломенскаго и Каширскаго: «дать храмозданную грамоту, 1738 году октябрь 25 дня». Того же числа изъ Синод. Каз. Приказа выданъ указъ Екат. Нарышкиной о строеніи деревянной церкви во имя Рождества Христова. (Патр. Прик. св. 482 № дѣла 5580). При церкви находились священники: Лука 1666 г., Иванъ Филипповъ 1704—1720 г. и Василій Ивановъ 1720 г., бывший при оной же церкви дьякономъ въ 1704 г.; дьячекъ Степанъ Ивановъ 1720 г. и пономарь Иванъ Ивановъ 1704—1720 г. Церковной дани платилось съ 1712 по 1740 г. рубль 20 алт. 3 деньги.

Въ 1784 г. село Черкизово принадлежало графу Льву Кирилловичу Нарышкину. (Вотч. Колл. мол. л. кн. 5 № дѣла 19 л. 5).

9. Ц. Благовѣщенія Пресв. Богородицы въ селѣ Бибиревѣ *).

Село Бибирево, на рѣчкѣ Олешенкѣ, въ 7093 (1585) г. «вотчина Вознесенскаго монастыря, что въ Москвѣ, у Фроловскихъ воротъ, а въ селѣ церковь во имя Благовѣщенія Пресв. Богородицы дре-

*) Нынѣ Бибирево село Московск. у.

зная каѣтцки, у церкви дворъ поновъ, дворъ пономаревъ, дворъ просвирицынъ, да въ селѣ дв. монастырской и 3 дв. служникъ» (Писцов. кн. 257 л. 311).

Въ началѣ XVII ст. село Бибирево съ церковью Благовѣщенія Богородицы уничтожено и въ 7131 (1623) г. оно было пустошью (Писцов. кн. 685 л. 722—723). Потомъ Бибирево снова населено крестьянами и здѣсь на старомъ церковномъ мѣстѣ была построена новая церковь во имя Благовѣщенія Пресв. Богородицы, отъ чего и стало называться по прежнему селомъ. Въ приходной книгѣ Патр. Каз. Приказа «жилыхъ данныхъ церквей» за 7138 (1630) написано: «Новоприбылая церковь Благовѣщенія Пресв. Богородицы, по росписи за рукою тое жъ церкви попа Кириллы, въ вотчинѣ Вознесенскаго монастыря, въ селѣ Бибиревѣ, у рѣчкѣ Олшянки (sic), дани 2 алтына, 5 денегъ, десятильничихъ алтынъ, и сентября въ 10 день на нынѣшней 138 годъ тѣ денги взято» (Патр. Прик. кн. 5 л. 376). За послѣдующіе 1635—1740 годы Благовѣщенская церковь въ приходныхъ книгѣхъ тогоже Каз. Приказа писалась подъ Селецкою десятиною съ обозначеніемъ «дани 9 алтынъ съ денгою, заѣзда гривна» (тамъ же кн. 19 л. 199, кн. 252 л. 482).

Во 154 (1646) г. при церкви находился священникъ Климентій; въ с. Бибиревѣ числилось 5 дв. крестьянскихъ, въ нихъ 12 челов. и въ монастырскомъ дворѣ 12 челов.; а во 186 (1678) г.—7 дв. крестьянскихъ, въ нихъ 44 челов. и въ монастырскомъ дворѣ 5 челов. (Переписн. кн. 9809, л. 123, кн. 9812, л. 162—165).

Въ доворныхъ книгѣхъ Патриаршаго Каз. Приказа 7188 (1680) г. показано: «Церковь Благовѣщенія Пресв. Богородицы построена изстари, а къ той церкви стѣнныхъ покосовъ копенъ съ 40 волоковыхъ, а пашни нѣтъ; у церкви полъ Василій Зотовъ, дають ему попу изъ монастыря хлѣбную и денежную ругу» (Патр. Прик. доворн. кн. 141 л. 528 и 689). Подъ 1697 г. «попу Ивану Петрову годовыя руги 4 руб., да на ладонъ и на церковное вино рубль, дьячку Офонкѣ Михайлову годовыя руги 2 р. изъ монастырской казны» (Монаст. Прик. кн. 9 л. 297 об.).

По переписнымъ книгѣмъ 1704 г. церковь Благовѣщенія Пресв. Богородицы деревянная, въ с. Бибиревѣ: дв. монастырской, дв. скотной и 18 дв. крестьянскихъ, при церкви состояли: священникъ Иванъ Петровъ 1704—1720 г. дьячки: Афанасій Михайловъ 1704 г. и Михаилъ Афанасьевъ 1720 г. Церковной дани платилось въ 1740 г. 22 алтына 3 деньги (Переписн. кн. 9815 л. 810—811 и кн. 1720 года, л. 228).

10. Ц. Рождества Пресвятыя Богородицы въ селѣ Льяловѣ *)

Село Льялово, на рѣкѣ Клязьмѣ, въ XVI ст. принадлежало князю Семену Стародубскому. Въ 7093 (1585) г. оно состояло въ вотчинѣ за княземъ Петромъ Ивановичемъ Буйносовымъ-Ростовскимъ, Васильемъ Петровичемъ Головинымъ и княземъ Иваномъ Никитичемъ Стародубскимъ (Писц. кн. 257 л. 460, 474 и 744). При селѣ Льяловѣ на другой сторонѣ рѣки Клязьмы въ одной верстѣ находился погостъ съ церковью во имя Богоявленія Господня и къ этому погосту принадлежала пустошь Могилицына, на рѣкѣ Клязьмѣ. По уничтоженіи на погостѣ Богоявленской церкви, была построена между 1616—1622 годами въ селѣ Льяловѣ новая церковь во имя Рождества Пресв. Богородицы и погостъ Богоявленской потомъ назывался пустошью (Помяст. Прик. по г. Москвѣ, столбъ 32943 № дѣла 9).

Въ писцовыхъ книгахъ 7131 и 7132 (1623—1624) гг. написано: «за бояриномъ княземъ Григорьемъ Петровичемъ Ромодановскимъ съ дѣтьми въ вотчинѣ по купчимъ 123, 124 и 129 гг., что онъ купилъ село Льялово, на рѣкѣ Клязьмѣ, Вознесенскаго дѣвича монастыря у старицы у Фетины у Фофановскія жены Головленкова, да у старицы Марьи Ивановой дочери Головина князь Ивановскія жены Елецкаго, да у Сергѣя Васильева Бороздина, а въ селѣ церковь Рожество Пресв. Богородицы, да предѣлъ Засима и Саватія Соловецкихъ чудотворцовъ стоитъ пустъ, безъ пѣнія, а въ ней образы, и свѣчи, и книги, и на колокольницѣ колокола и всякое церковное строеніе боярина князя Григорья Петровича Ромодановскаго, да въ томъ же селѣ дв. пустъ поповъ, во дв. дьячекъ Алешка Васильевъ, во дв. пономарь Емелька Федоровъ, во дв. просвирица Феклица, да въ томъ же селѣ дв. вотчинниковъ, дв. прикащиковъ, 5 дв. задворныхъ людскихъ, да крестьянъ 6 дв. и бобылей 11 дв., въ нихъ 19 человекъ» (Писцовая кн. 685 л. 739—740).

Въ приходной книгѣ Патр. Казеннаго Приказа за 7136 (1628) г. написано: «Церковь Рожество Пречистые Богородецы въ селѣ Льяловѣ, дани 2 алтына, по наказу гривна, и апрѣля въ 8 день на нынышней 136 годъ тѣ денги взято.» Подъ 7143—7147 (1635—1639) гг. значится: «въ вотчинѣ жены князя Григорья Петровича Ромодановскаго вдовы княгини Марьи Матвѣевны съ дѣтьми въ селѣ въ Льяловѣ, у рѣки Клязмы, дани 9 алтынъ, деситильничьихъ и заѣзда гривна» (Патр. Прик. кн. 2 л. 181, кн. 10 л. 163, кн. 196 л. 95).

---

*) Нынѣ Льялово село Московск. у.

По смерти князя Григорья Петровича Ромодановскаго † 1628 г. *) село Льялово находилось во владѣніи у его дѣтей князей Федора, Григорья и Ивана. Въ 7154 (1646) г. въ селѣ числилось 23 дв. крестьянскихъ, въ нихъ 54 челов. и 2 дв. бобыльскихъ, въ нихъ 2 челов. 7186 (1678) г. показано: въ селѣ Льяловѣ церковь во имя Рождества Богородицы съ придѣломъ, деревянная, у церкви во дв. попъ Михаилъ Яковлевъ, во дв. дьячекъ Першутна Анисифоровъ, да крестьянъ 11 дв., въ нихъ 39 челов. и 2 дв. бобыльскихъ, въ нихъ 7 челов. (Переписн. кн. 9809 л. 337—339; кн. 9813 л. 247).

Въ дозорныхъ книгахъ Патр. Приказа 7188 (1680) г. написано: «а по до смотру и по сказкѣ Рождественскаго попа Михаила съ причетники, та церковь построена изстари, а къ той церкви церковной земли пашни десятина въ полѣ, а въ дву потомужъ, да пустошь Березовицы отъ села Льялова съ версту, у рѣки Клязьмы, а въ ней сѣнныхъ покосовъ копейъ со 100 волоковыхъ» (Патр. Прик. дозорн. кн. 141 л. 685).

Въ 7193 (1685) г. во владѣніи князя Федора Григорьевича и его роднаго племянника князя Михаила Григорьевича Ромодановскихъ находилась пустошь, что былъ погостъ Богоявленскій и пустошь Могилицына, обѣ на рѣкѣ Клязьмѣ, которыя потомъ отъ нихъ были взяты и причислены къ церковнымъ землямъ, а въ 200 (1692) г. вслѣдствіе прошенія князя Бориса Ивановича Куракина отданы ему на оброкъ. Тогоже года владѣлецъ села Льялова князь Михаилъ Григорьевичъ Ромодановскій билъ челомъ великому государю въ Сыскномъ Приказѣ на князя Куракина, о неправильномъ владѣніи показанными пустошами, и въ 202 (1693) г. отъ послѣдняго выдана была князю Ромодановскому запись слѣдующаго содержания: «Князь Борисъ князь Ивановъ сынъ Куракинъ, въ нынѣшнемъ въ 202 (1693) году сентября въ 15 день, билъ челомъ великимъ государимъ бояринъ князь Михаилъ Григорьевичъ Ромодановскій въ Сыскномъ Приказѣ подмосковной ево вотчины сельца Дѣткова, да деревни Дурыкины на человѣка и на крестьянъ ево въ прїѣздѣ на ево боярина князь Михаила Григорьевича вотчиную землю села Льялова на Богоявленской погостъ въ взвозномъ сѣнѣ и во выгонныхъ лошадахъ, да въ бою и въ увѣчъѣ и въ убій-

---

») 7136 (1628) г. подьяку Ивану Соску 8 денегъ, а онъ тѣ денги далъ провозу отъ рязницы отъ собору на Тверскую улицу до церкви Преображенія Спаса и назадъ до собору, какъ отпѣвалъ государь патриархъ (Филаретъ Никитичъ) по князѣ Григорѣ Ромодановскомъ, генварѣ въ 23 числѣ» (Патр. Прик. кн. 1 л. 574).

ствѣ крестьянъ, и нынѣ онъ, князь Борисъ, поговоря съ нимъ бояриномъ княземъ Михаиломъ Григорьевичемъ полюбовно договорились вмѣсто убитаго крестьянина отдать ему князю Борису своего крестьянина, а что ему князю Борису изъ Патріарша Казеннаго Приказа отданы были на оброкъ погостъ Богоявленскій, да пустошь Могилицы, и ему князю Борису на оброкъ не имать и не битъ челомъ. •

Въ 202 (1694) г. онъ же князь Мих. Гр. Ромодановскій билъ челомъ въ Помѣстномъ Приказѣ: въ прошлыхъ де годѣхъ до писца Лаврентія Кологривова (1623 г.) и до старыхъ писцовъ изстари была построена церковь Богоявленія Господня въ подмосковной ево старинной вотчинѣ въ селѣ Ляловѣ на вотчинной землѣ, какъ владѣлъ дѣдъ ево бояринъ князь Григорій Петровичъ Ромодановскій тѣмъ селомъ Ляловымъ съ пустоши, по писцовымъ стариннымъ книгамъ и по дачѣ и по записи многіе годы, а въ прошлыхъ же годѣхъ по смерти дѣда ево боярина Григорья Петровича тѣмъ селомъ Ляловымъ съ пустоши владѣли дядя ево бояринъ князь Федоръ Григорьевичъ и отецъ ево бояринъ князь Григорій Григорьевичъ и въ томъ селѣ Ляловѣ погостъ Богоявленской да пустошь Могилицы были не справлены, за многими ихъ великихъ государей и за дальними посылками, и въ прошломъ во 194 (1686) году послѣ смерти отца ево боярина князя Григорья Григорьевича пустошь Могилицы справлена за дядею ево за бояриномъ княземъ Федоромъ Григорьевичемъ и за нимъ бояриномъ за княземъ Михаиломъ Григорьевичемъ, и нынѣ тою подмосковною вотчиною селомъ Ляловымъ съ пустоши владѣтъ онъ бояринъ князь Михаилъ Григорьевичъ, а что писецъ Лаврентій Кологривовъ на той ево вотчинной земли написалъ Богоявленской погостъ порозжею церковною землею, и то де написалъ не справясь съ старыми писцовыми книгами, и въ прошлыхъ же годехъ до писцовъ Лаврентія Кологривова (1623 г.) вмѣсто той церкви Богоявленія Господня, въ томъ же селѣ Ляловѣ на вотчинной ево землѣ построена церковь Рождества Пресв. Богородицы и къ той церкви земли ничего не дано, а въ прошломъ 201 г. въ Патріаршѣ Казенномъ Приказѣ билъ челомъ стольникъ князь Борисъ Куракинъ о томъ же Богоявленскомъ погостѣ да о пустоши Могилицахъ на оброкъ и по челобитью ево изъ Патріарша Казеннаго Приказа тотъ погостъ Богоявленской и пустошь Могилицы отданы были ему князю Борису Куракину, а тотъ де погостъ и пустошь Могилицы и въ оброкъ ни за кѣмъ не были, и стольникъ князь Борисъ Куракинъ послѣ оброченія далъ на себя запись ему боярину князю Михаилу Григорьевичу Ромодановскому, что тѣмъ погостомъ и пустошью Могилицами ему, женѣ его и дѣтямъ не вла-

дѣть и впредь на оброкъ не имать и не бить челомъ, и чтобъ великіе государи пожаловали бѣ ево велѣли по своему великихъ государей указу и по новоуказнымъ статьямъ, погоста Богоявленскаго вотчины ево села Льялова къ церкви Рождества Богородицы справить указныя четви, а что за указнымъ числомъ четви останется и тѣмъ остаточнымъ четвямъ и пустоши Могилицы по прежней дачѣ велѣтъ быть за нимъ бояриномъ княземъ Михаиломъ Григорьевичемъ Ромодановскимъ.»

Въ 202 (1694) г. билъ челомъ великимъ государемъ въ Помѣстномъ Приказѣ князь же Ромодановской: въ Московскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ моей въ селѣ Льяловѣ построена изстари церковь Рождества Пресв. Богородицы, а церковной земли къ той церкви ничего не написано и нынѣ на прокормленіе священнику и церковнымъ причетникомъ отдаю я холопъ вашъ помѣстной земли пустошь Могилицы и великіе государи пожаловали бѣ ево велѣли ту пустошь написать въ церковныя земли и о томъ въ Патріаршій Приказъ послать память. По этому дѣлу состоялся въ Помѣстномъ Приказѣ приговоръ: «202 г. іюня въ 5 день, по указу великихъ государей бояринъ Петръ Васильевичъ Шереметевъ съ товарищи, слушавъ сего дѣла, приговорили: тое пустошь по поступкѣ и по заручной челобитной и по допросу боярина князя Михаила Григорьевича Ромодановскаго написать въ церковныя земли къ церкви Рождества Богородицы и для вѣдома о томъ въ Патріаршій Приказъ послать память» (Помѣст. Прик. по Москвѣ столбъ 82948 № дѣла 9).

По полученіи объ этомъ увѣдомленія въ Патр. Каз. Приказѣ послѣдовало распоряженіе: «и въ нынѣшнемъ въ 202 (1694) году іюня въ 7 день, по имянному св. патріарха указу, каковъ подъ челобитьемъ боярина князь Михаила Григорьевича Ромодановскаго и подъ выпискою за приписью дьяка Андрея Денисовича Владыкина велѣно: пустовую церковную землю, которая въ Патріаршемъ Казенномъ Приказѣ въ выписи съ книгъ Московскаго уѣзда, письма и мѣры Лаврентья Кологривова, да подьячаго Дружины Секерина, 131 и 132 г., написано: въ Московскомъ уѣздѣ, въ Манатынѣ Быковѣ и Коровинѣ стану подъ Богоявленскимъ погостомъ пустошь Могилицы, на рѣкѣ на Клязьмѣ, а въ ней пашни 39 четви безъ полуосмины въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна по рѣкѣ Клязьмѣ 50 копенъ, которая въ прошломъ въ 201 г. за Богоявленскимъ погостомъ въ пустовой оброчной книгѣ писана на оброкѣ на стольникѣ на князь Борисѣ князь Ивановѣ сынѣ Куракинѣ, по памяти изъ Помѣстнаго Приказа, за приписью дьяка Кириллы Фролова, какова вынесена въ Казенный Приказъ въ нынѣшнемъ въ 202 году іюня въ 5 день, по челобитью и по поступкѣ

боярипа князя Михаила Григорьевича Ромодановскаго, приписать къ церкви Рождества Пресвятыя Богородицы, что въ вотчинѣ его боярской, въ томъ же стану, въ селѣ Льяловѣ, въ церковную землю вѣчно и не отъемлемо и имать съ нея данныхъ денегъ, по указной статьѣ, по рублю по 2 алтына по 4 денги на годъ къ старому данному окладу съ нынѣшняго 202 году; а въ пустовой оброчной книгѣ той пустоши Могилицы не писать и оброкъ съ нея изъ окладу выложить и подъ статьюю очистить и по тому св. патриарха указу съ тою церкви на нынѣшній 202 годъ доведется взять и впредь имать дани рубль 11 алтынъ 4 денги, заѣзда гривна».

Въ 1704 г. въ селѣ Льяловѣ числилось 26 дв. крестьянскихъ и 2 дв. бобыльскихъ. Въ 1720 г. этимъ селомъ владѣлъ князь Иванъ Ѳедоровичъ Ромодановской (Переписн. кн. 9815 л. 634 и Ландрат. кн. 1720 г. л. 266).

Въ Синодальномъ Казенномъ Приказѣ производилось дѣло о построеніи въ селѣ Льяловѣ вмѣсто ветхой вновь деревянной церкви во имя Рождества Пресв. Богородицы съ предѣломъ. Дѣло началось по прошенію жены дѣйств. тайнаго совѣтника князя Ивана Ѳедоровича Ромодановскаго вдовы княгини Настасьи Ѳедоровны. Въ своемъ прошеніи, поданномъ въ Казенный Приказъ 1731 г. апрѣля 13 дня, княгиня писала: «въ Московскомъ уѣздѣ, въ Селецкой десятинѣ, въ вотчинѣ моей въ селѣ Льяловѣ имѣется деревянная церковь во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, да предѣлъ Изосима и Совватія Соловецкихъ чудотворцевъ, которая за прошедшими годами стала быть весьма ветха и за ветхостію служить въ ней божественныя службы невозможно, а нынѣ я по обѣщанію своему желаю вмѣсто той ветхой церкви на томъ же церковномъ мѣстѣ построить вновь деревянную церковь съ предѣломъ во имя тѣхъ же престолы, а безъ указу изъ Синодальнаго Казеннаго Приказа строить тою церкви не смѣю и чтобъ повелѣно было о строеніи той церкви съ предѣломъ дать указъ.»

Вслѣдствіе сего прошенія въ Синод. Казенномъ Приказѣ на справку выписано: «въ окладныхъ книгахъ нынѣшняго 731 года Московскаго уѣзда по Селецкой десятинѣ написано: церковь Рождества Пресвятыя Богородицы въ селѣ Льяловѣ, на рѣкѣ Клязьмѣ, дани рубль 72 коп., казенныхъ пошлинъ 17 коп. А въ писцовыхъ книгахъ Московскаго уѣзда въ Селецкой десятинѣ 131 и 132 (1623—1624) годовъ у вышеписанной церкви написано дворъ поповъ, въ приходѣ 29 дворовъ, да по дачѣ князя Михаила Григорьевича Ромодановскаго изъ вотчинной его земли пустошь Могилица, на рѣкѣ на Клязьмѣ, а въ ней пашни 39 четвертей безъ полуосмины въ полѣ, а въ двѣ пото-

мужъ, сѣна 50 копенъ. А въ переписныхъ 1703 г. книгахъ у показанной церкви написано попъ Василій Филипovъ, въ приходѣ 42 двора, а земли и сѣнныхъ покосовъ въ оной книгѣ не написано, понеже овъ попъ съ причетники живетъ на ругѣ, а сколько руги, того не показано.»

Резолюція: «1731 году іунія въ 22 день, по указу ея имп. вел. и по благословенію Святѣйшаго Правительствующаго Синода о строеніи церкви съ предѣломъ дать указъ.» Того же числа изъ Синод. Казеннаго Приказа выданъ указъ княгинѣ Настасьѣ Ѳеодоровнѣ Ромодановской о строеніи деревянной церкви.

1731 г. октября 28 дни, она же княгиня Ромодановская входила въ Синод. Казенный Приказъ съ прошеніемъ, въ которомъ писала, что «предшедшаго іюня 24 числа данъ ей изъ онаго Казеннаго Приказа указъ, по которому велѣно ей въ показанномъ селѣ Льяловѣ вмѣсто ветхой деревянной Рождественской церкви съ предѣломъ Зосима и Савватія Соловецкихъ чудотворцовъ, на томъ же церковномъ мѣстѣ построить вновь деревянную воимя тѣхъ престолы, которые построены и ко освященію советѣмъ изготовлены, чтобъ указомъ повелѣно было о освященіи новопостроенной церкви воимя Рождества Пресвятыя Богородицы и предѣла послать указъ Донскаго монастыря, что при Москвѣ, архимандриту Иларіону и для освященія выдать освященные антиминсы.»

Резолюція: «1731 году ноября въ 5 день, по указу ея имп. в. и по благословенію Святѣйшаго Правительствующаго Синода о освященіи церкви съ предѣломъ и о выдачѣ антиминсовъ дать указъ.» Того же числа изъ Синод. Каз. Приказа выданъ указъ Большаго Успенскаго собора протопопу Іоанну Максиму обѣ освященіи церкви въ селѣ Льяловѣ (Патр. Прик. въз. 461 № дѣла 1765 и к. 337 л. 90).

Село Льялово, находившееся во владѣніи у графа Михаила Головкина, въ 1744 г. было пожаловано Николаю Андреевичу Корфу (Вотч. Колл. по гор.-Москвѣ ст. л. кн. 91 № 1; отказн. кн. 33 № 18).

При церкви Рождества Богородицы были: священникъ Василій Филимоновъ 1704—1720 г., Андрей Сидоровъ 1744 г., дьячекъ Сидоръ Михайловъ 1704—1720 г. и пономари Калина Трофимовъ 1704—1710 г. и Иванъ Гавриловъ 1720 г.

II. Ц. Рождества Пресвятыя Богородицы въ селѣ Марфинѣ *).

Село Марфино, оно же Щибрино, на рѣчкѣ Учѣ, въ 7093 (1585) г., находилось въ вотчинѣ «за дьякомъ Васильемъ Яковлевымъ сыномъ»

*) Нынѣ Марфино село Московск. у.

Щелкановымъ, по купчей, что прежь сего было за Васильемъ Петровымъ сыномъ Головинымъ, а послѣ того за Омою Бутурлинымъ»; въ селѣ изстари существовала деревянная церковь во имя Николая чудотворца съ придѣломъ Благовѣщенія Пресв. Богородицы, построенная клѣтчки, которая стояла въ 7093 (1585) г. «безъ пѣнія» (Писц. кн. 257 л. 484). Въ началѣ XVII ст. въ селѣ Марфинѣ построена новая церковь во имя Св. Троицы съ придѣломъ Сергія чудотворца. По писцовымъ книгамъ 7131 и 7132 (1623—1624) гг.: «за бояриномъ за Семеномъ Васильевичемъ Головинымъ въ вотчинѣ, что было прежь сего за дьякомъ Васильемъ Щелкановымъ, село Марфино, а Щибрино тожъ, на рѣчкѣ Учѣ, а въ немъ храмъ во имя Живоначальныя Троицы, да предѣлъ преподобнаго Сергія, древянь, клѣтчки, а въ немъ образы, и свѣчи, и книги, и на колокольницѣ колокола вотчинниково строенье боярина Семена Васильевича Головина, да на церковной землѣ во дв. попъ Петръ Андреевъ, да въ томъ же селѣ дв. прикащиковъ, 4 дв. крестьянскихъ и 4 дв. бобыльскихъ, людей въ нихъ тожъ» (Писцов. кн. 685 л. 802 об.).

По приходнымъ книгамъ Патр. Казеннаго Приказа 7136 г. подъ Радонежской, Селецкой и Загородской десятинами значится: «Церковь Живоначальныя Троицы въ селѣ Марфинѣ, въ вотчинѣ боярина Семена Васильевича Головина, дани 10 денегъ, по наказу гривна, и апрѣля въ 8 день на нынѣшней 136 годъ тѣ денги взято». Подъ 7144—7188 (1633—1680) гг. упоминается: «да въ предѣлѣ Сергія чудотворца, дани 3 алтына съ деньгою, заѣзда гривна» (Патр. Пр. кн. 2 л. 181, кн. 10 л. 163, кн. 196 л. 96).

По смерти боярина Семена Вас. Головина (у него была жена Неонила +1627 г.) *) село Марфино въ 7142 (1634) г. дано его братьямъ (двоюроднымъ) Ивану Иванову, Ивану Никитину, Петру и Василью Петровымъ Головинымъ. Послѣ Ивана Ив. Головина его дѣти Алексѣй, Никита и Иванъ свою часть имѣнія, въ 7151 (1643) г., отдали въ приданое за родною ихъ сестрою дѣвицею Целагеєю, при выходѣ ея замужъ за Александра Тимофѣева Измайлова. Въ 7154 (1646) г. въ селѣ Марфинѣ, Щибрино тожъ, находилось 12 дв. кре-

---

*) 7135 (1627) г. марта въ 20 день, великій государь св. патриархъ Филаретъ Никитичъ у Пречистыя Богородицы Гребенскія отпѣвалъ по Семеновѣ жень Васильевича Головина по Неонилѣ, павоцнику что возилъ ризницу къ церкви Пресв. Богородицы и отъ церкви въ соборъ за проѣздъ 10 денегъ дано. (Патр. Прик. кн. 1 л. 278).

стьянскихъ, въ нихъ 41 челов. и дворъ вотчинника (Ив. Никитина Головина). Въ 7158—7160 (1650—1652) гг. это село куплено Семеномъ Ивановичемъ Заборовскимъ. Въ 7186 (1678) г., въ Марфинѣ числилось 9 дв. крестьянскихъ, въ нихъ 53 челов. (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ ст. л. кн. 40 № дѣла 58; переп. кн. 9809 л. 357; кн. 9813 л. 264).

Подъ 7188 (1680) г. въ книгѣ Патр. Казеннаго Приказа подъ статью о Троицкой церкви отмѣчено: «писать въ водчинѣ думнаго дворянина Семена Ивановича Заборовскаго» (кн. 72 л. 284). При этомъ владѣльцѣ въ селѣ Марфинѣ была построена другая деревянная церковь во имя Рождества Пресвятыя Богородицы.

По смерти боярина Заборовскаго его жена вдова Феодора Степановна «по приказу своего мужа» село Марфино отдала въ наслѣдство двоюродному брату ея мужа Сергѣю Матвѣевичу и его племянникамъ Еремѣю и Ивану Васильевымъ Заборовскимъ и за ними отказано, а въ отказной книгѣ 7191 (1683) г. между прочимъ упоминается: «а въ селѣ двѣ церкви Живоначальныя Троицы и Рождества Пресвятыя Богородицы древяныя клѣтки, а церкви и колокола и церковная утварь строенье боярина Семена Ивановича Заборовскаго». Въ 7206 (1698) г. Марфино продано боярину князю Борису Алексѣевичу Голицыну. Подъ 1704 г. значится въ селѣ одна церковь во имя Рождества Богородицы, дворъ боярской, въ которомъ жили старосты, дв. прикащика, дв. скотной и 18 дв. крестьянскихъ (Вотч. Колл. ст. л. кн. 66 № дѣла 29; отказн. кн. 15 л. 1363; переписн. кн. 9815 л. 674).

При князѣ Борисѣ Алекс. Голицынѣ построена каменная церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы и ко дню освященія церкви 1707 года сентября въ 5 день, по благословенной грамотѣ, выдавъ антиминсѣ подъ росписку Большаго Успенскаго собора священника Семена Лукина (Патр. Пр. кн. 138 л. 298; переписн. кн. 9821 л. 191). По смерти князя Бориса Голицына селомъ владѣлъ его сынъ князь Сергѣй; въ 1728 г. оно продано Василию Семеновичу Салтыкову; въ 1729 г. у него куплено его роднымъ братомъ Петромъ Сем. Салтыковымъ и за нимъ оно утверждено въ 1738 г. отказною книгою; въ 1782 г. село Марфино принадлежало его сыну графу Ивану Петровичу Салтыкову (Вотч. Колл. ст. л. кн. 66 № дѣла 29; отказн. кн. 32 № 37).

При перквахъ были священники: св. Троицы—Владимиръ, 1676—1692 г. и Рождества Богородицы—Петръ Ивановъ, 1704—1720 г. и Сергѣй Ивановъ 1738 г., бывший при той же церкви дьячкомъ съ

1704 г.; дьяконъ Алексѣй Андреевъ, 1738 г.; дьячки: Михаилъ Артемьевъ, 1704—1709 г. и Иванъ Сергѣевъ, 1709—1738 г. и пономарь Тихонъ Алексѣевъ, 1738 г.

12. Ц. Николая чудотворца въ селѣ Фодоскинѣ.*)

Село Фодоскино въ 7093 (1585) г., называвшееся Фодосьино, на рѣкѣ Учѣ, принадлежало Андрею Иванову Вельяминову, какъ старая его вотчина. Въ селѣ существовала церковь во имя Св. Николая чудотворца деревянная, построенная клѣтчки (Писцов. кн. 257 л. 503-504). Въ писцовыхъ книгахъ 7131 и 7132 (1623-1624) г. написано: «вотчина Богоявленскаго монастыря, что на Москвѣ, что пражь село была вотчина за Андреемъ Ивановымъ съ сыномъ, да за Кирилломъ, да за Никифоромъ, да за Фодоромъ Вельяминовыми старинная отца ихъ вотчина село Фодосьино, на рѣкѣ Учѣ, а въ немъ храмъ Николы чудотворца, древянъ клѣтчки, стоитъ пусть безъ пѣнія, да въ томъ же селѣ дворъ монастырской, да 4 дв. крестьянскихъ и бобыльскихъ, въ нихъ 7 челов.» (Писцов. кн. 685, л. 626 об.)

Церковная земля, принадлежавшая Николаевской церкви отдавалась на оброкъ и по приходнымъ книгамъ Патр. Кав. Приказа оброчныхъ земель съ 7145 (1637) г. числилась на оброкъ у крестьянъ села Фодоскина оброку гривна (Дворц. Прик. кн. 6 л. 89-98).

По переписнымъ книгамъ въ селѣ Фодоскинѣ 154 (1646) г. находилось 7 дв. крестьянскихъ, въ нихъ 22 челов. и за 1678 г.—6 дв. крестьянскихъ, въ нихъ 24 челов., 3 дв. боб., въ нихъ 7 челов. и дворъ монастырской (Перепис. кн. 9809 л. 122, кн. 9812 л. 170—171).

Въ 7188 (1680) г. «по сказкѣ села Фодоскина крестьянъ Никиты Леонтьева съ товарищи, въ томъ селѣ Фодоскинѣ, на старомъ церковномъ мѣстѣ, церковь Николая чудотворца стоитъ пуста безъ пѣнія, а какъ та церковь запустѣла, того они не вѣдаютъ; а къ той церкви пашни по десятинѣ въ полѣ, а въ дву потомужъ, а сѣна нѣтъ; а та земля отъ Москвы 37 верстъ, а отъ села Троицкаго Селець 3 версты» (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 531 и 672).

Въ 1684 г. въ селѣ Фодоскинѣ построена новая деревянная церковь во имя Св. Николая чудотворца. «И въ нынѣшнемъ во 193 году сентября 30 дня, по помѣтѣ на выпискѣ дьяка Перфиля

* Фодоскино село нынѣ Московск. у.

Смещеникова велѣно: Московскаго уѣзда Селецкой десятины новопостроенные церкви Николая чудотворца, которую построили Богоявленскаго монастыря, что за Ветошнымъ рядомъ, архимандритъ Амвросій съ братією въ монастырской своей вотчинѣ въ Московскомъ уѣздѣ, въ Манатинѣ Быковѣ и Коровинѣ стану, на пустовой церковной оброчной Николаевской землѣ, въ селѣ Федоскинѣ, на паша съ причетники положить дани вновь, по сказкѣ того монастыря странчаго Федора Смирнова, съ дворовъ: съ попова, съ дьячкова, съ попова рева, да съ просвирицына, съ монастырскаго, да съ приходскихъ съ 9 дворовъ крестьянскихъ среднихъ, да съ церковные земли, не пашати изъ Помѣстнаго Приказа, за приписью дьяка Анисима Невѣжина 191 г. генваря 10 дня, что къ той церкви далъ архимандритъ съ братією, изъ монастырской вотчинной земли пустошь Поповку пашни 8 четви въ полѣ, а въ дву потомужъ, да сверхъ того съ прибавочныхъ съ пашни съ 2 четви, да съ сѣнныхъ покосовъ съ 4 копенъ, по указной статьѣ, 15 алт., заѣзда гривна; и по тому окладу данныя деньги на нынѣшній 193 г. принять и записать въ приходъ; а въ оброчной книгѣ оброкъ очистить и впредь не писать» (Патр. Прик. кн. 114 л. 142; кн. 116 л. 148; кн. 113 л. 134).

Потомъ село Федоскино поступило, по промѣнной записи, въ число патріаршихъ вотчинъ и Николаевская церковь была освобождена отъ платежа церковной дани. Объ этомъ въ приходной книгѣ Патріаршаго Казеннаго приказа говорится: «въ нынѣшнемъ во 197 (1688) г. декабря въ 20 день, по указу св. патріарха и по помѣтѣ на выпискѣ казначея Андрея Денисовича Владыкина, по челобитью Московскаго уѣзда св. патріарха домовою вотчины нововымѣннаго села Федоскина, что прежь сего было въ вотчинѣ Богоявленскаго монастыря, Николаевскаго попа Ивана Зиновьева съ церкви Николая чудотворца, что писана въ Селецкой десятинѣ, въ вотчинѣ Богоявленскаго монастыря, въ селѣ Федоскинѣ, дани 15 алт., заѣзда гривна, и тѣхъ давныхъ и пошлинныхъ и десятильничьихъ доходныхъ денегъ велѣно по доимки на 195 и 196 годы и на нынѣшній 197 г. и впредь не имать и подъ тою церковью (въ книгѣ) очистить, потому что Московскаго уѣзда патріаршихъ домовыхъ селъ: Троицкаго, что на Сѣтуни, Аминева, Озерецкаго, Троицкаго-Селець, Пушкина, Владыкина и Бѣлаго Расту съ церковей данныхъ денегъ не платятъ и тѣхъ церковей попомъ и церковнымъ причетникомъ дается изъ домовою казны годовое денежное жалованье» (Патр. Прик. кн. 131, л. 160).

. 7204 (1696 г.) «юля въ 16 день, св. патріархъ (Киръ Адрианъ) послѣ литургіи пошолъ съ Москвы въ домовое село Владыкино, а 17

числа изъ села Владыкина пошолъ въ домовое свое новопостроенное село Никольское и идучи зашелъ въ село Федоскино, въ церкви слушалъ часовъ и послѣ часовъ пожаловалъ попу 3 алтына 2 деньги и 19 числа слушалъ божественной литургіи» (Патр. Пр. кн. 160, л. 210).

Въ 1704 г., въ селѣ Федоскинѣ числилось 9 дворовъ крестьянскихъ (Переп. кн. 9815 л. 760—761.)

При Николаевской церкви (деревянная) находились священники: Степанъ Селуановъ, 1692—1704 г. и Григорій Степановъ, 1710—1726 г.; дьячокъ Леонтій Степановъ, 1692—1726 г. Онымъ церковнослужителямъ въ 1726 г. вмѣсто хлѣбнаго жалованья опредѣлена земля и сѣнные покосы по 10 четвертей (Дворц. Прик. кн. 157, л. 247.)

13. Ц. Троицы Живоначальныя въ селѣ Чашниковѣ. *)

Село Чашниково, на рѣчкѣ Албѣ, въ 7093 (1585) г. находилось въ вотчинѣ «за бояриномъ Никитою Романовичемъ Юрьева, что было прежь того въ вотчинѣ за Григорьемъ Степановымъ сыномъ Собакина, а послѣ было за княземъ Иваномъ Юрьевичемъ Токмакова, а въ селѣ церковь Троицы Живоначальныя каменная о пяти верхахъ, да предѣлъ Алексѣя челоуѣка Божія, да дв. поповъ Семеновъ, да дв. церковнаго дьячка, да дв. вотчинниковъ, въ немъ живеть прикащикъ, да дв. служень». Послѣ Ник. Ром. это село принадлежало въ 7131 (1623) г. его сыну боярину Ивану Никитичу Романову, «а въ церкви образы и свѣчи и книги и на колокольницѣ колоколы строенье боярина Ив. Ник. Романова, у церкви на церковной землѣ во дв. попѣ Федорѣ Терентьевѣ, во дв. просвирница Марыца, да келья, а въ ней живеть нищій, питается отъ церкви Божіа, да въ селѣ дв. боярской, дв. прикащика, дв. задворнаго челоуѣка, 3 дв. крестьянскихъ и 7 дв. бобыльскихъ, людей въ нихъ 19 челоуѣкъ» (Писцов. кн. 257 и кн. 685).

Троицкая церковь въ приходныхъ окладныхъ книгахъ Патриаршаго Казеннаго Приказа за 7136 (1628 г.) записана такъ: «церковь Живоначальныя Троицы, въ селѣ Чашниковѣ, въ вотчинѣ боярина Ивана Никитича Романова, дани 4 алт., по наказу гривна; апрѣля въ 8 день на нынѣшней 136 годъ, тѣ денги взято». Тамъ же подъ 1635 г. въ этой статьѣ прибавлено: «да въ предѣлѣ Алексѣя челоуѣка Божія.... дани рубль 4 алт. 5 ден., десятидвничихъ и заѣзда

*) Нынѣ Чашниково, село Московск. уѣзда.

гривна», а съ 1680 по 1740 г. писано: «въ государевомъ дворцовомъ селѣ Чашниковѣ» (Патр. Прик. к.к. 2, 14, 196 и 252).

По смерти боярина Ив. Ник. († 1640 г. *) вотчины принадлежали его сыну Никитѣ Ив. Романову.

Въ 7154 (1646) г. въ селѣ Чашниковѣ находились при Троицкой церкви: «во дв. попъ Ѳеодоръ, во дв. пономарь Ѳеодоръ Васильевъ, во дв. просвирница Марья, да дв. боярской, дворы: прикащика, скотной и конюшенной, 2 дв. задворныхъ людей и 20 дв. крестьянскихъ (переп. кн. 9809). Послѣ боярина Никиты Ив. Романова его вотчины были причислены къ дворцовому вѣдомству.

Въ дозорныхъ книгахъ Патріаршаго Казеннаго Приказа 1680 г. написано: «церковь Пресвятыя Троицы въ государевѣ селѣ Чашниковѣ, у рѣки Скалбы (Албы), дани рубль 4 алт. 5 ден., заѣзда гривна; а по досмотру и по сказкѣ тоя церкви поповъ Ивана да Симеона съ причетники, та церковь въ Манатынѣ Быковѣ и Коровинѣ стану, а къ той церкви церковной земли въ дву поляхъ по 10 четьи, а въ третьемъ полѣ 7 четьи, сѣна межъ полъ и на рѣчкѣ Лобѣ на 30 копенъ, да сѣна по той же рѣчкѣ, отхожей лужокъ, межъ деревень Котеневой и Перепечиной копенъ съ 20; а та церковная земля межъ государевой десятинной пашни и крестьянской тяглою земли врозни, съ государевою и крестьянскою землею не размежевана, да къ той же церкви пустошь Созониха, отъ села Чашникова версты съ 3, а въ ней сѣнныхъ покосовъ копенъ съ 60, oprичъ лѣсной поросли, да пустошь Врашки, отъ села съ версту, а въ ней сѣнныхъ покосовъ съ новою росчистью копенъ съ 40, да пустошь Матюшкино, смежна съ тою жъ пустошью, а въ ней сѣнныхъ покосовъ съ новою росчистью 40 же копенъ, да на той же пустоши Матюшкиной села Чашникова, деревни Носовой, крестьянинъ Евстратко Михайловъ съ товарищи завладѣли. насильствомъ сѣнныхъ покосовъ копенъ на 20, да къ той же церкви пустошка Воробейки, а въ ней сѣнныхъ покосовъ съ новою росчистью копенъ съ 20; а на ту церковную землю и на пустоши съ писцовыхъ книгъ выниси и никакихъ крѣпостей у нихъ нѣтъ, а владѣютъ они тою церковною землею и пустошми по старинѣ, какъ прежь сего владѣли при бояринѣ Иванѣ Никитичѣ и при сынѣ ево Никити Ивановичѣ» (Патр. прик. доз. кн. 141).

По писцовымъ книгамъ Приказа Большаго Дворца 7190 (1682) г.:

---

*) 7148 (1640) г. июля 16, приставу Ивану Яковлеву за провозъ отъ приступа 8 денегъ дано, ходилъ государь патріархъ къ Спасу на Новое на отиѣваніе по бояринѣ Иванѣ Никитичѣ Романовѣ (Патр. Прик. кн. 12 л. 283).

«подъ поповымъ дворомъ и огородомъ въ селѣ Чашниковѣ старья усадьбы треть десятины, да дьячку и пономарю и просвирицѣ подѣ двѣры и огороды дано земля, гдѣ былъ сарай и изъ тюремнаго мѣста, поддесятины безъ полтрети десятины, животиннаго выпуску за рѣчку Албою противъ прикащикова двора четверть десятины, пашни церковныя середніе земли по 10 четвертей въ полѣ, а въ дву по томужъ, сѣна по одну сторону рѣки Албы въ дву кулишкахъ 15 копенъ, да подѣ церковною пашнею по рѣкѣ Албѣ 10 копенъ; въ селѣ государевъ прудъ; попъ съ причетниками владѣеть пустошами: Воробьевою, Врашками, Созонихою и Матюшкиною».

Въ 7196 (1688) г. село Чашниково, по обѣ стороны пруда, по именному указу пожаловано изъ Приказа Большаго Дворца, боярину Льву Кирилловичу Нарышкину и за нимъ отказано того же года, а въ отказной книгѣ Троицкая церковь описана въ слѣдующемъ порядкѣ: «церковь каменная о пяти главахъ во имя Живоначальные Троицы, да предѣлъ св. Алексѣя человекъ Божія, около настоящей церкви паперть деревянная, забрана въ косякъ, церковь и паперть крыты тесомъ, главы обиты черепицею; въ церковь трои двѣри, затворы деревянные створчатые; въ церкви царскія двѣри, сѣнь и столбцы писаны на прозелени, по правую сторону царскихъ дверей: образъ Живоначальныхъ Троицы, окладъ серебряной басемной золоченъ, 5 вѣнцовъ да три цаты серебряные золочены рѣзные; образъ чудотворца Николая съ житіемъ, вѣнцы и цата серебряные рѣзные; по лѣвую сторону царскихъ дверей: образъ Пресв. Богородицы Одигитрія, 4 вѣнца серебряные рѣзные, въ томъ числѣ одинъ съ каруною, а подѣ вѣнцомъ убрूसъ, по красному атласу шиты золотомъ и серебромъ съ блескомъ; образъ св. великомученика Феодора Стратилата, писанъ на прозелени; образъ Огненное восхождение св. Пророка Или съ житіемъ; мѣстные иконы всѣ въ кіотахъ, у мѣстныхъ иконъ двѣ пелены, дороги красныя, опушка тафта зеленая, кресты кружево мишурное, пелена камчатая рудо-желтая, опушка зеленая, камчатая; предѣ мѣстными иконами 5 свѣчь поставныхъ и въ томъ числѣ 2 деревянныхъ, 3 восковыхъ, на свѣшникахъ жестяныхъ, свѣчи писаны красками.—Надъ царскими дверьми деисусовъ, и правниковъ, и пророковъ и праотцовъ 39 иконъ, надъ праотцами херувимы писаны на бѣломъ желѣзѣ, у Спасова образа вѣнецъ серебряной золоченой рѣзной; передъ деисусы два паникадила мѣдныхъ, одно—на желѣзной цѣпи, о 18 шандалахъ, кисть шолкъ съ золотомъ, по смѣтѣ въ паникадилѣ вѣсу гривенокъ съ 30; другое паникадило меньшее мѣдное жъ, о шти шандалахъ.—Въ олтарѣ на престолѣ одежда дороги красныя, евангеліе оболочено бархатомъ

злыцъ, распятіе и евангелисты серебряные, рѣзные золочены крестъ благословенной обложенъ серебромъ; покровъ на престолѣ отласть зеленой, опушка отласть таусинной; за престоломъ образъ Пресвятыя Богородицы Умиленіе, окладъ серебряной золоченъ басемной, вѣнецъ да цата серебряные жъ рѣзные, два убруса, одинъ—камка красная, другой—полотняной, пелена тафта красная, да прикладу 5 крестовъ серебряныхъ, да денегъ 2 рубли серебряныхъ и золоченыхъ, на другой сторонѣ той же цѣи образъ Вселенскихъ учителей Василия Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, 6 вѣнцовъ серебряныхъ, рѣзные золочены и въ томъ числѣ три вѣнца съ гривенками; на жертвенникѣ одежда киндяшная; сосуды оловянные, воздухи и покровы дороги красныя.—Въ той же церкви на налоѣ образъ Воскресенія Христова, окладъ басемной, 6 вѣнцовъ рѣзные золочены, въ томъ числѣ одинъ съ коруною, двѣ цаты; образъ Живоначальныхъ Троицы, окладъ серебряной золоченъ, 4 вѣнца, одинъ съ коруною и съ цатою, рѣзные вызолочены; образъ Алексія челоуѣка Божія, окладъ басемной вызолоченъ, 2 вѣнца, одинъ съ цатою, рѣзные; на правой сторонѣ у столба образъ Вознесенія Господня, писанъ на прозелени, поля вызолочены сусальнымъ золотомъ, на той же цѣѣ на другой сторонѣ образъ Преображенія Господня, на прозелени жъ, поля также золочены; да херуговъ отласть зеленой, опушка камчатая алая, полиняла, на ней крестъ мишурный.—Да книгъ: уставъ, евангеліе воскресное толковое, апостолъ, два октоя, 4 тrefолоя, минея общая, да минея общая жъ праздничная, 2 тrefоди—постная да цвѣтная, псалтирь учебная въ полдестъ, тrefникъ, служебникъ, часословъ большой, два пролога во весь годъ печатныя». (Слѣдуетъ описаніе ризъ).

Въ предѣлѣ св. Алексія челоуѣка Божія: царскія двери, сѣнь в столбцы ветхи, по правую сторону царскихъ дверей: образъ св. Алексія челоуѣка Божія, въ кіотѣ, окладъ басемной серебряной золоченъ, вѣнецъ и цата серебряные, золочены рѣзныя, прикладу крестъ серебряной съ финифтью, да денегъ 8 алтынъ 2 деньги; пелена дороги червчатая, кружево мишурное, передъ мѣстнымъ образомъ свѣча поставная восковая, писана разными красками, насвѣшникъ жестяной; по лѣвую сторону царскихъ дверей: образъ Пресв. Богородицы Боголюбскія; надъ царскими дверьми деисусы на одной цѣѣ, передъ деисусы паникадило мѣдное о 9 шанданахъ, гривенки въ четыре вѣсомъ, кисть шелкъ съ золотомъ. Въ олтарѣ на престолѣ одѣяніе дороги красныя, крестъ кружево мишурное; евангеліе оболочено бархатомъ, ветхо, распятіе и евангелисты серебряные басемные золочены, ветхи, крестъ благословенной обложенъ мѣдью, ветхъ;

за престоломъ образъ Пресв. Богородицы Одыгитрія, окладъ серебряной золоченой, два вѣнца, одинъ съ коруною, да цата серебряные золочены рѣзные, пелена камчатая, ветхая, на другой сторонѣ той же цки образъ Іоанна Предтечи, вѣнецъ и цата серебряные рѣзные золочены; на жертвенникѣ одежда дорогая; сосуды оловянные, воздухи и покровъ киндяшные. Да настоящей церкви и предѣла два кадила, двѣ чаши водосвятныя, укрошникъ мѣдные, два наоя, одинъ оболоченъ кожею, 3 подсвѣшника деревянныхъ. Въ церкви жъ у столпа образъ св. Женѣ Мироносицѣ, въ кіотѣ, вѣнцы и цата серебряные золочены глаткіе, пелена камка алая, крестъ кружево мишурное, передъ образомъ лампада мѣдная луженая, у другога столпа образъ св. Никиты Милдійскаго, да св. мученика Феодора Тирона, ветхи. На паперти двери царскія старыя, да образъ Воскресенія Христа, образъ св. Алексѣя челоуѣка Божія.—На церкви колокольница каменная, на ней 6 колоколъ, а въ нихъ по смѣтѣ вѣсомъ пудъ съ 19».

Въ 1704 г., въ селѣ находились: дворъ боярскій, дворъ коношенный, въ которомъ жили конюхи, и дворъ скотный, 25 дворовъ крестьянскихъ и 2 дв. нищихъ.

Послѣ Льва Кирилловича Нарышкина село Чашниково досталось его сыну Александру, по раздѣлу съ его роднымъ братомъ Иваномъ Львовичемъ Нарышкинымъ; въ 1750 году оно принадлежало женѣ Александра Львовича, Еленѣ Александровнѣ съ дѣтьми: Александромъ, Львомъ, Натальею, Марьею и Аграфеною Александровыми Нарышкиными; въ 1796 году Чашниковымъ владѣлъ Левъ Александровичъ Нарышкинъ, по смерти роднаго брата Александра Алекс., умерш. 21 мая 1795 г. (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, мол. л. кн. 7 № дѣла 37, кн. 59 № дѣла 20, кн. 62 № дѣла 15; дѣла объ имѣніямъ гг. Нарышкиныхъ кн. 9 № 29; переписн. кн. 9815 л. 638).

При Троицкой церкви были священники: Семенъ Ивановъ, 1680—1704 г., его сынъ Никита Семеновъ, 1704—1720 г., бывший при оной же церкви дьячкомъ, въ 1699 г.; дьячки: Иванъ Никифоровъ, 1710—1720 г. и Михайлъ Никитинъ, 1710—1720.

14. Ц. Покрова Пресвятыя Богородицы на погостѣ Покровскомъ, на рѣкѣ Клязьмѣ.

Въ писцовыхъ книгахъ 7131 и 7132 (1623—24) гг. значится: «погостъ Покровскій, на рѣкѣ Клязьмѣ, стоитъ на государевѣ землѣ, а въ немъ церковь Покровъ Святыя Богородицы, древянь клѣтци, а въ ней

образы и свѣчи и книги и на колокольницѣ колокола строенье князя Юрья Яншеевича Сулешева, да на церковной землѣ во дворѣ поць Иванъ Ѳедоровъ; пашни церковныя середніе земли 4 четьи, лѣсомъ поросло 13 четьи въ полѣ, а въ дву потомужь, сѣна на рѣкѣ Клязьмѣ 10 копенъ; да церковная пустошь Мартьянова, на рѣкѣ Клязьмѣ, а въ ней пашни церковныя земли осмина, перелогу четь, лѣсомъ поросло 2 четьи съ осминою въ полѣ, а въ дву потомужь, сѣна по рѣкѣ 6 копенъ, лѣсу не пашеннаго десятина» (Писц. кн. 685 л. 753).

Въ приходныхъ окладныхъ книгахъ Патр. Каз. Приказа 7136 (1628) г. написано: «церковь Покровъ Святѣй Богородицы на Клязьмѣ рѣкѣ, въ вотчинѣ князя Юрья Яншеевича Сулешева, дани 2 алт., по наказу гривна; апрѣля въ 8 день на нынѣшней 136 годѣ тѣ денги взято.» За послѣдующіе 1635—1678 гг. писалось:—«на погостѣ Покровскомъ, у рѣки Клязьмы, дани 16 алт. 4 ден., заѣзда гривна» (Патр. Прик. кн. 2 л. 179, кн. 14 л. 141 и кн. 196).

По смерти князя Юрія Сулешева погостъ Покровскій, названный селомъ Покровскимъ, съ деревнями: Хлѣбниково, Капустино и Щапово находился во владѣніи у его внука князя Ивана Мурзина сына Юсупова. По переписнымъ книгамъ 154 (1646) г. «въ селѣ Покровскомъ церковь Покрова Богородицы древяна, у церкви во дворѣ поць Захарей, во дворѣ пономарь Ѳедка Прокофьевъ.» Въ 7155 (1647) г. князь Иванъ Юсуповъ это село промѣнилъ князю Якову Куденцовичу Черкасскому, отъ котораго оно перешло въ 7175 (1667) г. къ его сыну князю Михаилу и за нимъ было утверждено того же года отказною книгою, въ которой между прочимъ говорится: «а въ селѣ церковь Покрова Пресв. Богородицы, да въ предѣлѣ Св. пророка Іліи древяна клѣтци, а по сказкѣ прикащика того села Максима Горбова: въ церкви и въ предѣлѣ образы и книги и ризы и на колокольницѣ колокола и всякое церковное строенье прихоцкихъ людей; у церкви во дворѣ поць Прохоръ Матвѣевъ, во дворѣ дьячекъ Хрисанфикъ Прохоровъ; пашни церковныя земли 6 четьи, да пустошь Мартьянова пашни 2 четьи» (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ мол. л. кн. 23 № дѣла 5; переп. кн. 9809 л. 352; отказн. кн. 11 л. 19 въ дѣлахъ объ имѣніи гг. Нарышкиныхъ).

Въ дозорныхъ книгахъ Патр. Казеннаго Приказа 7188 (1680) г. написано: «церковь Покрова Пресвятыя Богородицы на погостѣ Покровскомъ, у рѣки Клязьмы, дани 16 алт. 4 ден., заѣзда гривна; а по досмотру и по сказкѣ тоя церкви попа Архипа, да дьячка Хрисанфа, къ той церкви пашни наханой съ новоросчистною пашнею 10 четьи въ полѣ, а въ дву потомужь, сѣна по рѣкѣ по Клязьмѣ по кочкамъ

въ худыхъ мѣстахъ копенъ съ 10 волоковыхъ, лѣсу пашенного. и не пашенного десятинь съ 6; а многою де той церкви церковною землею владѣеть князь Михаилъ Яковлевичъ Черкасскій и тое де церковную землю отвелъ и кругомъ обмежевалъ князь Михаила Яковлевича человекъ ево Василій Козловъ, не противъ писцовыхъ книгъ, не праведно, безъ государева указа, и на той церковной землѣ ямы покопалъ и столбы поставилъ, а мѣрялъ де въ тое церковную пашню горы и холмы и враги и подола, а въ прошлыхъ де годѣхъ князь Юрѣя Янишеевичъ Сулешевъ возлѣ того Покровскаго погосту къ селу Сабакину чрезъ рѣку Клязьму назвалъ изъ порозжихъ земель свои мѣ прозваніемъ церковную Покровскую землю пустошью Горками, и та де земля ему въ отчину дана и по той де пустоши Горкамъ того погосту Покровскаго завладѣлъ сѣнными покосами Покровскимъ лугомъ, а нынѣ тѣмъ Покровскимъ лугомъ и пустошью Горками владѣеть князь Михаилъ Яковлевичъ Черкасскій; а тотъ Покровскій лугъ по рѣкѣ по Клязьмѣ смеженъ съ церковною Покровскою землею и съ пустошью Горками, отъ церкви десятины за три, а пустошь Горки отъ церкви десятины за полторы; смежна та церковная земля съ трехъ сторонъ съ землями бояръ князь Федора Федоровича Куракина, да Ивана Богдановича Милославскаго, а съ четвертую сторону розошла рѣка Клязьма; а межъ-де и граней той церковной земли они не знаютъ; да вотчины боярина Ивана Богдановича Милославскаго сельца Александрова деревни Семкина крестьяня Ивашка Еремѣевъ Горбунъ да Васка Константиновъ сказали, что они тотъ Покровскій лугъ знаютъ владѣеть имъ князь Михаилъ Яковлевичъ, а по смѣтѣ того лугу копенъ съ 200 и больши» (Патр. Прик. дозорн. кн. 141 л. 661—663).

Въ 1704 г. значится: «погостъ Покровской, а на погостѣ церковь во имя Покрова Богородицы деревянная, у церкви во дворѣ попъ Архипъ Хрисанфовъ (съ 1674 г.), у него сынъ дьячекъ Иванъ; въ 1720 г.—священникъ Константинъ Архиповъ, у него сынъ дьячекъ Петръ» (Переписн. кн. 9815 л. 610; ландр. кн. 1720 г. л. 355).

Въ приходныхъ книгахъ Патр. Каз. Приказа Покровская церковь писалась съ 1678 по 1740 г. «на погостѣ Покровскомъ въ вотчинѣ князя Михаила Яковлевича Черкаскаго». Церковной дани платилось съ 1712 г. 30 алт. (Патр. Прик. кн. 252 л. 486).

Послѣ князя Мих. Яковлевича Черкаскаго селомъ Покровскимъ владѣлъ его сынъ князь Алексѣй, а отъ него перешло къ его дочери Варварѣ Алексѣевнѣ, женѣ графа Петра Борисовича Шереметева и въ 1809 г. къ ихъ внуку Дмитрію Николаевичу Шереметеву (Вотч. Колл. мол. л. кн. 23 № дѣла 5).

15. Ц. Успенія Пресвятыя Богородицы въ селѣ Козодавлевѣ-Успенскомъ *).

Село Козодавлево, на рѣкѣ Клязьмѣ, съ деревянною въ немъ церковью во имя Успенія Пресв. Богородицы въ 7093 (1585) г. принадлежало Ивану и Никифору Васильевичамъ Траханіотовымъ, какъ старинная вотчина отца ихъ; въ селѣ стояли: «два двора вотчинниковыхъ, дв. челядинной и 4 дв. людскихъ, у села мельница на рѣкѣ Клязьмѣ, мелить въ одно колесо.» По писцовымъ книгамъ 7131 и 7132 (1623—1624) годовъ это село значится «за Иваномъ Никифоровымъ сыномъ Траханіотова, вотчина отца его, а въ церкви образы, и книги, и свѣчи и на колокольницѣ колокола строенье вотчинниково, на церковной землѣ во дв. попъ Иванъ, во дв. дьячекъ Петрушка Григорьевъ, во дв. просвирица Акулиница; пашни церковные земли 10 четвъ въ полѣ, а въ дву потомужъ; да въ селѣ дв. вотчинниковъ, живутъ въ немъ дѣловые люди» (Писцов. кн. 257 и 865).

Въ приходныхъ книгахъ Патр. Каз. Приказа подъ Селецкой десятиною за 7136 (1628) г. написано: «церковь Успенія Пречистые Богородицы, на Клязьмѣ рѣкѣ, въ вотчинѣ Ивана Тарханѣва (Траханіотова) села Козодавлева, дани 2 алт. съ денгою, по наказу гривна, апрѣля 8 дня на нынѣшней 136 годѣ тѣ денги взято»; а въ 1635—1680 гг. платилось дани 19 алт. 2 ден., заѣзда гривна (Патр. Прик. кн. 2, 10 и 196).

Въ 7154 (1646) г., въ селѣ Козодавлевѣ находились: «дв. вотчинниковъ, дв. скотной и 8 дв. крестьянскихъ, въ нихъ 19 челов., при Успенской церкви—во дв. попъ Григорій, во дв. дьячекъ вдовой попъ Петръ» (Переп. кн. 9809).

По смерти Ивана Никифоровича Траханіотова его вотчинами владѣлъ его сынъ Данила Пв. (1647—1676) г., а отъ него перешло къ его дѣтямъ Степану и Ивану Дан.; они между собою вотчины раздѣлили и послѣднему досталось село Козодавлево, Успенское тожъ, съ деревнею Ивакиною. Въ 7186 (1678) г., въ селѣ Козодавлевѣ были: «дв. вотчинниковъ, дв. скотной—въ немъ 3 семьи дѣловыхъ людей, 2 дв. крестьянскихъ, въ нихъ 15 челов., и 3 дв. бобыльскихъ, въ нихъ 12 челов., при Успенской церкви—во дв. попъ Семенъ Яковлевъ, во дв. дьяконъ Архипъ Меркульевъ, во дв. дьячекъ Карпушка Несте-

---

*) Нынѣ Успенское Траханѣво село Московск. у.

ровъ, во дв. просвирница Анница Титова» (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ мол. л. кн. 23 № дѣла 2; переписн. кн. 9813).

Въ дозорныхъ книгахъ Патр. Казеннаго Приказа 7188 (1680) г. написано: «церковь Успенія Пресвятыя Богородицы въ вотчинѣ стольника Ивана Данилова сына Траханіотова въ селѣ Козодавлевѣ, Успенское тожъ, у рѣчки Клязьмы, дани 19 алт. 2 ден., заѣзда гривна. А по дозору и по сказкѣ тоя церкви попа Семена съ причетники къ той церкви пашни 10 четви въ полѣ, а въ дву цотомужъ, сѣна межъ полъ 10 копей, да имъ же вотчинникъ даетъ годовую денежную и хлѣбную ругу» (Патр. Прик. дозорн. кн. 141).

Послѣ Ив. Дан. Траханіотова недвижимое имѣніе досталось въ 203 (1695) г. его сыну Ивану Ив. († 1719) г. Въ селѣ Успенскомъ въ 1704 г., находились: «дв. вотчинниковъ, дв. скотной, въ немъ 5 челов. и 8 дв. крестьянскихъ. Потомъ селомъ этимъ владѣла жена умершаго Ив. Ив. Траханіотова вдова Марья Григорьева, урожд. Култукова, съ дѣтьми Иваномъ и Авдотьей (жена князя Михаила Михайловича Борятинскаго), насынкомъ Николаемъ и падчерицею Анною (жена Ивана Какошкина); въ 1797 г. оно продано Петру Сергѣевичу Свиныну и въ 1823 г. принадлежало его дочери Настасьѣ Петровнѣ Свиныной (Вотч. Колл. мол. л. кн. 64 № дѣла 3, св. 13 № дѣла 2; переписн. кн. 9815).

Церковь Успенія Пресв. Богородицы въ приходныхъ книгахъ Казеннаго Приказа съ 1678 по 1740 г. писалась: «въ селѣ Козодавлевѣ, Успенское тожъ, въ вотчинѣ Ивана Данилова Траханіотова», съ обозначеніемъ дани съ 1712 г. 32 алт. 4 ден. При церкви находились священникъ Устинъ Романовъ, 1703—1720 г., дьяконъ Михаилъ Васильевъ, 1710—1720 г. и дьячекъ Василій Карповъ, 1704—1720 г. Въ приходѣ оной церкви въ 1703 г. состояло 21 дворъ (Патр. Прик. № дѣла 2721).

16. Ц. Георгія великомученика въ селѣ Стербѣевѣ *).

Село Стербѣево, на рѣчкѣ Гнилушѣ (въ другомъ мѣстѣ у пруда), въ XVI ст. принадлежало окольному князю Петру Ивановичу Татеву. По писцовымъ книгамъ 7081 (1573) г. «за Григорьемъ Неключодовымъ и Михаиломъ Сомановымъ въ помѣстьи село Стербѣево, на рѣчкѣ Гнилушѣ, въ селѣ церковь стратотерлица Христова Георгія

---

*) Нынѣ Тарбѣево (Гнилуши) село Московск. у., церковь приписана къ селу Петровскому.

древянна клѣтци, у церкви дв. поповъ, да дв. просвирницынъ, да дв. пономаревъ пусты, дв. помѣщиковъ, да 2 дв. крестьянскихъ, въ нихъ 3 челов., да дв. бобыльской, да 3 дв. пусты».

Въ 7093 (1585) г. Стербѣво вотчина Аксины Михайловской, жены Яковлева (Писцов. кн. 255 и кн. 257, л. 491—492). Подъ 7131 и 7132 (1623 и 1624) г.г. значится: «за вдовою за Марьею Григорьевскою женою Мартемьянова, да за сыномъ еѣ за Лукою Григорьевымъ сыномъ Мартемьянова вотчина, по купчей 124 г., что купилъ мужъ еѣ Григорій, а ево Лукинъ отецъ, у старицы Вознесенскаго дѣвичья монастыря у князь Васильевскіе княгини Фитиньи Бахтеярова-Ростовскаго, село Стербѣво, на рѣчкѣ Гнилушѣ, а въ селѣ церковь во имя страстотерца Христова Егорія, а въ немъ образы и свѣчи, и книги и на колокольницѣ колокола вотчинниково строенье; да въ томъ же селѣ во дв. поповъ Сидоръ Андреевъ, во дв. дьячекъ Климко Даниловъ, дв. вотчинниковъ, въ немъ живутъ дѣловые люди, да крестьянъ 4 дв. и бобылей 3 дв., а людей въ нихъ тожъ» (Пис. кн. 685, л. 765).

Георгиевская церковь была обложена данью, которая собиралась въ патриаршую казну съ «жилыхъ церквей», и записана въ приходныхъ окладныхъ книгахъ Патр. Каз. Приказа 7136 (1628) г.: «церковь св. мученика Георгія вотчины Герасима(?) Мартемьянова въ селѣ Стербѣвѣ, дани 3 алт. 1 денга, по наказу гривна; апрѣля въ 8 день на нынѣшней 136 г. тѣ денги взято». Съ 7143 (1635)—1712 г. церковной дани платилось 19 алт., забзда гривна (Патр. пр. кн. 2, л. 178: кн. 14, л. 140 и кн. 196).

7154 (1646) г., село Стербѣво у пруда съ деревянною въ немъ церквью находилось во владѣніи у Луки Григорьева Мартемьянова, у церкви быми: «во дв. поповъ Иванъ, во дв. дьячекъ Мишка Григорьевъ, да въ селѣ дв. вотчинниковъ, 9 дв. крестьянскихъ и бобыльскихъ, въ нихъ 20 челов. (Переписн. кн. 9809, л. 228—224). По смерти Луки Гр. Мартемьянова селомъ владѣла во 176 (1668) г. его вдова Анна съ дѣтьми Федоромъ и Михайломъ; за послѣдними оно было утверждено отказною книгою 7182 (1674) г., въ которой между прочимъ говорится: «а въ селѣ церковь деревянная во имя св. мученика Георгія, а въ ней церковное всякое строенье вотчинниково». Въ 7186 (1678) г., въ селѣ Стербѣвѣ находились: дворъ вотчинниковъ, а въ немъ жили 7 семей дѣловыхъ людей, и 11 дворовъ крестьянскихъ, въ нихъ 52 челов. (Вотч. колл. по гор. Москвѣ мол. л. кн. 46, № дѣла 17, переписн. кн. 9813 л. 279).

Въ дозорныхъ книгахъ Патриаршаго Казеннаго Приказа 7188

(1680) г. написано: «церковь св. мученика Георгія, въ вотчинѣ Михаила да Федора Мартемьяновыхъ. въ селѣ Стербѣевѣ, у пруда, дани 19 алт., заѣзда гривна, а по досмотру и по сказкѣ той церкви попа Трофима, та церковь построена изстари, а къ той церкви дана пустошь Крюкова, а въ ней стѣнныхъ покосовъ копенъ съ 10 и та пустошь въ писцовыхъ книгахъ Лаврентья Кологривова 7131 г. написана; а пашни къ той церкви нѣтъ, а даютъ де имъ вотчинники годовую хлѣбную и денежную ругу» (Патр. прик. дозор. кн. 141, л. 541 и 668).

Въ 1704 г., въ селѣ Стербѣевѣ значится: дворъ вотчинниковъ, а въ немъ живетъ прикащикъ, дв. скотной, а въ немъ живутъ конюхи и 10 дв. крестьянскихъ (Переписн. кн. 9815 л. 676—677).

Въ 1723 г., это село приписано «къ госпиталю»; въ 1729 г. по указу Верховнаго Тайнаго Совѣта оно продано изъ Вотчинной Коллегии съ торговъ дочери князя Григорья Федоровича Долгорукова княжнѣ Александрѣ; въ 1730 г. Стербѣево, оно же называлось и Тарбѣево, отписано у кн. Долгоруковой и причислено къ дворцовому вѣдомству и того же года пожаловано Андрею Ивановичу Ушакову. Въ 1742 г., вслѣдствіе прошенія жены Василья Федоровича Салтыкова, вдовы Александры Григорьевны; урожд. кн. Долгоруковой, отписное село Стербѣево, по именному указу, возвращено ей «по прежнему» и за ней того же года оно было утверждено отказною книгою, въ которой упоминается: «а въ селѣ церковь деревянная, ветхая, во имя великомученика Георгія, со всякою церковною утварью, да въ селѣ у пруда, на берегу, дворъ вотчинниковъ... Въ 1762 г., Александра Григ. Салтыкова продала свое имѣніе родному племяннику князю Александру Алексѣвичу Долгорукому и въ 1784 г. село Стербѣево принадлежало его дѣтямъ князьямъ: Федору, Михаилу и Александру (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, ст. л. кн. 23, № дѣла 12; мол. л. кн. 44, № дѣла 16; кн. 46, № дѣла 17).

При Георгіевокой церкви находились священники: Трофимъ Аникѣевъ, 1654—1680 г., Иванъ Ларионовъ, 1704 г., Федоръ Степановъ 1710 г., Павелъ Степановъ, 1720 г. и Иванъ Павловъ, 1730—1742 г. и дьячки: Никита Аникѣевъ, 1654—1704 г. и Иванъ Фроловъ, 1710—1742 г. (Отказы. по гор. Москвѣ, кн. 11, л. 372; переписн. кн. 9815, л. 676; Ландр. кн. 1720 г. л. 295).

Церковной дани платилось за 1712—1740 г.г. 32 алт. 3 деньги (Патр. прик. кн. 252, л. 486 и кн. 411).

17. Ц. Троицы Живоначальной въ селѣ Троицкомъ *).

7093 (1585) г. «за княземъ Васильемъ Ѳедоровичемъ Шуйскаго-Скопина старинная вотчина село Новосильцово, на рѣкѣ Клязмѣ, а въ селѣ церковь Сергія чудотворца, да предѣлъ св. Троицы стоитъ безъ пѣнія, да къ тому селу приущено въ пашню пустошь Потапова, при селѣ мельница, на рѣкѣ Клязмѣ, въ одно колесо» (Писц. кн. 257, л. 570). По писцовымъ книгамъ 7131—7132 (1623—1624) гг.: «за старицею за княгинею Оиисьею княжъ Михайловою матерью Васильевича Скопина, старая ихъ вотчина сельцо (sic) Новосильцово, на рѣкѣ Клязмѣ, да къ тому жъ сельцу приущено въ пашню пустошь Потапово, а въ нихъ церковь во имя Живоначальной Троицы, да въ предѣлѣ Сергія чудотворца (деревянная), у церкви дворы: поповъ, дячковъ, да пономаревъ пусты, да въ селѣ 5 дв. людскихъ задворныхъ, да 3 дв. крестьянскихъ и 4 дв. бобыльскихъ, людей въ нихъ тожъ» (Писцов. кн. 685, л. 766).

Въ приходныхъ окладныхъ книгахъ Патр. Каз. Приказа за 7136 (1628) г. написано: «церковь великаго чудотворца Сергія въ селѣ Новосильцовѣ, дани 2 алт. 2 ден., по наказу гривна; апрѣля въ 8 день на нынѣшней 136 г. тѣ денги взято», а съ 7143 (1635) по 7175 (1667) г. писалось такъ: «церковь Живоначальной Троицы, да въ предѣлѣ Сергія чудотворца, у пруда, въ вотчинѣ князя Ивана Ивановича Шуйскаго, въ селѣ Новосильцовѣ, дани 13 алт., заѣзда гривна» (Патр. прик. кн. 2, л. 177 кн. 10 л. 159 и кн. 196 л. 98). Подъ 1642—1646 гг. значится: церковь Живоначальной Троицы деревянная, «у церкви во дворѣ попъ Борисъ, во дворѣ дячекъ Евдокимко Ивановъ». Въ 7154 (1646) г., село Новосильцово записано «за вдовою княгинею Анною княжъ Петровою женою Урусова и княземъ Михаиломъ Пронскимъ, въ селѣ дворъ вотчинниковъ (кн. Пронскаго), 15 дв. крестьянскихъ и 2 дв. бобыльскихъ въ нихъ 42 человекъ», (Патр. прик. кн. 14 л. 239 и переписн. кн. 9809 л. 326—327).

Въ 7161 (1653) г., противъ села Новосильцова, на другой сторонѣ рѣки Клязмы, на пустоши Иванишковѣ была построена новая деревянная церковь, во имя Живоначальной Троицы съ двумя предѣлами **) и мѣстность эта названа по церкви селомъ Троицкимъ, а Новосильцово—деревнею.

*) Нынѣ Троицкое (Шереметево) село Москов. уѣзда.

**) Полагаемъ, что въ это время владельцемъ села Новосильцова и цуг. Иванишковой былъ князь Яковъ Ник. Одоевскій, которымъ вѣроятно и построена Троицкая церковь.

Въ 7175 (1667) г., с. Троицкое и дер. Новосильцево находились во владѣніи у Якова Никитича Одоевскаго. Въ окладной книгѣ Патр. Казеннаго приказа за 7175 (1667) г. подъ статью о Троицкой церкви отмѣчено: «писать въ вотчинѣ князя Якова Никитича Одоевскаго» (Патр. прик. кн. 66, л. 302). Въ томъ же 1667 г., князь Одоевскій отдалъ село Троицкое и дер. Новосильцову въ приданое за своею дочерью княжною Марфою, князю Михаилу Яковлевичу Черкасскому и за нимъ оно было отказано, а въ отказной книгѣ того же года между прочимъ упоминается: «въ селѣ Троицкомъ церковь Живоначальная Троицы, да въ предѣлахъ Афанасія и Кирилла и Сергія чудотворца, а въ церкви образы, и книги, и ризы, и на колокольницѣ колокола строенье князя Якова Никитича Одоевскаго; при церкви во дв. попъ Прокофій Ѳедоровъ, во дв. дьячекъ Ивашка Никитинъ» (Отказн. кн. 13, л. 474; кн. 15, л. 422, по гор. Москвѣ). Въ 186 (1678) г., въ селѣ Троицкомъ стояли: дв. вотчинниковъ, въ которомъ жилъ прикащикъ, и дв. мельника, а въ дер. Новосильцовѣ числилось 8 дв. крестьянскихъ, въ нихъ 42 челов. и 14 дв. бобыльскихъ, въ нихъ 40 челов. (Переписн. кн. 9813, л. 236—238).

Въ дозорныхъ книгахъ Патр. Казен. Приказа 7188 (1680) года, письма и описи Романа Ивановича Владыкина, по указу патриарха Іоакима, написано: «церковь Пресв. Троицы съ предѣлы въ вотчинѣ князя Михаила Яковлевича Черкаскаго, въ селѣ Новосильцовѣ, дани 13 алт., заѣзда гривна. А по досмотру и по сказкѣ седа Троицкаго, попа Прокопія, церковь де Пресв. Троицы, въ селѣ Новосильцовѣ, съ морового повѣтрія запусѣла и нынѣ стоитъ пуста, а вмѣсто той церкви построена церковь Живоначальная жъ Троицы съ предѣлы противъ села Новосильцова, на другой сторонѣ рѣки Клязмы, на пу-стоши Иванишковѣ, во 161 (1653) году, на новомъ мѣстѣ, отъ села Новосильцова версты съ полторы, а къ той церкви дано изъ вотчиниковой земли пашни десятина въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна по рѣкѣ Клязмѣ лугъ на 30 копенъ; да князь Михайла жъ Яковлевичъ Черкаскаго даетъ де ему, попу, годовую хлѣбную и денежную ругу, а старой церкви, что въ селѣ Новосильцовѣ, поповскою и церковныхъ причетниковъ усадьбами и пустошью, что написана въ писцовыхъ книгахъ, Потаповою владѣютъ села Новосильцова крестьяне, а лугъ той церкви подъ селомъ Троицкимъ, на рѣкѣ жъ на Клязмѣ, копенъ на 30 и тотъ лугъ косятъ на князь Михаила Яковлевича» (Патр. прик. дозорн. кн. 141, л. 660—661).

«7207 (1698) года октября въ 24 день, по благословенной грамотѣ, данъ антимишевъ ко освященію новопостроенной церкви Афа-

нася и Кирилла Александрійскихъ, въ Московскій уездъ, въ селѣ Троицкомъ; взялъ антиминь церкви Пресв. Богородицы Владимірскія дяковъ Ѳедоръ» (Патр. прик. кн. 138, л. 160),

Въ 1704 г., при князѣ Мих. Яковл. Черкасскомъ въ селѣ Троицкомъ находилась каменная церковь во имя св. Троицы, «да дворъ боярской, въ немъ жилъ садовникъ и 2 дв. дворовыхъ людей на годовомъ жалованьѣ»; въ дер. Новосильцовѣ считалось 29 дв. крестьянскихъ. Отъ князя Михаила Як. Черкаскаго это имѣніе досталось его дочери княгинѣ Иринѣ Мих. женѣ князя Якова Ѳеодоровича Долгорукова, а отъ нихъ перешло къ ихъ дочери Аннѣ Яковлевнѣ, женѣ Алексѣя Петровича Шереметева съ роднымъ ей дядею княземъ Алексѣемъ Михайловичемъ Черкасскимъ; въ 1722 г. они между собою имѣніе раздѣляли и село Троицкое досталось князю Алексѣю Черкасскому (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, мол. л. кн. 44, № дѣла 16; переписи. кн. 9815, л. 602).

Въ приходныхъ книгахъ Патріаршаго приказа, Троицкая церковь писалась по 1740 г. въ селѣ Новосильцовѣ, въ вотчинѣ князя Михаила Яковлев. Черкаскаго, съ обозначеніемъ дани съ 1712 года 26 алт. 2 ден. При церкви находились въ 1704—1720 гг. священникъ Иванъ Филатовъ, дячекъ Иванъ Ивановъ и пономари: Иванъ Ивановъ и Перфілій Степановъ (Переписи. кн. 9815, л. 602, ландр: кн. 1715 г., л. 256; Патр. прик. кн. 252, л. 487, и кн. 411).

18. Ц. Николая чудотворца въ селѣ Шипиловѣ *).

Село Шипилово, нѣкогда принадлежало (около 1548 г.) князю Василію Семеновичу Серебреному; въ 1585 г. оно было «пустошью», которою владѣлъ бояринъ Никита Ивановичъ Юрьевъ, «что ему заложилъ Алексѣй Исаковъ князь Васильевскую вотчину Семеновича Серебренаго» (Шисц. кн. 257, л. 480—481). Въ началѣ XVII ст. на пустоши Шипиловой была построена деревянная церковь во имя Николая чудотворца, отъ чего пустошь и стала называться снова селомъ. По писцовымъ книгамъ 7131 и 7132 (1623—1624) гг. значится, «за княземъ Семеномъ, да за стольникомъ княземъ Матвѣемъ Прозоровскимъ въ вотчинѣ, по жалованной грамотѣ, что было прежь сего вотчина боярина Никиты Романовича Юрьева, село Шипилово, Никольское тожь, а въ немъ церковь Николы чудотворца древяна, дѣтски, а въ ней образы, и свѣчи, и книги и на колокольницѣ ко-

* Нынѣ Шипилово село Московскаго у.

локола вотчинниково строенье, да на церковной землѣ во дв. помѣ Стахей Евстратовъ, да въ томъ же селѣ 2 дв. вотчинниковыхъ, дв. прикащика и 12 дв. задворныхъ людей». (Писцов. кн. 685, л. 769 об.).

По книгамъ Патр. Каз. Приказа 7136 г. Селецкой, Радонежской и Загородской десятины: «церковь Николая чудотворца, въ вотчинѣ князя Семена Васильевича Прозоровскаго, въ селѣ Шипиловѣ, дани 9 денегъ, по наказу гривна; апрѣля въ 8 день, на нынѣшней 136 г., тѣ денги взято», а подъ 1635—1679 гг. упоминается: «въ вотчинѣ князей Семена и Матвѣя Васильевичей Прозоровскихъ, въ селѣ Шипиловѣ, у ируда, дани 6 алт., заѣзда гривна» (Патр. Прик. кн. 2, л. 180, кн. 10, л. 163, кн. 196, л. 96).

Въ 7154 (1646) г., въ селѣ Шипиловѣ-Никольскомъ числилось 4 дв. крестьянскихъ, въ нихъ 9 челов.; при церкви былъ священникъ Алексѣй (Переп. кн. 9809, л. 345). Въ 7186 (1678) г. это село принадлежало князьямъ Петру Семеновичу и Петру Ивановичу Прозоровскимъ, въ селѣ находились: дворъ ихъ вотчинниковъ, дв. конюшенной, въ немъ жилъ прикащикъ, 3 дв. кабальныхъ и дѣловыхъ людей, въ нихъ 8 челов., 2 дв. крестьянскихъ, въ нихъ 8 челов. и 2 дв. бобыльскихъ, въ нихъ 3 челов. (Переп. кн. 9813, л. 323 и 327).

Въ дозорныхъ книгахъ Патр. Казен. Приказа 7188 (1680) года читаемъ: «церковь Николая чудотворца, въ селѣ Шипиловѣ, Никольское тожъ, въ вотчинѣ князя Петра Ивановича Прозоровскаго, дани 6 алт., заѣзда гривна; а по досмотру и по сказкѣ тоя церкви дьячка Панкрашки Иванова, та церковь построена до писцовъ (т. е. до 1623 года) и къ той же церкви бояринъ князь Петръ Ивановичъ Прозоровскій далъ изъ своей земли попу въ пустошахъ Селеткинѣ и Ографининѣ сѣнныхъ покосовъ копенъ на 40; да ему жъ попу даетъ хлѣбную и денежную ругу, а ему дьячку дано въ полѣ пашни по десятинѣ, да сѣнныхъ покосовъ копенъ на 15 волоковыхъ» (Патр. пр. дозорн. кн. 141 л. 653).

Въ 1688 г. князь Петръ Ив. Прозоровскій свою половину села Шипилова продалъ кн. Петру Семеновичу Прозоровскому, а отъ него перешло въ 1693 г. къ его дѣтямъ кн. Андрею, Никитѣ и Александру. Последний свою часть уступилъ брату кн. Андрею, который изъ своей вотчины, вмѣсто денежной и хлѣбной руги, отдалъ священнику съ причетниками Николаевской церкви пашенной земли 15 четвертей и сѣнныхъ покосовъ 15 копенъ. Объ этомъ въ приходной книгѣ Патр. Казеннаго приказа находимъ запись слѣдующаго содержанія: «въ нынѣшнемъ въ 202 (1694) году іюля въ 6 день, по указу св. патріарха и по помѣтѣ на выпискѣ Андрея Денисова Владыкина ве-

дѣно: на сю Николаевскую церковь прибавить дани по памяти изъ Помѣстнаго Приказа нынѣшняго 202 года іюля въ 5 день, за приписью дьяка Дмитрія Ѳедорова, съ церковной земли, которою поступился къ той церкви изъ вотчинной своей земли села Никольскаго бояринъ князь Андрей Петровичъ Прозоровскій, съ пашни съ 15 четъ, съ сѣнныхъ покосовъ съ 15 копень, по указной статьѣ, 12 алт. 3 денги, всего старой и прибавочной дани 18 алт. 3 денги, заѣзда гривна, и по сему окладу принимать съ 203 г. и впредь писать сію церковь въ вотчинѣ князя Андрея Петр. Прозоровскаго» (Вотч. Колл. мол. л. кн. 76, № дѣла 14; Патр. Прик. кн. 151, л. 120).

Кн. Никита Петровичъ Прозоровскій свою половину села въ 1700 г. продалъ князю Борису Алексѣевичу Голицыну. Въ переписной книгѣ 1704 г. показано: «за княземъ Андреемъ Пѣтр. Прозоровскимъ половина села Никольскаго, Шинилова тожъ, а въ селѣ церковь Николая чудотворца деревянная, дв. вотчинниковъ, дв. конюшенной и дв. скотной и 6 дв. крестьянскихъ; а другая половина того жъ села за княземъ Борисомъ Алексѣевичемъ Голицынымъ, а въ ней дв. боярской и 3 дв. крестьянскихъ». По смерти кн. Бориса Ал. Голицына его сынъ кн. Сергѣй свое имѣніе въ селѣ Никольскомъ продалъ, въ 1720 г., Прокофію Ѳедоровичу Соковнину, а отъ него перешло въ 1739 г. къ его дѣтямъ: Ѳедору, Михаилу, Василию и Александру, и въ 1747 г. у нихъ куплено княземъ Иваномъ Андреевичемъ Прозоровскимъ, во владѣніи котораго находилась и другая половина села Шинилова, доставшаяся ему послѣ отца его князя Андрея Петр. Прозоровскаго (†1722 г.), по раздѣлу съ его родными братьями кн. Петромъ и Васильемъ Андреевичами Прозоровскими (Перепис. кн. 9815, л. 672; Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, мол. л. кн. 1, № дѣла 15 и кн. 76, № дѣла 14).

Въ 1704—1720 гг., при Николаевской церкви состояли: священникъ Семень Ивановъ, дьячекъ Александръ Ивановъ и пономарь Семень Ѳедоровъ. Церковной дани платилось въ 1712—1710 гг. 31 алт. 5 денегъ.

19. Ц. Николая чудотворца въ селѣ Никульскомъ *).

Село Никульское, оно же и Никульское, на рѣчкѣ Микулѣ, до построения въ немъ деревянной церкви во имя св. Николая, было пустошью. Когда и къмъ первоначально была построена церковь

*) Нынѣ Никульское село Московск. у.

не известно. Въ 7093 (1585) г. село находилось въ вотчинѣ «за бояриномъ княземъ Федоромъ Михайловичемъ Троекуровымъ, а въ селѣ церковь Св. Николая стоитъ безъ пѣнія» (Шисов. кн. 257, л. 512).

Въ писцовыхъ книгахъ 7131 и 7132 (1623—1624) гг. объ этомъ селѣ говорится такъ: «за Иваномъ (Константиновымъ) Карамышевымъ въ вотчинѣ, по государевѣ взоаной грамотѣ 110 г. и по купчей того же году, что ему дано на выкупъ старинная вотчина, что онъ выкупилъ по суду у князя Романа Троекурова, а прежде сего та вотчина была за бояриномъ за княземъ Федоромъ Троекуровымъ, село Микульское, на рѣчкѣ на Микулѣ, а въ немъ храмъ Николы чудотворца да предѣлъ Ярославскихъ чудотворцевъ Феодора, Давыда и Константина древянъ клѣтчки, а въ немъ образы, и книги, и свѣчи и на колокольницѣ колоколы вотчинниково строенье Ивана Карамышева, да въ селѣ во дв. попъ Данила Григорьевъ, дв. вотчинниковъ, живутъ въ немъ дѣловые люди, 8 дв. крестьянскихъ и 7 дв. бобыльскихъ, людей въ нихъ тожъ» (Шисц. кн. 685 л. 675).

Въ приходной книгѣ Патр. Прик. 7136 (1628) г. читаемъ: «церковь Николы чудотворца въ селѣ Никольскомъ, дани 2 алт. 2 ден., по наказу гривна, и апрѣля въ 8 день на нынѣшней 136 г. денги ваято». Подъ 1635—1694 гг. писалось: «церковь Николая чудотворца, да въ предѣлѣ Ярославскихъ чудотворцевъ благовѣрнаго князя Феодора и Давыда и Константина, въ вотчинѣ Иановы жены Карамышева съ дѣтьми, дани 9 алт. 3 ден. десятильничихъ и забѣда гривна» (Патр. Прик. кн. 2, л. 176, кн. 10, л. 163, кн. 196 л. 97).

Послѣ Ивана Константиновича Карамышева (въ 1630 г. убитъ на Дону отъ казаковъ) владѣли селомъ Никульскимъ его вдова Василиса съ дѣтьми Григорьемъ, Михаиломъ, Нинифоромъ, Федоромъ, Соломонидою и Марьею, послѣдняя потомъ была замужемъ за Иваномъ Кокошиловымъ (Вотч. колл. по гор. Москвѣ ст. л. кн. 24 № дѣла 20).

Въ 7154 (1646) г., въ Никульскомъ числилось 12 дв. крестьянскихъ, въ нихъ 43 челов. и 8 дв. бобыльскихъ, въ нихъ 19 челов. (Переписн. кн. 9809 л. 230).

Въ 1668—1700 гг., это село принадлежало Ивану Григорьевичу и его двоюродному брату Василю Михайлову Карамышевымъ (Отказн. кн. 9 л. 138 и Вотч. колл. по гор. Москвѣ ст. л. кн. 24 № дѣла 20).

Въ 7186 (1678) г., въ селѣ находились дворъ ихъ вотчинниковъ, въ которомъ жили 22 челов. дворовыхъ и дѣловыхъ людей, и 26 дв. крестьянскихъ, въ нихъ 105 челов. (Переп. кн. 9813, л. 314—317.)

Въ дозорныхъ книгахъ Патр. Каземнаго Приказа 7188 (1680)

г. написано: «церковь Николая чудотворца съ придѣлы въ вотчинѣ Ивана Карамышева, въ селѣ Никульскомъ, дани 9 алт. 3 ден., заѣзда гривна; а по досмотру (Романа Ивановича Владыкина, по указу патриарха) и по сказкѣ той церкви попа Ивана, та церковь построена изстари, и къ той церкви пиши по десятинѣ въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна по рѣчкѣ Учѣ копенъ съ 20, дали вотчинники изъ своей земли, да емужъ попу вочинники жъ дають годовую денежную и хлѣбную ругу» (Патр. Пр. дозорн. кн. 141, л. 649).

Въ 202 (1694) г. Иванъ и Василій Карамышевы отдали изъ своей вотчины въ селѣ Никульскомъ на прощитаніе священнику съ причетниками Николаевской церкви, вмѣсто руги, пашни 10 четвертей и сѣнныхъ покосовъ 10 копенъ. Вслѣдствіе чего въ Казенномъ Приказѣ послѣдовало распоряженіе: «въ нынѣшнемъ въ 202 г. на сю церковь дани прибавить съ пашни и съ сѣнныхъ покосовъ 8 алт. 2 ден., обоено прежней и новой дани 17 алт. 5 ден. заѣзда гривна, велѣно принимать съ 203 г.» (Вотч. Колл. ст. л: кн. 24 № дѣла 20, Патр. Прик. кн. 151 л. 126).

Въ 1701 г. Василій Мих. Карамышевъ свою часть имѣнія въ селѣ Никульскомъ уступилъ двоюродному брату Ивану Григ. Карамышеву, а отъ него перешло къ его сыну Фёдору (Вотч. Колл. ст. л. кн. 24 № дѣла 20).

Въ 1704 г., въ селѣ находились: дворъ вотчинниковъ, въ которомъ жили прикащикъ и 16 челов. дворовыхъ и дѣловыхъ людей, и 21 дв. крестьянъ, въ нихъ 82 челов. Послѣ Федора Ив. Карамышева († 1750) г. Никульское досталось его вдовѣ Екатериинѣ Ивановой съ дѣтьми Васильемъ, Петромъ и дѣвицею Елизаветою, по раздѣлу съ ея пасынкомъ Николаемъ, рожденнымъ отъ первой жены Федора Ив. Екатерины Богдановой. Въ 1777 г., оно принадлежало Василию Федоровичу Карамышеву (перем. кн. 9815, л. 664, Вотч. Колл. мол. л. кн. 31 № дѣла 78; кн. 26 № дѣла 37).

При церкви Николая чудотворца (деревянной) состояли въ 1704—1720 гг. священникъ Артемій Ивановъ, дьячекъ Михаилъ Тимофеевъ и пономари: Иванъ Ивановъ и Федоръ Артемьевъ. Церковной дани платилось въ 1712—1740 гг. 31 алтынъ съ деньгою.

20. Ц. Успенія Пресвятыя Богородицы съ придѣлами Св. Николая и Св. мученикъ Фрола и Лавра въ селѣ Витеневъ*).

Село Витенево, на рѣчкѣ Учѣ, съ деревянною въ немъ церковью Успенія Пресв. Богородицы и придѣломъ Св. Фрола и Лавра въ

* Нынѣ Витенево село Московск. у.

7093 (1585) г. принадлежало Семену и Алексѣю ~~Вомлинымъ~~ Третьяковымъ; а въ 7131 и 7132 (1623—1624) г. «за стольникомъ Васильемъ Алексѣевымъ сыномъ Третьякова старинная отца ево вотчина село Витенево, на рѣчкѣ Учѣ, а въ селѣ церковь Успенія Пресв. Богородицы (прѣдѣла не показано), деревянъ клѣтчки, а въ церкви образы, и книги, и ризы и на колокольницѣ колокола строенье вотчинниково, да на церковной землѣ во дв. попъ Семень Остафьевъ, во дв. дьячекъ Алешка Федоровъ, дв. пусть пономаревъ, мѣсто дворовое просвирничино, пашни церковные середніе земли 10 четвертей съ осминою, лѣсомъ поросло 9 четвертей съ осминою въ полѣ, а въ дву потомужъ, сына по рѣчкѣ по Учѣ 10 копенъ; да въ томъ же селѣ дв. вотчинниковъ, живутъ дѣловые люди, дв. прикащиковъ, 5 дв. крестьянскихъ и 6 дв. бобыльскихъ, въ нихъ 14 челов.» (Писцов. кн. 257 и 685).

Въ приходныхъ окладныхъ книгахъ Патр. Каз. Приказа подъ Радонежской, Селецкой и Задородской десятинами за 7136 (1628) годъ написано: «церковь Пресвятая Богородицы въ вотчинѣ Василья Алексѣевича Третьякова, въ селѣ Витеневѣ, дани 2 алт., по наклазу гривна, и апрѣля въ 8 день на нынѣшней 136 годъ тѣ деньги взято;» а подъ 7143 (1635) и 7187 (1679) гг. значится:— «въ вотчинѣ Васильевы жены Третьякова съ дѣтьми вдовы Ульяны, въ селѣ Витеневѣ, у рѣчки у Учи, дани 22 алт. 3 ден., десятильничихъ и заѣзда гривна» (Патр. Прик. кн. 2, 14 и 196.)

Въ записной книгѣ Патріаршаго Приказа печатныхъ пошлинъ, которая собирались съ благословенныхъ грамотъ, выданныхъ пѣтъ онаго Приказа въ 7152 (1644) году о строеніи церквей, значится: «марта въ 28 день, запечатана благословенная грамота въ Московской уѣздъ, въ Манатинъ стайнъ, по челобитью вдовы Ульяны Васильевскіе жены Третьякова, на два престола, да великаго мученика Георгія. *) Пошлинъ двѣ гривны взято,» (тамъ же кн. 19, л. 93).

По переписнымъ книгамъ 7154 (1646) г., село Витенево съ деревянною въ немъ церковью во имя Успенія Пресв. Богородицы находилось во владѣніи у вдовы Ульяны Васильевской жены Третьякова; при церкви во дв. попъ Иванъ; да въ селѣ дв. вотчинницы и 30 дв. крестьянскихъ, въ нихъ 100 челов. (Перепис. кн. 9800).

---

*) Предполагаемъ, что въ это время разрѣшено было построить въ селѣ Витеневѣ, вмѣсто старой, новую церковь во имя Успенія Пресв. Богородицы, а въ селѣ Ховрянкѣ, бывшемъ во владѣніи у Третьяковыхъ,—на старомъ церковномъ мѣстѣ во имя св. Георгія, которая по построеніи была освящена во имя св. Николая.

Въ 7170 (1662)—207 (1699) гг. это село принадлежало женѣ князя Семена Романовича Пожарскаго вдовѣ Авдотѣ Васильевнѣ, урожденной Третьяковой.

Въ 7186 (1678) г. въ с. Витеневѣ числилось 33 дв. крестьянскихъ, въ нихъ 110 человекъ. При церкви Успенія Пр. Богородицы значится придѣлъ Св. муч. Фрола и Лавра (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ ст. л. кн. 2 № дѣла 50, переп. кн. 9813).

Въ дозорныхъ книгахъ Патр. Казеннаго Приказа 7188 (1680) года написано: «по досмотру (Романа Ивановича Владыкина по указу патріарха) и по сказкѣ церкви Успенія Пресв. Богородицы попа Лазаря съ причетники, владѣютъ они въ полѣ пашни паханыя 3 четьи, а въ дву потомужъ, сѣна по рѣкѣ Учѣ и въ пустоши Дьяконовѣ на 40 копенъ волоковыхъ, а достальною нашенною землею, что написано въ писцовыхъ книгахъ (1623 г.), владѣть вдова княгиня Авдотья Васильевна, а имъ владѣть не даетъ, а той де церковной земли межъ и граней они не знаютъ и та земля отъ вотчинной земли не отмежевана» (Патр. Прик. дозорн. кн. 141).

Въ приходѣ Успенской церкви находилось сельцо Аксаково, въ которомъ существовала деревянная церковь во имя Св. великомученика Димитрія, построенная на старомъ церковномъ мѣстѣ около 1628 года. О ней имѣется свѣдѣніе въ приходныхъ окладныхъ книгахъ Патр. Казеннаго Приказа 136 (1628) г. подъ Селецкою десятиною: «ново-прибылая во 136 (1628) году церковь Димитрія Селунскаго въ селѣ Оксаковѣ, въ вотчинѣ Алексѣя Вельяминова, дани 2 алт., по наказу гривна, и апрѣля въ 8 день на нынѣшней 136 годѣ тѣ денги взято.» За послѣдующіе 1635—1680 г. съ сей церкви дань не платилась, потому что «церковь стояла пуста безъ пѣнія». (Патр. Прик. кн. 2 п 97).

Село Аксаково, на рѣкѣ Учѣ, въ 7131 (1623) г. съ церковнымъ въ немъ мѣстомъ, гдѣ была церковь Св. Димитрія, находилось въ вотчинѣ за Алексѣемъ и Ѳедоромъ Кирилловыми Вельяминовыми—Воронцовыми, по купчей 131 (1623) году, что прежь сего было въ вотчинѣ за Леонтѣемъ Оксакова; въ селѣ стоялъ дворъ вотчинниковъ, въ которомъ жили дѣловые люди (Писц. кн. 685).

Въ 7154 (1646) г. оно принадлежало Андрею Алексѣеву Вельяминову-Воронцову, въ селѣ числилось 3 дв. крестьянскихъ, въ нихъ 5 челов.

Въ 7186 (1678) г. Аксаково значится сельцомъ—вотчина Андрея и Ивана Алексѣевыхъ Воронцова-Вельяминовыхъ и Максима Никифорова Кологривова, въ сельцѣ находилась дв. вотчинниковъ, два дв.

задворныхъ и одинъ дворъ бобыльской, въ нихъ 17 челов. (Переписи кн. 9809 и 9813).

Церковь Св. Димитрія Селунскаго въ селѣ Аксаковѣ, въ 1679 г. приписана къ церкви Успенія Богородицы, что въ селѣ Витенево. Объ этомъ въ приходной книгѣ Патріаршаго Каз. Приказа находится записъ слѣдующаго содержанія: «въ нынѣшнемъ во 187 (1679) году, февраля въ 22 день, по указу св. патріарха и по помѣтѣ на выпискѣ дьяковъ Ивана Калытина и Перфілія Стѣменникова, съ пустовой церкви Димитрія Селунскаго за прошлые годы данныя деньги велѣно очистить и на вотчинникахъ не спрашивать и впредь въ доимку не писать; а впредь съ сей церкви дани и заѣзда 5 алт. 2 ден. велѣно приписать къ окладу къ церкви Успенія Пресв. Богородицы, что въ Селецкой десятинѣ, въ вотчинѣ окольничаго князя Семена Романовича Пожарскаго жены его вдовы княгини Авдотьи Васильевны, въ селѣ Витенево, потому что то сельцо, что было село Аксаково, нынѣ въ приходѣ къ той церкви Успенія Богородицы. А въ селѣ Аксаковѣ пустую церковь Димитрія Селунскаго велѣно опечатать и дань изъ оклада и изъ доимки очистить и впредь не писать. И по указу св. патріарха пустая церковь въ сельцѣ Аксаковѣ запечатана» (Патр. Прик. кн. 97 л. 12 и 188, дозорн. кн. 141 и 450).

Въ 1700 г., княгиня Авдотья Васильевна Пожарская продала село Витенево Матвѣю Алексѣеву Головину и того же года за нимъ оно утверждено отказною книгою, въ которой между прочимъ упоминается: «въ селѣ церковь Успенія Пресв. Богородицы, да въ предѣлахъ Св. Николая чудотворца и Фрола и Лавра, да въ селѣ дв. вотчинниковъ, дв. конюшенной и скотной, дв. задворнаго человека и крестьянъ 34 двора.» Послѣ Матвѣя Ал. Головина († 1725 г.) это село досталось его дочери Авдотѣ, вышедшей замужъ за Николая Петровича Салтыкова, а въ 1794 г. оно принадлежало ихъ сыну Николаю Николаевичу Салтыкову, по раздѣлу съ родными сестрами Натальею и Авдотьею Николаевыми (Вотч. Колл. мол. л. кн. 44, № дѣла 12, кн. 46, № дѣла 1; отказн. кн. 30, л. 35; Переписи. кн. 9815).

При церкви Успенія Богородицы находились священники: Артемій, 1704—1720 г., Афанасій Лазаревъ, 1720 г., діаконъ Архипъ Перфильевъ, 1704—1720 г., дьячки: Иванъ Перфильевъ, 1704—1710 г. Андрей Ивановъ, 1720 г. и пономарь Григорій Перфильевъ, 1720 г.

21. Ц. Бориса и Глѣба въ селѣ Дегунино *).

Село Дегунино, на рѣчкѣ Лихоборкѣ, въ 7093 (1585) г., «вотчина (церкви) Рождества Пресвятыя Богородицы, что на Дворцѣ, у царицы на

*) Нынѣ Дегунино село Московскаго уѣзда.

Сѣняхъ, за протопопомъ Симеономъ съ братьею, а въ селѣ церковь Борисъ и Глѣбъ деревянъ, у церкви дв. поповъ, дв. дячковъ, да три кельи, да дв. протопоповъ съ братьею» (Писц. кн. 257 л. 299—300).

Въ началѣ XVII ст. Борисоглѣбская церковь уничтожена и Дегунино было деревнею, въ которой по писцовымъ книгамъ 131 и 132 (1623—1624) г. находились: «дворъ протопоповъ съ дѣловыми людьми, да протопоповыхъ 3 дв. крестьянскихъ и 2 дв. бобыльскихъ; да на поповъ Афанасьевъ жеребій Федорова дв. крестьянской и дв. бобыльской, да на поповъ Ивановъ жеребій Васильева 2 дв. крестьянскихъ и дв. бобыльской, на дяконовъ Никитинъ жеребій Алексѣева дв. крестьянской и дв. бобыльской, людей въ нихъ 17 члавѣкъ» (Писц. кн. 685, л. 730).

Въ Дегунинѣ построена, на старомъ церковномъ мѣстѣ, около 1643 г., новая деревянная церковь во имя Бориса и Глѣба съ приделомъ св. Іоанна Богослова, которая и была записана въ приходной окладной книгѣ Патр. Каз. Приказа, подъ Загородкою десятиною: «прибыла вновь, по письму и окладу Ивана Нелединскаго и педьячего Владимира Толстого, 141 (1633) г. церковь страстотерпцовъ Христовыхъ Бориса и Глѣба, да въ предѣлѣ Іоанна Богослова въ вотчинѣ Рождественскаго протопопа, что у Государя на Сѣняхъ, въ селѣ Дегунинѣ, дани по ево жѣ писцовому окладу положили съ попова, да съ приходскихъ дворовъ, да съ церковной земли съ 6 четвъ, сѣна съ 6 копенъ, 18 алтынъ 5 денегъ, десятильничихъ и заѣзда гривна» (Патр. Пр. кн. 10, л. 167).

За 7143 г., въ тѣхъ же книгахъ писано: «въ вотчинѣ Рождественскаго протопопа Іакова съ братьею. И марта въ 18 день, св. Іоасафъ патріархъ Московской и всеа Русіи на нынѣшней 143 годъ и впрядь дани и десятильничихъ и заѣзду иматъ не велѣлъ» (Патр. Пр. кн. 196 л. 93). Вслѣдствіе этого распоряженія Борисоглѣбская церковь не писалась въ приходныхъ окладныхъ книгахъ по 7184 (1676) г.

По переписнымъ книгамъ 154 (1646) г. значится: «за Рождественскимъ протопопомъ Адрианомъ съ братьею село Дегунино, а въ селѣ церковь Бориса и Глѣба деревянная, (при церкви двора священника не означено), дв. протопоповъ, а въ немъ живетъ дѣловой члавѣкъ, да крестьянъ 6 дв., въ нихъ 14 члав.; да въ томъ же селѣ за попомъ за Афанасьемъ крестьянъ 6 дв., въ нихъ 20 члав.; за попомъ Кирилломъ крестьянъ 4 дв., въ нихъ 7 члав.; за попомъ Карпомъ крестьянъ 3 дв., въ нихъ 9 члав.; за дяконами: Карпомъ и Петромъ

крестьянъ 2 дв., въ нихъ 6 челов., всего въ селѣ крестьянскихъ 21 дв., въ нихъ 55 челов.» (Переп. кн. 9800, л. 124—125).

7184 (1676) г., «по указу патріарха и помѣтъ на докладной выпискѣ дьяка Перфілія Сѣменникова, велѣно: съ церкви Бориса и Глѣба въ селѣ Дегуниинѣ данныя деньги по прежнему окладу имать и впредь писать (въ приходныхъ книгахъ) церковь Св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова, да въ предѣлѣ Св. Бориса и Глѣба въ вотчинѣ Рождественскаго протопопа съ братьею, дани 18 алт. 5 денегъ, заѣзда гривна, и августа 24 дня тѣ деньги на нынѣшній 184 г. платилъ тояжъ церкви попъ Петръ» (Патр. Пр. кн. 87, л. 358).

По переписнымъ книгамъ 7186 г. село Дегунино принадлежало того же собора протопопу Θεодору съ братьею; въ селѣ числилось 17 дв. крестьянскихъ, въ нихъ 63 челов. (Переп. кн. 9812, л. 167).

Церковь Іоанна Богослова съ предѣломъ Бориса и Глѣба, писавшаяся въ приходныхъ книгахъ Каз. Приказа подъ Загородскою десятиною, 1678 г. причислена къ Селецкой десятинѣ (Патр. Прик. кн. 91, л. 264).

Въ 7188 (1680) г. Борисоглѣбской церкви попъ Пётръ сказкой объявлялъ, что въ селѣ Дегуниинѣ церковной земли 6 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна межъ полѣ на вражкѣ кошенъ съ 15 волоковыхъ (Патр. Пр. дозорная кн. 141, л. 533 и 680).

Въ 7190 (1682) г. къ церкви отмежевано вновь церковной земли 15 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ мол. л. кн. 43, № 25).

Въ 1700 г., Рождественскому протопопу съ братіею, по государеву указу, велѣно выдавать хлѣбную ругу и за сукно деньгами, а село Дегунино отдать во владѣніе Алексѣевскаго дѣвичьяго монастыря и того же года оно утверждено за монастыремъ отказною книгою, въ которой упоминается: «отказано въ Алексѣевскій дѣвичь монастырь, что на Москвѣ, въ Чертольѣ, игумень Марѣѣ съ сестрами въ Московскомъ уѣздѣ вотчина (церкви) Рождества Преч. Богородицы, что у великаго государя на Сѣняхъ, чѣмъ владѣлъ протопопъ Захарій съ братьею и съ причетники, что взята была у нихъ та вотчина и отписана на великаго государя за жалованную ругу село Дегунино, на рѣчкѣ на Лихоборкѣ, а въ немъ прудъ во вражкѣ Спирковѣ, да въ селѣ жъ церковь Благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба деревянная, а по сказкѣ той же церкви шопы, та церковь и въ ней строеніе образы, и книги, и ризы и колокола государево и приходскихъ людей; да въ томъ же селѣ во дв. попъ Потапъ Яковлевъ, у него сынъ дьячекъ

Мишка, дв. старосты, да крестьянъ 26 дв., въ нихъ 85 челов.» (Окѣ. по гор. Москвѣ кн. 23, л. 35—38).

По приходнымъ окладнымъ книгамъ съ 1680 по 1740 годъ значится въ селѣ Дегуниинѣ «церковь Іоанна Богослова, въ вотчинѣ протопопа Рождественскаго собора, что въ Верху», церковной дани съ 1712 г. платилось 32 алт. съ деньгою (Патр. Пр. кн. 252, л. 487, и кн. 411).

Въ 1704 г. въ Дегуниинѣ числилось 30 дв. крестьянскихъ, въ нихъ 90 челов. Въ 720 г. при церкви были: священникъ Потапъ Яковлевъ, дьячекъ Михаилъ Потаповъ и пономарь Илья Федоровъ (Перепис. кн. 9815, л. 806 и ландр. кн. 1720 г., л. 237).

22. Ц. Рождества Пресвятыя Богородицы въ селѣ Прусахъ *).

Село Прусы, на рѣкѣ Учѣ, по писцовымъ книгамъ 7131 и 7132 (1623—1624) г. находилось въ вотчинѣ «за княземъ Иваномъ княжъ Михайловымъ сыномъ Катыревымъ-Ростовскимъ, по государевѣ жалованной грамотѣ 127 г., а въ селѣ храмъ во имя Рождества Пречистыя Богородицы, да предѣлъ Илья пророкъ и Фролъ и Лавръ, а въ немъ образы, и свѣчи, и книги и на колокольницѣ колокола строенья вотчинниково, — князя Ивана Катырева-Ростовскаго; да на церковной землѣ во дв. погнъ Василии Яковлевъ, во дв. дьячекъ Ивашко Никитинъ, во дв. просвирня Капитолиница; пашни церковныя земли лѣсомъ поросло 7 четвертей въ полѣ, а въ дву погумужъ, сѣна по рѣкѣ по Учѣ 10 коненъ; да въ селѣ дворъ вотчинниковъ, жпвуть дѣловые люди и 4 дв. задворныхъ людей». Во владѣнн же князя Катырева Ростовскаго при селѣ Прусахъ находилась пустошь, что было село Степанково, «а въ немъ былъ храмъ Воскресенія Христова, да предѣлъ св. Николая чудотворца, пашни паханые наѣздомъ середнѣ земли 16 четы, лѣсомъ поросло 20 четы съ осминою, сѣна по рѣкѣ по Микулкѣ 40 коненъ» (Пиццов. кн. 685 л. 781). Степанково впоследствии населено крестьянами и было деревнею.

Въ приходныхъ окладныхъ книгахъ Патр. Казеннаго Приказа Радонежской, Селецкой и Загородской десятинъ за 7136 (1628) г., написано: «церковь Рождества Пречистыя Богородицы въ селѣ Прусь, въ вотчинѣ князя Ивана Катырева, дани 8 денегъ, по наказу гривна, и апрѣля въ 8 день на нынѣшней 136 годъ тѣ денги взято»; а за 7143—7187 (1635—1679) г.г. при Рождественской церкви показаны

---

*) Нынѣ Прусы село Московскаго уѣзда.

придѣлы: Иліи пророка и Фрола и Лавра; дани платилось 2 алт. 4 деньги, десятильничихъ и заѣзда гривна. (Патр. Пр. кн. 2, л. 181; кн. 10, л. 163; кн. 196, л. 96).

Въ 7154 (1646) г. село Прусы съ деревнею Степанковою принадлежало боярину князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому; въ селѣ находился дворъ боярской съ дворомъ прикащичьимъ, а въ деревнѣ числилось 5 дв. крестьянскихъ въ нихъ 10 челов. и два двора пустыхъ. Въ 7186 (1678) г. этимъ имѣніемъ владѣлъ князь Василій Ѳедоровичъ Одоевскій; въ селѣ Прусахъ состояли: дв. вотчинниковъ и дворы: скотной и конюховъ, въ нихъ 3 челов., дворъ крестьянской и 4 дв. бобыльскихъ, въ нихъ 11 челов., а въ деревнѣ Степанковѣ— 9 дв. крестьянскихъ, въ нихъ 35 челов. и 6 дв. бобыльскихъ, въ нихъ 17 челов. (Переп. кн. 9809, л. 133; кн. 9813, л. 309—313).

Въ дозорныхъ книгахъ Патр. Казеннаго Приказа 7188 (1680) г. досмотрѣ и описи Романа Ивановича Владыкина, по указу патріарха Іоакима, написано: «церковь Рождества Преч. Богородицы съ предѣлы (деревянная) въ Селецкой десятинѣ, въ вотчинѣ боярина князя Василья Ѳедоровича Одоевскаго, въ селѣ Прусахъ, у рѣчки Учи, дани 2 алт. 4 ден., заѣзда гривна; а по домотру и по сказкѣ той церкви попа Филиппа съ причетники, къ той церкви церковной земли полторы десятины въ поле, а въ дву потому жъ, сѣна по рѣкѣ по Учѣ, на дву лугахъ съ 50 копенъ волоковыхъ, да имъ же де попу съ причетники дасть бояринъ князь Василій Ѳедоровичъ Одоевской годовую хлѣбную и денежную ругу, а что—де въ писцовыхъ книгахъ Лаврентья Кологривова (1623—1624 г.г.) написана пустошь, что было сельцо Степанково, на рѣчкѣ на Микулѣ, а въ ней былъ храмъ Воскресенія Христова, да въ предѣлѣ Николая чудотворца, и того—де сельца Степанкова онъ не знаетъ; а есть де отъ села Прусовъ версты съ три деревня Степанкова, а въ той деревнѣ крестьянскихъ дв. съ 12, а владѣеть тою деревнею бояринъ князь Василій Ѳедоровичъ Одоевскій, и въ той де деревнѣ церковь и церковная земля и сѣнные покосы были ль или нѣтъ—про то онъ не вѣдаетъ. А по сказкѣ боярина князь Василья Ѳедоровича Одоевскаго села Прусь, деревни Степанковой крестьянъ: Кондрашки да Васки Ефимовыхъ съ товарищи, что де къ селу Прусамъ, къ церкви Рождеству Богородицы написано пустошь, что было сельцо Степанково, и нынѣ тутъ деревня боярина князь Василья Ѳедоровича—Степанкова. а прежь де сего та пустошь, что нынѣ деревня, Степанкова, была за князь Ивановъ князь Михайловымъ сыномъ Катырева-Ростовскимъ и на той пустоши былъ одинъ дворъ священника, князь Ивановъ, а въ немъ жили

дѣловые люди, а церковь де Воскресенія Христова и церковная земля и сѣнные покосы были ль или нѣтъ, про то они не знаютъ и ни отъ кого не слыхали, только въ моровое повѣтріе той деревни Степанковы позади дворовъ погребали мертвыхъ, потому что де къ инымъ церквамъ погребать не пускали; а по досмотру въ той деревнѣ Степанковѣ позади дворовъ кладбище старое есть, а цки росли въ землю, а подлѣ того кладбища крестьянская пашня и конопляники; а на досмотрѣ были Тонинскія волости, приселка Никольскаго, Богоявленской попъ Трофимъ, да села Прусь Рождественскій попъ Филиппъ» (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 650—653).

Послѣ князя Василья Ѳед. Одоевскаго его жена вдова княгиня Акилина Ѳедоровна, урожденная Ртищова († 1687 г.*), завѣщала село Прусы продать и вырученныя за оное деньги отдать въ Ростовскій дѣвичій монастырь на поминование ея родителей. Въ 7196 (1688) году это село продано изъ Приказа Большаго Дворца боярину Алексѣю Семеновичу Шейну; въ 1704 году въ Прусахъ, кромѣ двора боярскаго, находились дворы: земскаго дьячка, скотной, конюховъ и рыбачій. Послѣ боярина Шейна оно принадлежало его женѣ вдовѣ Марфѣ Михайловнѣ съ ея сыномъ Сергѣемъ. Въ 1721 г. село Прусы приписано къ дворцовымъ вотчинамъ; потомъ оно было пожаловано Петромъ II графу Семену Леонтьевичу Гендрикову, а послѣ (1759 г.) владѣлъ его сынъ графъ Иванъ Сем. и отъ него перешло въ 1780 г. къ его женѣ вдовѣ граф. Екатеринѣ Сергѣевнѣ (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, ст. л. кн. 33, № дѣла 15; мол. л. кн. 57, № дѣла 64; отказн. кн. 19, № дѣла 138; переп. кн. 9815, л. 666).

При церкви Рождества Богородицы находились священники: Степанъ Лаврентьевъ, 1669 г., Филиппъ Григорьевъ, 1678 г., Яковъ Ивановъ, 1704—1720 г. и Григорій Филипповъ, 1710—1720 г.; дьячки: Кириллъ Филипповъ, 1678 г. и Ѳедоръ Яковлевъ, 1704—1710 г. и пономарь Ѳедоръ Петровъ, 1704—1720 г.

23. Ц. Троицы Живоначальныя въ селѣ Свибловѣ **).

Церковь во имя св. Троицы, существовавшая въ XVI ст. въ селѣ Свибловѣ, вѣроятно, была уничтожена въ началѣ XVII ст. въ Литов-

---

*) 7195 (1687) г. августа 4, св. патріархъ ходилъ къ церкви Василія Великаго, что на Тверской, на отпѣваніе тѣла умершаго боярина и дворецкаго князя Василья Ѳедоровича Одоевскаго жены ево вдовы княгини Акилины Ѳедоровны (Патр. Пр. кн. 122, л. 185).

**) Нынѣ Свиблово село Московскаго уѣзда.

ское смутное время. Въ писцовыхъ книгахъ 7131 и 7132 (1623—1724) г.г. написано: «за стольникомъ за Андреемъ Плещеевымъ въ вотчинѣ, что ему далъ отецъ ево Левъ Плещеевъ, а отцу ево Льву та вотчина дана за московское осадное сидѣнье королевичевъ при ходѣ, село Свиблово, на рѣкѣ на Яузѣ, по обѣ стороны рѣки Яузы, а въ немъ былъ храмъ во имя Живоначальныя Троицы, да на церковной землѣ четыре мѣста: попово, дьячково, пономарево, да про-свирничино; пашни церковныя земли паханые и лѣсомъ поросло 20 четвертей въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна по рѣкѣ Яузѣ 10 копенъ; да въ селѣ дворъ вотчинниковъ, живутъ дѣловые люди, да 2 дв. людскихъ задворныхъ; а пашеть церковную землю стольникъ Андрей Плещеевъ» (Писц. кн. 685, л. 793).

Въ 7166 (1658) г. владѣлъ селомъ его родной братъ Михаилъ Львовичъ Плещеевъ, при которомъ и была построена въ селѣ Свибловѣ, около 1677 года, новая деревянная церковь во имя Живоначальныя Троицы съ придѣломъ св. Алексія митрополита и обложена данью.

Въ приходной окладной книгѣ Патріаршаго Каз. Приказа подъ Селецкою десятиною читаемъ: «въ нынѣшнемъ во 185 (1677) г. въ 31 день генваря, по указу св. патріарха и по помѣтѣ на выпискѣ дьяка Перфілія Сѣменникова, обложена на Москвѣ вновь въ Московскомъ уѣздѣ, въ Манатынѣ и Быковѣ и Коровинѣ стану, церковь Живоначальныя Троицы въ вотчинѣ стольника Михаила Плещеева, въ селѣ Свибловѣ, а дани на тою церковь положено, по сказкѣ той церкви пона Якова, съ дворовъ: съ попова, съ вотчинникова, съ 6 дворовъ людскихъ задворныхъ, да по писцовымъ книгамъ Московскаго уѣзда, письма и мѣры Лаврентья Кологривова 131 и 132 (1623—1624) г.г., съ церковной землѣ съ 20 четьи въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна по рѣкѣ Яузѣ съ 10 копенъ, по указной статьѣ, 16 алт., заѣзда гривна, и потому окладу велѣно тѣ денги на нынѣшній 185 годъ взять, а на прошлые годы не спрашивать» (Патр. Пр. кн. 88, л. 304).

Въ переписныхъ книгахъ 7186 (1678) г. значится: «за стольникомъ Михаиломъ Львовичемъ Плещеевымъ въ вотчинѣ село Свиблово, на рѣкѣ Яузѣ, а въ селѣ церковь Живоначальныя Троицы, да предѣлъ Алексія митрополита, у церкви во дв. помѣ Яковъ, во дв. дьячекъ Ворфоломейко, да въ селѣ жъ дв. вотчинниковъ и дв. скотной, въ нихъ 9 семей дѣловыхъ людей, 4 дв. конюховъ и 4 дв. поваровыхъ, въ нихъ 11 челов.» (Переп. кн. 9813 л. 295).

Въ 7188 (1680) г. при церкви священника не было (Патр. Прик. дозорн. кн. 141 л. 689).

Послѣ Михаила Львов. Плещеева село Свиблово досталось его роднымъ племянникамъ Семену и Федору Федоровымъ Плещеевымъ; въ 1702 г. оно принадлежало дочери Семена Фед. Плещеева дѣвицѣ Марьѣ, а отъ нея перешло къ ея родному дядѣ Кириллу Алексѣевичу Нарышкину, за которымъ оно утверждено въ 1704 г. отказною книгою: «отказано кравчему Кириллу Алексѣевичу Нарышкину племянницы ево дѣвицы Марьи Семеновоі дочери Плещеевой вотчина, что ему кравчему Кириллу Алексѣевичу въ нынѣшнемъ въ 1704 г., по имянному великаго государя указу и по изустному еѣ дѣвицы Марьину завѣщанію и по допросу отца еѣ духовнаго Благовѣщенскаго собору, что въ Верху на Сѣняхъ ключаря Ивана Афанасьева, дана въ Московскомъ уѣздѣ, въ Манатынѣ и Быковѣ и Коровинѣ стану, село Свиблово, на рѣкѣ на Яузѣ, а въ немъ церковь во имя Живоначальныя Троицы, да предѣлъ во имя Алексѣя митрополита древяна клѣтчки, да въ томъ же селѣ Свибловѣ дв. вотчинниковъ, со всякимъ дворовымъ и хоромнымъ строеніемъ и съ садомъ и со всякимъ заводомъ, а во дворѣ дворовыхъ и дѣловыхъ людей 6 челов. 4 дв. задворныхъ и 3 дв. дворовыхъ людей, въ нихъ 14 челов.» (Вотч. Колл. мод. л. кн. 74, № дѣла 30; отказн. кн. 23, л. 268).

Въ селѣ Свибловѣ въ 1708 г. построена каменная церковь св. Троицы и ко дню освященія которой того же года декабря въ 24 день, «по благословенной грамотѣ выданъ антиминосъ въ новопостроенную церковь Живоначальныя Троицы, а взялъ антиминосъ попъ Іаковъ Юанновъ» (Патр. Прик. кн. 138, л. 319; кн. 246, л. 83).

Подъ 1709 г. значится: «въ селѣ Свибловѣ церковь Живоначальныя Троицы съ предѣломъ св. великомученика Георгія каменная, у церкви во дв. попъ Филиппъ Леонтьевъ, служить годовую службу, дв. вотчинниковъ (Кир. Нарышкина); а по сказкѣ старосты Фодота Тимофеева, изъ боярскаго двора и изъ задворныхъ дворовъ люди всѣ вывезены въ разныя вотчины и въ тѣхъ дворахъ живутъ шведы всякіе мастеровые люди» (Переп. кн. 9821 л. 218).

Въ 1721 г. по рѣшенію Юстицъ-Коллегіи, вслѣдствіе прошенія Ивана Дмитріева Плещеева, село Свиблово, находившееся во владѣніи у Кириллы Алексѣевича Нарышкина, было возвращено въ родъ Плещеевыхъ, и того же года оно утверждено за нимъ Иваномъ Плещеевымъ отказною книгою, въ которой говорится: «отказано стольнику Ивану Дмитріеву сыну Плещееву ближней ево родственницы дѣвицы Марьи Семеновоі дочери Плещеева въ Московскомъ уѣздѣ село Свиблово, а въ томъ селѣ Божія церковь во имя св. Троицы, да предѣлъ великомученика Георгія каменная и колокольня каменная жъ съ

колоколами, полаты, и погребы, и поварня, и людскіе покои и солодовенной заводъ каменной же, свѣтлицы и конюшенной дворъ и людскіе покои и хлѣбные анбары деревянные; мельница на рѣкѣ на Яузѣ о четырехъ поставахъ, дворъ мельника, а въ немъ живутъ два иноземца, да въ томъ же селѣ четыре пруда съ рыбами».

По смерти Ив. Дмитр. Плещеева это село перешло въ 1728 г. къ его сыну Семену съ матерью вдовою Анною Дорофѣевою, а въ 1745 г. къ его родной внукѣ Марьѣ Семеновой Плещеевой, съ этимъ имѣніемъ вышедшей замужъ за князя Петра Яковлевича Голицына (Вотч. Коол. по гор. Москвѣ, ст. л. кн. 49, № дѣла 24; кн. 37, № дѣла 7; отказн. кн. 24, л. 301—303).

Троицкая церковь въ селѣ Свибловѣ по приходнымъ книгамъ Патріаршаго Казеннаго Приказа писалась подѣ Селецкою десятиною, за 1678—1689 г.г. «въ вотчинѣ стольника Михаила Плещеева», а съ 1690—1740 г.г. «въ вотчинѣ стольниковъ Семена и Ѳедора Ѳедоровыхъ Плещеевыхъ», съ обозначеніемъ дани съ 1712 г. «39 алт. 2 денги». (Патр. Прик. кн. 100, л. 164; кн. 252, л. 488).

При церкви находились священники: Родіонъ Ивановъ, 1704 г., Степанъ Кондратьевъ, 1710 г. и Иванъ Парфеньевъ, 1720 г.; дьяконъ Борисъ Васильевъ, 1720 г., дьячки: Григорій Ѳедоровъ, 1704 г., Степанъ Лукинъ, 1710 г. и Семень Васильевъ, 1720 г.; пономарь Прохоръ Кирилловъ, 1720 г. и просвирница вдова Ирина, 1720 г.

24. Ц. Спаса Нерукотвореннаго образа и св. Николая чудотворца въ селѣ Никольскомъ, на рѣкѣ Клязьмѣ *).

Село Никольское, на рѣкѣ Клязьмѣ, съ церковью Николая чудотворца въ 7093 (1585) г. находилось въ вотчинѣ «за Овдотьєю Володиміровскою женою Васильева сына Карпова, у церкви дв. поповъ Богдановъ, да въ селѣ дв. вотчинницы Овдотьинъ, да 3 дв. людскихъ, дв. бобыльской». Къ сему принадлежали мельница, на рѣкѣ Клязьмѣ, колотовка и пустоши: Болкошино, Денино и Бунино (Писцов. кн. 257 л. 467).

Въ началѣ XVII ст. Никольское заустѣло, вѣроятно отъ Литовскаго разоренія и названо «пустошью»; здѣсь стояла одиноко деревянная церковь св. Николая «пуста безъ пѣнія». По писцовымъ книгамъ 7131 и 7132 (1623—1624) г.г. значится: «за Иваномъ Васильевымъ

---

*) Нынѣ Никольское сельцо Московскаго уѣзда.

сыномъ Измайловымъ въ вотчинѣ, по купчей 132 г., что онъ купилъ у князя Ивановы посестрїи Черкаскаго у старицы Александры Володиміровы дочери Васильева сына Карпова-Лошкова, да у жены Петра Федоровича Вольтнскаго вдовы Ульяны Володиміровы дочери Васильева сына Карпова-Лошкова, пустошь, что было село Никольское, на рѣкѣ на Клязмѣ, а въ селѣ церковь Николы Чудотворца, стоитъ пуста безъ пѣнія; пашни церковныя земли лѣсомъ поросло 12 четвъ въ полѣ, а въ дву потомужъ» (Писц. кн. 685 л. 800—801).

Въ 7136 (1628) г. Иванъ Вас. Измайловъ свою вотчину отдалъ въ приданое за сестрою своею Марьею, при выходѣ ея замужъ за князя Михаила Михайловича Темкина-Ростовскаго. При немъ Никольское въ 7154 (1646) г. было селомъ, оно же называлось въ отличіе отъ другихъ селъ Никольскихъ — Лошкино; въ немъ существовала деревянная церковь св. Николая, «безъ пѣнія», близъ нея стояли: дв. боярской, 4 дв. крестьянскихъ, въ нихъ 13 челов. и 4 дв. пустыхъ. По смерти княгини Марьи Васильевны Темкиной-Ростовской село Никольское съ пустошью Болкошино, въ 7168 (1660) г., дано ея родственникамъ Семену Артемьеву, Петру, Александру и Михаилу Тимофеевымъ и Петру Андрееву Измайловымъ. Изъ нихъ Семень Арт. Измайловъ свою часть имѣнія продалъ Ивану Матвѣеву Милокову (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, ст. л. кн. 10, № дѣла 14; кн. 55, № дѣла 12; переписн. кн. 9809, л. 335—336).

Пустошь Болкошино, населенная крестьянами, стала деревнею: здѣсь построена новая деревянная церковь во имя Спаса Нерукотвореннаго образа, отъ чего Болкошино стало называться сельцомъ по церкви Спасскимъ, Болкошино тожъ, и было приписано къ селу Никольскому къ церкви Николая чудотворца, въ которой совершалось богослуженіе. О новопостроенной Спасской церкви находимъ свѣдѣніе въ приходной окладной книгѣ Патріаршаго Казеннаго Приказа за 7185 (1677) г. Тамъ записано: «августа въ 27 день, по указу св. патріарха и по помѣтѣ на выпискѣ дьяка Перфілія Съменникова, въ Московскомъ уѣздѣ, въ Манатынѣ Быковѣ и Коровинѣ стану, обложена вновь церковь Нерукотвореннаго образа Спасова въ селѣ Никольскомъ (sic), на рѣкѣ на Клязмѣ, въ вотчинѣ Петра Измайлова, да Ивана Милокова, а на тою церковь положенъ дани, по сказкѣ къ той церкви ставленника въ попы той же церкви дьячка Фоки Артамонова, съ дворовъ: съ попова, съ дьячкова, съ двухъ вотчинниковыхъ, съ 7 дворовъ крестьянскихъ, да церковныя земли, по писцовымъ книгамъ Московскаго уѣзда, Лаврентья Кологривова 131 и 132 г.г., съ 12 четвъ въ полѣ, а въ дву потомужъ, по указной статьѣ, 11 алтынъ,

заѣзда гривна. И по тому окладу тѣ денги на нынѣшній на 185 г. велѣно взять; а съ церковныя земли оброкомъ, по указной статьѣ, на прошлыя годы за владѣнье велѣно взять съ вотчинниковъ, которые писаны выше сего». За послѣдующіе 1678—1740 годы Спасская церковь въ приходныхъ книгахъ того же Казеннаго Приказа подъ Селепкой десятиною писалась въ слѣдующей формѣ: «церковь Спаса Нерукотвореннаго образа въ вотчинѣ Петра Измайлова, да Ивана Милюкова, въ селѣ Никольскомъ, на рѣкѣ Клязмѣ, дани 11 алт., заѣзда гривна»; а съ 1712 г. платилось дани 28 алт. 3 ден. (Патр. Прик. кн. 88 л. 366, кн. 100 л. 160, кн. 252 л. 488).

Въ 7185 (1677) г. Иванъ Матвѣевъ Милюковъ свою вотчину двѣ доли въ селѣ Никольскомъ отдалъ дѣтямъ своимъ Петру, Василью и Макару, а остальная доля того же села съ сельцомъ Спасскимъ-Болкошино принадлежала Петру и Михаилу Тимофеевымъ Измайловымъ. Въ 7186 (1678) г. въ селѣ Никольскомъ находились: дворъ вотчинниковъ, въ которомъ жили прикащикъ и 7 челов. дѣловыхъ людей, и 8 дв. крестьянскихъ, въ нихъ 24 челов., а въ сельцѣ Спасскомъ, Болкошино тожъ, числилось 3 дв. крестьянскихъ, въ нихъ 11 челов. и дв. бобыльской, въ немъ 3 челов. По смерти Петра Измайлова его сынъ Василій съ братьями треть села Никольскаго продалъ Давыду Баранчѣву, а у него куплена княгиней Авдотьей Фодоровною Ромодановскою, въ 202 (1694) г. отъ нея перешла къ князю Михаилу Григорьевичу Ромодановскому и за нимъ отказано того же года, а въ отказной книгѣ упоминается: «въ селѣ Никольскомъ церковь во имя Николая чудотворца деревянная, а въ церкви образы, и книги, и ризы и всякое церковное строенье вотчинниково»; при церкви попъ Иванъ Кузминъ. Въ 1704—1709 гг. с. Никольское было во владѣніи у Василья и Петра Ивановыхъ, Матвѣя, Алексѣя и Ивана Макаровыхъ Милюковыхъ, а сельцо Спасское-Болкошино—у князя Льва Михайловича Шейдякова; въ 1704 г., въ Никольскомъ находилось 3 дв. вотчинниковыхъ, въ нихъ дворовыхъ и дѣловыхъ 38 челов. и 3 дв. крестьянскихъ, въ нихъ 11 челов.; въ сельцѣ Спасскомъ-Болкошинѣ—дворъ вотчинниковъ съ скотнымъ дворомъ, въ нихъ 5 челов. (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ ст. л. кн. 10, № дѣла 14; отказн. кн. 16, л. 1276—1278, переписн. кн. 9813, л. 243 и 252, кн. 9815, л. 627—629 кн. 9821, л. 170).

Въ селѣ Никольскомъ построена новая церковь. 1715 года «сентября въ 12 день, запечатанъ указъ, по челобитью Московскаго уѣзду вотчины стольника Василья Иванова сына Милюкова, въ селѣ Никольскомъ, велѣно освятить тое (sic) перковь большаго Успенска-

го собору протопопу Ѳеодору Панкратьеву и антиминоѡ выдать, за одно полотно денегъ взято» (Патр. Прик. кн. 138, л. 176).

Въ 7122 г. Василій Ив. Милуковъ имѣніе отдалъ дочери своей Татьянѣ женѣ Ивана Степанова Крюкова, по смерти котораго она вышла замужъ за Василья Антипова Озерова, а въ 1736 г. была за третьимъ мужемъ Петромъ Петровымъ Ртищевымъ. Послѣ нихъ селомъ Никольскимъ владѣли (1738 г.) Александръ, Анна и Олимпиада Ивановы Крюковы, Авдотья Васильева Озерова, Яковъ и Наталья Петровы Ртищевы (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, ст. л. кн. 55, № дѣла 12 и св. 30, № дѣла 15).

При церквахъ Николая чудотворца и Спаса Нерукотвореннаго образа находились священники: Герасимъ Петровъ, 1704 г., Игнатій Спиридоновъ, 1709—1710 гг., и Яковъ Васильевъ, 1720 г., и дьячки: Петръ Григорьевъ, 1704—1710 г. и Ѳеодоръ Яковлевъ, 1720 г., при Спасской церкви.

25. Ц. Троицы Живоначальной въ селѣ Троицкомъ-Сельцахъ *).

Церковь Св. Троицы въ селѣ Троицкомъ, Сельцы тожъ, на рѣчкѣ Учѣ, въ 7093 (1585) г. была деревянная «вверхъ». Село это находилось въ числѣ митрополанчѣихъ вотчинъ, а потомъ причислено къ патриаршимъ вотчинамъ. Въ писцовыхъ книгахъ 7131 и 7132 (1623 — 1624) гг. читаемъ: «вотчина великаго государя святѣйшаго патриарха Филарета Никитича Московскаго и всеа Русіи село Троицкое, а Сельцы тожъ, на рѣчкѣ на Учѣ, а въ немъ церковь Живоначальная Троицы древянъ клѣтчки, а въ ней образы, и свѣчи, и книги и на колокольницѣ колоколы строенье великаго государя св. патриарха, да на патриаршей землѣ во дв. попъ Леонтій, во дв. дьячекъ Неустройко Васильевъ, во дв. просвирница Варвара; да въ томъ же селѣ крестьянъ (10 дворовъ) и бобылей (4 дв.), людей въ нихъ 14 челов. (Писцов. кн. 257, л. 432—433 кн. 685, л. 706).

Троицкая церковь по книгамъ Патр. Каз. Приказа находилась въ числѣ «жилыхъ данныхъ церквей» и писалась подъ Селецкою десятиною въ слѣдующемъ порядкѣ: за 7136 (1628) г.—«церковь Живоначальная Троицы въ селѣ Сельцахъ, дани 8 алтынъ 4 денги, по наказу гривна, и апрѣля въ 8 день на нынѣшней 136 годъ тѣ денги взято»; а съ 7143 (1635) по 7181 (1673) г. при сей церкви упоминается «да въ предѣлѣ Архангела Михаила въ патриаршѣ селѣ Сель-

*). Мытѣ Троицкое-Сельцы село Московскаго у.

цахъ, дани 15 алт. десятильничихъ и заѣзда гривна». Подъ 7148 (1640) г. отмѣчено: «по указу патриарха, по челобитной дьяка Ивана Соболева, даны на 146 и 147 (1638 — 39) годы по 15 алт. и десятильничихъ и заѣзда по гривнѣ, для бѣдности, имать не велѣно» (Патр. Прик. кн. 2, л. 177, кн. 10, л. 160, кн. 11, л. 17 кн. 196).

Въ 1644 г. въ селѣ Троицкомъ-Сельцахъ, вмѣсто ветхой Троицкой церкви, поставлена деревянная церковь, перевезенная изъ села Троицкаго-Голенищева, при которой былъ построенъ придѣлъ во имя св. Леонтія Ростовскаго чудотворца. Объ этомъ имѣются свѣдѣнія въ расходныхъ книгахъ Патриар. Казеннаго Приказа за 7152 (1644) г.: «марта въ 8 день, по государеву патриархову указу послано 10 рублевъ въ село Троицкое къ старцу Исидору, велѣно роздать патриаршимъ крестьяномъ за провозъ отъ храма, что перевезли изъ села Троицкаго въ село Сельцы». «Апрѣля въ 24 день, плотникомъ Гришкѣ Кондратьеву съ товарищи 8 неловкомъ, что они въ селѣ Троицкомъ-Сельцахъ подрубили и крыли церковь, которая перевезена изъ села Троицкаго, корму поденнаго марта съ 30 числа по 20 число апрѣля на три недѣли, итого 7 руб. 11 алт. 4 ден. дано». «Юня въ 3 день, по росписи за помѣтою дьяка Григорья Одинцова, иконописцу Леонтію Остафьеву, что починавалъ въ село Троицкое въ Сельцахъ два деисуса да запрестольной образъ да крестъ, отъ починки рубль 16 алт., 4 ден. дано». «Юня въ 4 день, Овошнаго ряду торговому человеку, что у него куплено въ село Троицкое въ Сельцы, въ церковь Живоначальныя Троицы, за сосуды оловянные 18 алт. 2 ден., за кадило мѣдное 16 алт. 4 ден., за водосвятную чашу 10 алт., за крапило 2 алт. всего рубль 19 алт. 4 ден. дано». «Того же дни, Троицкому попу Терентію, что онъ купилъ ко освященію церкви, что въ Сельцахъ, за губку грецкую 10 денегъ дано». «Юня въ 9 день, по росписи за помѣтою дьяка Григорья Одинцова, иконописцу Григорью, что живетъ въ Напрудной слободѣ, за деисусные образы, что онъ писалъ въ село Сельцы къ прежнимъ деисусамъ въ прибавку: за образъ Спасовъ, да за образъ Пречистыя Богородицы, да за образъ Ивана Предтечи, да за образъ Архангела Михаила 3 рубли дано» (Патр. Прик. кн. 18).

Въ 7154 (1646) г. въ селѣ Сельцахъ числилось 23 дв. кр., въ нихъ 52 челов. и 3 дв. бобыльскихъ, въ нихъ 3 челов.; при Троицкой церкви находился во дворѣ попъ Кирилль (Перен. кн. 9809, л. 118).

7158 (1650) г. «января въ 18 день, по государеву патриархову указу патриарша дворцоваго села изъ Селець Троицкому попу Леонтію, что онъ купилъ въ предѣлѣ Леонтія Ростовскаго чудотворца къ царскимъ

да къ сѣвернымъ дверямъ за пробой 8 ден., да за крестъ благословящей 4 алт., за двѣ губки 8 ден., за масло деревянное 4 ден., всего 7 алт. 2 ден. дано». «Февраля въ 26 день, по государеву патриархову указу, куплено у торговаго человѣка въ Московской уѣздѣ, въ патриарше село Сельцы, въ церковь Леонтія Ростовскаго чудотворца ризы полотняныя, оплечье бархателное, по цѣнѣ рубль 6 алт. 4 ден., стихарь подризной, оплечье выбойчатое, по цѣнѣ 23 алт. 2 ден., патрахель бархателная, пуговицы оловянныя, по цѣнѣ 13 алт. 2 ден., да патрахель же малая бархателная жъ, по цѣнѣ 3 алт., поручи бархателныя, пуговицы оловянныя, по цѣнѣ 7 алт., поясъ нитяной 2 алт. 2 денги, всего 2 р. 22 алт. 2 ден. дано» (тамъ же кн. 28).

Въ приходной книгѣ Патр. Каз. Прик. за 7181 (1672) г. подъ статью о Троицкой церкви, что въ Сельцахъ, отмѣчено: «въ нынѣшнемъ во 181 г. октября въ 31 день, по челобитью за помѣстоу дьяка Дениса Дятловскаго, съ сей церкви на прошлые годы и на нынѣшній годъ данныхъ денегъ имать не велѣно и въ книгахъ очистить и изъ окладу выложить» (Патр. Прик. кн. 77, л. 82).

Въ 186 (1678) г. въ селѣ Сельцахъ находились: дворъ патриаршій «становой», дв. конюшенной, дв. воловей, людей въ нихъ 8 челов.; 10 дв. кр., въ нихъ 42 челов., 13 дв. бобыльскихъ, въ нихъ 34 челов., 36 дв. поддѣсовщиковъ, въ нихъ 8 челов. *) дворъ, земскаго дьячка и дворъ мельничій, въ нихъ 10 челов.; «да у Троицкой церкви, на церковной землѣ, во дв. попъ Ульянъ Григорьевъ, во дв. церковной дьячекъ Ивашко Григорьевъ, во дв. пономарь Петрушка Неостеровъ, во дв. просвирица Фѣдорица Матвѣева» (Перенисн. кн. 9812, л. 13).

Въ селѣ Троицкомъ-Сельцахъ была построена новая деревянная церковь во имя Св. Троицы. 7195 (1686) г. «ноября въ 8 день, выдано Иконного ряду торговому человѣку, что у него куплено въ новопостроенную деревянную церковь Живоначальныя Троицы, за двери царскія съ столбцами и съ сѣнью и съ короною, да въ той же церкви въ табла за деисусъ, за 11 иконъ, 14 руб.» Того же года «ноября въ 9 день, святѣйшій патриархъ Іоакимъ въ селѣ Троицкомъ-Сельцахъ святилъ новопостроенную церковь во имя Пресвятыя Троицы и по божественной литургіи пожаловалъ тоя церкви попу Іуліану съ причетники на молебень полтину» (Патр. Пр. кн. 122 л. 129 и 163). Въ 1690—1695 г. при церкви былъ священникъ Фѣдоръ Селуановъ (Патр. Прик. к. 134 л. 492 кн. 156 л. 202).

*) Нѣкоторые изъ крестьянъ и бобылей имѣли прозвища: Балашъ, Бѣлавъ, Шалай, Сорокопыгъ, Брюзгинъ, Бояшевъ, Бабушкинъ, Букинъ, Буровъ, Жарковъ, Швець, Карнауховъ и Толстякъ.

Въ 1701 г., Троицкая церковь въ селѣ Сельцахъ описана такъ: въ церкви царскія двери писаны красками; по правую сторону царскихъ дверей: образъ Св. Троицы, писанъ на краскахъ, на немъ вѣнецъ серебряной гладкой позолоченъ съ городами; образъ Пресвятыя Богородицы Похвалы, писанъ на краскахъ; образъ Соборъ Архистратига Михаила, писанъ на краскахъ; по лѣвую сторону царскихъ дверей: образъ Пречистыя Богородицы Покрова, писанъ на краскахъ, на немъ вѣнецъ серебряной гладкой съ рѣвьями золоченъ; образъ Софіи Премудрости Слова Божія, писанъ на краскахъ; образъ Иліи пророка, писанъ на краскахъ; образъ Николая чудотворца, писанъ на краскахъ, на немъ вѣнецъ и цата серебряные бѣлые рѣзные, въ привѣсѣ три копѣйки большіе серебряные, у Спаса и Богородицы вѣнчики серебряные рѣзные позолочены; на сѣверныхъ дверяхъ написанъ образъ Благоразумный разбойникъ; деисусовъ: 12 образовъ, праздниковъ 12 образовъ, 10 образовъ пророковъ да образъ Пресвятыя Богородицы Знаменія, писанъ на краскахъ; передъ мѣстными образы четыре лампы мѣдныя чеканныя рѣзныя, въ томъ числѣ одна не велика; подсвѣчникъ большой писанъ красками; паникадило мѣдное о трехъ кругахъ; подовѣчникъ жестяной выносной; у мѣстныхъ образовъ три пелены крашенныя цвѣтныя; херуговъ, на немъ писанъ Святыя Троицы да Архистратига Михаила живописнымъ писмомъ. На престолѣ одежда камка зеленая, на немъ крестъ отласть бѣлой; на престолѣ евангеліе печатное, обложено бархатомъ краснымъ, на немъ въ срединѣ распятіе и евангелисты серебряные рѣзные золочены, на исподней цѣкъ пять жуковъ серебряные бѣлые; евангеліе печатное, въ срединѣ распятіе и евангелисты басемные, крестъ благословящій обложенъ со всѣхъ сторонъ серебромъ басемнымъ гладкимъ; распятіе и два ангела серебряные чеканные золочены; на престолѣ покровъ изорбать цвѣтной гвоздишный, обложенъ тафтою лазоревою, подложенъ крашениною зеленою; на жертвенникѣ потиръ и блюдечко оловянные, звѣзда и лица мѣдныя, копіе желѣзное; за престоломъ образъ Пресвятыя Богородицы Владимірскія окладъ серебряный гладкой позолоченъ, убрूसъ камка красная, въ привѣсѣ копейка серебряная; на другой сторонѣ образъ Николая чудотворца писанъ на краскахъ; два креста запрестольные писаны на золотѣ; образъ Пречистыя Богородицы Казанскія шти листовой, писанъ на краскахъ; образъ святыя Троицы шти листовой писанъ на краскахъ. Въ трапезѣ образъ преподобнаго князя Феодора Ярославскаго, образъ преподобнаго Семеона Сербскаго, образъ Леонтія Ростовскаго, образъ Жены Мирносицы писанъ на краскахъ.—У той же церкви на столбахъ че-

тыре колокола, вѣсу въ нихъ не подписано.—Кадило мѣдное ветхо; укрошникъ, чаша водосвятная большая мѣдная» (Дворц. Прик. кн. 119).

Въ 1704 г. въ селѣ Сельцахъ находились патриаршій дворъ со всякимъ дворовымъ строеніемъ, 36 дв. крестьянскихъ и дворъ земскаго дьячка (Переп. кн. 9815).

При церкви были: священникъ Иванъ Федоровъ, 1701—1731 г., диаконъ Михаилъ Ивановъ, 1720 г., дьячекъ Аѳанасій Ивановъ и пономарь Василій Федоровъ, 1701—1720 г.

Въ Патриаршемъ дворцовомъ Приказѣ пронаводилось дѣло о построеніи въ селѣ Сельцахъ новой деревянной церкви во имя Св. Троицы. Дѣло началось по прошенію священника оной церкви Ивана Федорова съ церковнымъ старостою Федоромъ Евдокимовымъ и прихожанами. Въ своемъ прошеніи, поданномъ въ Приказъ 1711 года сентября 21 числа, они писали: «въ Московскомъ уѣздѣ, въ дворцовомъ патриаршемъ селѣ Троицкомъ въ Сельцахъ церковь Божія Живоначальныя Троицы деревянная была построена, а нымѣ выщеписанная церковь Божія вся обвалилась и сгнила и углы обвалились и въ ней, церкви Божія, отъ дождя течь дождевая идетъ великая и служить въ ней съ великою нуждою, и просили: на церковь Божию вновь бревна ронить въ Московскомъ же уѣздѣ въ патриарше-дворцовомъ въ селѣ Пушкинѣ, въ домовоіи заповѣдной рошѣ, на церковное строеніе, сколько государь укажетъ». На прошеніи написана резолюція: «1711 года сентября въ 21 день, выписать, а церковь досмотрѣть, что надобе лѣсу».

Вслѣдствіе сего распоряженія Троицкая церковь была осмотрѣна подъячимъ Патриаршаго Приказа Федоромъ Осиповымъ и «по сказкѣ и по смѣтѣ плотниковъ, надобно къ тому церковному строенію лѣсныхъ припасовъ: въ церковную стопу на 30 вѣнцовъ, итого имѣется на 4 отѣмы 120 бревенъ 5 саженныхъ; трапеза на 20 вѣнцовъ, итого имѣется на 3 стѣны 60 бревенъ; олтарь о 5 стѣнахъ, по 20-ти же вѣнцовъ въ стѣну 2 саженнаго лѣсу, итого 50 бревенъ 4 саженныхъ. Итого къ тому церковному строенію надобно съ прибавочными вѣнцами 230 бревенъ въ стѣны; да сверхъ сей описи въ церкви, въ олтарь и въ трапезѣ на потолки и на мостъ 200 бревенъ 5 саженныхъ, въ отрубѣ въ 6 вершковъ, да на паперти и на рундуки и на связи и на самцы 150 бревенъ, всего 580 бревенъ».

«1714 года марта въ 13 день, по указу великаго государя и по приказу боярина князя Петра Ивановича Прозоровскаго, велѣно: въ Московскоіи уѣздѣ, въ патриаршемъ дворцовомъ селѣ Пушкинѣ, въ домовоіи заповѣдной рошѣ лѣсъ, которой рубленъ и не вывезенъ на бумажной заводѣ, осмотрѣть и описать, сколько деревь срублено и

не вывезено и въ какую мѣру и въ которомъ мѣстѣ, и той рощѣ и рубленому и не рубленому мѣстамъ учинить съ мѣрою чертежъ».

Того же числа посланъ изъ Приказа указъ о досмотрѣ заповѣдной рощи села Пушкина къ Николаевскому дьякону Филиппу Семенову, который въ своемъ донесеніи, отъ 23 марта 1714 г., великому государю въ Патріаршій Приказъ, писалъ: «я богомолецъ твой того села Пушкина съ старостой Даниломъ Ивановымъ и съ полѣсовщиками Прохоромъ Савинымъ, да съ Михаиломъ Ивановымъ въ домовой заповѣдной рощѣ лѣсъ, которой рубленъ и не вывезенъ на бумажной заводъ, осматривали, а по осмотру въ той рощѣ рубленыхъ 8 саженныхъ 7 деревъ, 5 саженныхъ 40 деревъ, 4 саж. 30 деревъ, въ остаткѣ всего рубленыхъ 77 деревъ, рублены въ разныхъ мѣстахъ—за болотомъ и возлѣ пруда и за просѣкомъ къ Черепову, выборомъ, на версту, а не рубленаго мѣста въ той заповѣдной рощѣ отъ болота къ Сорокинскому врагу и за просѣкъ къ Кутловскому полю будетъ на версту».

Того же года апрѣля въ 20 день, бояринъ князь Петръ Ивановичъ Прозоровскій съ товарищами, слушавъ того доношенія, приказали: къ тому церковному строенію лѣсу вырубить дворцоваго села Пушкина изъ домовой заповѣдной рощи 200 деревъ сосновыххъ, а рубить тотъ лѣсъ и въ село Троицкое-Сельцы вывезть имъ челобитчикомъ самимъ, а остаточной лѣсъ, которой рубленъ и не вывезенъ на бумажной заводъ, противъ отписки и осмотру того жъ села Пушкина дьякона Филиппа Семенова, числомъ 70 деревъ разныхъ мѣръ, отдать къ церковному строенію имъ же челобитчикомъ». И того же апрѣля 20 числа посланъ указъ на имя Ивана Леонтьевича Тяпкина объ отпускѣ лѣса для церковнаго строенія. Но былъ ли этотъ лѣсъ привезенъ въ село Троицкое - Сельцы — изъ дѣла не видно (Синод. Экон. Правл. № дѣла 5108).

Въ 1716 г. били челомъ въ Патріаршемъ Приказѣ священникъ села Троицкаго-Селець Иванъ Ѳедоровъ съ приходскими людьми: «въ нынѣшнемъ 1716 году въ апрѣль мѣсяцъ, купили оии на Москвѣ, въ Кудриной слободѣ, церковь деревянную во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, а дана та церковь Божія 80 рублевъ, и тое церковь Божію однимъ имъ села Троицкаго-Селець крестьяномъ перевозить не вмочь, а надобно на тое церковь Божію подводъ тысяча, и великій государь пожаловалъ бы велѣлъ для возки тое церкви вспоможеніе дать имъ крестьянскіе подводы изъ иныхъ патріаршихъ вотчинъ». На прошенія написана резолюція: «1716 г. іюня въ 20 день, по указу великаго государя бояринъ князь Петръ Ивановичъ Прозоровскій, слу-

II.

МАТЕРИАЛЫ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ.

ПРИЧИТАНЬЯ
СЪВЕРНАГО КРАЯ

СОВРАННЯЯ

Е. В. БАРСОВЫМЪ.

ЧАСТЬ III.

ПЛАЧИ, СВАДЕБНЫЕ, ЗАРУЧНЫЕ, ГОСТИВНЫЕ, БАЕННЫЕ И ПРЕДВЪНЕЧНЫЕ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ
НЕЗАБВЕННОЙ ПАМЯТИ

Г Р А Ф А

Алексыя Сергѣевича

УВАРОВА.

I.

ПЛАЧИ СГОВОРНЫЕ

Ирины Федосовой.

На приказъ невеста плачетъ. Подголосница вопиитъ:

- Какъ сего-дня, сего жъ денечка,
Сего денечка Господняго,
По утру жъ было ранёшенько,
Какъ до звону колокольнаго,
5. И до пѣня тамъ церковнаго,
Ужъ я тутъ, дѣчи, схватилася,
И отъ сна да пробудилася.
Што я думала бладѣшенька,
Сотворила молодѣшенька,
10. Добрыхъ людей удивила,
И родитель разгнѣвила?
Я ставала-то съ постелюшки,
Обувала ножки рѣзвыи,
Во башмачики ковловыи,
15. Во чудочки завѣныи;
И одѣвалась хоропохонько,
Умывалась бѣдѣшенько,

- Себѣ думала бладѣшенька,
 Во потай да думу крѣпкую;
20. И хоть умылася бѣдѣшенько,
 И снарядилась хорошоохонько,
 И приходила красна-дѣвушка
 Во унылой задней уголокъ,
 И я садилась, лебедушка,
25. На брусѣву бѣлу лавочку;
 И подходила родна матушка,
 Говорила таково словѣ:
 «Я дозналася-довѣдалась,
 «Про тебя, да дитѣ милое,
30. «Што сама себя просватала,
 «Свою волю прозаклѣдала».
 Охъ, роздумаюсь, невольница,
 Я дѣвочымъ умомъ-разумомъ:
 Какъ сего-дня, сего денечка,
35. Нонь по-поздому по вечеру,
 Какъ въ роздольцѣ—въ чистѣмъ полѣ
 Вдругъ вѣдь пыль да подымалась,
 Добры кони появлялися,
 Дѣбры конюшки рублёвыи
40. А санишечка грошовыи—
 Мнѣ-ка што да прилюбилоса,
 Мнѣ-ка што ли приглядѣлоса;
 И застучало тутъ копыто лошадиное,
 И зазвонила тутъ сбруя да все чесманная;
45. Какъ ко нашему крыльцу да ко перѣному,
 Какъ ко этому столбу да ко точѣному,
 И принаѣхали розказы—свѣты бѣльшии,
 Бывъ гроза да превеликая,
 Быдто страсть да не милѣстлива.
50. Я того да испугалася,
 Со постелюшки ставала я;
 И не сказала-не повѣдала
 Я желанной своей матушкѣ,
 Не подруженькѣ я милой,
55. Не сусѣдкѣ спорядовой:
 Не во сняхъ ли то казалоса,
 На явѣ да появилоса.

Скорѣ сонъ да избывается,
 Сего-днѣ дѣло рѣшается,
 60. И добры люди удивляются.

- И во почѣстномъ, во большомъ углу
 Какъ не вѣроны слетаются,
 И не воины съѣзжаются,
 Ужъ какъ сходятся-съѣзжаются
65. Два свата полюбовныи;
 Кабы вѣроны слетались бы,
 Крылье-перыце щипались бы;
 Кабы воины съѣзжались бы,
 У ихъ палицы ломались бы;
70. И не въ трезвонъ нынѣ затрезвонили,
 Мою волю поневолили,
 И не въ колоколь ударили,
 Меня дѣвушку просватали.
 И я гляжу-смотрю, невольница,
75. Скрозь обиду-горючї слезы,
 Я на лавочку брусовую
 И на стѣнушку личевую,
 И на свѣщу да воску ярова,
 Какъ свѣща Божїя туманится
80. И Богородича печалится.
 У моихъ свѣтовъ родителей,
 Въ эвтотъ часъ, да во минуточку,
 Какъ правѣ рука здымалася
 Выше плечъ да на головушку,
85. Со головушки на сердечушко,
 И со сердечушка на правѣ плечо
 И во правѣмъ плечи рука не устоялася.
 И скорѣ сдѣлали крѣпкѣе рукобитьце
 Какъ со этымъ со разскѣвомъ-сватомъ большїмъ
90. Со этымъ со бладымъ сыномъ отечскїмъ.
 И у моеи да у родителя-у матушки,
 И не печатались уста ея сахарнїи,
 И издываются огня да скороплицїи;
 И у мѣго родителя, у батюшки,
95. И не дрожала бѣла права его рученька,
 И затопляються свѣщи да воску ярова,

- Передъ Спасомъ-то теперь да Богородицей;
И не жалили меня бѣлой лебѣдушки,
Дорогой да моей вольной этой волюшки.
100. И вы послушайте, желанныи родители!
Ужъ вы думайте-тко думу, не продумайтесь!
И вапа думушка, родители, часовая,
Моя жирушка, родители, вѣковая;
Кайѣтная недѣлька въ году сбудется,
105. Поворотнаго часочку не бываетъ.
И не окиньтесь вы, желанныи родители,
Все на этихъ разказовъ-свѣтовъ бѣльшихъ,
И на ихъ лѣсковы прелестныи словечушка,
Вы на эта на блада сына отечскаго,
110. Вы на этое бурлацко-цвѣтно платьице,
И не на бѣло молодецко его личушко,
И не на жолтыи завивныи кудерышка,
На походочку его да на щепливую,
Поговорюшку его да чваковитую.
115. И лучилось слышать невольной красной дѣвушкѣ
Мнѣ про этого блада сына отечскаго
И про ихъ да про хоромное строеньеце:
И какъ домишечко-то, скажутъ, не корыстное,
Все житьишечко у ихъ да не богатое.
120. И глупо сдѣлала невольна красна дѣвушка,
Я головушки, невольна, не клонила,
Я сердечушка, невольна, не корила
Я желанному родителю-то, батюшкѣ,
И спацливой жалосливой рѣдной матушкѣ;
125. И просидѣла на брусовой бѣлой лавочкѣ,
И будто шуточку, лебѣдушка, шутила,
Вдругъ лучиночку, лебѣдушка, сломила,
И прошутила дорогу да вольну волюшку.
И вы послушайте народъ, да люди добрыи,
130. И порастроньтесь-во сусѣди спорядовыи,
И дайте мистечка теперь, да не сомношечко,
И со-единую дубовую мостиночку,
Мнѣ-ка малую, со-лѣтнюю тропиночку;
И не конемъ да мнѣ, невольницѣ, проѣхать,
135. И не на саночкахъ, невольной, дубовыхъ,
И не съ полкомъ пройти, побѣдной, енеральскимъ,

- И не съ обходомъ-то пройти да не съ полиціимъ,
И единой мнѣ-ка пройти да единѣшенькой,
Мнѣ ко этой ко кирпичной пройти печенькѣ
140. Мнѣ къ ошесточку пройти да ко окладнему;
И повзыщу-пойду родитель-свою матушку;
И вижу-смичу я, невольна красна дѣвушка,
И скрозь туманъ гляжу, невольна, горючі слезы
И на свою да на родитель рѣдну матушку;
145. Пригнѣвъ стоитъ родитель при обидушкѣ,
И при слезахъ стоитъ родитель при великиихъ;
У ей смѣхнуты хотъ бѣлы свои рученьки
И ко несчастной своей бѣлой хотъ грудюшкѣ,
И крѣпко прижато побѣдно ретливѣ сердце,
150. И сожаліе меня-бѣлую лебѣдушку.
И ты послушай, свѣтъ-родитель моя матушка,
И приклоню да тебѣ буйную головушку,
И покорю тебѣ ретливое сердечушко,
Я со малой вышины да до сырой земли,
155. Я поклонъ тебѣ во рѣзвыи во ноженьки:
И ты прости, прости, родитель, въ томъ же матушка,
Ты во всей меня вины да прости глупости;
Я не гнѣваюсь, невольна красна дѣвушка,
И все на васъ, свѣты-желанныи родители;
160. Я сама да свою волюшку просватала,
Я сама себя, невольна, прозаклѣдала;
Я на шуточкахъ ли волю прошутила,
Аль на писенкахъ ли волю пропѣвала,
И на бесѣдушкахъ въ кружкахъ да проиграла;
165. И сгупа сдѣлала, невольна красна дѣвушка,
И не спросила я у срдѣчевъ милыхъ сродничковъ
И не сказала вамъ желанныимъ родителямъ.

- И какъ сегодняшнимъ Господнимъ Божіимъ денечкомъ
И подломилися вѣдъ рѣзвыи мои ноженьки,
170. И подрожали мои бѣлы столько рученьки,
И приужахнулось ретливое сердечушко,
И испугалась я остудничка чужанничка,
И убоялася разсказовъ—свѣтовъ большіихъ.
Какъ лукавъ-лукавъ розказъ, да злодій большій сватъ,
175. И приѣзжалъ скоро къ крылечкику перѣному,

- И скоро шелъ да по новымъ сѣнямъ рѣшетчатымъ,
 И онъ скорѣшенько ступилъ да въ свѣтлу свѣтлицу;
 По избы да сталъ розказъ-то вѣдь похаживать,
 И онъ родителей моихъ сталъ подговаривать,
 180. И выкликалъ да онъ надѣжу свѣта-батюшка,
 Все возлюльничку-родитель тебя матушку
 И онъ на эти на новы сѣни рѣшетчаты;
 По новымъ сѣнямъ розказъ да все похаживать,
 Ужъ онъ ласково вѣдь васъ да подговаривать;
185. И обчинали дорогѹ да вольну волюшку;
 И въ дорогѹ ль цѣнѹ волю да обчинили;
 Ужъ я дѣвушка вѣдь е да не дешевая
 И моя волюшка вѣдь е да не грошовая:
 И моя волюшка теперечко во сто рублей
190. И руса кóсынъка моя да въ цѣлу тысячу.
 И ты послушай же, родитель—родна матушка:
 И вы радили ль со блада сына отечскаго
 Кунью шубоньку себи да соболиную,
 И поволоку бы себѣ да гарнитурову;
195. И што засуливалъ остудникъ бладь отечской сынъ
 Ужъ какъ вамъ свѣтамъ желаннымъ родителямъ?
 Онъ бадью сулилъ остудникъ меду сладкаго
 И полтора ведра сулилъ да пива пьянаго.
 И на то мои желанны не окинулись
200. И прочь подалъ отъ злодѣвъ пріотдвинулись.
 И какъ догадливый розказъ да злодѣй бóльшій свать
 И онъ поближе къ вамъ родителямъ двигается
 И онъ пониже-то, злодѣй, да покланяется;
 И онъ засуливать, розказъ да злодѣй—бóльшій свать,
205. И онъ засѣки-то сулилъ да хлѣба Божьяго,
 И онъ пшены да сулилъ поле бѣлояровой;
 И на то мои родители не окинулись,
 И прочь подалъ отъ злодѣвъ пріотдвинулись,
 И не смѣняли моей вольной этой волюшки
210. И на ихъ ласковы прелестныи словечушка.
 И какъ еще розказъ лукавъ да злодѣй бóльшій свать
 И поблизешенько онъ къ вамъ да все подходитъ,
 И разговоры умильнешенько разводитъ;
 Онъ сулитъ еще, розказъ, да все засуливать
215. И воскормителю надежѣ свѣту-батюшку

- И на рѣзвѣи ноги сапоженьки козловыи,
 И на головушку вѣдь шляпоньку пуховую,
 И на плечушка тулупъ да одинцовоѣ.
 И отвѣчатъ ему надѣжа-сударь батюшко:
220. И не смѣняю я вѣдь вольной этой волюшки,
 И не отдамъ да своей бѣлой лебѣдушки,
 Я на эту судимую сторонушку:
 И мнѣ не во время носить да цвѣтно платьице,
 И не мода нонь на шляпоньки пуховыи.
225. И какъ еще сулить злодѣй да розказъ бѣльшій свать
 Ужъ какъ свѣтушку же братцу-то родимому,
 И онъ кони сулилъ ему да все ворѣнаго
 И онъ сукна сулилъ ему да одинцоваго,
 Сулилъ саночки ему новгородскѣи,
230. Ужъ онъ модныхъ ковровъ сулилъ Московскѣихъ.
 И на то да мой родитель не окинулся,
 И прочь подалѣ-то родитель прѣотдвинулся.
 И какъ еще лукавъ розказъ да злодѣй бѣльшій свать
 И онъ до дѣвушки меня да достунаеть,
235. И до волюшки моеѣ да добираеться;
 И онъ поближе ко родителямъ двигаетъся,
 И онъ пониже-то злодѣй да покланяеться:
 И городѣ сулилъ вѣдь онъ да съ пригородками.
 И онъ селѣ сулилъ, злодѣй, да со приселками;
240. И на то мои родители не окинулись,
 И прочь подалѣ отъ злодѣя прѣотдвинулись,
 Все жалили меня бѣлую лебѣдушку.
 Какъ еще лукавъ злодѣй да розказъ бѣльшій свать
 И онъ сулить еще родителю—засуливать,
245. И на породушку сулить да именитую,
 И полтора ведра сулилъ да зеленѣ вина;
 И пораздумалъся родитель тутъ мой батюшко:
 Я возму да со блада сына отечскаго,
 Возму рѣзвѣныхъ хмѣльныхъ да я напитокочекъ,
250. И упою да я породушку учѣстую;
 И буде честь-хвала-то мнѣ да позаочная,
 И краснословьице-то мнѣ буде отчимое,
 И буде имячко вѣдь намъ да со изотчиной,
 И буде честь-мѣсто вѣдь намъ да во большѣмъ углу.
255. И тутъ смѣняли дорогу да вольну волюшку

Все на ласковы прелестныи словечушка.
 И не начаялась, невольна, не надіялась
 И во своихъ свѣтахъ желанныхъ родителейъ,
 Што измѣнять дорогу да вольну волюшку,

260. У меня да вѣдь у бѣлой у лебѣдушки.

И какъ сегодняшнимъ Господнимъ Божиимъ дѣнечкомъ,
 И не утушка во бѣрежку закркала,
 Красна дѣвушка во терему заплакала;
 И не вода да въ синемъ морѣ всколыбалася

265. И красна дѣвушка слезами обливалася.

Ужъ вы слушайте желанны свѣтъ-родители!
 И не довольна што, невольница, наскучила,
 Я какъ вину, родитель, провинилася,
 И коей нбгой я, невольна, проступилася,

270. И родителей ли васъ я пристыдила,
 И свѣтовъ братьицевъ ли я да обезчестила,
 Аль свое бѣлое личѣ да присрамила?

Изживаєте желанны свѣтъ-родители,
 И вы меня да дѣшу красну столько дѣвушку

275. И быдто лютаго звѣря да изъ темна лѣса

И быдто лютую змѣю да со чиста поля;
 Изгоняете, какъ заюшка съ подъ кустышка,
 И горносталя ль съ подъ катуца бѣла камешка,
 Аль бѣлу лебедь-то со бѣлой со березоньки,

280. И сѣру утушку со тихихъ со заводей;
 И знать, не трудничка была вамъ, не работничка,
 И знать, не скорое, была вамъ, послушаньнице,
 И вамъ не легкая была, знать, перемѣнушка;
 Аль посылать станешь, родитель, не допшлешься,

285. И буде пошлете, родители, не-дбждетесь,
 И буде дбждетесь, словечка не доспрсцитесь;
 И знать, при мни, да вѣдь при бѣлой лебѣдушкѣ,
 Все у васъ-мой желанны свѣтъ родители,
 Видно, на-дворѣ у васъ да не плодилосья,

290. Видно, на-полѣ у васъ да не родилосья,
 И золота казна у васъ да не скопцлася;
 Измѣняете вы вольну мою волюшку,
 На великую злодѣйну, на неволюшку;
 И мою волюшку сей-часъ да поневолили,

295. И меня дѣвушку въ минуту обзаботили,
И во неволюшку, на чужу на сторонущу,
И во заботу за блада сына отечскаго:
И все страшить да меня, бѣлую лебѣдушку,
Бакъ судимая страшить меня сторонущка;
300. И отдалѣи стоитъ остуда-красовитая,
И облизн эта сторонака-страховитая;
И все не сахаромъ сторонущка обсыпана,
И не сладкима медама-то поливана,
И все не жемчужкомъ сторонка изнасажена:
305. Изнасяна сторонущка обидушкой
И поливана она да горючмы слезмы.
И пораздумаюсь, невольна красна дѣвушка,
И ворочусь да отъ желанныхъ свѣтъ родителей,
Я ко этому столу да ко дубовому;
310. И замѣчаю же, невольна красна дѣвушка,
Што разостланы вѣдь скатерти-то бранны,
И ко столу да вѣдь стульица розставлены,
И на дубовоемъ-то кушанья разложены;
У моей же у родителя-у матушки,
315. И хто же гостюшекъ вѣдь есть, да все любимыихъ,
И у ей свѣтушка ли братьица родимыи?
Знаю-вѣдаю, невольна красна дѣвушка:
И про измѣнушку теперь да волю вольную,
И про злодѣевъ-то розказовъ-свѣтовъ ббльшихъ,
320. Про остудничка вѣдь есть да про блада сына.
Столько дай-ко имъ вѣдь Боже, дай-ко Господи,
Ужъ какъ этиимъ злодѣямъ свѣтамъ ббльшимъ,
Да ступень ступить злодѣямъ, имъ нога сломить,
Да другой ступить злодѣямъ, да друга сломить,
325. Не измѣняли бы вѣдь вольной моей волюшки;
Въ киселю бы имъ злодѣямъ задавитися,
Въ прѣсно мѣлочко злодѣямъ би залитися;
И глѣ этихъ бы гостѣшекъ нелюбимыихъ,
И столько дѣя этихъ людишекъ не корыстныхъ,
330. И имъ собрать бы то на дверную на лавочку,
И столько класть да коробейчанко бездоннам,
Скатерѣтка положить да однозубная,
Имъ бы ложки положить да все ольховыи,
И столько чашенька имъ класть да вѣдь осинова,

335. Имъ бы хлѣба положить столько сухова,
И квасишку подливать имъ бы пряснава,
И лучиночка зажгати бы имъ соснова,
Во трехъ дымахъ бы она да все дымлѣная;
И не достойны бы вѣдь эти людишечка,
340. И какъ сидитъ да за моимъ столомъ дубовымъ,
И все не этому бы князю за столомъ сидитъ,
И не мнѣ-ко-ва ходитъ да столько подчивать.
И не даетъ мое ретливое сердечушко,
И подойти да ко столу мни ко дубовому,
345. И столько дай Господь розказамъ-сватамъ большимъ.
И на полѣ да имъ злодіямъ со метлицею,
И на гумнѣ да имъ злодіямъ со торлицею.

- Какъ до этой поры, да было времечки,
И до сегодняшна Господня Божія денечка,
350. И на горы стоялъ у дѣвушки зеленой садъ,
И край-пути стоялъ вѣдь садъ до край-дороженьки,
И на красы-басы стоялъ да на убѣжествѣ,
И возрастала въ саду травонька шелковая,
И розцвѣтали всяки розовы цвѣточки,
355. И сросли дѣревца въ садочку сахарней;
И во моемъ, да во дѣвоцьемъ зеленѣмъ саду,
И солетали перелѣтны разны птиченьки,
И какъ незнамы соловьи да говоручи,
И возжужлѣли оны разнымъ голосочкамъ;
360. И удивлялися имъ добры столько людюшки,
И любовалися спорядны вси сусѣдушки.
И на мой да на дѣвоцѣй на зеленой садъ.
И вдругъ на этой на уречной на недѣлюшкѣ,
И вдругъ за чудушко у насъ, да причудилось,
365. И въ зеленѣмъ саду за диво объявилось.
И посухати да стала травонька шелковая,
И вдругъ поблекли тутъ цвѣточки лазуревы,
И вдругъ позябли тутъ сахарни деревиночки;
И малы птиченьки чего оны спугались,
370. Изъ зеленѣ сада соловьи разлетались:
И отецъ-матушка того да испугался,
И красна дѣвушка вѣдь я да привадумалась,
И вси сусѣдушки теперь да посрежались,

- И што надъ садомъ вѣдь теперь да сотворилось,
 375. И надъ зелѣннымъ теперь да сочудилося;
 И не мѣшалъ-то вѣдь теперечку зелѣной садъ,
 И онъ не конному вѣдь садъ не пѣшеходному,
 И не прохожему мой садъ, да не проѣзжсму,
 И не попамъ-отцамъ вѣдь садъ да не духовнымъ,
 380. И не служителямъ вѣдь садъ да не церковнымъ,
 И не сельскимъ судьямъ, да правосуднымъ;
 И помѣшалъ столько сего-дня мой зелѣной садъ,
 И да все этымъ ровсказамъ-свѣтамъ большимъ.

- И какъ до этоей поры, да было времечки,
 385. И добры людужки ходили-не боялся,
 И мимо добры кони шли-да не пугалися;
 И какъ сего-дня, сего дѣнечка Господняго,
 И какъ конишка противъ саду становилися,
 И сватухишечка оны да сторопилися,
 390. И зеленъ садъ да раззорить тутъ согласилися:
 И мою волюшку вѣдь взять да во неволюшку,
 И красну дѣвушку вѣдь взять да во заботушку.

- И сегоднешнимъ Господнимъ Божиимъ дѣнечкомъ
 И все по ранному вѣдь было да по-утрышку,
 395. И наставала туча темна неспособная,
 Изъ-за синяго съ за славнаго Оногущка,
 Изъ-за горъ, да эта тученька высокиихъ,
 Изъ-за лѣсу подымалася дремучаго,
 Изъ-за облачка вѣдь тученька ходячего,
 400. Со громомъ туча вѣдь е, да и со молвіей,
 И со частымъ эта туча мелкимъ дождичкомъ,
 И со страстями эта туча со великими,
 И по горамъ да эта тученька катилася,
 И съ горъ камешки со страсти соскатилися;
 405. И по темнымъ да шла вѣдь лѣсушкамъ дремучимъ,
 И въ лѣсахъ деревча теперь да розшумилися,
 И до сырой земли лѣса да приклонилися;
 И какъ листочки по зѣми рѣзстилалися;
 И по синю морю какъ тученька катилася,
 410. И океанъ-да синѣ море сколыбалось,
 И съ крутымъ бѣрежкомъ волна да розходилася,

- И со желтымъ пескомъ вода да помутилась,
 И на карабляхъ-то снасти прерывались,
 И корабельщички вѣдь е да испугались;
415. И по лугамъ да эта тученька катилась,
 И потопила всѣ луга да тамъ зелѣнни;
 И по чисту полю вѣдь тученька катилась,
 И она инеемъ вѣдь тученька садилась;
 И добры людупки того да устрашилися
420. И по домамъ да вѣдь крестьяна убоилися.
 И все я думала, невольна красна дѣвушка:
 И пройде торокомъ вѣдь темна эта тученька,
 И мимо наше село да деревенское,
 И мимо дѣвушкинъ теперече зеленой садъ;
425. И не по думашкамъ теперь да становилосьъ,
 И не по розмысламъ теперь дѣло сбывалосьъ;
 И все же думала я, бѣлая лебѣдушка,
 И пронесетъ да эту темну столько тученьку,
 И ю за синее за славно за Онегушко.
430. И среди села туча да становилася,
 И наднесло да эту темну грозну тученьку,
 И все надъ батюшковъ теперечко высокъ теремъ,
 И надъ матушкинъ тепера на широкой дворъ,
 И надъ братцеву теперь, да свѣтлу свѣтлицу,
435. И все надъ мой же вѣдь теперь да надъ зеленой садъ;
 И поломало въ саду деревца сахарниа,
 И изорвало съ дровъ листочика зелѣнни:
 Измѣнили теперь волюну мою волюшку.

- И какъ мои свѣты-желанныи родители,
440. И опристали, знать, невольну красну дѣвушку,
 И меня кормячи, невольну, столько подячи,
 И обуваючи, невольну, одѣваючи,
 И розгнѣвѣлися на бѣлую лебѣдушку.
 И лучилосъ слышать невольной красной дѣвушкѣ,
445. И про остудушку, про чужую сторонушку,
 И про родителей блада сына отечскаго:
 И скрозекозный богаданой, скажутъ, батюшко,
 И зла-спѣсива богодана буде матушка,
 И быдто Свирь-рѣка она, да вѣдь свирѣпная,
450. И быдто Ладожско она, скажутъ, сердитая;

- И по избы да какъ медвѣдича похаживать,
 И она ѣскоса, злодѣйка-то, поглядывать,
 И не свѣсела она да проговаривать.
 И лучилсь слышать невольной красной дѣвушкѣ,
 455. И все отъ многѣхъ отъ добрыхъ отъ людюшекъ,
 И отъ милыхъ спорядныхъ сусѣдушекъ,
 И мнѣ про ихное хоромное строеньеце:
 И на мшищечкахъ бревнишки, скажутъ, смичены,
 И худыма томореночкамъ изсичены,
 460. И подъ дождевой водой да бревно плавлено,
 И на собакахъ, на строенье бревна вожены,
 И на угрюмое то мѣсто у ихъ ставлено,
 И тридцать сажень то у ихъ да въ землю вкопано,
 И три саженьишка строенья въ верѣхъ поднято;
 465. Какъ сверломъ у ихъ окнищечка просверлены,
 И долотомъ двери у ихъ да все продѣблены,
 И рѣшетомъ свѣту у ихъ туда накошено,
 И сорокъ лѣтъ у ихъ избеночко не мывана,
 И рукомойника въ домѣ у ихъ не водится,
 470. И на стѣны у ихъ иконы не случается;
 И на болото-то оны да хѣдя, моются,
 И на попутье на лопату Богу молятся,
 И ко осиновымъ пѣньямъ да прилагаются.
 Ужъ какъ эта судимая сторонушка:
 475. И нѣтъ сусѣдушковъ вѣдь тамъ да спорядовыхъ,
 И нѣту Божіихъ церквей да посвященныхъ,
 И нѣту звону на остуды колокольнаго,
 И нѣтъ служителей у ихъ да все церковныхъ;
 Тамъ вѣдь темное теперечко залисыче,
 480. Очень малое вѣдь тамъ да все безлюдиче,
 И чернымъ ворономъ туды да все прилетиче,
 И сѣрымъ заюшкамъ туды да все прибѣгиче,
 И сѣрымъ волкамъ-то вѣдь тамъ да становищечко;
 И какъ на этой на судимой на сторонушкѣ,
 485. И мѣсто звону-то у ихъ да колокольнаго,
 И сѣры волки-то у ихъ да тамъ навоются;
 И вмѣсто пѣнья у ихъ да все церковнаго,
 И черны вороны вѣдь тамъ да принаграются;
 Вмѣсто сусѣдей спорядовыхъ,
 490. И со чиста поля собаки приналяются.

- И какъ у этого блада сына отечскаго,
 И домишечко его да все не ражей,
 И житишечко у ихъ да не корыстное;
 И разрѣшетились новы сѣни рѣшетчаты,
 495. И подшиблося крылечико перѣное,
 И надломилися сосновы перекладинки,
 И подогнулися дубовыи мостиночки;
 И скрозь уныишка воробьишка пролетаютъ,
 И во большомъ углу вѣдь гнѣздышка свиваютъ,
 500. И тамъ выводятъ оны малыкъ своихъ дѣтушекъ;
 И все страшить меня невольну красну дѣвушку:
 И какъ у этого остудника чужанина
 И во конюшенкѣ вѣдь нѣтъ да коня добраго,
 И во хлѣбн да вѣдь скота нѣту рогатого,
 505. И нѣту на-полю стоговъ да переводныхъ,
 И нѣтъ засыпано засѣковъ хлѣба Божьяго;
 И на ногахъ нѣту козовыхъ сапоженочковъ,
 И зимней пѣрой не какой нѣту шубеночки.
 И вижу-смичу же, невольна красна дѣвушка,
 510. Ужъ какъ этого блада сына отечскаго,
 И я за этимъ теперь да дубовымъ столомъ:
 И быдто вѣшной-то сидитъ да жавороночешъ,
 И быдто зимней сидитъ поздной поросѣночешъ,
 И быдто грязь да онъ сидитъ тамъ подпорожня;
 515. И красота взята его да все отъ пыльника,
 И бѣлота взята его да все отъ чѣльника.
 И лучилсь слышать невольной красной дѣвушкѣ,
 И мнѣ про этого блада сына отечскаго:
 И на походочку вѣдь онъ да е не стѣпочка,
 520. И разговорюшки его не чваковитыи,
 И на головушкѣ не желтыи кудерышка;
 И какъ у этого блада сына отечскаго,
 И на щекахъ у его да растутъ ельица,
 И подъ щекама у его растутъ березьице,
 525. И головушка его, какъ кустъ вересдовой;
 И все страшить да меня бѣлую лебѣдушку.
 И лучилсь еще невольной красной дѣвушкѣ,
 И знать про этого блада сына отечскаго:
 И хотя хвастаетъ остудникъ бладъ отечской сынъ,
 530. И онъ своей да золотой казной безсчетной,

- И просказали люди добрыи-пробаяли:
 Хотя жь добры его кони-наятые,
 И золота казна его да занятая,
 И цвѣтно платьѣ на себѣ, да все чужое;
535. И какъ охочь ходить остудникъ, да захаживать,
 И онъ по темнымъ по долгимъ по ноченькамъ,
 И сождать да буде бѣлой миѣ лебѣдушкѣ;
 И буде ноженъки держать да на дороженькѣ,
 И бѣлы рѣченъки держать да на заложечкѣ,
540. И буйна голова держать да во окошечкѣ,
 И ясны бчухи держать да во чистомъ полѣ,
 И умомъ разумомъ смѣвать да во всѣ стѣроны:
 И онъ которой придетъ путемъ-дороженькой,
 И онъ откуль придетъ, остудникъ, со сторонущи,
545. И сождать буде невольной до полуночи;
 И вотъ идетъ да онъ, остудникъ бладь отечской сынъ,
 И онъ плотнѣшенько идетъ да подпоясанось,
 И несетъ шапку-то остудникъ на одномъ ухѣ,
 И рукавичи-то несетъ да на правѣй рукѣ;
550. И ужъ онъ пьянъ-не пьянъ, остудничекъ, шатается,
 И надо мной хочеть остудникъ надсмѣхатися;
 И по чернымъ грязямъ, остудничекъ, валяется,
 И какъ еще того остудникъ похваляется,
 И онъ за нашимъ столомъ да за дубовымъ:
555. И буде садичекъ, вѣдь скаже, полоненой,
 И буде родъ-племя теперь да покореное,
 И буде волюшка моя да полоненая;
 И буду дѣвушка ему да покореная;
 И хорошо да я жену свою повывучу,
560. И школьно-нашкольно, дѣтина, я повышколю:
 И отъ двора пойду, остудникъ, я дороженькой,
 И ко двору да приду малоей тропиночкой,
 И штобъ воротечка у насъ да вѣдь не хломнули,
 И желѣзныи заложечки не щелнули,
565. И штобъ не слышала стритить молодѣ жена,
 И ужъ такъ-то надъ ей да надрыгаюся,
 И отъ того она буде виноватая.
 И все не хвастай же, остудникъ, бладь отечской сынъ,
 И дорогой да моей вольной столько волюшкой:
570. И соберусь да я, невольна красна дѣвушка,

- И мнѣ бы крылышка, невольницѣ, гусини,
 И мнѣ бы други, горе-горькой, лебѣдины,
 И подымусь да я, невольна, выше дѣвушку,
 И облечу да всю Русію подселенную,
 575. И я во крѣпости слечу Новгородскіи,
 И я за стѣнушки слечу да бѣлокаменни,
 И найду да тамъ купча я пребогатаго,
 И я задамса во служаночки во вѣриши,
 И во тыи-то задамса долги годышка;
 580. И не прознаешь ты, остудникъ-блать отечской синѣ,
 И не провѣдаешь про волюню мою волюшку,
 И далеко буду за синимъ за Онегушкомъ,
 И буду дѣвушка тебѣ да не покорная,
 И буде голова моя да не поклонная.
 585. И лучилдсь слышать невольной красной дѣвушкѣ,
 И камъ еще да про остуду чужу стѣрону:
 И живе зѣбель на поляхъ да хлѣбородныхъ,
 И все потошь да на лугахъ-то сѣнокосныхъ,
 И кругъ сѣна да все вѣдь звѣри-то съѣдучи.
 590. И скажи, што берешь, остудничекъ, нахалишься,
 И да ты што во мнѣ, остудничекъ, начаешься?
 И не безродная вѣдь есть да не безплеменная;
 И у меня жъ да у невольной красной дѣвушки,
 И три заставы у меня е превеликиихъ,
 595. И три стѣны да у меня е городовыхъ:
 И перва стѣна у меня да городова,
 И стоять матушка у мня буде крестовая;
 И друга стѣна у мня е городова—
 И много братьицевъ у меня да ясныхъ соколовъ;
 600. И третья стѣна у меня да городова—
 И супротивъ крыльца стоитъ она перѣнаго,
 И какъ у этого столба да у точенаго,
 И у витаго колечка золоченаго:
 Я повѣшу тутъ невольна красна дѣвушка,
 605. Ужъ эту затѣлу синю завѣску;
 Очень хитро эта завѣска вышывна,
 Она шита вѣдь шелкомъ да Шамаханскимъ,
 И она обшита вѣдь шитымъ-то золотомъ,
 И вобсажена вѣдь скатинимъ буде жемчугомъ,
 610. И съ Москвы швейки у меня да вѣдь навиманы,

- И съ Новагорода учѣнцы-то привезены;
 И какъ на первомъ буде уголку вышивано,
 И изба земская-то буде да со старостой,
 И на другомъ да буде уголку вышивано,
 615. И чѣлой полкъ буде солдатовъ новобранныхъ,
 И со оружіемъ-то оны да завоеаннымъ;
 И какъ на третьемъ буде уголку вышивано—
 И церкви Божіи-то вѣдь будутъ посвященны,
 И со отцемъ-попомъ будутъ со духовнымъ,
 620. И все служители-то будутъ тутъ церковны;
 И на четвертомъ буде уголку вышивано,
 И будутъ улочки вышиваны рядовы,
 И будутъ лавочки раскладены торговы,
 И всяки разны товары-разноличны;
 625. И среди этой затѣлы сіней завѣски,
 И все повышитъ будетъ царь да со царицею,
 И впереди да я повышью красно солнышко,
 И позади царя повышью я свѣтѣль мѣсяць,
 И по праву руку повышью часты звѣздочки.
 630. И хотъ прїидеть-то остудникъ-бладъ отечской сынъ,
 Ужь онъ съ-кругомъ прїиде молодецкимъ,
 Ужь онъ съ пѣвцомъ прїиде княженецкимъ,
 И напередъ да будутъ дръжки все молѣды,
 Ужь какъ эти роозказы сваты бѣльши,
 635. И подѣвзжать стануть къ селу да деревенскому,
 Хотъ ко мѣму дѣвчюю зелену саду,
 И ко крылечушку теперь да ко перѣному,
 И дѣбры кони на пути да остановятся;
 И какъ людишечка прїѣдутъ не-корыстны,
 640. И вси ни-гди эти людишка не бываютьца,
 И благовѣрнаго царя да не видаютьца,
 Кой содержитъ всю Русію подселенную;
 И отъ крылечушка злодїи тутъ отступятся,
 И отъ перѣнаго оны да взадъ воротятся,
 645. И не посміють достунить да воли вольной,
 И тутъ останусь я во красныхъ во дѣвушкахъ,
 И во своей да дорогой я воли вольной,
 И на придрѣкѣ у родителя-у матушки,
 И въ приберѣгѣ у родителя-у батюшка,
 650. И на утѣху свѣтамъ братыцамъ родимымъ,

- И на весельице души-да красной дѣвушки;
 И ой, раздумаюсь, невольна, своимъ разумомъ,
 И я не ладно-то вѣдь, дѣвушка, удумала,
 И все не хóрошо, лебѣдушка, уладила;
655. И не сдержатъ да дорогой мнѣ своей волюшки,
 И мнѣ на бладой на дѣвочьей на головушеѣ;
 И лучилòсь слышать невольной красной дѣвушкѣ,
 И поѣздъ набранъ молодцѣвъ да все удалыхъ,
 И кои въ Питерѣ бурлакушки бываютьца,
660. И все царя въ глаза бурлакушки видаютьца,
 И эта спáцлива царица благовѣрная;
 И часовые хотъ стоятъ да енералушки,
 И приотдвинуть эту зáвѣску вышивану,
 И скатны жемчужки вѣдь тутъ да поразсыплются,
665. И тутъ пройдетъ да все остудникъ бладь отечской сынъ,
 И онъ со поѣздомъ пройдетъ да княженецкимъ,
 И какъ по моему крылечику перѣному;
 И пораздвинутся народъ, да люди добрыи,
 И тутъ пропустятъ-то розказовъ свáтовъ бóльшихъ.
670. И пораздумаюсь невольнымъ своимъ разумомъ,
 И какъ на ту пору, на тое было времечко,
 И лучилòсь ѣхать бладу сыну отечскому,
 И онъ со поѣздомъ вѣдь ѣхалъ княженецкимъ,
 И ископѣть вѣдь далъ остудникъ лошадиной,
675. И онъ змахнулъ да столько плеточкой шелковой,
 И тутъ вѣдь волюшка моя да испугалась,
 И приужахнулось ретливое сердечушко,
 И приотдвинулась бажóна дорога воля,
 И какъ отъ этого косѣвчата окошечка;
680. И ой, раздумаюсь невольнымъ своимъ разумомъ,
 И попрошу да свѣтушкòвъ братцѣвъ родимыхъ,
 И берегли бы дорогу волю бажòную,
 И пожалѣли меня бѣлу бы лебѣдушку:
 И ой, вы свѣтушки мои да ясны соколы!
685. И вы впрягите борзыхъ коней иноходныхъ,
 И вы во саночки впрягите самокатныи,
 И привяжите звонъ-унылы колокольчики,
 И увезите вы невольну красну дѣвушку,
 И по раздольицу везите, по чисту полю,
690. И увезите отъ остуды чужей стóроны,

- И сберегите дорогу да вольну волюшку,
 И отъ набѣгу-то меня да лошадиного,
 И отъ набѣзду-то меня да молодецкого;
 И вы возьмите свѣты братъица родимыи,
 695. И вы съ собой да пистолеты зарукавныи,
 И буде стритится остудникъ, блажь отечской сынъ,
 И на пути да на широкой на дороженькѣ,
 И вы колѣмъ его остудничка колите-тко,
 И съ писталетика его да подстрѣлите-тко,
 700. И дорогу волю бажону сберегите-тко.
 И вотъ по этымъ, по дубовымъ мостиночкамъ,
 И по крыльцу да-иде князь-то-покланяется,
 И во добры люди вѣдь онъ да похваляется:
 «Я за рубль ступлю въ новы сѣни рѣшетчаты,
 705. «И за полтину я во свѣтлу ступлю свѣтлицу,
 «И за алтынъ да возму красну эту дѣвушку,
 «И за грошъ да возму вольну эту волюшку.
 И а прослышала невольна красна дѣвушка,
 И похвалу да молодà сына отечского:
 710. — И ты не хвастай же остудникъ, блажь отечской сынъ,
 — И дорогой моей бажонной вольной волюшкой,
 — И мной душой да ты вѣдь красной этой дѣвушкой.
 И нынѣ раздумаюсь невольнымъ своимъ разумомъ,
 И я отвѣтъ отдамъ бладу сыну отечскому,
 715. И все не-зàставы съ бладымъ сыномъ поставлены,
 И все не-пѣписи съ остудникомъ пописаны,
 И не по тысящи залогы е положены;
 И я слыхала вѣдь отъ добрыхъ многихъ людюшекъ:
 И отъ стола да добры людюшки разходятся,
 720. И отъ вѣнца да женихи-то розъѣвзаются.
 И принесу покоръ, невольна красна дѣвушка,
 И я ко свѣтушкамъ, ко братцамъ яснымъ соколамъ,
 И я ко этымъ соколочкамъ златокрыльнымъ,
 И пожалѣли-бъ меня бѣлую лебедушку,
 725. И у дверей да становили бы придверничка,
 И у воротъ бы становили приворотничка;
 И все людюшекъ становили бы не бѣдныхъ,
 И не окинулись на деньги оны-бъ мѣдныи,
 И не пустили бы блада сына отечскаго,
 730. И на крылечушко его бы на переное,

- И на новы сѣни его бы не рѣшетчаты,
 И не пустили бы во свѣтлюю во свѣтлицю.
 И пораздумаюсь дѣвочьимъ своимъ разумомъ,
 И куда власть буде бажона дорога воля?
735. И я возму да свою вольну эту волюшку,
 И во дѣвочки во бѣлы свои рученьки,
 И во перстни да свою волю бриллиантовы,
 И во свои кольца возму да золочоны,
 И прижму волюшку къ ретливому сердечушку,
740. И русу косынку во бѣлому во личушку,
 И сговорю столько единого таковаго словъ:
 И дорога жъ моя безцѣнна воля вольная!
 И воля-красное миженъско мое солнышко!
 И воля дѣнной ты теперь да бѣлой свѣтушко,
745. И воля-сладкое было да уяданьеце,
 И воля-дѣлгое было да усыпаньеце,
 И быдто сыръ въ маслѣ вѣдь волюшка каталась;
 И какъ пчела да воля во-меду купалась,
 И бѣлой сахаръ какъ по блюду разсыпается.
750. И куды класть да мни бажона дорога воля?
 И кладу волюшку въ ларчи да окованы,
 И замну волюшку замочкомъ шелкотурнымъ,
 И я въ ларчи буду ходить да по-тихошеньку,
 И отмыкать буду замочки съ осторожностью;
755. И все не мѣсто тутъ вѣдь волюшкѣ-не мистечко,
 И все дознается остудникъ, блажь отечской сынъ,
 И онъ до-мбей дорогѣй да воли вольной.
 И я снесу лучше во мало устороньеце,
 И я спущу волю на лугъ тамъ на зелѣной,
760. И я на травоньку спущу, да на шелковую,
 И на цвѣты спущу я волю, на лазуревы,
 И я сама пойду душа, да красна дѣвушка,
 И я во свой да домъ крестьянску пойду жирушку,
 И пооставлю дорогу волю бажонную,
765. И на пути, да на дорожкѣ приодумаюсь,
 И не стонетъ ли-то матушка, сыра земля,
 И не вянетъ ли подъ волей шелкова трава,
 И не плачетъ ли бажона дорога воля;
 И ворочусь да возму вольну свою волюшку,
770. И во свои возму я бѣлы во рученьки,

- И я спущу да дорогу волю бажоную,
 И я на чужую, на дальнюю сторонушку,
 И накажу да дорогой воли бажоной:
 «И ты не стой да моя вольна эта волюшка,
 775. «И ты у быстрыхъ-то рѣкъ за перебродама,
 «И у озерышекъ не стой за перевозама,
 «И на ямахъ да не стой воля за подводама,
 «И у харчевень-то не стой да за обѣдама,
 «И ты постой да столько вольна моя волюшка,
 780. «И ты во Божіихъ церквахъ да за-молебнамъ,
 «И у духовныхъ отчевъ да за-молитвамъ.
 И пораздумаюсь, невольна, умомъ разумомъ:
 И я не ладно-то, невольница, вѣдь сдумала,
 И я не хорошо про волюшку уладила.
 785. И какъ на ту-пору вѣдь буде-тое времячко,
 И какъ поѣдетъ тутъ остудникъ, бладь отечской сынъ,
 И отъ богатаго сусѣда спорядоваго,
 И онъ съ извозомъ-то во Питерску дороженьку,
 И сусѣжетъ да тутъ вѣдь волюну мою волюшку,
 790. И на пути да на широкой на дороженькѣ.
 Я спущу лучше бажону дорогу волю,
 И въ синѣ морюшко съ уловной вѣдь и рыбонькой,
 И не провѣдаетъ остудникъ, бладь отечской сынъ,
 И все не взять да буде вольной ему волюшки;
 795. И лучилосъ слышать невольной красной дѣвушкѣ,
 И мнѣ про этого блада, сына отечскаго;
 Есть пошиты малогребны малы лѣточки,
 И е повязаны вѣдь нѣвода шелковыи,
 И онъ изловить дорогу да волюну волюшку,
 800. И онъ на синеемъ, на славномъ, на Онегушкѣ.
 И пораздумаюсь, невольна, своимъ разумомъ:
 Я спущу да дорогу волю бажоную,
 Я по крутому спущу, да ю по бережку,
 Я по тихимъ спущу волю по заводямъ,
 805. Я по частымъ спущу волю по затрестямъ,
 И водоплавной спущу да сѣрой утушкой,
 И въ острова да спущу волю не въ бывалыи,
 И въ берега да спущу волю незнакомыи,
 И не провѣдае остудникъ, бладь отечской сынъ,
 810. И не доступить онъ до вольной моей волюшки;

- И мнѣ сказали люди добрыи-пробаяли,
 И што охочь ходить остудничекъ-закаживать,
 И за охотой-то у синяго Онегушка,
 И онъ стрѣлять охочь гусей, да сѣрыхъ лебедей,
 815. И подстрѣлить мою бажѣну дорогу волю.
 И тутъ не ладно, бѣдна дѣвушка, я сдумала,
 И я не хѣрошо про волюшку уладила;
 И я возму тутъ дорогѹ да вольну волюшку,
 И я кладу волю въ пустыню богомольную,
 820. И я въ обитель положу да во спасѣную,
 И гдѣ въ пустыни красны дѣвушки спасаются;
 И пораздумаюсь, невольна, своимъ разумомъ,
 И все не ладно я про волюшку уладила,
 И нонько годышки пошли да все бѣдовны,
 825. И разоряются пустыни богомольны,
 И красны дѣвушки оттоль да разѣѣзжаются,
 И тутъ не мѣсто дорогой да вольной волюшкѣ;
 И я спущу да ю къ Макарью на желтыя пески,
 И въ приберѣгушку вдовы благочестливой;
 830. И пораздумаюсь невольнымъ своимъ разумомъ,
 И тамъ не мѣсто дорогой да вольной волюшкѣ,
 И не сдержатъ да ю вдовы благочестливой;
 И я кладу да дорогу волю бажѣную,
 И я при старшей желанной кладу матушкѣ,
 835. И я подъ праву положу да ю подъ рученьку;
 И пораздумаюсь невольнымъ своимъ разумомъ:
 И тутъ не мѣсто моей волюшкѣ-не мистечко,
 И еще матушка моя да все старѣшенька,
 И носить пѣясокъ она да все слабѣшенька,
 840. И потеряе дорогу волю бажѣную.
 И съ волей выйду на крылечко я перѣное,
 И спущу волю выше лѣсу по поднебесью,
 И вровень съ облачкомъ пуцу волю ходячимъ,
 И къ красну солнышку спущу да во бесѣдушку,
 845. И къ свѣтлу мѣсяцу спущу да въ приберѣгушку,
 И я къ луны спущу, къ звѣздамъ да подвосточнымъ,
 И не прознае-то остудникъ, блажь отечской смнѣ;
 И тутъ раздумаюсь, невольна красна дѣвушка,
 И што не ладно я про волюшку уладила:
 850. И выше лѣсу моя воля не подѣймется,

- И она съ облачкомъ ходячимъ не сровняется,
 И съ краснымъ солнышкомъ она да не разбается,
 И какъ у мѣсяча она не сохраняется.
- И я возму волю во бѣлы свои рученьки,
 855. И во почестенъ посажу да во большій уголь,
 И я подъ милое косѣвчато окошечко,
 И я подъ эту подъ стекольчату околенику,
 И обсажу волю скатнымъ я жемчугомъ,
 И обошью волю чистымъ я сѣребромъ,
860. И обовью волю краснымъ я золотомъ;
 И какъ на ту пору теперъ да тое времечко,
 И прилетали вѣдь двѣ птиченъки заморскіи,
 И какъ садились на косѣвчато окошечко,
 И оны тоненькимъ носочкомъ колотили,
865. И оны жалкимъ голосочкомъ говорили,
 И онѣ дѣвушеѣ вѣдь мнѣ-ка ввѣщевали,
 И моему сердцу назолушки давали:
 И не садись же ты, душа да красна дѣвушка,
 И убирать да свою волюну эту волюшку,
870. И ты не трать да вѣдь, дѣвича, скатна жемчужка,
 И ты не порти, красавича, чиста сѣребра,
 И ты не рви, наша голубка, красна золота,
 И уже такъ да столько е, то не минуется,
 И ты не долго съ своей волей покрасуешься,
875. И буде садочекъ вѣдь твой, да полоненой,
 И буде родъ-племя твое, да покореное,
 И буде волюшка твоя, да во неволюшкѣ,
 И, красна дѣвушка, ты будешь во заботушеѣ,
 И во маетной сколотной будешь жирушкѣ.
880. И тутъ возму да дорогу я свою волюшку,
 И брошу волю я, горюша, о дубовой полъ,
 И стопчу волю я, безсчастна, чернымъ башмачкомъ.
 И тутъ раздумаюсь, невольна, своимъ разумомъ:
 И не краса сидѣть безъ вольной мнѣ-ка волюшки,
885. И подивуютъ многи добры эти людюшки,
 И надоѣла што же воля-напрокучила;
 И подыму волю съ полѹ да со дубоваго,
 И положу волю на стопочку точоную,
 И я на лавочку кладу да на брусую,
890. И до приѣзду-то бладу, сыну отечскому,

- И до злодѣевъ-то ровсказовъ-свѣтовъ бѣльшихъ,
 И пусть сидитъ да дорога воля бажѣная,
 И все подъ милымъ косѣвчатымъ окошечкомъ,
 И по прежнему она, да по досюльному,
 895. И за дѣвочьимъ сидитъ да рукодѣльцемъ,
 И вышивать, пушай, узоры хитромудры,
 И пусть повѣсье тонко-бѣло полотенышко,
 И поспѣшить да къ тепло-парной этой баенкѣ.
- И теперь нонѣча невольна красна дѣвушка,
 900. И ужъ какъ эту уречную недѣлюшку,
 И бывъ подъ тученькой, невольна, грановитой,
 И я подъ облачкой, невольна, страховитой,
 И точно рыбонька во сѣтку изловленная,
 И быдто жарь-птица во клѣтку посаженная;
 905. И у меня да нонь у бѣлой, у лебѣдушки,
 И со неволи буйна гѣлова не гладится,
 И волосъ къ волосу теперь да не слипається,
 И прятка къ пряточкѣ русой косы не ладится,
 И не аде въ косы ала у мня ленточка,
 910. И не цвѣтетъ да теперь цвѣтно это платьице,
 И не грѣветъ-то соболья-кунья шубонька;
 И все страшить меня невольну красну дѣвушку,
 И все остудушка страшить, да чужа сторона,
 И все остудничекъ страшить, да бладь отечской смнѣ;
 915. И хорошо да было съ волей ликоватися,
 И очень мудрено съ неволицемъ познатися;
 И столько три часа со волей розставатися,
 И буде три годы съ неволицемъ свыкатися;
 И первой годъ какъ на остуды обживатися,
 920. И, бывъ булатъ это желѣзо, разжитатися;
 И другой годъ какъ на остуды обживатися,
 И быдто лютая смола да испивать;
 И третей годъ да на остуды обживатися,
 Какъ по булатнѣимъ ступать да вострымъ ножичкамъ,
 925. И много ума надо разума въ головушку,
 И впереди везти на чужу на сторонушку,
 И на двѣнадцати подводахъ лошадиныхъ,
 И на семнадцати полѣтахъ соколиныхъ;
 И все не хватить ума-разума въ головушкѣ,

930. И на двѣнадцать-то годовыхъ Божіихъ праздничковъ;
И надо силушка везти туды звѣриная,
И потягѣ надо везти да лошадинны;
И надо пѣскаки держать да сѣра заюшка,
И поворотушки держать да горносталя;
935. И какъ на чужей, на судимой, на сторонущѣ,
И растутъ съ корешка вѣдь лѣсушка вилатыи,
И изъ-за-мала да живутъ людюшки лукавыи,
И у чужихъ, да богоданныхъ, у родителей,
И добывать надо великое желаньице;
940. И столько жить да на остѣды чужой стѣроны,
И по мостиночкѣ ходить, на-бѣ не шататися,
И говорить надо, невольной, не мѣшатися,
И на-бѣ на лавочкѣ, невольной, не посяживать,
И на-бѣ за прялочкой сажонки не дотягивать,
945. И надо пѣ-часту въ окошко не поглядывать,
И не меня пошлютъ, невольной-надо мнѣ сходить;
И какъ пошлѣтъ да меня, бѣлую лебѣдушку,
И на трудную крестьянскую роботушку,
Испоранному меня да все по утрышку,
950. И штуковата богодана строга матушка,
И хоть не-выйде на крылечико перѣное,
И отдалѣ глядитъ въ косѣвчато окошечко,
И замѣчатъ да меня, бѣлую лебѣдушку,
И на дорожинькѣ бы я не устоялася,
955. И я на стрѣту бы съ сусѣдкой не стрѣталася,
И я бы на-рѣчи съ сусѣдушкой не ставилася,
И што спѣшусь ли на крестьянску я роботушку;
И сусѣдушкѣ бы я да не розжалилася.
И какъ приду да въ домъ, крестьянскую во жирушку,
960. И строго зглѣне богодана эта матушка,
И я съ роботушки ль пришла да веселешенька,
И не заплаканы ли ѣсны мои очушки,
И не утерто столько ль бѣло это личушко;
И надо жить да на остѣды чужей стѣроны,
965. И веселѣй да быть лебѣдкѣ не смѣятися,
И при обидушкѣ-то быть, надо не плакать,
И на-бѣ по улличкѣ ходить да все тихошѣнько,
И на-бѣ походочка держать да все ровнѣшенъка,
И буйна гдлова нести да все низѣшенъка,

970. И на-бъ поклонъ держать вѣдь старому—гля старости,
И надо малому держать да ради блакости,
И мнѣ-ка ровни-то держать надо гля похваля.
И пораздумаюсь невольнымъ своимъ разумомъ:
И ужъ какъ я да вѣдь, невольна красна дѣвушка,
975. И я въ годахъ да вѣдь, лебѣдушка, бладѣшенька,
И умомъ-разумомъ, лебѣдушка, глупѣшенька,
И хотъ я на-слово, лебѣдушка, спѣсивая,
И на рѣчнѹ я поговорюшку бросливая,
И все на двухъ стѹпахъ меня да вѣдь истѹпають,
980. И на двухъ словахъ меня да приоббають.
И столько живучи на-чѹжей на сторонущѣ,
И не на-бъ держать мнѣ бѣлой лебѣдушкѣ,
И тамъ изъ дѣвушекъ совѣтной мнѣ-ка подружки,
И изъ молодушекъ вѣдь крѣпкой мнѣ-ка думушки;
985. И не повыскажешь великою обидушки,
И какъ во эти спорядныи сусѣдушки.
И, ой, страшить меня-невольну красну дѣвушку.
И все остѹдушка страшить, да чужа стѹрона:
И я тонка стою, невольна, какъ тетивочка,
990. И зеленѧ теперь, невольна, какъ травиночка,
И поблекло мое бѣло это личушко,
И помутилися вѣдь ясны мои очушки.
- И пораздумаюсь же, бѣлая лебѣдушка:
И на закатѣ буде краснаго вѣдь солнышка,
995. И на полѣтѣ буде вольна моя волюшка,
И буде родъ-племя вѣдь къ намъ да прибиратися,
И будутъ урывомъ вѣдь волю урывать,
И своесильно будутъ волю отымать,
И у меня да все у бѣлой, у лебѣдушки;
1000. И тутъ схвачу да свою вольну эту волюшку,
И я во бѣлыи схвачу да ю во рученьки,
И дорогѹ да я дѣвочью свою кѹсынью,
И семирѧзны эти шелковыи ленточки,
И плотно прижму ко ретливому сердечушку,
1005. И сговорю да я, невольна, таковѹ словѹ,
И своимъ милымъ вѣдь сродчамъ, этимъ сродникамъ:
«И были въ думщичкахъ, порода именитая,
«И у моихъ свѣтовъ-желанныихъ родителей,

- «И въ потаёвщицкахъ на чужу, знать, сторонушку,
 1010. «И во измѣнщицкахъ вѣдь вольной моей волюшки,
 «И надѣла што, невольница, наскучила?
 «И не на то звала, невольна красна дѣвушка,
 «И сожидала я породу именитую:
 «Што сберегутъ да мою вольну эту волюшку,
 1015. «И приотдумаютъ вѣдь крѣпку оны думушку,
 «И отсовѣтуютъ желаннымъ родителямъ,
 «И приоткажутъ-то блада сына отечскаго;
 «Ажно родъ-племя любимо, сродчи-сроднички,
 «И съ-заедино у васъ крѣпка эта думушка,
 1020. «И все со милома желанныма родительма;
 «И, видно, скупъ взяли, мой родъ-племя любимое,
 «И вы со этого блада сына отечскаго,
 «И, видно, взяли золотой казны по надобью;
 «И што барышите бажѳной дорогой волей,
 1025. «И вы торгуете дѣвочей русой кѳсынкой;
 «И, видно, съ тысяцкихъ да брали вы по тысящѣ,
 «И со блада сына вы взяли миллионама,
 «И измѣнили дорогу да волю волюшку.
 «И столько слушайте вы родъ-племя любимое!
 1030. И буде Богомъ я, невольна, буду сужена,
 И родомъ-племенемъ, невольна, буду сведена,
 И во Божьей церкви попомъ-отцемъ обвѣнчена,
 И я за этимъ за бладымъ сыномъ отечскимъ,
 И каковѳ буде на-чужей жить сторонушкѣ,
 1035. И буде хѳрошо на чужей на сторонушкѣ,
 И запишу да васъ во вичное спасаньице;
 И буде худо жить на чужой на сторонушкѣ,
 И буде вичное вѣдь вамъ да проклинаньице,
 И отъ меня буде отъ бѣлой отъ лебѳдушки.
 1040. Какъ сего-дня, сего денечка Господняго,
 И какъ прошла эта недѣля, не видаютьца,
 И скороталися денечки, не слыхаютца;
 И по розстанусь какъ со вольной своей волюшкой,
 И по прошу свѣтовъ желанныхъ родителей,
 1045. И штобы наняли вѣдь баенныхъ истопщицковъ,
 И ключевой воды оны да водонощицковъ,
 И што топили бы вѣдь парну эту баенку,

- И про меня да все про бѣлу бы лебѣдушку,
 И мнѣ умыть да свое бѣлое бы личушко,
 1050. И мнѣ-ка синь измыть, невольной, съ подь ясныхъ очей,
 И мнѣ-ка пѣчаль со ретливаго сердечушка,
 И горьки слезушки измыть да со ясныхъ очей,
 И учесать да мнѣ-ка блада бы головушка,
 И улести да мелко-прятна мнѣ-ка кдсынька;
 1055. И лучилдсь слышать невольной мнѣ головушкѣ:
 И у моихъ свѣтовъ желанныхъ у родителей,
 И какъ сегоднишнимъ Господнимъ Божиимъ денечкомъ,
 И изпоранному теперечко по утрышку,
 И у ихъ завваны совѣтны мои подружки,
 1060. И у ихъ наняты вѣдь баенны истопщици,
 И про меня да все про бѣлую лебѣдушку,
 И истопить да теплу парну эту баенку,
 И все измыть да мою вольну эту волюшку.

- И я гляжу-смотрю, невольна красна дѣвушка:
 1065. И вдругъ подходит же родитель моя матушка,
 И унимае меня бѣлую лебѣдушку,
 И уласкае мою вольну она волюшку,
 И говорить мнѣ-ка родитель таковд словд:
 Перестань да плавать, бѣлая лебѣдушка,
 1070. И ты не плачь, моя косата лѣтна ластушка,
 И ты не трать своихъ дѣвочихъ ясныхъ очушекъ,
 И не круши да свое бѣдное сердечушко;
 И ты послушай, моя бѣлая лебѣдушка,
 И ты желанную родитель свою матушку.

Мать обращается къ нестѣтѣ и вопиетъ:

- И ты послушай, моя бѣлая лебѣдушка,
 И да што я скажу, кручинная головушка:
 И трудно-тяжело тебя да я носила,
 И тошно-бѣдно отъ утробушки родила;
 5. И я возрѣстала до-пѣлна тебя возрасту,
 И все я думала, печальная головушка,
 И посидишь да ты во красныхъ во дѣвушкахъ,
 И ты во свей-то во вольной этой волюшкѣ;

- И будешь легкая вѣдь мнѣ да перемѣнушка,
 10. И будешь скоро безъотвѣтно послушаньце;
 И у стола будешь, невольница, страпеюшкой,
 И за столомъ будешь умильна мнѣ-ка ткіюшка,
 И безъотвѣтна на роботушкѣ работница,
 И будешь лѣтна мнѣ, горюшѣ, водонощичка,
 15. И будешь зимня на гумни да замолотщичка,
 И будешь басенна родителямъ истошничка;
 И будутъ вѣшныи Ивански намъ вѣдь винички,
 И будутъ красныи Петровски намъ вѣдь ягодки;
 И не по думушкамъ-то дѣло становилось:
 20. И не успѣла ты, сердечно мое дитятео,
 И ты со возрастомъ, лебѣдушка, сровняются,
 И ума-разума въ головушку набратися,
 И поохотила на чужу на сторонушку,
 И отрекнулась отъ желанныхъ родителей.
 25. И пораздумаюсь печальнымъ умомъ-разумомъ:
 И не велики города стоять отъ дѣвушекъ,
 И, видно, хдрошо дитѣ да уродилось,
 И скоро въ дбры оно люди погодилось;
 И сожалію я, печальная головушка,
 30. И я сердечнаго рожона тебя дитятка;
 И у меня да у побѣдной родной матушки,
 И унывать да все безсчастно-ретливѣ сердчѣ,
 И все долить тоска-великая кручинушка;
 И того жаль мнѣ-ка, кручинной головойшкѣ:
 35. И твои плечика, лебѣдушко, узѣшеньки,
 И твоя силушка, лебѣдушко, малѣшенька,
 И у тя рученьки, у дитятка, тонѣшеньки,
 И умъ тотъ разумъ во головушкѣ глупѣшенекъ;
 И твои милыи любимы поровечнички,
 40. И все во дѣвушкахъ оны да остаются,
 И оны малыма ребятамъ щитаются,
 И оны куклама сидять да забавляются,
 И на уличкѣ вѣдь щепкамы спибаются;
 И столько ты, мое сердечно мило дитятео,
 45. И ты подѣ тученькой сидишь да грановитой,
 И ты подѣ облачкой сидишь да страховитой,
 И не умѣла сдержать вольной да ты волюшки,
 И на дѣвочей ты на блადой на головушкѣ;

- И молчи-схвѣтнись, вѣдь бѣлая лебѣдушка,
 50. И по своей да по бажѣной дорогой воли,
 И по дѣвочьемъ украшенномъ живленьицѣ,
 И да ты хватишься, лебѣдушко, заплачешься;
 И не судячь же наша бѣлая лебѣдушка,
 И ты на спадлива родителя на батюшка,
 55. И на меня да на печальну родну матушку,
 И мы вѣдь волюшки твоей да неволили,
 И во заботушку тебя да не заботили,
 И ты сама да себя, дѣвушка, просватала,
 И сама волюшку свою да презаклада,
 60. И во гостяхъ да свою волю прогостила,
 И на бесѣдушкахъ ты волю проиграла,
 И ты на писенкахъ бажѣну проѣвала;
 И порозгнѣвала родителя ты батюшка,
 И со остудникомъ вѣдь ты да сговорила,
 65. И подманули тебя, дѣвушку, сподбали,
 И все на ласковыхъ прелестныхъ словечушкахъ;
 И не хватило у тебя да ума-разума,
 И не спросила ты во добрыхъ во людюшкахъ;
 И ты послушала спорядную сусѣдушку,
 70. И она по-близку, сусѣдка, къ тебѣ лѣщилась,
 И по головушкѣ тебя да она глѣдила,
 И все за близкую родню да она лѣдила.
 И дорога да твоя вѣдь нынѣ волюшка,
 И она въ цвѣтно хотя жъ платье одѣвалась,
 75. И во козловы башмачки обувалась,
 И въ путь-дороженьку вѣдь воля снаряжалась,
 И тебя, дѣвушку, вѣдь воля проклинала,
 И пошла волюшка за чистое за полюшко,
 И по лугамъ да пошла воля по зеленымъ,
 80. И по селамъ да пошла воля деревенскимъ;
 И вдругъ на стрѣту твоей вольной этой волюшкѣ,
 И на пути да на широкой на дороженькѣ,
 И въ стрѣту стрѣтилось великое неволице,
 И какъ угрюмая неволя страховитая,
 85. И у него ли буйна голова не чесана,
 И какъ неволя въ кафтанишечко сокрѣчена,
 И она липовой веревкой подпоясана,
 И во лаптишечка неволя подобулася;

- И уже тутъ да твоя воля испугалася,
 90. И она взадъ да твоя воля ворочалася,
 И у крылечушка она да постучалася,
 И подъ костѣвчатимъ окошечкомъ давалася,
 И все горячима слезама обливалася:
 «И ты пусти меня, дѣвчица, въ свѣтлу свѣтлицу,
 95. «И ты возми, да красовича, вольну волюшку,
 «И клади въ день да ты на бладу на головушку,
 «И клади въ ночь да на пуховую перинушку,
 «И ты по утрышку къ ретливому сердечушку.
 И отрекнудась ты, косата моя ластушка,
 100. И отъ своей да дорогой ты вольной волюшки,
 И пошла волюшка искать да приберегушки,
 И у твоихъ да у совѣтныхъ дружныхъ подружекъ.
 И ты послушай же, сердечно мое дитятко:
 И скорѣ въздумала вѣдь крѣпку эту думушку,
 105. И промахнула свою вольну эту волюшку,
 И не винилася желаннымъ родителямъ,
 И што вѣдь воля у тебя да прозакладана,
 И што великое неволище приказано;
 И мнѣ-ка жаль-тошнѣ кручиннойея головушеѣ,
 110. И безъотвѣтну тебя, бѣлую лебѣдушку;
 И быдто вѣшная вода со льдомъ раздѣдется,
 И также мы съ тобой, голубка, порозстанемся.
 И ужъ ты думала, знать, бѣлая лебѣдушка,
 И все похвальную чужую-то сторонушку,
 115. И што вѣдь жемчужкомъ она да изнасаждена,
 И краше солнышка тебѣ она казалася;
 И не скачонъ жемчугъ вѣдь тамъ да разсыпается,
 И горьки слезушки у васъ да проливаются,
 И тамъ не бѣлой столько свѣтъ да розсвѣтается,
 120. И на сердечушкѣ обида порасходится.
 И кабы знала ты, лебѣдушко бы, вѣдала,
 И про злодѣйную похвальную сторонушку,
 И тридцать лѣтъ бы на сторонку не подумала,
 И сорокъ лѣтъ бы на судиму не помыслила,
 125. И все сидѣла бѣ ты, косата лѣтна ластушка,
 И до уречныхъ дѣвочьихъ двадцать годышковъ,
 И во своемъ да въ прикрашенномъ во дѣвчествѣ;
 И кабы знала ты, сердечно мое дитятко,

- И про остудушку, про чужую сторонушку,
 130. И ты бы бѣлаго лица не умывала,
 И ты бы цвѣтнаго вѣдь платья не держала,
 И до-бѣла бѣ лица, лебѣдушко, не билила,
 И ты бы алыма румянѣ да не румянила;
 И не приманывала бѣ удалыхъ дѣбрыхъ мѣлодцевъ,
 135. И берегла бы да ты вольну свою волюшку,
 И бладешенька со волей не розсталась бы,
 И молодѣшенька съ неволицемъ не съзнались бы.

- И ты послушай же, сердечно мѣло дитятко:
 И какъ ты жила у желанныхъ насъ родителей,
 140. И ты во свѣдемъ прикрашенномъ какъ дѣвчествѣ,
 И была дана у насъ вольна тебѣ волюшка,
 И слободная досужна пора-времечко,
 И мы по утрышку раненько не будили,
 И съ благословеньцемъ тебя да спать ложили,
 145. И со Исусовой молитовкой укрыли;
 И была устлана пуховая перинушка,
 И у меня да у желанной твоей матушки,
 И про твою да про бажону вольну волюшку;
 И я приду да хоть съ поранному по утрышку,
 150. И я ко этоей тесовой ко кроваточкѣ,
 И подойду да ко кроваточкѣ тихошенько,
 И приотдвину эту занавѣсъ легошенько,
 И штобы дитятко мое да не спужалоса;
 И тутъ я правой рукой да тебя подроучу,
 155. И сговорю, бѣдна, единое словечушко:
 «И жаль будеть мнѣ-ка, сердечно тебя дитятко,
 «И да ты спи, моя косата лѣтна ласточка,
 «И ты на этоей тесовой кроваточкѣ,
 «И ты на мягкой пуховой на перинушкѣ,
 160. «И утѣшайся-ко со вольной своей волюшкой,
 И отойду, бѣдна горюша, по скорѣшеньку;
 И возбудить да жалко дитятка тошнѣшеньку;
 И одна страпаю стряпню да суетливую,
 И столько лажу я обѣды-то воскресныи;
 165. И ты пойдѣшь какъ на крестьянскую роботушку,
 И ты со свѣтушками братьяцямъ родимымъ,
 И ты со милымъ соколочкамъ златокрылама,

- И вы за шуточку работу работали,
 И за весельице вы день да провожали,
 170. И за гульбищечко дорожку коротали;
 И говорили свѣты братьяица родимыи,
 И все тоби, мое рожоно мило дитятко:
 «И не трудись, да наша бѣлая лебѣдушка,
 «И не томи да свои бѣлы эти рѹченьки,
 175. «И ты не трать да все дѣвочью свою сидушку,
 «И не тобой наша работа сроботается;
 «И да ты сядь-ко на катучей бѣлой камешокѣ,
 «И взвесели свою безцѣвну вольну волюшку,
 «И въ доброумѣ свѣтушкамъ-братцамъ родимымъ;
 180. И хоть ты придешь со крестьянской роботушки,
 И ко своей да ты родителю ко матушкѣ,
 И выду-стричу на крылечикѣ перѣноемѣ,
 И сговорю бѣдна единое словечушко:
 «И слава Богу-то теперь, да слава Господу,
 185. «И слава Вышнему Бладкѣ-то Святителю,
 «И все Пречистой Пресвятой да Богородицѣ!
 И подроучу да по дѣвочьимъ тебя плечушкамъ:
 «И это трудничка идѣ моя работничка,
 «И што усталая идѣ да опристалая,
 190. «И на роботушкѣ вѣдь ты да притрудилася,
 «И свои бѣлыи-то ручки примахала,
 «И ты дѣвочью свою силу придержала;
 И на-готѣво про сердечныхъ про васъ дѣтушекѣ
 И къ вечеру да парна баенка истоплена,
 195. И по столу да самовары-то сготовлены,
 И къ вечеру да про васъ кушанья излажены,
 И вамъ вѣдь устланы пуховыи перинушки.
 И погоди-жь этой поры да столько времечка,
 И будешь жить какъ на судимой на сторонущкѣ,
 200. И тамъ не будетъ тебѣ рано положеньице,
 И тебѣ поздного не буде пробуженьица,
 И свѣтъ отъ строгой богоданой тебѣ матушки;
 И по утру стане злодѣйка все ранѣшенько,
 И стане пѣ-шебы свекровице похаживать,
 205. И все правдѣ ногой она стане потаптывать,
 И каблучкомъ стане вѣдь въ полъ да приколачивать,
 И деревомъ стане въ двери да приударивать;

- И не съ молитвовой вѣдь тамъ да спать уляжешься,
 И не съ благословеньцемъ по утрышку повыстанешь;
210. И какъ свекровище-то стане розговаривать,
 И возбуждать да стане бѣлую лебѣдушку:
 «И стань лѣнивая сноха да не станливая,
 «И ты не бѣйка молодуха-не удалая,
 «И ты вѣдь прѣспала Господень Божій денечекъ,
215. «И вси повыстали сусѣди спорядовыи,
 «И вси сошли да по крестьянскимъ работишкамъ.
 И ты послушай же, сердечно мое дитятко,
 И ты по утрышку, лебѣдушко, спугаешься,
 И со тесовой кровати забросаешься,
220. И смахнешь рѹченъки на бладу на головушку,
 И тутъ проклянешь свое горькое замужьце,
 И тутъ ты спомнишь прикрашенное дивичество,
 И спамятуешь ты родиму свою родинку,
 И дорогу свою безцѣнну вольну волкошку;
225. И у тебя да у сердечнаго у дитятка,
 И тутъ ужахнется ретливое сердечушко,
 И ростоскуется вѣдь зяблая утробушка,
 И тутъ покатытся вѣдь слезы со ясныхъ очей,
 И все по блеклому по твоему по личушку;
230. И тутъ горючима слезама приумоешься,
 И правой бѣлой ты рученькой приутрешься;
 И хоть ты придеши во хоромное строеньице,
 И строга-злая богоданая-то матушка,
 И по фатеры-то злодѣйка вѣдь похаживаетъ,
235. И на семь дѣлъ тебя головушку раздраживать,
 И пословечно-то она да не розсказывать,
 И все не мильма словама наговаривать;
 И буде бросишься за дѣло ты скорѣшенько,
 И сговорить она-злодѣйка таково словѣ:
240. «И ты гордлива, молодуха, ты спѣсивая»;
 И тихо пойдешь по дубовой какъ мостиночкѣ,
 И говорить станутъ сестрицы богоданыи:
 «И не станливая-вѣтлива ты не шутушка.
 И столько слушай же, сердечно мое дитятко:
245. И какъ живучи на чужей на сторонушкѣ,
 И паде печаль на ретливое сердечушко,
 И тутъ поблекнетъ твое бѣло это личушко,

- И станеть синь да все подь ясныи подь очушки,
 И безь угару болить буйная головушка,
 250. И безь морозушку сердечко перетрескаеть.
 И хотя жь придешь со крестьянской со роботушки,
 И строга-гробна богодана эта матушка,
 И говоритъ она злодѣйка, быдто звѣрь ревить,
 И сговорить она злодѣйка таково словд:
 255. «И ты не трудничка идешь, да не работничка,
 «И на роботушкѣ вѣдь ты не притрудилась,
 «И ты вѣдь силушки своей да не истратила,
 «И цвѣтна платица вѣдь ты да не изгрязнила;
 «И не роботушку вѣдь ты да работала,
 260. «И день ко вечеру вѣдь столько коротала;
 «И ты поглядала на красно часто солнышко.

- И ты послушай съ-того, бѣлая лебѣдушка:
 И мы на этой на уречной на недѣлюшкѣ,
 И какъ мы дѣвушку тебя да вѣдь просватали,
 265. И въ торопѣхъ, бѣдны горюши, торопились,
 И въ суэтахъ да мы, горюши, суэтились,
 И чужихъ бѣсенокъ,-побѣднушки, ослѣхались;
 И какъ сегодняшнимъ Господнимъ Божиимъ денечкомъ,
 И у твоихъ да у желанныхъ у родителей,
 270. И воску ярова свѣща да затоплялась,
 И бѣла права эта рученька слымалась,
 И во правдѣмъ плечѣ рука не устоялась;
 И какъ во ту-порѣ, дитѣ, да въ тое времечко,
 И просидѣла на брусовой ты на лавочкѣ,
 275. Хотя вдоль лавка, лебѣдушко, не ломится,
 По переѣ лавка, лебѣдушко, не колется,
 И тебѣ лавочка, голубошко, не думщичка,
 И коробеечка, дитѣ, да не совѣтничка—
 И тебя не-несли вѣдь рѣзвы, знать, што ноженьки,
 280. И принести покорѣ родителю-то батюшку,
 И все со блѣдой вышины, да до сырой земли;
 И въ шею голова твоя да не клонилась,
 И во устахъ твоихъ языкъ да не ворочался;
 И можешь знать да вѣдать, бѣлая лебѣдушка,
 285. И мы бы думушку, горюшницы, отдумали,

- И отмѣнили бы судимую сторонушку;
 И ка-бы знала ты, голубушка, да вѣдала,
 И какова эта судимая сторонушка,
 И какъ гордливъ-спѣсивъ остудникъ, блажь отечской смѣль,
 290. И кругомъ на-околь желанныхъ родителей,
 И русой космышкой вѣдь полъ да принахала бѣ,
 И ты бы плеточкой вѣдь къ нимъ да обивалася,
 И кругомъ ластушкой вѣдь ты бы облетала,
 И ты клубышкомъ во ноженькахъ каталася.
295. И не судячь же ты, рожоно мое дитятко,
 И на родителя желаннаго на батюшку,
 И на меня да ты родитель свою матушку;
 И ты проглупала вѣдь вольну свою волюшку,
 И вскорѣ здумала вѣдь крѣпку эту думушку,
300. И поохотила на чужу на сторонушку.
 И ты послушай еще, бѣлая лебѣдушка,
 И я придамъ да ума-разума въ головушку,
 И размышленьица въ ретливое сердечушко;
 И какъ вѣдь жить да все на чужей на сторонушкѣ,
305. И у чужихъ да богоданныхъ родителей:
 «И ты оставь да шутки-шмѣночки дѣвочки,
 «И на своей да ты родимой на сторонушкѣ;
 «И оставляй-ко, моя бѣлая лебѣдушка,
 «И ты вѣдь гордость-спѣсь, голубушко, великую,
310. «И свое суровство, дитѣ, да не удольное,
 «И ты во свѣтлой-то оставь да въ своей свѣтлицѣ;
 «И ты съ собой возми, сердечно мое дитятко,
 «И возми кротость ты съ собой да со смиренъицемъ.
 И еще слушай, моя бѣлая лебѣдушка:
315. «И хоть ты придешь въ домъ крестьянскую вѣдь жирушку,
 «И не спѣшишь да на брусову сѣсть на лавочку,
 «И по избѣ ходи, лебѣдушко, скорѣшенько,
 «И ты поглядѣй-ко, дитѣ, да веселѣшенько,
 «И говори вѣдь ты, дитѣ, да умильнѣшенько;
320. «И ты подпадай къ богоданой своей матушкѣ;
 «И ты выпрашивай, косата моя ласточка,
 «И вся ли забрана любимая скотинушка,
 «И вся сострапана ль стряпня да вѣдь веторная;
 «И буде скаже богодана теби матушка,
325. «И на отвѣтъ тебѣ, сердечно мое дитятко:

- И во дворы да вся любимая скотинушка,
 — И у мня сстригана стряпня да все вечерная;
 И ты бери да столько, бѣлая лебѣдушка,
 И тонку бѣлую бери да скатерѣточку,
 330. И настлай ты по столу, ты по дубовому,
 И столько ладь да имъ вѣдь кушанья сахарни,
 И по рукамъ да роздай красныи вѣдь ложечки,
 И устѣли, дитѣ, пуховую перинушку,
 И строгимъ грознымъ богоданнымъ родителямъ.
 335. И я повѣкажу еще да тебѣ, дитятко,
 И при добрыхъ я накажѣ да тебѣ людупкахъ,
 И при окольныхъ спорядныхъ сусѣдушкахъ:
 И станешь жить да на судимой какъ сторонушкѣ,
 И принакопится великою кручинушки,
 340. И все во твоей-то во бладей во головушкѣ,
 И на побѣдномъ все ретливоемъ сердечушкѣ.
 И не розказывай великою обидушки,
 И ты не роду не высказывай-не племени,
 И не милымъ спорядовнымъ сусѣдушкамъ;
 345. И ты повыбери слободну пору-времечко,
 И да ты выдь-ко во раздольце, въ чисто поле,
 И ты ко быстрой, голубонько, ко риченькѣ,
 И прибери мое сердечно мило дитятко,
 И неподвижной ты горючей синей камешекъ;
 350. И ты повыгляни, сердечно мило дитятко,
 И ты на вси на три, четыре, на сторонушки,
 И штобы вдроны тебя да не обгряли,
 И деревенскіи собаки не облаяли,
 И штобы сусѣдушки тебя да не оббаяли;
 355. И ужъ ты садь, да моя бѣлая лебѣдушка,
 И по край быстрой садись да ты вѣдь риченьки,
 И ты на этотъ на горючей синей камешекъ,
 И тутъ повыскажи великую обидушку,
 И рути слѣзушки, голубушка, въ быстру рѣку;
 360. И этотъ камешекъ отъ риченьки не скатится,
 И вѣдь кручина въ добры люди не роскажется;
 И вровень съ крѣжами вода да поросходится,
 И тутъ утонетъ вся великая обидушка,
 И съ холодной водой тутъ слезы помѣшаются;
 365. И не узнае богодана строга матушка.

- И ты послушай же сердечно мое дитятко:
 И хоть заплачешь тутъ вѣдь ясны свои очушки,
 И затрѣшь бѣлое слезами свое личушко,
 И въ домъ какъ придешь во крестьянскую во жирушку,
 370. И строга-лиха бегадана эта матушка,
 И скоро зглянетъ она теби во ясны очи,
 И скоса смотреть она въ бѣло тебѣ личушко,
 И по фатеры тутъ злодѣйка-то похаживать,
 И строго-грубо-то она да поговаривать:
375. — Ужь ты гди была сноха наша любимая,
 — И у сусѣдушки ль была да на бесѣдушкѣ,
 — Аль у тетушекъ на крѣпкой была думушкѣ;
 — И ты сусѣдушкѣ вѣдь, вѣрно, поросплакалась,
 — И ты у тетушки на насъ да порозжалилась?
380. И ты отвѣтъ держи, сердечно мое дитятко,
 И строгой грозной богоданой этой матушкѣ:
 И не была я у спорядной у сусѣдушки,
 И я не видѣла вѣдь тетушекъ-добротушекъ,
 И я повышла какъ на широку на улочку,
385. И я зглянула на путь широку дороженьку,
 И я въ подсивверну холодную сторонушку,
 И вдругъ на ту пору теперь да въ тое времятко,
 И вкрутѣ буйны сиверочки завіяли,
 И во мое да все во бѣло это личушко,
390. И во мои столько во ясны во очушки;
 И не могла сдержать я слезъ да во ясныхъ очахъ,
 И покатались эти слезы по бѣлѣ лицу;
 И отъ того да ясны очушки заплакались,
 И тутъ утерлось мое бѣло это личушко.
395. И еще слушай же, сердечно мое дитятко;
 И дымъ съ дымочикомъ, голубушко, свивается,
 И вѣстка съ вѣсточкой, лебѣдушко, свѣщается;
 И какъ ко мни да ко печальной головушкѣ,
 И придуть нищии калѣки переходжии,
400. И хоть недалънии сусѣдки спорядовии,
 И я повыспрошу, печальная головушка:
 И столько былъ ль на судимой этой сторонѣ,
 И во домъ у васъ въ хоромномъ строеньицѣ?
 И да все видли ли сердечно тебя дитятко,
405. Аль ушедши на крестьянскую роботушку?

- И буде, скажутъ мнѣ вѣсточку хорошую,
 И скажутъ низкое поклонно челобитьице,
 И отъ тебя да все отъ бѣлой отъ лебѣдушки,
 И я возрадуюсь, печальная головушка;
 410. И какво скажутъ спорядни сусѣдушки,
 И што не радостна ты ходишь-не веселая,
 И очень груба, скажутъ, бѣлая лебѣдушка,
 И у меня съвется велика тутъ обидушка,
 И разболится да тутъ буйная головушка,
 415. И тутъ роздумаюсь побѣднымъ своимъ разумомъ:
 И по теби да по сердечномъ миломъ дитятѣ:
 И, знать, словечкама она да приобижена,
 И, може, больнымъ ударомъ приударена.
 И знаю-вѣдаю, печальная головушка:
 420. И какво тепло отъ буйнаго отъ сивера,
 И таково добро отъ чужихъ отъ родителей.

- И еще слушай же, сердечно мое дитячко:
 И какъ послѣ тебя, косата моя ластушка,
 И во домъ у насъ желанныхъ у родителей,
 425. И все пустымъ будетъ у насъ да вѣдь пустѣшенько,
 И все уныла буде свѣтла эта свѣтлица;
 И пооставь свою безцѣнну вольну волюшку,
 И во этоемъ въ уныломъ заднемъ уголку,
 И на роздѣй оставь великой мни кручинушки;
 430. И какъ мнѣ стоснется, побѣднушкѣ, сторгуется,
 И по тоби моемъ сердечномъ миломъ дитятѣ,
 И какъ я приду во унылой задней уголокъ,
 И съ горя зглану на бросову бѣлу лавочку,
 И на твою да зглану вольну эту волюшку:
 435. И сидитъ волюшка твоя да при обидушкѣ,
 И буйна голова у волюшки наклднена,
 И она думать себѣ крѣпку эту думушку,
 И уже какъ да куды воли подѣватися,
 И въ котору путь дорожку удалятися.
 440. И ужъ я тутъ бѣдна кручинная головушка,
 И стану поблизку я къ волюшкѣ подхаживать,
 И стану волюшку твою да уговаривать:
 «И не кручинься ты, бажона вольна волюшка,
 «И не печалься прикрашенное дивичество,

445. «И ты оставлена вѣдь бѣлой лебедушкой,
 «И у своихъ воля желанныхъ родителей».
 И мни отвѣтъ держать тутъ вольна эта волюшка:
 — И все не мѣсто мнѣ бажоной дорогой волѣ,
 — И не ужиться во уныломъ заднемъ углу».
450. И говорить стану, печальна я головушка:
 «И не скучай, да дорога воля бажона,
 «И да я дамъ тебѣ бажоной вольной волюшкѣ,
 «И я отъ скуки дамъ дѣвочье рукодѣльнице,
 «И отъ обиды дамъ дѣвочье щепетѣньце,
455. «И принесу да ейно палышко точеное,
 «И во праву руку иголочку тамбурную,
 «И я шелковъ да нанесу-то шамахинскихъ;
 И сговорю столько бажоной вольной волюшкѣ:
 «И утѣшайся-ко за палками точеными,
460. «И ты подѣ милнымъ косѣвчатымъ окошечкомъ,
 «И подѣ туманной хотѣ стекольчатой околеникой.
 И отвѣчать да столько вольна еще волюшка:
 — И мнѣ-ка въ умъ не-йде дѣвочье рукодѣльнице,
 — И мнѣ на разумъ-тотъ дѣвочье щепетѣньце,
465. — И одно думаю, бажона вольна волюшка,
 — И снаряжаюся въ путь широку дороженьку,
 — И уже какъ да мни-ка воли приодитися,
 — И мнѣ далече-ль столько воли укатитися.
 И все вѣдь на-тоску мнѣ воля отвѣчаетъ,
470. И все обидушки ко сердцу придаваетъ;
 И я возму да твою вольну эту волюшку,
 И мелкопрятную дѣвочью русу косыньку,
 И плотно кладу ко ретливому сердечушку,
 И я къ безсчастной своей заблой утробушкѣ;
475. И дорога да эта воля-столько волюшка,
 И со мной на-рѣчи вѣдь волюшка не ставится,
 И на сговоръ со мной, бажона, не сдавается,
 И не сдается на безсчастны мои рученьки,
 И не приляже ко ретливому сердечушку.
480. И пороздумаюсь побѣднымъ своимъ разумомъ:
 И, видно, нѣтъ да того на-свѣтъ не водится,
 И воля дѣвочья въ дома не остается.

И я гляжу-смотрю, печальная головушка,

- И какъ сегодняшнимъ Господнимъ Божиимъ денечкомъ,
 485. И много прибралось-то роду-много племени,
 И пятьдесятъ сестрицъ нашлось да сдвуродимыхъ,
 И на честиде-то у насъ да пированьице,
 И на горячее-слезиде обливаньице,
 И на разлукушку баженой дорогой воли,
 490. И все у моего сердечнаго у дитятка.
 И столько слушай же сердечно мое дитятко!
 И я стоять да буду темну эту ноченьку,
 И я просить буду Владыку-то вѣдь Вышняго,
 И штобъ далъ Господь талану тебѣ участи,
 495. И онъ великой бы Господней Божьей милости,
 И какъ пойти да на остуду чужу сторону,
 И тебѣ въ честь да богоданнымъ родителямъ,
 И во любовь да ко бладу сыну отечскому,
 И въ похвалу да всей любимой бы семеюшкѣ!
 500. И сведи Господи обычи-ваши разумы,
 И какъ со этимъ со бладымъ сыномъ отечскимъ!
 И Ты Успенье—Пресвятà мать Богородица!
 И Ты поспѣй да на судимую сторонушку,
 И впереди да Ты рожона мила дитятка.
 505. И Стрѣтеніе—Пресвятая Богородица!
 И ужъ ты стрить мое сердечно это дитятко,
 И на новыхъ сѣняхъ ты стрить да на рѣшетчатыхъ
 И Ты Покровъ да Пресвятая Богородица!
 И Ты покрой мое сердечно мило дитятко
 510. И на остудушкѣ на чужой на сторонушкѣ
 И отъ досадушки, дитѣ, да отъ обидушки.
 И столько Спасъ да Ты Владыко многомилосливъ!
 И Ты спаси мое сердечно мило дитятко
 И отъ удару Ты спаси да молодеческаго.

II.

ПЛАЧИ ВЕСЬДНЫЕ.

Невѣста дается у отца на прощальную бесѣду.

- И мнѣ-ка стать было, невольной красной дѣвушкѣ,
И мнѣ на рѣзвы стать дѣвочки эти ноженки,
И на башмачки, невольницѣ, козловыи,
И на чулочики, дѣвицѣ, на взѣныи;
5. И мнѣ пройти было, невольной красной дѣвушкѣ,
И со унылаго пройти да задня уголка,
И по единой дубовой мостиночкѣ,
И какъ по малоей теперь да перекладинкѣ.
И не ломитесь перекладинки кленовыи,
10. И вы не гнитесь-ко мостиночки дубовыи,
И отъ меня да отъ невольной красной дѣвушки!
И я не конь иду теперь да сторублевои,
И я не звѣрь иду теперь да изъ темна лѣса
И я иду да столько, бѣлая лебедушка,
15. И подневольная душа да красна дѣвушка,
И во почѣстной я иду да во большои уголь,
И ко желанному спацивоу родителю.
И пораздумаюсь невольнымъ своимъ разумомъ:
И какъ назвать да жалосливаго мнѣ батюшка,
20. И краснымъ солнышкомъ назвать, да призакѣтится,
И свѣтлымъ мисецомъ назвать, да приукроется,
И мнѣ звѣздой его назвать, да поразсыплется.

- И вижу—смѣчу я, печальная головушка,
И во почётномъ онъ сидитъ да во большомъ углу,
25. И принаклонена бурлацкая головушка,
И пріутуплены вѣдь очи во сырѹ землю,
И принаклонюсь, подневольна красна дѣвушка,
И я ко этому полу да ко дубовому,
И повзыщу да его рѣзвы эти ноженъки,
30. И оболю да все слезами-то горючими.
И до сегоднешня Господня Божья денечка,
И у тебя да у родителя у батюшка,
И была дана мнѣ бажона волюшка,
И во прягѹ была ступистая лошадушка
35. И во снарядѣ златокрылой былъ ясенъ сокля,
И все свѣща была, невольной, неоплѣная
И то верба была, невольной, золочѣная
И мой вѣдь милой свѣтушкѣ братецъ родимой.
И я еще корюсь, желанной родной батюшко,
40. И ты спусти да на смиренную бесѣдушку,
И ты не первое—спусти меня—последнее,
И ты впряги, да свѣтъ, ступистую лошадушку,
И привяжи да звонъ-унылы колокольчики,
И снаряди мнѣ-ка любимаго повозничка,
45. И сберегателя бажонной дорогой воли,
И отъ остудника блада сына отечскаго.
И когда прежь сего до этой поры-временчи,
И на бесѣдушку меня да отправляли
И строго-грозно вы мнѣ-ка наказали:
50. И ты ходи честно на тихой на бесѣдушкѣ,
И береги да свою волю эту волюшку,
И ты блюди да прикрашенное дѣвичество.
И теперь нѣнѣчку, невольна красна дѣвушка,
И я вся думушки, невольна, нынѣ придумала,
55. И я продумала бажону дорогѹ волю,
И розгнѣвѣла, свѣтъ—родитель, тебя батюшко;
И какъ сегодня, сего денечка Господняго,
И ты гневѣнъ-гневѣнъ, родитель-красно солнышко,
И на бесѣдушку меня не отправляешь,
60. И ужъ ты добрыхъ коней не запрягаешь.
И прости—извини, родитель жалосливой,
И ты меня да все невольну красну дѣвушку.

- И я корюсь еще съ слезама со горючима:
 И дай прощеньице ты мнѣ съ благословеньицемъ
65. И сговори мнѣ-ка единое словечушко,
 И ужъ ты мнѣ-ко-ва невольной красной дѣвушкѣ:
 «И поѣзжай, да моя бѣлая лебедушка,
 «И ты на тихую смиренную бесѣдушку,
 «И поиграй тамъ во кружечикахъ дѣвдчыхъ,
70. «И походи да во шестерочкахъ веселыхъ,
 «И взвесели да тамъ вѣдь(вольну свою волюшку.

Къ брату:

- И возвращусь, да подневольна красна дѣвушка,
 И я ко свѣтушку ко братцу ко родимому,
 И я ко эту соколочку влатокрылому;
 И наднесу да свои тѣмны бѣлы рученьки
5. И на его да на могучи на плечушка,
 И на бладу да молодецкую головушку.
 И ты послушай, братецъ-красно мое солнышко,
 И да што я скажу, невольна красна дѣвушка;
 И по-близку, дѣчи—невольна, придвигаюся
10. И понизѣшеньку я братцу поклоняюся.
 И я зову, дѣчи, тебя да красно солнышко,
 И я во вѣрныи любимыи повознички,
 И на дубовыи я саночки извощичкомъ;
 И ты поидемъ, свѣтъ скачоная жемчужинка,
15. И ты со мной да съ душой-красной этой дѣвушкой,
 И съ подневольной дорогой да волей вольной,
 И ты на тиху на смиренну на бесѣдушку,
 И на послѣднюю, мой свѣтъ, да вечериночку.
 И снарядишь, моя скачоная жемчужинка,
20. И хоть не первое, мой свѣтушко, послѣднее;
 И не жалѣй своей ступистой лошадушки,
 И ужъ ты этю вѣдь сбруи золоченой;
 И впряги въ саночки, мой свѣтъ, да во дубовыи,
 И привяжи да звонъ-унылы колокольчики;
25. И снаряжусь я на смиренную бесѣдушку.
 И я одѣну скоро цвѣтно себи платьице;
 И уберу свою безцѣнну дорогу волю
 И мелко-пратную дѣвдчю косу русую,

- И навязу да въ косу русую алыхъ этихъ ленточекъ;
 30. И по плечамъ да лежитъ кѣсушка ликуется,
 И со сторонь да глядя людюшки дивуются;
 И сговорять да честны мѹжни молодѹ жены:
 И гладко гѣлова у дѣвушки учѣсана,
 И мелко русая коса, скажутъ, уплѣтена,
 35. И въ разны ленточки вѣдъ волюшка приѹбрана,
 И въ золотыи косоплеточки завязана;
 И подойдут да мужни женушки близѣшенько
 И скажутъ дѣвушкѣ вѣдъ мнѣ-ко-ва тихошенько:
 «И ужѣ какъ да у тя воля изукрашена!
 40. И сговорять еще невольной красной дѣвушкѣ:
 «И нагуляйся ты, душа да красна дѣвича,
 «И во своей пока во вольной ты во волюшкѣ,
 «И во придрокушкѣ у ясна братца сѣкола
 «И въ приберѣгѣ у скачоной у жемчужинки.
 45. И ты послушай, братецъ—красно мое солнышко!
 И моихъ милыхъ совѣтныхъ возьмемъ подружекъ,
 И моихъ тайныхъ совѣтныхъ задушевничекъ,
 И изъ роду возьмемъ сестрицъ да сдвуродимыхъ,
 И во вторыхъ, возьмемъ спорядныхъ сусѣдшекъ,
 50. И мы не глѹ—чести возьмемъ да не для пѣхвалы:
 И для весельяца возьмемъ да дорогѣй воли;
 И перво стадушко возьмемъ да лебединое,
 И дрѹго стадушко возьмемъ да мы гусиное
 И што-жъ бы сбѣрегли бажону дорогу волю;
 55. И на пути да ль со бладымъ сыномъ мы стрѣтимся,
 Аль на бесѣдушкѣ съ остудникомъ мы свидимся,
 И какъ во ту пору, мой свѣтъ, да въ тое времячко,
 И тутъ остудничка-то волюшка спугается,
 И съ угла въ уголокъ тутъ воля закидается,
 60. И стане ластушкой тутъ воля перелетывать,
 И на пути да на широкой на дороженькѣ
 И сѣрымъ зайкомъ буде воля перескакивать,
 И штобы ласточку тутъ дѣвушки имали бы,
 И сѣра заюшка оны да тутъ схватили бы,
 65. И сберегли бѣ да оны вольну мою волюшку,
 И мое мило прикрашено бы дивичество.
 И я сама, красна дѣвича, налюбуюся,
 И на свою да на бажону дорогѹ волю,

- И я на эту мелко-прятну русу косыньку,
 70. И я на эти на алы свои ленточки,
 И глядя жь да я на волю ростоющуюся,
 И на бесѣдушкѣ тутъ я да порасплачуся,

*Невѣста захоходитъ съ бесѣды; дѣтки держатъ ее подъ руки; въ две-
 ряхъ она держитъ косу въ рукахъ, кланяется и вопитъ:*

- И ты прости, прости невольну красну дѣвушку,
 И тиха-смѣрная прости меня бесѣдушка;
 И да ты поздая прости вѣдь вечериночка,
 И ты сосновая прости теперь лучиночка!
 5. И вы простите-тко кружки меня дѣвдчьи,
 И вы простите-тко шестерочки веселыи,
 И вы простите перенелочки хорошии,
 И вы простите блѣды-мѣлоды вьюночки,
 И меня мильи другъ-совѣтны мои подружки!
 10. И вы простите звонъ-унылы жалки писенки!
 И вы простите чѣстны мужни мѣлоды жены!
 И вы простите бѣдны вдовки горе-горькии!
 И вы безсчастныи солдатки розмѣлодыи!
 И ты прости меня бажона дорога вѣля,
 15. И прости красное миженъско мое солнышко!
 И шутки-шмоночки простите-тко дѣвдчьи,
 И вси игры меня забавы молодецкии!
 И вы простите холостѣба да не женатая,
 И златокрылыи удалы дѣбры мѣлодцы!
 20. И вси окольныи спорядныи сусѣдушки!
 И вы вспомните совѣтны-дружныи подружки,
 И все меня да вы безсчастну красну дѣвичу,
 И вы на горочкахъ, лебѣдочку, катаютца,
 И на бесѣдушкахъ, невольничу, играютца,
 25. И жалобны да въ кружкахъ писенки спѣваютца.
 И чѣстны мужны вы теперь да мѣлоды жены,
 И вы придайте ума-разума въ головушку,
 И размышленьица въ ретливое сердечушко,
 И какъ со волюшкой теперь да розставатися,
 30. И съ злымъ неволицемъ теперь да познаватися.
 И хоть была я на смиренной бесѣдушкѣ,
 И хоть стояла во кружечкахъ хоботистыиныхъ,

- И все не въ радости была я, не въ весельицѣ,
 И приунывъ да была вольна моя волюшка;
35. И отдали да теперь воля отдаляется,
 И за добрыхъ да людей волюшка тулется,
 И все остудника блада сына пугается.
 И ужъ какъ бралъ меня, невольну красну дѣвушку,
 И во кружечки меня да хоботистыи,
40. И крѣпко жалъ меня за правую за рученьку,
 И подговаривалъ, невольну красну дѣвушку:
 «И не тоскуй же ты душа да красна дѣвушка,
 «И ты не плачь да по своей же воли вольной;
 «И ты не плачь же вѣдь, дѣвѣца, за меня итти,
45. «И ты наплачешься, дѣвѣца, за мной живучи».
 И у меня жъ тутъ у невольной красной дѣвушки,
 И какъ со этихъ его словъ да не люминныхъ,
 И приужахнулось ретливое сердечушко,
 И слезно плакать стала вольна моя волюшка;
50. И не боюсь того, невольна, не сполохаюсь,
 И строго-сурово, невольна, отвѣчаю:
 И не похвастаешь остудникъ блады отечской сынъ,
 И не взять-буде вѣдь вольной тебѣ волюшки,
 И не съ родомъ то не взять воли, не съ племенемъ;
55. И не стоптать воли копытомъ лошадинымъ,
 И не наѣхать вамъ на саночкахъ дубовыхъ;
 И у тебя жъ да у остудника чужанина,
 И все конишка у тебя да приаѣзжаны,
 И все людишка въ поѣздѣ у ты подѣржаны,
60. И какъ во мдемъ-то роду да моемъ племени,
 И чѣлой полкъ да златокрылыхъ ясныхъ сѣколовъ,
 И е шириночка у мня да бѣлыхъ лебедей;
 И впередѣ да у невольной передовщицы,
 И позади да у невольной позадовщицы;
65. И по праву руку вѣдь братцы ясны соколы,
 И по лѣву руку сестрицы сдуродимы;
 И побочѣ да другъ-совѣтны милы подружки,
 И стерегутъ да оны вольну мою волюшку,
 И не измѣнять оны воли на неволице,
70. И не за сто оны вѣдь воли не за тысящу,
 И возвращусь, да подневольна красна дѣвушка,
 И я ко милымъ совѣтнымъ дружнымъ подружкамъ:

- И вы придите-тко души да красны дѣвицы,
И погулять ко мнѣ, невольной, въ розореной садъ;
75. И вы сберите-тко удалыхъ добрыхъ мѣлодцевъ,
И на прогулушку на шіроку на улушку,
И какъ ко нашему крылечику перѣному,
И на одинъ да на Господень Божій дѣнечекъ,
И вы на свѣтлое Христово воскресеньце;
80. И воспотѣшите бажону дорогѹ волю,
И взвеселите меня, бѣлую лебѣдушку.
И ужѣ, ой-же, мнѣ, невольницѣ, тошнѣшенько,
И мнѣ-ка жаль-тошно бажонной дорогой воли,
И позальчіе мнѣ смиренныхъ бесѣдушекъ.
85. И дорогой воли въ глаза да мнѣ не видывать,
И во кружечикахъ, невольницѣ, не игрывать,
И жалкихъ писенокъ, невольной, мнѣ-ка нѣ-пѣвать.
И вознести теперь спасибо съ благодарностью,
И большаку да мнѣ вѣдь есть-то подомѣвому,
90. И дано мистечко невольной было дѣвушкѣ,
И возлѣ самой-то свѣщи да воску ярова;
И не слыхала я, невольна красна дѣвушка,
И отъ тебя жъ да большака вѣдь подомѣваго,
И я не грубаго словечушка-обиднаго;
95. И мнѣ хвала была невольной позаочная,
И краснослове было мнѣ-ка заочимое,
И отъ тебя да отъ споряднаго сусѣдушка.
И нынѣ прошу, дочі, невольна красна дѣвушка,
И я о свѣтломъ Христовѣ воскресеньцѣ,
100. И на честнде я прошу да пированьце,
И на унѣлую слезливу къ себѣ свадебку,
И на разлѹкушку безцѣнной дорогой воли;
И я испіть да прошу сладкой къ себѣ воточки,
И напою, да я, невольница, учѣстую,
105. И я тебя да большака вѣдь подомѣваго,
И за твои да все за лѣсковы словечушка.

По возвращеніи съ бестды—на крыльцѣ, передъ домою:

И добры конюшки теперь остановилися,
И красны дѣвушки на писняхъ сторонилися,
И звонъ-унылы колокольча помѣшались.

- И я сама того, невольна, сдивовалася,
 5. И што родители мои да сжаловалися,
 И на перёное крылечико бросалися,
 И вострѣтають меня, бѣлую лебѣдушку,
 И все со этою свѣщей да воску ярова,
 И оны съ образомъ Пречистой Богородицы.
10. И мнѣ-ка стать теперъ со саночекъ дубовныхъ,
 И мнѣ воздать было спасибо съ благодарностью,
 И мнѣ-ка низкой вѣдь поклонъ да съ челобитьемъ,
 И дорогой милой скачоной жемчужинкѣ,
 И во рѣзвыи воздать да ему ноженьки:
15. <И спасеть Богъ, да тепло-красно мое солнышко,
 <И спаси Господи мой-свѣтъ-брата родимаго;
 <И ты возилъ меня невольну красну дѣвушку,
 <И ты на тиху же смиренную бесѣдушку,
 <И сберегалъ ты дорогѹ да волю вольную,
20. <И ты не первое возилъ меня-последнее.
 <И спомню-спамячу, невольна красна дѣвушка,
 <И послѣ свѣго прекраснаго дивичества,
 <И спамятую я, невольна, натоскуюсь,
 <И по теби жѣ, моя скачоная жемчужинка;
25. <И единымъ да ты мой свѣтъ-то единѣшенекъ.

Подходя къ крыльцу, продолжаетъ:

- И вы послушайте, желанны свѣтъ родители:
 И я на писенкахъ-то волю пропѣвала,
 И въ хоботистыхъ кружечкахъ проиграла,
 И я на этой на смиренной на бесѣдушкѣ,
30. И я съ остудничкомъ бладымъ сыномъ отечскимъ.
 И столько этотъ вѣдь остудникъ бладъ отечской сынъ,
 И онъ бралъ меня во игры во веселыи,
 И крѣпко жалъ меня за правую за рученьку,
 И по спаймъ перстнѣ-жукѣвѣ распаялися,
35. И золоты перстнѣ по полу раскатилися;
 И онъ догадливой остудникъ бладъ отечской сынъ,
 И наторѣнъ да онъ остудникъ-принашколенной,
 И у дружьевъ братьевъ вѣдь онъ да у пріятелей;
 И не вдогадъ ступилъ на праву мою ноженьку,
40. И вкругъ башмачики мои да распоролися;

- И онъ взглянулъ да вточь во ѣсны мнѣ-ка очушки,
И вдругъ ужъхнулось ретливое сердечушко,
И съ его взгляду у меня да не съ веселаго,
И подломились да тутъ рѣзвы мои ноженъки,
45. И по плечамъ да руса космнѣка свивалась,
И на дубовой полъ унали али ленточки,
И подняли да многи добры столько людושки,
И мои милыи совѣтны-дружны подружки.
И бывъ отъ тученьки-отъ грому испугалася
50. И я отъ этого блада сына отечсваго.
И спасетъ Богъ да свѣтъ родитель-родной батюшко,
И моя снадцива родитель родна матушка,
И все на вашемъ на родительскомъ желаньицѣ,
И на сердечномъ на вашемъ утѣшненьцѣ;
55. И вы меня да подневольну красну дѣвицу,
И снарядили на смиренную бесѣдушку,
И не жалѣли вы, желанныи родители,
И ужъ вы добрыхъ коней да сторублевныхъ,
И столько саночекъ, родители, дубовныхъ;
60. И честно-именно, невольну, почитаете,
И съ хлѣбомъ-съ образомъ, невольничу, стричаете,
И меня участью-таланомъ надѣлаете.
-

III.

ПЛАЧИ ГОСТИВНЫЕ.

На другой день, вставая утромъ, невеста обращается къ матери и причитаетъ:

- Я сама да сдивовалася,
Што родитель сжаловалася;
Сего дѣнечка Господняго,
Подходила по тихошеньку,
5. Ты во свѣтлу мою свѣтлицу,
Во столову нову горенку,
Ко тесовой кроваточкѣ,
Ко пуховой перинушкѣ,
Ты молитовку творила,
10. Правой рѣкой пріоткрыла,
Отъ крѣпка сна возбудила:
«Ужъ ты стань да дитѣ милое,
«Ужъ ты стань дѣчи любимая,
«Ужъ ты стань да одинокая,
15. «Прохватись, дѣчи бажоная,
«Твоя воля куболѣная!
«На сесь день тебя Господень,
«Бласловляю тебя матушка,
«Со Исусовой молитовкой.
20. «Какъ пойдешь, мое дитятко,
«Сего дѣнечка Господняго,
«По любимымъ гостибицамъ,

- «По породы именитой,
 «Съ дорогой да своей волюшкой,
 25. «Ты со красныма со дѣвушкамъ,
 «Мы снарядимъ тебѣ, дитятко,
 «Другъ-совѣтныхъ милыхъ подрузекъ,
 «Соколочковъ златокрылыхъ,
 «Свѣтовъ братьицевъ родимыхъ,
 30. «Што отъ вѣтра заборонушка,
 «Отъ блада сына заступушка,
 «Твоей воли сберегателей.
 Охъ, роздумаюсь, невольнича,
 Я душа да красна дѣвица:
 35. До сегодняшняго денечка,
 Ты, родитель-моя матушка,
 Не ходила потихошеньку,
 Не будила по-легошеньку;
 Какъ подойдешь ко кроваточкѣ,
 40. Громко скажешь ты лебедушкѣ:
 «Долко спишь да проклаждаешься,
 «Съ своей волей забавляешься,
 «На роботу не справляешься;
 Ужъ я тутъ да сторопилася,
 45. Отъ крѣпка сну пробудилася,
 Клала крестъ да по писаному;
 Сотворила, дочь-невольнича,
 Я Исусову молитовку:
 — Бласлови да меня Господи,
 50. — На сесь день меня Господень!
 — И Пресвята Мать Богородица!
 — Сохрани да красну дѣвушку,
 — Отъ набѣгу лошадинаго,
 — Отъ наѣзду княженечскаго,
 55. — Отъ блада сына отечскаго.
 Прихожу, да дочь-невольнича,
 Я со свѣтлой со свѣтлицы,
 Со столовой новой горенки,
 Я въ башмачикахъ козловыхъ,
 60. Во чулочикахъ вязѣнныхъ,
 Я зглянула, дочь-невольнича,
 На родитель-свою матушку,

- Знать на радости—родимая,
 На весельицѣ—желанная,
 65. Посудьячу, дочь-невольная,
 Попѣняю, красна-дѣвица,
 Я, родитель, тебѣ, матушка:
 — Для чего жъ у тебя, матушка,
 — У стола да у дубоваго
 70. — Много е да теперь скіюшекъ,
 — Много праздничныхъ стряпюшекъ?
 Сдогодаюсь, дочь-невольница,
 Розумѣю, красна дѣвица:
 Мнѣ не годъ да годовать,
 75. Не недѣля красоватися
 Во своей да дорогой волѣ;
 Два урѣчныхъ Божіихъ дѣнечка,
 Мнѣ со волей спотѣшатися,
 Съ дорогѣй да ублажатися.

Нестя давается у родителей въ гостинице къ роднымъ.

- И вы послушайте, желанны свѣтъ родители,
 И да ты спадливой, надежа сударь батюшко,
 И ты придрокушка—родитель моя матушка!
 И снарядите меня, бѣлую лебедушку,
 5. И вы спустите на гостиную недѣлюшку,
 И свѣтъ ко любушкѣ сестрицѣ сдвуродимой,
 И въ дорогомъ миломъ прикрасномъ дивичествѣ
 И меня въ-своей во вольной столько волюшкѣ.
 И я прошу тебя, надежа сударь батюшко,
 10. И заложитко ты ступистыихъ лошадушекъ,
 И ты во этую во сбрую сторублевою,
 И ты ввизи-тко колокольча Питенбургскіи,
 И штобы звонъ да шоль въ деревнѣ садовитоей,
 И штобы слышали народъ да люди добрыи,
 15. И штобы видли честны—мужни молодѣ жены.
 И да прошу еще, родитель сударь батюшко,
 И я себи да все сердечныхъ повозничковъ,
 И во первѣхъ да свѣтушковъ братцевъ родимыхъ,
 И во вторыхъ да свѣта братца сдвуродимаго,
 20. И сберегателей бажонной дорогой воли.

- И снаряди-тко ты, родитель—родна матушка,
 И мнѣ съ собой да все любимую покрутушку,
 И мни гулярное дѣвдчыє цвѣтно платьице,
 И ты въ ларець клади, родитель, окованой,
25. И мнѣ бесѣдны тонки бѣлыи сорочечки,
 И собери да мни платочки левантеровы,
 И все косыночки склади да ты шелковыи;
 И снаряди мнѣ-ка, родитель родна матушка,
 И мнѣ дѣвдчыє ты, родитель, рукодѣльице,
30. И мнѣ-ка мѣлкое, родитель, щепетѣньице,
 И мнѣ шелковѣ да прясть, родитель, шемахинскихъ,
 И мнѣ-ка пѣлышка, родитель, же точеныи,
 И веретѣночка, родитель, золоченыи,
 И вышивать да мни узорѣ разноличныхъ;
35. И я еще прошу, родитель, тебя матушка,
 И я совѣтныхъ прошу да себи подружекѣ,
 И своихъ милыхъ спорадовыхъ сусѣдушекѣ,
 И кои думали вѣдъ крѣпку со мной думушку,
 И говорили все словечушка затайныи.
40. И я прошу да васѣ, скачоны свѣтъ жемчуженки,
 И васѣ сердечныхъ любимыхъ повозничковѣ!
 И вы одѣньте-тко бурлацко цвѣтно платьице
 И да вы славныи тулупы одинцовыи,
 И опояшьте кушачки свои шелковыи,
45. И на свои да вы на жолтыи кудерышки,
 И вы одѣньте свои шапки новомодныи,
 И мы поѣдемъ славныи мѣлодцы дорожныи.
 И вы послушайте совѣты-дружны подружки,
 И вы поѣдете въ любимѣ во гостибище;
50. И сберегите другѣ-совѣты миль подружки,
 И на пути да мою вольну эту волюшку,
 И въ чистомѣ полѣ прикрашенное дивичество;
 И я обую теперь рѣзвыи свои ноженъки,
 И во башмачики вѣдъ я да во козловыи,
55. И во чулочики вѣкъ я да во бумажныи,
 И я умою свое бѣло это личушко,
 И я одѣнуся во цвѣтное во платьице,
 И я по плечушкамъ соболью себи шубоньку,
 И во русу косу свяжу да алы ленточки;
60. И мы сегодняшнимъ Господнимъ Божиимъ денечкомъ,

И прогуляемъ день до поздого до вечера;
И мы объидемъ всю породу именитую,
И мы зайдёмъ ко сестрицѣ сдвуродимоей,
И она ждетъ меня въ любимое гостибище.

65. И я гляжу-смотрю, невольна красна дѣвушка,
И на пристаршаго спацѣваго на дядюшку;
И отдали ходишь, желанной свѣтъ, туляешься
И со мной на-рѣчи съ невольницей не ставишься;
И знаю-вѣдаю, невольна красна дѣвушка:
70. И порозгнѣвала родителя, знать вѣдь, дядюшку,
И я на этой на уречной на недѣлюшкѣ,
И кругомъ около, невольна, обходила,
И я головушки своей да не клонила,
И своихъ бѣлыхъ-то рукъ не надносила
75. И на пристаршіи, родитель, твои плечушки;
И загордѣла я, невольна, забогатѣла.
И какъ до этой до уречной недѣлюшки,
И какъ жила да у желанныхъ родителей,
И говорить стане желанной мой вѣдь дядюшка:
80. «И мы отпустимъ тебя бѣлую лебедушку,
«И на студѣную холодну на всю зимушку,
«И по любимымъ сердечнымъ гостибищамъ,
«И по всей милой породы именитой,
«И мы ко любункамъ сестрицамъ сдвуродимымъ,
85. «И ко добротушкамъ желаннымъ роднымъ тетушкамъ
«И ко спацѣвой ко крестовой еще матункѣ,
И говорилъ еще пристаршой родной дядюшка,
И столько мнѣ-ко-ва души да красной дѣвушкѣ:
«И поживи да у желанныхъ свѣтъ родителей,
90. «И посиди да въ прикрашенномъ дивичествѣ,
«И погулай да ты со вольной своей волюшкой;
И не послушала, невольна красна дѣвушка,
И не желанныхъ, невольница, родителей,
И не пристаршаго родителя жъ я дядюшку.
95. И столько слушай, жалостливой родной дядюшка;
И нонь прошусь, дѣчи—невольна, покоряюся,
И я клоню да свою блѣдую головушку,
И доложуюсь во любимое гостибище;
И ты прости-жъ меня—невольну красну дѣвушк у,

100. И буде на-слово была да я спѣсивая,
 И буде на-ричахъ была да я бросливая,
 На разговорухкахъ была не постанѡвная,
 И буде въ грубости теби да што сказала,
 И што не съ-вѣсела теби да отвѣчала;
105. И не неси гнѣву, желанной родной дядюшка,
 И на меня да на невольну красну дѣвушку.

У крыльца двоюродной сестры:

- И не несутъ да ножки рѣзвыи,
 И все невольну красну дѣвушку,
 И не даетъ итти ретливое сердечушко,
 И мнѣ со этихъ саней да со дубовыхъ,
5. И все ко этому крылечику перѣному;
 И путь дороженька теперъ да скороталася;
 И мы пріѣхали къ селу да деревенскому;
 И мы ко этому хоромному строеньицу,
 И свѣтъ ко любушкѣ сестрицѣ сдвуродимой.
10. И не посмию же, невольна красна дѣвушка,
 И на крылечико итти да на перѣное,
 И на мостиночки ступать да на дубовыи.
 И когда прежь сего—до этой поры времечка
 И какъ крылечико-то было не поднимано
15. И съ Москвы плотнички-то были не наниманы,
 И во крылечушкѣ-то было три мостиночки,
 И во переноемъ-то три да перекладинки;
 И я того, дѡчи—невольна, устоялася,
 И устоялася я, дѡчи, удивилася.
20. И доспрошусь я у сестрицы—удовѣдаюсь:
 И съ Москвы плотнички ль наниманы,
 И очень вѣсоко крылечико поднимано?
 И на сегодняшній Господень Божій дѣнечекъ,
 И пятьдесятъ и двѣ у васъ да е мостиночки,
25. И шестьдесятъ да е четыре перекладинки.
 И не съ подману ли, сестрича, дѣло дѣлалось?
 И не съ подлогу ль берѣшь вольну мою волюшку,
 И во любимо во сердечно во гостибище?
 И не взяла ль скупъ, сестрица сдвуродимая,
30. И ты со этого блада сына отечскаго?

- И не смѣняла ль моей воли на неволице,
 И ты на эту золоту казну безсчотную,
 И не барышишь ли бажоной дорогой волей?
 И ворочусь да отъ крылечика перёнаго,
 35. И доспрошусь да у спорядныхъ сусѣдушекъ:
 И вы скажите-ко, народъ да люди добрыи,
 И уже нѣтъ ли у крылечика перёнаго,
 И сорока сажень подкоповъ да подкопано,
 И бочки съ мелкіимъ-то порохомъ закачены ль,
 40. И пистолетики вѣдь е да занаряжены ль?
 И лучилсь слышать невольной красной дѣвущкѣ:
 И какъ у васъ, моя сестрича сдвуродимая,
 И во домъ да е злодіи супостатни
 И въ свѣтлой свѣтлицѣ рассказы сваты большіи,
 45. И за дубовымъ столомъ да бладь отечской сынъ;
 И столько чужь сидитъ теперечко чужбинничекъ,
 И онъ съ за-липинки, остудничекъ, поглядывать,
 И скрозь хрустальное стекло да онъ посматривать,
 И на меня жъ да на невольну красну дѣвичу.
 50. И на мою да на безцѣнну дорогую волю.
 И не боюсь столько, невольна, не полѣхаюсь
 И не розказа я злодія свата бѣльшаго
 И я не этого блада сына отечскаго.
 И я со стадушкомъ прѣхала гусиннымъ,
 55. И со другімъ я, невольна, лебединнымъ,
 И не боюсь, дѣчи невольна, не полѣхаюсь;
 И ты пройди да мое стадушко гусиное,
 И пролети да друго стадо лебединое,
 И ты по красному крылечику перёному;
 60. И ты пройди да дорога воля бажоная,
 И во почѣстной ты пройди да во большій уголь,
 И сядь-ко волюшка на лавочку брусѣвую,
 И подъ мило подъ косѣвчато окошечко,
 И подъ эту подъ стекольчатку околенику.
 65. И нынъ пройду, да подневольна красна дѣвущка,
 И я по красному крыльцу да по перёному:
 И не ломитесь перекладинки кленовыи,
 И вы не гнитесь-ко мостиночки дубовыи;
 И не конемъ иду, невольница, казеннымъ,
 70. И не молотомъ ступаю все пудовымъ;

- И я тонка иду, невольна, какъ тетивочка,
 И зелена иду—бывъ вѣшная травиночка,
 И я подъ тученьку иду да гряновитую
 И я подъ облачко иду да страховитое,
 75. И подъ неволюшкой иду да превеликой,
 И во любимо во сердечно во гостибище.
 И слушай, любушко-сестрица сдвуродимая:
 И приукрой да меня—бѣлую лебедушку,
 И ты отъ этого блада сына отечскаго,
 80. И сбереги мою бажону дорогу волю;
 И не сади меня, невольну—красну дѣвушку,
 И ты на стульица, сестрича, на кленовыи,
 И ты ко этому столу да ко дубовому,
 И супротивъ столько блада сына отечскаго;
 85. И не сдержать да буде вольной мнѣ-ка волюшки;
 И мви на бладой на дѣвдчѣй на головушкѣ;
 И ужъ такъ да моя волюшка пугается,
 И за добрыхъ людей воля туляется.
- И спасеть Богъ тебя, сестрича сдвуродимая!
 90. И вострѣчашь да меня бѣлую лебедушку,
 И ты на этомъ на крылечикѣ перѣноемъ,
 И надѣляшь да меня хлѣбомъ столько образомъ,
 И ты великою Господней Божьей милостью.
 И ты послушай, свѣтъ сестрича сдвуродимая:
 95. И не гля хлѣба я пришла да наѣданьица,
 И для сердечнаго любима повиданьица;
 И я позвать тебя сестрицу сдвуродимую
 И со своей тебя надежной головушкой
 И ко родителямъ на чѣстно пированьице,
 100. И я къ себи да все на слезно обливаньице,
 И на разлукушку бажонной дорогой воли,
 И я подъ правую стоять да тебя рученьку,
 И сберегать да мою волю столько волюшку.
 И не убойся ты, сестрича, не полѣхайся:
 105. И моя волюшка, сестрича, не огнемъ горить,
 И дорогà моя, сестрича, не смолой кипитъ,
 И все бажоная моя да не змией плыветь;
 И моя волюшка, сестрича, тихи заводи,
 И будто утушка вѣдъ воля подстрилѣная,

110. И точно заюшко во сѣтку обойдёной.
 И можешь знать-вѣдать, сестрича сдвуродимая:
 И моя волюшка была да все дрочёная,
 И росла дѣвушка вѣдь я да куболёная;
 И я умѣла столько волюшку повыростить,
115. И не умѣла я сберечь да своей волюшки,
 И до дѣвдѣхъ до уречныхъ двадцать годышковъ;
 И што я сдумала вѣдь вскорѣ крѣпку думушку,
 И промахнула свою вольну эту волюшку,
 И на злодѣйное великое неволице;
120. И нынѣ схватилася, сестрича, устрашилася,
 И сожалѣю нонь-ко вольной своей волюшки,
 И ужь я милаго прикраснаго дивичества:
 И хоть худо е сиротское дѣвичество,
 И лучше славнаго похвальна молодѣчества;
125. И хоть бы жирушка во дѣвушкахъ сиротская,
 И столько бѣ волюшка всегда жила господская.
 И ты послушай, свѣтъ сестрича сдвуродимая,
 И не утай-скажи ты, красно мое солнышко,
 И какъ со волюшкой, сестрича, разставалася,
130. И какъ съ остудой ты, желанна, спознавалася,
 И таки-ль шдлкомъ ты, сестрича, пришивалася,
 И таки-ль золотомъ къ остуды прививалася;
 И ты придай да ума-разума въ головушку,
 И мнѣ-ка розмыслу въ ретливое сердечушко;
135. И хоть я возрастомъ, сестрича, не малѣшенька,
 И я въ годѣхъ еще, сестрича, молодѣшенька.

Послѣ стола двоюродная сестра причитаетъ:

- Охъ, роздумаюсь побѣднымъ своимъ разумомъ:
 И розсказать да про остуду мнѣ-ка нѣ-можно,
 И позади стоять гроза да немилдствива,
 И строга-грозная надежная головушка;
- ѡ. И по праву руку богодана стоять матушка,
 И впереди стоять вѣтляная нешутушка,
 И побочась стоять сестричи богоданы;
 И стать обидушка, сестрича, какъ розсказывать,
 И похулить этой остуды мнѣ-ка нѣ-можно,

10. И похвалить да ей злодійной столько не-за што.
И ты послушай, свѣтъ-сестрича сдвуродимая:
И надо вѣжливо къ остуды привѣщатися,
И очень ѹмильно, сестрича, обходитися,
И по мостиночкѣ итти, не проступатися,
15. И говорить надо, сестрича, не мѣшатися;
И какъ на этой на остуды чужой стѣроны,
И все на двухъ шагахъ тебя да обшагають,
И на единомѣ словечкѣ приоббають.
И поспѣшилася, косата лѣтна ласточка,
20. И ты снять да свою вольну дорогу волю;
И у тебя да моя бѣлая лебѣдушка,
И у тя ручушки, лебѣдушко, тонѣшеньки,
И какъ дѣвочки твои плечушки узѣшеньки,
И умъ-тотъ разумъ во головушкѣ глупѣшенекъ.
25. И кабы знала про остуду чужу стѣрону,
И про остудничка блада сына отечскаго,
И ты на стрѣтушку, сестрича, бы не стрѣтилась,
И съ имъ здоровьица, голубушко, не сдѣла,
И ты бы низкого поклоня-то не-вѣдала,
30. И ты ласковыхъ бы словечъ не спроговѣрила;
И ой, лукава богодана тамъ вѣдь матушка,
И хотъ не-выйдетъ тамъ на широкую на ѹличку,
И на перѣномѣ хотъ крылечкѣ не поставивать,
И потихошеньку къ окошечку подхаживать,
35. И во-потай да тамъ съ за липинки поглядывать,
И на своихъ да все вѣтляныхъ нешутушекъ,
И какъ идутъ да путемъ широкой дорѣженькой,
И по раздольицу по чистому тамъ пѣлюшку,
И не стоять ли на пути да на дороженькѣ,
40. И тамъ не жалятся ль споряднымъ сусѣдушкамъ.
И знаю-вѣдаю, печальная головушка,
И про злодійную судимую сторонушку:
И живутъ спѣсливы богоданы хотъ родители,
И не до насъ живутъ вѣтляныхъ нешутушекъ,
45. И какъ желанны богоданы родители,
И до сердечныхъ оны да своихъ дѣтушекъ.
И лучше выстать бы на гору на высокую,
И лучше пасть въ воду, сестрича бы, глубокую,
И чимъ розстаться вѣдь со вольной этой волюшкой,

50. И съ дорогимъ да прикрашеннымъ дивичествомъ.

И ты послушай, свѣтъ-сестрича сдвуродимая:
И въ томъ обидуюсь на бѣлу на лебѣдушку,
И я пѣняю при всѣхъ добрыхъ теби людускахъ,
И ты не-позвала на крѣпку меня думушку,

55. И на смашиде на крѣпкеде рукобитъице,
И разгнѣвила свѣтъ-надежную головушку;
И при совѣтъ-то у крѣпкой у тя думушки,
И много роду-то вѣдь было много племени,
И много милыхъ сыскалось у тя сродничковъ,

60. И прозабыла ты меня столько головушку.
И слушай, любушка сестрича сдвуродимая;
И кажись, прежь сего до этой поры времечка,
И все до вашей до унылой этой свадебки,
И до славнаго крѣпкого рукобитъица,

65. И я всегда жъ брала въ любимо тя гостибище,
И кажись, гостъица у насъ была унимана,
И кунья шубонька была у насъ скидывана;
И были вѣтвущка сахарни составлены,
И по устамъ да были питьица снаряжены,

70. И по рукамъ да была красна тебѣ ложечка;
И какъ во красныхъ гостила прежде дѣвушкахъ,
И ужъ ты шуточки, лебѣдушко, шутила,
И спрѣста рѣчь-басни, сестрича, говорила,
И не въ проносъ да было въ добрымъ во людуски,

75. И не въ розказъ да во спорядныи сусѣдушки;
И мои умны богоданыи родители,
И все хвалили тя удалымъ добрымъ млодцамъ:
«И это дѣвушка гостить у насъ шутливая,
«И все смиренная она да постатейная,

80. «И на ричахъ она, дѣвица, веселѣхонька».
И ты посла ко мни, сестрича, не послала,
И мнѣ грамотки, сестрича, не писала,
И со птиченькой ко мнѣ не наказала,
И ты на этое на крѣпко рукобитъице.

85. И ты послушай свѣтъ, сестрича сдвуродимая,
И ты вѣдь здынъ да свои бѣлы эти рученьки,
И ты прими да тонку бѣлую сорочечку,

- И отъ меня прими-жь подмогу чѣстно дѣрево;
 И я дарю тебя, сестрича сдвуродимая,
 90. И я не штофомъ-то дарю да не парчѣю,
 И я не краснымъ дарю да тебя бархатомъ,
 И единой да тонко-бѣлой сорочечкой,
 И во вторыхъ дарю чулочкама вязаныма.
 И не поставь во гнѣвъ, сестрича сдвуродимая:
 95. И хоть тонка да вѣдь сорочечка упрядена,
 И не плотно да все станушечка утыкана;
 И хоть и плотно она вѣдь тамъ ушивана,
 И по подолу нѣтъ узоровъ хитромудрыхъ,
 И околь бѣрочка вѣдь золотомъ не вышита,
 100. И околь запесья вѣдь жемчугомъ не сажено.
 И хоть дарю да тебя—бѣлую лебѣдушку,
 И разоряю оковану коробѣчку,
 И не радю на остуду чужу стѣрону,
 И не смѣняю да я вольной твоей волюшки,
 105. И я на это на великое неволице.

*Нѣтъста, по выхоть изъ-за стола, глаза перекрестить и
 отъчасть:*

- И спасеть Богъ да большака-то подомоваго,
 И спаси Господи большухъ да все столовыхъ!
 И въ собину поклонъ сестрицѣ сдвуродимой,
 И за твое, свѣтъ за великое желаньеце,
 5. И за сердечное любимо угощеньеце,
 И на чайхъ да вамъ, голубушко, на кѣфіяхъ,
 И да вамъ на сладкихъ медовыхъ закусочкахъ,
 И на хлѣби-соли, сестрича, на столовыхъ;
 И я наѣлася, невольница, накушалась,
 10. И съ перожка съѣла, невольница, начиночку,
 И я съ калиточки, невольница, наливочку;
 И угостила ты, сестричушко, упѣдила!
 И нынъ къ себи прошу, невольна красна дѣвушка,
 И тебя любушку сестричу сдвуродимую,
 15. И со своей милой надежной головушкой,
 И со любимой законной васъ державушкой;
 И въ вознички его прошу да въ перезовнички;
 И я тебя прошу сестричу сдвуродимую,

И во любимыи сердечныи приставнички;
 20. И проводите-тко на чужу на сторонущку;
 И не въ укорь бы было бѣлой мнѣ лебѣдушкѣ,
 И мнѣ отъ чужихъ богоданныхъ родителей,
 И не безрѣдна я была бы не безплеменная.

И ты послушай, свѣтъ-сестрича сдвуродимая;
 25. И ты не гнѣвайся, сдовольной бѣлой свѣтушко,
 И на меня да на невольну красну дѣвушку,
 И што не-привзвала на крѣпку къ себи думушку;
 И я во ту пору, сестрича, въ тое времечко,
 И испугалась я набѣгу лошадиного,
 30. И сторопила наѣзду молодецкого,
 И не хватило ума-разума въ головушку,
 И покориться мнѣ вѣдь братцу сдвуродимому,
 И онъ съвздялъ на ступистой бы лошадушкѣ,
 И за тобой, мила сестрича сдвуродимая.

35. И ой, роздумаюсь, невольна красна дѣвушка,
 И што же любушка-сестрича сжаловалася,
 И ты даришь меня, невольницу-то жалуешь,
 И изъ ларча да тонко-бѣлой сорочечкой,
 Изъ окованаго чулочкама вязѣныма;
 40. И, знать, радѣешь на судимую сторонущку,
 И разлучаешь съ дорогой да волей вольной.

И возвратусь, да подневольна красна дѣвушка,
 И повзыщу твою надежную головушку,
 И вознесу ему спасибо съ благодарностью,
 45. И воздамъ низкое поклѣнно челобитьице.
 «И спасеть Богъ да тебя братецъ, красно солнышко!
 «И почиталъ да меня бѣлую лебѣдушку,
 «И ты за рѣдную сестру свою любимую;
 «И возилъ дѣвушку по вѣшнымъ игрищечкамъ,
 50. «И возилъ волюшку по зимнимъ бесѣдушкамъ;
 «И не жалѣлъ да ты ступистой лошадушки,
 «И не рабочей, мой вѣдь свѣтъ, да поры времечка;
 «И у тебя да братецъ, красно мое солнышко,
 «И была честь-мѣсто, невольной, во большѣмъ углу,
 55. «И была хлѣбъ да соль, невольной, въ дубовѣмъ столѣ.

- <И ты гости да братецъ, красно мое солнышко,
 <И со своей гости любимой семеюшкой;
 <И если буду я на чужой на сторонущкѣ,
 <И безъ пути ко мни держите перепутьице,
 60. <И вы безъ праздничка-любимое гостибище;
 <И можешь знать да вѣдать, красное мое солнышко,
 <И хоть не дальная судимая сторонущка,
 <И не за горыма она да за высокима,
 <И не за тѣмныма лѣсама за дремучима,
 65. <И не за быстрыма остуда е за риченькамъ,
 <И не за славнымъ за синимъ за Онегупкомъ;
 <И заходите-тко, мой свѣтушко, пожалуйста,
 <И да я стричу васъ, невольна красна дѣвушка,
 <И на пути стричу на широкой дороженькѣ,
 70. <И подхвачу тебя подъ правую подъ рученьку,
 <И съ тобой сдѣю я вѣдь доброе здоровьице,
 <И свеселà скажу единое словечушко,
 <И сговорю, да подневольна красна дѣвушка:
 <И слава Богу-то теперь да слава Господу,
 75. <И дождалась да къ сибѣ гостюшекъ любимыхихъ,
 <И свѣтушка да къ сибѣ братца сдвуродимаго.

И нонь пойти было невольной красной дѣвущкѣ,
 И мнѣ по високу пойти да все по тѣрему,
 И повзыскать да возлюбленну мою сватьюшку:

80. <И ты послушай-ко, любима моя сватьюшка,
 <И што же отдали теперечко туляешься,
 <И ко мни на-глаза, невольницѣ, не явишься,
 <И на стговоръ ко мни, побѣдной не сдаваешься;
 <И чимъ разгнѣвалась любима мила сватьюшка,
 85. <И на меня жъ да на невольну красну дѣвущку;
 <И было прежь сего до этой поры времечка,
 <И отъ тебя было невольной мнѣ головушкѣ,
 <И краснословьице мнѣ было вѣдь отчимое,
 <И было имячко всегда жъ да со изотчиной;
 90. <И ты стѣна была вѣдь мнѣ да городова,
 <И похвала была невольной позаочная,
 И восхваляла меня бѣлую лебедушку
 И ужъ ты этымъ удалымъ добрымъ млодцамъ.
 И што же сгрустнулась на бѣлу нонь лебѣдушку?

95. И спасеть Богъ тебя, любима мила сватьяшка!
 И спомни-спамяти невольну красну дѣвичу,
 И ты не зломъ меня, невольничу, не лихостью,
 И какъ я шуточки, невольница, шутила,
 И спроста рѣчь, бѣдна-невольна, говорила.
100. И я еще прошу любиму мою сватьяшку:
 И ты спусти мою сестричу сдвуродимую,
 И ты сердечное спусти да твое дитяtko,
 И на унылую слезливу ко мнѣ свадебку,
 И на розлукушку къ безцѣнной дорогой волѣ.

Запоходитъ съ фатеры и продолжаетъ:

105. И ты прости, прости любимое гостибище,
 И вы простите тко народъ да люди добрыи,
 И вы простите честны—мужни молоды жены,
 И вы останьтесъ шутки шмоночки дѣвочки
 И здѣсь у любушки сестрицы сдвуродимой!
110. И нагостилась подневольна красна дѣвушка,
 И насидѣлася во свѣтлой я во свѣтлицѣ;
 И я со стадомъ угостилась со гусиннымъ,
 И со другимъ да угостилась лебединнымъ,
 И я со мильма совѣтныма со подружкамъ
115. И я со свѣтушкама братцамъ со родимыма,
 И не начаялась, невольна, не надіялась,
 И во этомъ во любимомъ во гостибицѣ,
 И што стераю дорогу да волю вольную.
 И я повыду какъ на шіроку на уличку,
120. И попѣняю, подневольна красна дѣвушка,
 И своей любушкѣ сестрицѣ сдвуродимой:
 <И ты надсмѣшничка, сестрица сдвуродимая,
 <И ты съ подману взяла вольну мою волюшку,
 <И ты съ подлогу меня бѣлую лебедушку,
125. <И во любимо во сердечно ты гостибище;
 <И пригласила ты блада сына отечскаго,
 <И во свою да ты во свѣтлую во свѣтлицу,
 <И за единой со мной столъ да за дубовой,
 <И заобчѣ меня, сестрича, угощала,
130. <И до моей да столько воли добералася.

У крыльца крестной матери невесты:

- И слава Богу-то теперь да слава Господу,
 И слава Вышнему теперечко Святителю!
 И на пути нашла, невольна, перепутьице,
 И край дороженьки любимое гостибище,
 5. И я добротушку желанну себѣ тетушку,
 И воспринѣмную крестову себѣ матушку,
 И какъ котѡра отъ креста да принимала,
 И меня участью-талантомъ надѣлала.
 И она стритила на широкой на уличкѣ,
 10. И на печальномъ крылечкѣ на переноемъ,
 И на унылыхъ новыхъ сѣняхъ рѣшетчатыхъ,
 И со мной сдѣла вѣдь доброе здоровьице,
 И наздынула вѣдь печальны свои рученьки,
 И на мои томны дѣвочки эти плечушки.
 15. И мнѣ пройти да подневольной красной дѣвушкѣ,
 И мнѣ ко милой ко крестовой своей матушкѣ,
 И принести покоръ родимой своей тетушкѣ:
 «И ты послушай же, крестѡва моя матушка,
 И приукрой да меня-бѣлую лебедушку;
 20. И дорогѹ схити бажону вольну волюшку,
 И хоть ты на-одинъ Господень Божій денечекъ,
 И ты на малое на темное обночице,
 И отъ остудушки, крестѡва, чужой стѡроны,
 И ты отъ этого блада сына отечскаго.
 25. И не страшись, мила крестѡва моя матушка,
 . И што приѣхала со стадушкомъ гусинымъ,
 И со другимъ да я со стадомъ лебединымъ,
 И ко теби да во любимое гостибище;
 И не гля хлѣба-пришла-соли наѣданьица,
 30. И гля любимаго сердечна повиданьица,
 И тебя звать да на слезливу свою свадебку,
 И на розлукушку къ бажонѡй дорогой волѣ,
 И за прощеньицемъ вѣдь я-бласловленьицемъ.

Крестная мать:

И ты послушай же, крестѡво мое дитятко:
 И какъ сего-дня, сего денечка Господняго,
 И разгнѣвила ты побѣдную головушку,

- И ты меня да все крестову свою матушку,
 5. И какъ ты ѣхала-то, бѣлая лебедушка,
 И по прогулушкѣ по широкой по улочкѣ,
 И почтовой емской широкой ты дороженькой,
 И ископытъ да тутъ летѣла-лошадиная,
 И тутъ звѣнѣла-то збруй да-золочоная,
 10. И тутъ звонили колокольча питенбургскіи;
 И я повышла тутъ, кручинная головушка,
 И на прогулушку на широку на улушку,
 И бывъ какъ птиченька меня да пролетаетъ,
 И ты проѣхала, крестово мило дитятко,
 И мимо мѣи-то косѣвчаты окошечка,
 И я повыстала, кручинная головушка,
 И на крылечико, печальна, на перѣное,
 И собрался вси сусѣди спорядовыи,
 И во толпы да добры люди востолпилися,
 20. И вси теби, мое крестово подивилися:
 «И убоялась, знать, крестово мое дитятко,
 «И ты обидной, сиротской моей жирушки,
 «И погнушалася сиротскимъ гостибницемъ.
 И я повышла на путь широку дороженьку,
 25. И въ слѣдъ глядѣла тебя-бѣлой лебедушки:
 И хоть ты дѣвушка въ саняхъ тамъ изнавѣшена,
 И за санямъ да виситъ вольна твоя волюшка;
 И все вѣдъ дѣвушки сидятъ да веселѣшеньки,
 И ты унывъ сидишь, крестово, при обидушкѣ.
 30. И какъ по рѣду-бы-то было да по племени,
 И по закону бы, голубушко, Господнему
 И во первыхъ бы ты, лебедушко, заѣхала,
 И ко своей да ты крестовой ко матушкѣ;
 И ты бѣ просила бы прощенья съ благословеньицемъ,
 35. И ты бы тѣшто, моя бѣлая лебедушко,
 И тамъ объѣхала по породы именитой.
 И ты послушай же, крестово мое дитятко,
 И ты пройди, да моя бѣлая лебедушка,
 И съ дорогой пройди бажоной своей волюшкой,
 40. И во сиротскую въ бобыльскую во жирушку;
 И клади шубоньку на стѣнушку личѣвую,
 И клади волюшку на лавочку брусѣвую,
 И ты на милое косѣвчато окошечко;

- И ты садись, да моя бѣлая лебедушко,
 45. И за дубовой столъ садись-ко хлѣба кушать;
 И угощу тебя, крестово мило дитятко,
 И я учёстую бажону твою волюшку.

Невѣста послѣ стола, из крестной матери:

- И не отъ вѣтрышка теперъ да не отъ сивера,
 И на пятѹ двери дубовы отворяются,
 И окованы ларчѣ да отмыкаются,
 И у моей милой крестовой все у матушки.
5. И съ-по-высоку теперечкѣ по тѣрему,
 И по сиротскому полѹ да по дубовому,
 И не рѣка теперъ течеть—да все медвоая,
 И катить-жалуетъ вѣдь матушка крестовая,
 И со подмогой-то идетъ да честнымъ даревомъ;
10. И на рукахъ да несѣтъ бѣлую сорочечку,
 И во устахъ несетъ прощенье съ благословеньцемъ.
 И поглядите-тко, народъ да люди добрыи:
 И долиной эта сорочка съ Волгу матушку,
 И шириной эта сорочка съ Бѣло-озеро;
15. И хорошо эта сорочечка ушивана,
 И очень щѣпетко у ней да все приўбрано.
 И ты послушай-же, крестова моя матушка,
 И ты даришь да меня, бѣлую лебедушку,
 И раззоряешь оковану коробѣчку,
20. И, знать, радѣешь ты на чѹжу на сторонушку,
 И измѣнашь, да видно, вольну мою волюшку.

Мать крестовая:

- И ты послушай свѣтъ—крестово мое дитятко:
 И не радѹ я, печальная головушка,
 И тебя дать да на судимую сторонушку,
 И разлучить да съ дорогой волей бажонной;
5. И ты прими да тѣнку-бѣлую сорочечку,
 И на свои прими на бѣлыи на рученьки,
 И ты прижми да ко ретливому сердечушку;
 И я таланомъ надѣляю тебя—участью,
 И я великой награждаю Божьей милостью;

10. И поспѣшались какъ печальная головушка,
И я ко твоему купелю ко священному,
И поспѣшила нынѣ крестова твоя матушка,
И я съ великимъ прощеньемъ-благословленьемъ.
И не ситцѣмъ тебя дарю да новомоднымъ,
15. И не какдой дарю тебя, да свѣтъ, заморской;
И можешь знать-вѣдать, крестово мое дитятко,
И про мое бѣдно сиротское живленьце,
И нѣтъ возрощено крылатыхъ ясныхъ соколовъ,
И нѣтъ сердечныхъ надежныхъ у меня дѣтушекъ,
20. И не распущены по чужей по сторонущкѣ,
И по охотной бурлацкой по роботущкѣ,
И наживать да золотой казны безсчѣтной,
И закупать да все товаровъ различныхъ.
И можешь знать-вѣдать, крестово мое дитятко:
25. И у меня да у печальной у головушки,
И нѣтъ возрощено вѣдь бѣлыхъ лебѣдушекъ,
И у меня зимнихъ на бесѣдушкѣ прадюшекъ,
И дорогихъ нѣту угловыхъ у меня ткиюшекъ,
И нѣту вѣсныхъ хитромудрыхъ у меня швіюшекъ,
30. И ушивать да тонку бѣлую сорочечку;
И единымъ да я, горюша, единѣшенька,
И лучше славныхъ умильныхъ подарочковъ,
И какъ ты сойдешь въ Божью церковь посвященую,
И когда станешь подъ вѣнчи да золотонны,
35. И ты со этимъ со бладымъ сыномъ отечскимъ,
И супротивъ да Пресвятой ты Богородицы,
И да я крестъ кладу, горюша, по писаному,
И я поклонъ веду, горюша, по учоному,
И сотворю да я Ісусову молитовку,
40. И штобы свель Господь обычи—умы разумы,
И со остудникомъ бладымъ сыномъ отечскимъ,
И штобы далъ Господь талану теби участи,
И штобы въ честь притти на чужу на сторонущку,
И во любовь да богоданымъ бы родителямъ,
45. И въ похвалу притти сусѣдямъ спорядовнымъ.
И столько слушай, свѣтъ—крестово мое дитятко:
И буде Богъ судить на чужей бытъ сторонущкѣ,
И во любви будешь съ бладымъ сыномъ отечскимъ,
И во чести у богоданныхъ родителей,

50. И приди—засмотри, крестово мое дитятко,
 И ты меня да все печальную головушку;
 И што какъ лѹчится, вѣдь на-вѣку сбывается,
 И по мѣрѹ буде, горюша, нашатаюся,
 И какъ увидишь ты, крестово, можетъ, дитятко,
55. И меня идучи по чистому по полюшку,
 И межу двѣрама, горюшицу, шатаючися,
 И не убойся-тко, крестово, того, дитятко,
 И ты прими да за любиму меня гостыицу.

Нестта отпчастъ:

- И ты послушай, свѣтъ-крестова матушка:
 И спасеть Богъ, да тепло-красно мое солвышко,
 И ты печальна сирота да безпріютная,
 И на твоємъ, да свѣтъ, великомъ на желаньицѣ,
5. И на твоей да на подмогѣ—честныхъ дѣревахъ,
 И на твоей да тонко-бѣлой сорочечкѣ.
 И хоть ты ѹ-сердца меня да не носила,
 И отъ утробушки меня не спородила,
 И меня дитяткомъ сердечнымъ называешь;
10. И мнѣ-ка изо-ста была да ты изъ тысящи,
 И изо всей была породы именитой;
 И мни отъ вѣтрышка была да заборонушка,
 И отъ добрыхъ людей была да ты заступушка;
 И ты стояла за бажону дорогѹ волю,
15. И по частѹ брала въ любимое гостибище;
 И хоть тамъ жирушка была твоя сиротская,
 И угощенье было мнѣ-ко-ва господское,
 И походить стану, невольна красна дѣвушка,
 И на голубищечко-ль, невольна, на прокладбище,
20. И говорить станешь, желанна рѣдна тѣтушка,
 И ты наказывать, крестова моя матушка:
 «И какъ пойдѣшь же, наша бѣлая лебедушка,
 «И ты вкупи пойдѣшь со красныма со дѣвушкамъ,
 «И ты умоешься, лебедушко, бѣлешенько,
25. «И ты снарядишься, крестова, хорошохонокъ,
 «И по себи да сарафаны рострубистыи,
 «И на головушку жемчужную подвѣсточку,
 «И по подвѣсточкѣ косыночку шолкѣвую,

- «И по бѣдой груди платочки левантеровы;
 30. «И говорить еще крестова станешь матушка:
 «И ты поди путемъ широкой дороженькой,
 «И ты походочку держи да все щепливую,
 «И поговорюшку держи да все учливую,
 «И буйну голову носи да все ровнѣшенько,
 35. «И ты поклонъ держи, голубушко, низѣшенько,
 «И на пути жь ты многимъ добрымъ-то людушкамъ,
 «И на дорожкѣ мужикамъ да ты почтеннымъ;
 «И отъ того да вѣдь худо не бываетъ.
 И спасеть Богъ, мила крестова моя матушка,
 40. И за вси ласковы прелестны словечушка!
 И если буде мнѣ-ка вольна эта волюшка,
 И на похвальной на судимой на сторонущѣ,
 И мни отъ этого блада сына отечскаго,
 И ты ходи въ гости, крестовая моя матушка,
 45. И привычать буду, невольна красна дѣвушка,
 И я тебя милу крестову свою матушку,

- И ты послушай, свѣтъ—крестова моя матушка:
 И у тебя, дѣчи невольна, нагостилася,
 И въ большомъ мистечкѣ, невольна, насидѣлася,
 50. И красной ложечкой, невольна, нахлѣбалася;
 И нынѣ къ себе прошу, невольна красна дѣвушка,
 И тебя милую крестову свою матушку,
 И на честно прошу, невольна, пированьице,
 И на унылую слезливу къ себѣ свадебку,
 55. И на розлуку къ дорогой да волѣ вольной;
 И я еще прошу крестову тебя матушку:
 И я на завтрешней Господень Божій денечекъ,
 И все стоять да по базовой дорогой волѣ,
 И по моемъ да прикрашенномъ дивичествѣ:
 60. И будь стѣной стоять, крестова, городской;
 И какъ прийдутъ то розказы сваты большіи,
 И какъ придетъ-то остудникъ бладе отечской сынъ,
 И не окинься, свѣтъ крестова моя матушка,
 И ты на эту золоту казну безсчотную,
 65. И ты на ласковы прелестны ихъ словечушка,
 И не смѣняй да ты вѣдь вольной моей волюшки,
 И ты на это на злодѣйное неволице.

IV.

ПЛАЧИ НА СПУСКАНИЕ ВОЛИ.

Протѣзжая полемъ, невеста причитаетъ:

- Ты прости, прости, роздолице—чисто поле,
И вы простите-тко роспашисты полосушки,
И вы простите-тко катучи бѣлы камешки,
И гдѣ ходила жъ я, невольна красна дѣвушка,
5. И я на трудную крестьянскую роботушку.
- Охъ, послушайте совѣтны—дружны подружки
И тайны милы сердечны разговорщички!
И спамятите-тко, души да красны дѣвушки,
И на лужкахъ меня, невольну, сѣнокосныхъ,
10. И вы на чистыхъ поляхъ да хлѣбородныхъ.
И гдѣ сидили на катучихъ бѣлыхъ камешкахъ,
И гдѣ мы шуточки, голубушки, шутили,
И жалки писенки, лебедушки, спѣвали,
И свою волюшку вѣдь мы да спотѣшали.
15. И охъ-ти мнѣ, да мнѣ тошнѣшенько,
И мнѣ-ка жаль да воли вольной,
И пожалыіе русой косыньки!
И я спущу же дорогу волю бажоную,
И я на чистоемъ спущу да нонь на полкушкѣ,
20. И я подъ кустышекъ спущу да сѣрымъ заюшкомъ,
И я подъ камешокъ спущу да горносталюшкомъ,
И въ темной лѣсъ спущу вѣдь малой этой птиченькой.
И ой, раздумаюсь, невольна красна дѣвушка:
И какъ сего-дня, сего денечка Господняго,

25. И прошутила дорогу я волю вольную,
И на пути волю на широкѣй дороженькѣ,
И я въ роздольцѣ, невольна, во чистомъ полѣ.
И вы послушайте, любимыи извощички,
И мои милы соколочки златокрылы,
30. И вы сердечны-свѣты братица родимыи!
И какъ разливыя придетъ да красна вѣснущка,
И приходите стане рабоча пора-времечко,
И ужъ вы пойдете удалы добры мѣлодцы,
И вы на чистыи поля да хлѣбородныи,
35. И по роскосистымъ лужкамъ да сѣнокоснымъ,
И вы увидите, сдовольны свѣты-свѣтушки,
И вы подѣ кустышкомъ упала сѣра заюшка,
И не спугайте, свѣты братица—родимыи,
И приманите ко бурлацкимъ бѣлымъ рученькамъ,
40. И вы кладите-тко подѣ правую подѣ пазушку,
И принесите въ домъ-крестьянску свою жирушку,
И спустите да тамъ зайка въ мою свѣтлицу,
И то не заюшко вѣдь буде моя волюшка!
И на роздольцѣ, вы свѣты, на большомъ полѣ,
45. И увидите какъ мала горносталюшка:
И то не сѣрой горносталюшко поскакивать,
И то безцѣнная моя да дорогà воля;
И вы возьмите да тутъ нѣводокъ шелковой,
И изъ подѣ камешка ловите горносталюшка,
50. И вы возьмите на бурлацкии его ручепьки,
И вы прижмите ко бурлацкому сердечушку,
И принесите-тко во свѣтлу мою свѣтлицу,
И тутъ вспомните, скачоныи жемчужинки,
И вы меня да подневольну красну дѣвушку.
55. И какъ во этыхъ во темныхъ лѣсахъ дремучихъ
И поеть жалобно—уныло мала птиченька,
И унылѣшенько она да возжупляетъ,
И жалобнѣшенько она да причитаеть,
И уже вамъ да златокрылымъ яснымъ соколамъ
60. И свой же гѣлосокъ она да подаваетъ;
И перелетывать вѣдь мала эта птиченька,
И тамъ со горькой-то она да со осинушки,
И тутъ на бѣлую она да на березынку,
И какъ садится на тотъ тоненькой пручочикъ;

65. И до сырой земли пруточкикъ нагибается,
И мала птиченька сидить да тутъ пугается.
И тутъ посмѣтрите, скачоныи жемчужинки,
И вы на эту перелетну малу птиченьку,
И пороскажите сердечнымъ родителямъ,
70. И тутъ отвѣтитъ вамъ сердечна родна матушка:
«И поимали перелетну вы бы птиченьку,
«И вы бы клали ю во шляпоньку пуховую,
«И вы накрыли бы платочкомъ левантеровымъ,
«И принесли бы вы къ селу да деревенскому,
75. «И вы во свой бы домъ—хоромное строеньице,
«И мы бы клали да тутъ птиченьку во клѣточку,
«И мы бѣ насыпали пшени да бѣло—яровой,
И ублаждать да перелетну стали бѣ птиченьку;
И стала бѣ птиченька по клѣточкѣ поскакивать,
75. И крыльемъ—перьцемъ она да поколачивать,
И я бы правой ю рукой стала подрачивать:
И то не птиченка въ глаза вѣдъ пріявилася,
И вашей любушки сестрицы свѣтъ-родимой,
И ейна волюшка вѣдъ вамъ да показалася.

У деревни:

- И путь дороженька теперъ да коротается,
И деревенское село да приближается;
И путь—дороженька прошла—да не видаютьца
И чисто поле скороталось—не слыхаютца,
5. И я приѣхала къ деревнѣ садовитой,
И я ко этоей усадьбѣ красовитой.
И што у нашего крылечика перѣнаго,
И много множество народу людей добрыхъ,
И все собраньице сусѣдей спорядовыхъ?
10. И я не знаю же, невольнича, не вѣдаю,
И уже што да у родителей случилось,
И уже што да у желанныхъ объявилось.
И пораздумаюсь, невольна красна дѣвушка:
И много множество народу людей добрыхъ,
15. И тутъ окольныхъ сусѣдей спорядовыхъ,
И посторонь да честныхъ мужнихъ молодыхъ женъ;
И знаю-вѣдаю невольна красна дѣвушка,

И то измѣна дорогой да воли вольной.

- И мнѣ-ка стать было невольной красной дѣвушкѣ,
 20. И мнѣ со ѣтихъ дубовыхъ со саночекъ,
 И мнѣ на томны на рѣзвы свои ноженьки,
 И подойти да ко ступистымъ лошадушкамъ,
 И мни воздать да имъ спасибо съ благодарностью:
 «И спаси Господи ступистыхъ васъ лошадушекъ,
 25. «И што возили по любимымъ вы гостибѣщамъ,
 «И моей волюшки вѣдь вы не пристыдили,
 «И вы извощичковъ моихъ не обесчестили;
 «И вы не первое возили, а послѣднее,
 «И во душахъ меня во красныхъ во дѣвушкахъ,
 30. «И вы со стадушкомъ меня да со гусиннымъ,
 «И со другимъ вы, невольну, лебединнымъ,
 «И по породушкѣ возили именитой,
 «И по всѣмъ сродчамъ вы меня да по всѣмъ сродничамъ.

У крыльца дома:

- И добры кднюшки теперь установились,
 И на всѣ стороны народъ да роскатились;
 И мни-ка дали столько уличку широкую,
 И мни пройти да ко крылечку перѣному,
 5. И со своей мнѣ-ка пройти да волей вольной.
 И попѣняю же, невольна красна дѣвушка,
 И я тебѣ моя—родитель—родна матушка:
 И надсмѣяла ты надъ бѣлой лебедушкой,
 И надъ моей да ты бажонной этой волюшкой;
 10. И ты не гостыцей спустила вѣдь недѣльной,
 И не бесѣдничкой спустила воскресенской,
 И мнѣ-ка не-дала дѣвдочья рукодѣлица,
 И мнѣ шелковаго умильна щепетенница.
 И ты послушай свѣтъ—родитель моя матушка,
 15. И воскормитель мой—надѣжа—сударь батюшко!
 И вы стрѣтасте хоть бѣлую лебедушку,
 И вы на этомъ хоть крылечикѣ перѣноемъ,
 И съ хлѣбомъ—солью вы стрѣтаете да съ образомъ,
 И не лебедушку стрѣтаете—невольницу;
 20. И не въ гостяхъ бѣдна—невольна побывала,

- И я на кушаньяхъ-то волю проѣдала,
 И я на питьицахъ медвяныхъ пропивала.
 И еще слушайте, желанны—свѣтъ родители!
 И я сама того, невольна, сдивовалася,
 25. И што вѣдь родъ—племя любимо—сжаловались,
 И до меня нонь до побѣдной красной дѣвушки.
 И меня гостыицу побѣдную стрѣтали,
 И кунью шубоньку мою да скидавали,
 И меня брали тутъ подъ правую подъ рученьку,
 30. И проводили тутъ во свѣтлую во свѣтлицу,
 И садили въ больше мѣстечко на стульицо;
 И дубовы столы у нихъ были розставлены,
 И золочены самовары были справлены,
 И по подносу были чашечки розскладены,
 35. И по тарелочкамъ закусочки налажены;
 И угощали меня дѣвушку тутъ подчивали,
 И ублаждали дорогу волю безцѣнную.
 И я сидѣла за столамъ какъ за дубовыма,
 И была кладена дѣвочья коса русая,
 40. И она рядомъ-то на стопочки точѣныи,
 И алы ленточки на столъ да на дубовой.
 И со сторонь да добры люди дивовались,
 И честны мѹжни молодѹ жены наплакались,
 И столько глядачи на бѣлую лебедушку,
 45. И на мою да дорогу волю бажоную;
 И я сама тогò побѣдна сдивовалася,
 И какъ воля по столу да красовалася.
 И я росхвастаюсь, невольна красна дѣвушка:
 И я была да у сестрицы сдвуродимой,
 50. И какъ дарила-то сестрица сдвуродимая,
 И тонкой бѣлой она меня сорочечкой;
 И во вторыхъ да во любимомъ во гостибищѣ,
 И я была да у крестовой своей матушки:
 И она стритила невольну красну дѣвушку,
 55. И на прогѹлушкѣ на широкой на улушкѣ,
 И какъ у этого крылечника перѣнаго;
 И отъ желаньица здоровье со мной сдѣяла,
 И крѣпко прижала къ ретливому сердечушку,
 И прилагала все ко блеклому ко личику,
 60. И она гладила по бѣдой по головушкѣ,

- И по моей да мелко-прятной русой кóсынькѣ;
 И она прѣвела въ бобыльску свою жирушку,
 И отъ меня да отъ невольной красной дѣвушки,
 И она шёлковъ поясокъ да отвязала,
 65. И кунью шубоньку она да скидавала;
 И она такъ да вѣдь, крестова, зрадовалась,
 И добрымъ конюшкамъ овса да насыпала;
 И говорила мнѣ-ка—бѣлой лебедушкѣ:
 «И ты садись, мило крестово мое дитятко,
 70. «И за дубовой столъ садись да хлѣба кушать,
 «И ты со стадушкомъ садись да со гусиннымъ,
 «И со другимъ садись, дитѣ, да лебединнымъ,
 «И чѣлой день гости у мя да ты до вечера.
 И вы послушайте, желанны свѣтъ родители,
 75. И лучилсь вѣхать невольной красной дѣвушкѣ,
 И мнѣ-ка этой путемъ широкой дороженькой;
 И мимо эту остуду чужу сторону;
 И досегоднешна Господня Божия дѣнечка,
 И мнѣ казалася остуда красовитая,
 80. И воблизѣ стоитъ остуда страховитая;
 И у меня жъ да у невольной красной дѣвушки,
 И испугалася бажона вольна вольная,
 И устрашилася остуды чуждой стороны;
 И чуть сдержала я бажону дорогú волю,
 85. И подхватили свѣты братица родимы,
 И на бурлацки молодецки бѣлы рученьки,
 И удержали у ретливаго сердечушка.

- И спасеть Богъ милыхъ желанныхъ родителей!
 И да мой спѣцливой надежа-сударь батюшка,
 90. И не жалѣлъ да ты ступистыхъ лошадушекъ,
 И отпустилъ да по любимымъ гостибицамъ;
 И соберала я породу родовитую,
 И къ себѣ зъзвала я сродчевъ милыхъ сродничковъ,
 И на честнѣ, да родитель, пированьице,
 95. И на горючее слезливо унываньице,
 И на разлукушку безцѣнной дорогой воли.

И ты послушай свѣтъ-родитель-родна матушка:
 И на крылечикѣ теперь да на перѣноемъ,

- И ты смотрѣла все на бѣлую лебедушку,
 100. И какъ я ѣжала съ любимаго гостибища,
 И какъ каталась по прогульной славной улицѣ,
 И по усадьбѣ я, невольна, красовитой,
 И вдоль деревенки, невольна, садовитой;
 И я зглянула какъ, побѣдна красна дѣвушка,
 105. И я на это на крылечико перѣное,
 И быдто вѣшная вода да разливается,
 И ты горючима слезама обливаешься;
 И я зглянула какъ на братцевъ ясныхъ соколовъ,
 И оны шапочки съ головушки снимають,
 110. И тальянскіи платочки вынимають,
 И молодецки горьки слезы вытирають,
 И сожаліють крѣпко бѣлую лебедушку.
 И у меня жъ моя родитель—красно солнышко,
 И крѣпко обмерло ретливое сердечушко;
 115. И мнѣ-ка жаль-тошно бажоной воли вольносы,
 И потощніе мнѣ, родитель, тебя матушки,
 И пожалычіе—соколочковъ златокрылыхъ.

Мать:

- И наздынуть да мнѣ безсчастны свои рученьки,
 И на сердечное болѣзно свое дитятко,
 И на твой-то мни на томныи на плечушка,
 И на дѣвдочью твою бладую головушку,
 5. И какъ на эту мелко-кратну русу косынку.
 И я глядѣла все, печальная головушка,
 И на тебя мило сердечно мое дитятко;
 И ты катилась хотъ прогульной этой улицей,
 И на слезахъ да были ясны твои очушки,
 10. И не въ покоѣ все ретливое сердечушко.
 И не тоскуй, да моя бѣлая лебедушка,
 И ты не плачь да по бажоной дорогой волѣ;
 И у насъ ставлены свѣщи да воску ярова,
 И передъ Спасомъ, Пресвятой да Богородицей;
 15. И у насъ крестъ да былъ-то кладенъ по писаному,
 И поклонъ веденъ у насъ да по ученому;
 И ужъ какъ сдѣлано крѣпкде рукобитьце,
 И не отдумать буде крѣпкой этой думушки.

- И ты послушай столько, бѣлая лебедушка:
 20. И все не честь-хвала сидѣть долго въ дѣвичество,
 И со стороны да будутъ людюшки смѣяться,
 И вси спорядныи сусѣдки насрѣваются,
 И засидишься какъ во красныхъ во дѣвушкахъ.

Невѣста:

- И ужъ ты слушай, свѣтъ—родитель моя матушка:
 И надоѣла знать, невольна, напрокучила,
 И я тоби, видно, желанной своей матушкѣ;
 И приустила, знать, родитель, обуваючи,
 5. И обуваючи меня да надѣваютци,
 • И мою волюшку, родитель, улаждаютци;
 И видно, ѱ-тебя, родитель,—моя матушка,
 И видно двѣ да три-четыре оставляются,
 Знать што е да у тя бѣлыхъ лебедушекъ,
 10. И на легкую тебѣ да перемѣнушку,
 И на скорое тебѣ да послушаньице.
 И ты послушай, свѣтъ родитель—родна матушка:
 И какъ послѣ да меня бѣлой лебедушки,
 И хоть ты придеши тамъ во свѣтлую во свѣтлицу,
 15. И въ свѣтлой свѣтлицѣ-то буде унынѣшенько;
 И нѣтъ по стопочкамъ дѣвдчья цвѣтна платьяца,
 И подъ окошечкомъ сердечнаго нѣтъ дитятка,
 И единой да твоей бѣлой лебедушки;
 И у тя совьется великая обидушка,
 20. И у тя сходится несносная тоскичушка,
 И меня спомнишь тутъ, невольну красну дѣвушку,
 И пожаліешь да тутъ вольной моей волюшки;
 И столько нѣ-вѣсто, родитель, не вѣстимо:
 И мнѣ-ка будетъ ли да вольна столько волюшка,
 25. И какъ притти да со судимой со сторонюшки,
 И засмотрить да свѣтъ-родитель тебя матушку;
 И можетъ такъ да е, родитель, все случается,
 И на остуды чужей стóроны сбывается:
 И черезъ полюшко въ глаза да меня видите,
 30. И черезъ риченьку, родитель, рѣчь говорите,
 И черезъ темной лѣсъ, родитель, годось слышите.

Нестя къ подрутъ:

- Я увидла, дочь-невольница, обôзрила,
 Скрозь туманъ-слезы, невольница, горючим,
 Я съ за облачка, невольница, ходячаго,
 Свою милую совѣтну—дружну подружку,
5. И дорогую спорядовую сусѣдушку,
 Тайну милую сердечну разговорщичку,
 Я деннѹ свою любезну задушевничку.
 И попѣняю же, невольна красна дѣвушка,
 И я тоби да другъ-совѣтной милой подружкѣ,
10. И отдали стоишь, голубушко, туляешься,
 И за людей, да другъ-совѣтна, учицаешься,
 И што же на-глаза, невольницѣ, не явишься,
 И што же на-рѣчи, съ лебедушкой, не ставишься,
 И на сговорѣ ко мнѣ, невольной, не сдаваешься?
15. Иль красотой моей, голубошко, гнушаешься,
 Аль богатствомъ своимъ да ты возносишься,
 Аль убоялась меня, бѣлой лебѣдушки,
 И устрашилась, вѣрно, вольной моей волюшки?
 И нынѣ волюшка моя да не огнемъ горить,
20. И дорога моя вѣдь е да не смолой кипить;
 Аль не посміешь ты, совѣтна мила подружка,
 И подойти да ко невольной головушкѣ,
 И изъ дому, звать, ты пошла да не спросилася,
 И ты у дяденекъ своихъ не доложилася,
25. И не посміешь того, бѣлая лебѣдушка,
 И наднести да свои бѣлы эти рученьки,
 И на мою да все жѣ на блѣду на головушку,
 И на дѣвочью мелко-прятну русу късыньку?
 Подойди да того, бѣлая лебѣдушка,
30. И ты ко мнѣ да къ подневольной красной дѣвушка;
 И ты возми да мою вольну эту волюшку,
 И на печальныи возми да ты на рученьки;
 И ты клади да дорогую мою волюшку,
 И на свою да на обидну на головушку;
35. И поддержи мою бажону дорогу волю,
 И хоть одинѣ да круглой малой этотъ годышекъ,
 И хоть гостиную уречную подѣлюшку;

- Ужъ ты въ день держи на блѣдой на головушкѣ,
 И ужъ ты въ ночь да у ретливаго сердечушка,
 40. И по утру да на тесовой на кроваточкѣ,
 И ты на этой на пуховой перинушкѣ,
 И ты на крутосмѣ на складнѣемъ зголовницѣ;
 И послѣ моего дѣвочьяго живленьица,
 И спомни-спамятуй, совѣтна дръжна подружка,
 45. И ты на тихихъ на смиренныхъ бесѣдушкахъ,
 И на искать-горахъ, голубушко, катаючи,
 И во веселыхъ кружечикахъ играючи,
 И жалко-уныло вѣдь писенки спѣваючи.
 И не забудь еще, совѣтна-дръжна подружка,
 50. И весной спомни ты, невольну, о Христовѣ дни,
 И краснымъ лѣтушкомъ, невольну, о Петровѣ дни,
 И ты по осени на чистомъ меня полюшкѣ,
 И гди собирались вси спорядны вдругъ сусѣдушки,
 И гди сходилися души да красны дѣвушки,
 55. И ты воспомни тамъ безцѣнну мою волюшку,
 И какъ меня да подневольну красну дѣвушку;
 И вы еще да спамятите, дружны подружки,
 И вы по вѣчерку меня да все повѣшенько.
 И путемъ широкой, невольную, дороженькой,
 60. И гди ровдольцемъ ходили чистымъ полюшкомъ,
 И гди вкупи да со крестьянской роботушки,
 И мы съ тобой, да другъ-совѣтна мила подружка,
 И со печальной обидной красной дѣвушкой.

Подруга отпечаетъ:

- Не посмію же, печальная головушка,
 Я обидная душа да красна дѣвушка,
 И подойти да къ другъ-совѣтной милой подружкѣ,
 И наднести свои печальны бѣлы рученьки,
 5. И на твою да на баждную голдушку,
 И на твою да куболѣну русу кѣсушку.
 И можешь знать-вѣдать, совѣтна дръжна подружка,
 И про-меня да про обидну красну дѣвушку,
 И про мое жъ да про печальное живленьице,
 10. И про унылое сиротно возрастаньице.
 Я безсчастливая душа да красна дѣвушка,

- Не таланни мои бѣлы эти рѹченъки.
 И столько слушай, другъ-совѣтна дръжна подружка,
 И подойду да я, побѣдная, скорѣшенько,
 15. И ужъ я сяду-то, печальна, по-близѣшеньку,
 И на единую брусову съ тобой лавочку,
 И подъ милое косѣвчато окошечко,
 И подъ туманную стекольчату околенку,
 И мы подумаемъ съ тобой да думы крѣпкой.
 20. И хоть даваешь ты бажону дорогѹ волю,
 И мнѣ обидной ты печальной красной дѣвушкѣ,
 И можешь знать-вѣдать, совѣтна дръжна подружка,
 И про меня да бесталанную головушку.
 И я живу-росту, душа да красна дѣвушка,
 25. И безъ своихъ свѣтовъ желанныхъ родителей;
 Извозрастанъице мое да съ уныванъицемъ,
 И какъ гулянъице мое да съ гореванъицемъ,
 И мнѣ покрутушка печальной съ горячмы слезмы.
 И можешь знать-вѣдать, совѣтна-дръжна подружка:
 30. И я живу да за спацливыма за дяденькамъ,
 И не посмю взять же вольной твоей волюшки,
 И ужъ я на-свои безсчастны бѣлы рѹченъки.
 И мни-ка нѣ-дана слободна пора-времячко,
 И мни головушка, лебѣдушкѣ, учесывать,
 35. И мелко-русая коса да все уплетывать;
 И сросла дѣвушка вѣдь я да не бажоная,
 И моя волюшка вѣдь с не куболѣная;
 И по бѣлѹ личу вѣдь скатнаго нѣтъ жемчугу,
 И по русой косы вѣдь алыхъ нѣту ленточекъ,
 40. И по себи-да сарафановъ рострубистныхъ,
 И не по плечушкамъ собольихъ этихъ шубонекъ.
 И можешь знать-вѣдать, совѣтна дръжна подружка:
 И мнѣ-ка нѣтъ столько гостиноей недѣлюшки,
 И мнѣ-ка раняго, печальной, положеньица,
 45. И мнѣ-ка поздого, горяшѣ, пробужденьица.
 И спасеть Богъ да другъ-совѣтна дръжна-подружка,
 И на твоємъ да на великомъ на желанъицѣ,
 И все на лѣсковыхъ прелестныхъ словечушкахъ;
 И не гнушалась меня, бѣлоей лебѣдушки,
 50. И не боялася обидной красной дѣвушки;
 И ты на стрѣтушку со мной всегда стрѣталася,

- И всегда здѣла ты доброе здоровьице,
 И сговорила ты единое словечушко,
 И становилась на рѣчнѹ да поговорюшку;
55. Какъ запоходишь на гульбища-на прокладбища,
 И меня звать да станешь бѣлую лебѣдушку;
 И ты давала мнѣ дѣвчьею покрутушки,
 И мою красила ты вольну эту волюшку,
 И во русѹ косу давала алы ленточки,
60. И ублаждала меня бѣлую лебѣдушку;
 И какъ ходила я, обидна красна дѣвушка,
 И все къ тебѣ да на смиренную бесѣдушку,
 И мы сидели какъ во свѣтлой съ тобой свѣтлицѣ,
 И во твоей да во столовой новой горенкѣ,
65. И хоть расплачусь я, побѣдна, розобидуюсь,
 И объ своей да о несчастной я объ жирушкѣ,
 И о дѣвчьемъ горегорькомъ возрастаньицѣ,
 И отъ тебя жь, мила совѣтна дружна подружка,
 И не въ проносъ да было въ добрыи во людюшки,
70. И не въ розказъ было спацливымъ моимъ дяденькамъ,
 И не въ укоръ да было бѣлой мнѣ лебѣдушкѣ.
 И ты послушай, другъ-совѣтна мила подружка:
 И слупа сдѣлала, печальна я головушка,
 И не спросилась у спацливыхъ своихъ дяденекъ,
75. И мнѣ-ка взять да твоя вольна эта волюшка;
 И безъ-спросѣ да взять мнѣ бѣлой какъ лебѣдушкѣ,
 И мнѣ-ка на-свои печальны бѣлы рученьки,
 И мнѣ-ка прѣнести въ хоромное строеньице,
 И посадить воля въ унылой задней уголокъ,
80. И какъ свирипыи желанны мои дяденьки,
 И стануть пѣ-избы оны да все похаживать,
 И стануть изкоса на дѣвушку поглядывать,
 И оны съ лихостью со мной да розговаривать,
 И тутъ пугаться буде вольна твоя волюшка;
85. И порозплачусь я, обидна красна дѣвушка,
 И пороздумаюсь печальнымъ умомъ-разумомъ,
 И столько спамячу желанныхъ свѣтъ родителей;
 И кабы у-меня у бѣлой у лебѣдушки,
 И были въ живности желанны бы родители,
90. И какъ желанна бы родитель была матушка,
 И мнѣ-ка дала бы слободну пору времячко,

- И дорогу да твою волюшку улаживать,
 И какъ у волюшки головушку заглаживать.
 И не посмію же, совѣтна дръжна подружка,
 95. И съ дорогой да твоей волюшкой познатися.
 И до сегоднешня Господня Божія денечка,
 И я давалась у желанныхъ своихъ дѣденекъ,
 И я къ теби да на унылую на свадебку:
 <И вы спустите меня бѣлую лебѣдушку,
 100. <И вы ко милой совѣтной дръжной побдружкѣ,
 <И вси въ собраньицѣ души е красны дѣвушки,
 <И ейны милыи совѣтны дръжны подружки,
 <И взвеселяются оны да спотѣшаются>,
 И у мя сгрустнутся спацливы мои дяденьки:
 105. — И не досугъ пойти вѣдь бѣлой лебедушкѣ,
 — И много множество крестьянской е роботушки,
 — Не постандвить да домъ крестьянска наша жирушка
 — И для тебя да нонь для бѣлой лебедушки.
 И мепя да тутъ печальну красну дѣвушку
 110. И удолать стане кручинушка великая,
 И я глядѣтъ стану въ косъвчато окопечко,
 И на прогульную на шіроку на уличку,
 И какъ поѣзжать да станешь, бѣлая лебедушка,
 И ты по этымъ по любимымъ гостибищамъ,
 115. И вси въ собраньицѣ души да красны дѣвушки,
 И вси вкупи у тя дородны дѣбры мѣлодцы,
 И вси столпилися сусѣди спорядовыи,
 И все къ тебѣ, да другъ совѣтна мила подружка,
 И на твое да на весело пированьице,
 120. И на горяче же уныло обливаньице,
 И на твою да на слезливую на свадебку,
 И слушай милая совѣтна-дръжна подружка,
 И сожалію я обидна красна дѣвушка
 И дорогѣ твою безцѣнну вольну волюшку;
 125. И хотъ пойдешь во любимо ты гостибище,
 И отлишенна я отъ дръжныхъ своихъ подружекъ,
 И съ горя брошусь на крылечика перѣное,
 И со обидушки на шіроку на уличку,
 И погляжу, бѣдна кручинная головушка,
 130. И на теба да другъ совѣтну милу побдружку;
 И тутъ подбѣдутъ спорядовыи сусѣдушки,

- И все ко мнѣ-ко-ва печальной красной дѣвушкѣ,
 И тутъ подрѣчатъ вѣдь по блѣдой по головушкѣ,
 И сговорятъ мнѣ-ка единое словечушко:
135. «И какъ обидна ты душа да красна дѣвушка,
 «И ты безматерна да бѣлая лебедушка,
 «И не отнущена у милыхъ своихъ дяденекъ,
 «И ты на эту слезливую на свадебку,
 «И столько издить со душой да красной дѣвушкой,
140. «И по любимымъ сердечнымъ гостибещамъ».
 И на отвѣтъ держу печальная головушка,
 И своимъ милымъ спорядовымъ я сусѣдушкамъ:
 — И по головушкѣ меня да вы не дрѣчите,
 — И не тужите вы по бѣлой лебедушкѣ,
145. — И не слезите да вы красну меня дѣвушку;
 — И не узнали бы желанны мои дядюшки,
 — И што на улчкѣ, побѣдна, слезно плакала,
 — И што на шірокой сусѣди ростужилися,
 — И все по мнѣ да вѣдь по бѣлой лебедушкѣ;
150. — И не въ укоръ бы было красной да мнѣ дѣвушкѣ,
 — И не бранили бы печальную головушку.
 И вы послушайте, сусѣди спорядовы,
 И мнѣ-ка такъ бѣдной горящицѣ тошнѣшенько,
 И я не вижу свѣту бѣлаго на улчкѣ,
155. И не обѣзрятъ очи краснаго вѣдь солнышка,
 И со злодѣйной великой кручинушки.
 И тутъ роздумаюсь, побѣдна красна дѣвушка:
 И я повыберу слободну пору времячко,
 И я о свѣтломъ Христовѣ воскресеньцѣ;
160. И тутъ я схѣжу на слезливую на свадебку,
 И ко своей милой совѣтъ—да дружной подругѣ,
 И хоть я погляжу съ за добрыхъ многихъ людунекъ.
 И какъ сегодняшнимъ Господнимъ Божиимъ денечкомъ,
 И знать погодушка сегодня усмиралася,
165. И родны дѣденки теперъ да обумилися;
 Али добрыхъ людей да постыдилися,
 Таки-ль Господа-то Бога побоялися;
 И отпустили меня бѣлую лебедушку,
 И ко тоби да другъ совѣтной милой подругѣ,
170. И на твое да на слезнѣе обываньце,
 И на родитѣльско честнѣе пированьце.

- И просижу да нонь, печальна красна дѣвушка,
 И со тобой да съ подневольной головушкой,
 И просовѣтуемъ мы тѣмну эту ноченьку,
 175. И мы до ранней зари да съ споряданьцемъ,
 И мы до бѣлаго до свѣта разсвѣтаютца;
 И мы продумаемъ вѣдь крѣпкой съ тобой думушки,
 И топерь-нонѣчи душа я красна дѣвушка,
 И я повыскажу великую кручинушку,
 180. И я при всѣхъ да все при добрыхъ при людюшкахъ,
 И я при милыхъ спорядовыхъ сусѣдушкахъ,
 И про печально горе-горько возрастаньце,
 И про свое да про обидное живленьце.
 И кабы знали про то, свѣтушки бы, вѣдали,
 185. И про дѣвочью обиду мою жирушку!
 И какъ давалась на слезливу я на свадебку,
 И я корилася желаннымъ роднымъ дядюшкамъ,
 И доложила у спадливыхъ у дяденекъ,
 И я на позднюю на малу вечериночку,
 190. И посидить да съ вами—красныи-то дѣвушки;
 И чѣлой день прошелъ у дѣвушки—даваютца,
 И прошло три часу—словечка дожидаютца;
 И хотъ не ласково оны сладко сказали,
 И хотъ не-съ-вѣсела меня да отпуцали,
 195. И мнѣ сказали столько малое словечушко:
 <И ты поди да еси вольная,
 <И ты поди да безумѣнная>.
 И ты послушай же, совѣтна дружна пѣдружка:
 И я одѣлася, [побѣдна, суровѣшенько,
 200. И не умыла хотъ, печальна, бѣло личушко,
 И со обидушки слезама я умылася,
 И со досадушки кручиной утиралася,
 И послѣвшилася къ совѣтъ да моей пѣдружкѣ.
 И какъ послѣ своей родителя я матушки,
 205. И мужъ я третей-то учетной живу годышекъ,
 И на моемъ бѣдномъ ретливомъ сердечушкѣ,
 И закатился тутъ катушей бѣлой камешокъ:
 И я повыстану по утрышку ранѣшенько,
 И я умоюся, горюша, ключевой водой,
 210. И я утрусь да въ тонко—бѣло полотенышко,
 И по мостиночкѣ тутъ стану я похаживать,

- И точно бѣлочка на дяденекъ поглядывать,
И я выспрашивать, побѣдная головушка.
«И вы скажите-тео, желанны мои дяденьки,
215. «И мнѣ куды жѣ пойти, обидной красной дѣвушкѣ,
«И на каку пойти крестьянскую роботушку».
И пословесно мнѣ безсчастной не высказываютъ,
И на семь дѣлъ рукой, побѣдную, розраживаютъ.
И ты послушай, другъ—совѣтна мѣла подружка,
220. И применись также къ остуды чужой стороны,
И знаю-вѣдаю, обидна красна дѣвушка:
И украшенная была да у тя жирушка,
И куболёная была да твоя волюшка;
И молчи—схватисься, совѣтна дружна подружка,
225. И потоскуешь по дѣвочей своей жирушкѣ,
И ты поплачешь по дѣвочей своей волюшкѣ,
И спамятуешь мелко-прятну рѹсу косынку,
И ты послушай же, совѣтна дружна подружка,
И какъ ты ѣхала съ любимаго гостибища,
230. И съ чистымъ полюшкомъ вѣдь ты да розставалася,
И съ дорогой волей, лебедушка, прощалася,
И какъ спущала дорогу да свою волюшку,
И во темны лѣса спущала ты дремучи,
И ты подъ кустышекъ спущала сѣрымъ зайушкомъ,
235. И ты подъ камышекъ спущала горносталюшкомъ,
И мнѣ-ка жаль да того, бѣлая лебедушка,
И што я нѣ-была, печальна красна дѣвица,
И я не ѣхала вѣдь широкой дороженькой,
И я раздольцемъ съ тобой да чистымъ полюшкомъ,
240. И я не гладкими лугама сѣнокосными,
И я примитила, обидна бы головушка,
И въ кою сторону ты волю отпускаешь,
И въ котору путь дорожку отражаешь.
И приложу совѣтъ, обидна красна дѣвушка,
245. И я ко-твоей нонь ко блადоей головушкѣ:
И куды класть да теби вольна своя волюшка;
И не отдай воли совѣтнымъ дружнымъ подружкамъ,
И ты не свѣтушкамъ-то братцамъ яснымъ сдокамъ;
И не клади воли во улочки рядовни,
250. И ты не ставь да ю у лавочки торговни,
И весной волюшка твоя да призавѣтсѣ,

- И зимней порою занесетъ снѣжкомъ перыстымъ,
 И повябуть у волн рѣзвы столько ноженъки.
 И ты послушай же, совѣтна дружна подружка:
255. И ты сходи да столько въ улочки рядовны,
 И ты найди да столько въ лавочки торговны,
 И дорогой возми бумага-листъ гербовой;
 И ты найми да писаречковъ хитро-мудрыхъ,
 И ты спиши да дорогу волю бажоную,
260. И ты дѣвочью мелко-прятну русу косыньку,
 И дороги да свои алы спиши ленточки;
 И ты патреть клади во свѣтлой своей свѣтлицѣ,
 И за стекло клади вѣдь волю за хрустальное,
 И ты на стѣнушку клади да на личѣвую,
265. И ты на стоночку клади да на точеную;
 И бѣде Богъ судить вѣдь бѣлой лебѣдушкѣ,
 И тебѣ притти со остуды чужей стороны,
 И ты сидѣть будешь во свѣтлой во свѣтлицѣ,
 И ты поглядать тутъ на вольну будешь волюшку.
270. И поровдумаюсъ печальнымъ умомъ-разумомъ,
 И уже тутъ да твоей волюшкѣ не мистечко,
 И лучилосъ слышать невольной красной дѣвушкѣ,
 И миѣ про этого остудничка чужанничка,
 И миѣ про этого блада сына отечскаго;
275. И во гостяхъ буде остудникъ угощаться,
 И до-пьянъ будетъ остудникъ напиватися,
 И надъ тобой будетъ невольной надрыгатися,
 И надъ волюшкой твоей да надсмѣхатися;
 И скоро събѣжитъ онъ со стульица кленоваго,
280. Изъ-за атыныхъ столовъ изъ-за дубовыхъ,
 И онъ не пьянъ пойде остудникъ-пошатается,
 И станетъ буйной головоушкой покачивать,
 И онъ разбѣетъ тутъ стекло это хрустальное,
 И ушибѣтъ да онъ тутъ вольну твою волюшку,
285. И испугаетъ тебя бѣлую лебѣдушку;
 И будетъ на тоску желанной твоей матушкѣ,
 И на обиду свѣтамъ братьицамъ родимымъ,
 И тебѣ стыдно будетъ бѣлой лебѣдушкѣ.
 И ты клади лучше да вольну свою волюшку,
290. И во ларчи клади ты волю окованы,
 И ты замни да ю замочкомъ щелкатурнымъ,

- И ты свежи да на судимую сторонушку,
 И не розсказывай бладу сыну отечскому,
 И въ коробеечку ходи да потихошеньку,
 295. И отмыкай да ты замочки съ осторожностью.
- И ты послушай, другъ-совѣтна мѣла подружка:
 И лучилось слышать печальной мнѣ головушкѣ,
 И похваляется остудникъ бладь отечской сынъ;
 И я не звану нашель дѣвушку не сватану,
 300. И я подь пару срубилъ въ саду деревиночку,
 И со травы да сорвалъ аленькой цвѣточикъ,
 И подобралъ себѣ душѣ да красну дѣвушку,
 И нашель дѣвушку вѣдь я да все дешовую,
 И подкупилъ да столько волюшку грошовую.
305. И ты послушай же совѣтна дружна подружка:
 И мы удумаемъ бладу сыну отечскому,
 И во прѣвзду-то его да княжнецкому,
 И столяровъ найдемъ, совѣтна, добрыхъ мѣлодцевъ,
 И ужъ мы сдѣлаемъ-ко куклу деревянную,
310. И мы одѣнемъ ю во цвѣтное во платьице,
 И мы поставимъ на крылечико перѣное,
 И мы обстанемъ души красны кругомъ дѣвушки,
 И затулѣмъ да твою вольну эту волюшку,
 И мы отвитимъ тутъ бладу сыну отечскому:
315. <И у насъ дѣвка подь тебя да е подлажена,
 <И молодая-то княгиня е сокручена,
 <И на крылечико перѣное поставлена;
 <И ты бери же ю за правую за рученьку,
 <И вы садите ю во санки самокатныи,
320. <И поѣзжайте къ Божьей церкви посвященной;
 И ты останешься, совѣтна дружна подружка,
 И во своей же дорогой да воли вольной;
 И мы воротимся въ хоромное строеньице,
 И мы глядигъ станемъ во чистое во полюшко,
325. И мы на этотъ столько поѣздъ княжнецкій;
 И на посмѣхъ возьмемъ блада сына отечскаго:
 И на дороженькѣ-то саночки покачнутся,
 И изъ саней да эта кукла-то покатится,
 И весь тутъ поѣздъ княжнецкой постановится;
330. И тутъ остудникъ бладь отечской сынъ спохватится:

- И оны сдѣляли надсмѣшку добру молодцу,
 И надсмѣялись надъ бурлацкою головоушкой.
 И, ой, не ладно да я, дѣвушка, удумала,
 И я не хорошо, обиднушка, уладила.
335. И впередъ еще остудникъ похваляется:
 И не-задолго то поры да буде времечка,
 И будетъ дѣвушка у насъ да во бѣлыхъ рукахъ,
 И буде волюшка вѣдь е да во златыхъ перстняхъ,
 И ужъ я такъ буду надъ ей да надрыгаться;
340. И простоятъ ночь у тесовой у кроваточки,
 И продрожить да всю у складняго зголовьяца;
 И на гвоздѣ да провиситъ-то плеть шелковая,
 И ради страсти тутъ она да ради ужъасти.
- И еще слышала, печальная головоушка,
 345. И я про этого остудничка-чужанничка,
 И я про этого блада сына отечскаго:
 И тонко ноги онъ, остудничекъ, подтягивать,
 И плотно сердце онъ, чужбинникъ, подпоясывать,
 И носить шапку-то, остудникъ, на одномъ ухѣ,
350. И рукавиченко-то носить на правой рукѣ;
 И охочъ за-угломъ, остудничекъ, поставлятъ,
 И охочъ вольныхъ солдаточекъ захвачивать,
 И молодыхъ да бѣдныхъ вдовушекъ попугивать;
 И онъ по позднимъ, лебѣдушко, по вечеркамъ,
355. И онъ по темнымъ по долгимъ этимъ ноченькамъ,
 И онъ картежной игрой да занимается,
 И баловствомъ да все, остудникъ, забавляется;
 И теби ждаты буде блада сына отечскаго,
 И онъ скоро-ли къ крылечку припатается;
360. И все глядитъ да теби, бѣлая лебѣдушка,
 И изъ-за тульица въ косѣвчато окошечко,
 И изъ-за липинки въ стекольчато околенко:
 И ужъ онъ пьянъ-не пьянъ, злодѣй-идѣ, шатается,
 И надъ тобой да надъ невольной надсмѣхается,
365. И какъ тоби да быть, невольна-дружна подружка:
 И весела выдъ на крылечико перѣное,
 И стрить-ко съ радостью блада сына отечскаго;
 И не груби да столько, бѣлая лебѣдушка,
 И уласкай его ласковыми словечкама;

370. И подхвати его подъ правую подъ рученьку,
И подойми да ты отъ матушки сырой земли,
И свеселѣ скажи единое словечушко,
И ты по имечкѣ чести да по изотчинѣ,
И говори да ты бладу сыну отечскому:
375. Изъ окна глядятъ желанныи родители,
И на синѣхъ стоятъ вѣтляныи нештутушки,
И состоронь глядятъ вѣдь добрыи-то людושки». —
И ты послушай, другъ совѣтъ да моя подружка:
И глуно сдѣлала, невольна красна дѣвушка,
390. И ты не дождалась, скачоной жемчужинки,
И свѣтушка да ты братца все родимаго,
И ты со дальнѣ со безвѣстной сторонушки,
И ты съ злодѣйной грозной службы Государевой,
И лучилдсь слышать, печальной мнѣ головушкѣ,
395. И теперъ прѣща-то вѣдь есть да Государева
И воотпусти теперъ есть подомовыи,
И отпуцають е солдатовъ забилетныхъ,
И по своимъ домамъ крестьянскимъ по жирушкамъ;
И ты бы дождалась скачоной жемчужинки,
400. И на честнѣ бы къ себѣ да пированьце,
И на разлукушку бажонѣ дорогой воли.
И ты послушай же, совѣтъ да дружна подружка:
И онъ постранствоваль по чужой по сторонушкѣ,
И онъ намыкался-то службы Государевой;
405. И ужъ какъ этии безсчастныи солдатушки,
И они обошли Русію подселенную,
И приобѣхали кеянъ да сине морюшко;
И уже, ой, да сколько скуки онъ навидѣлся.
И ты послушай-же, совѣтъ да дружна подружка:
410. И ты писала бѣ скорописчатую грамотку,
И ты на чужу бы на дальнюю сторонушку,
И ты повышла-бы на широкую на улочку,
И ты зглянула бы во три—четыре во сторонушки,
И выше лѣсушку зглянула бы дремучаго,
415. И выше горъ да усмотрѣла бы высокнихъ,
И увидала бѣ перелетную ты птиченьку,
И ты несчастную кокошу горегорькую,
И доспросилась бы, невольна ты головушка,
И ты у этой перелетной бѣдной птиченьки:

420. «И ты куды птича летишь, да куды путь держишь?
 «И куда горькая кокоша поспѣшаешься?»
 И пріотвѣтила бы мала тѣь птиченька:
 И пріуспали мои крыльица махаютца,
 И мое перье, у безсчастной, прищипается;
425. И я не птиченька безсчастлива—лечу матушка;
 И хоть одно было сердечно у мя дитятко,
 И оно отдано во службу Государеву;
 И облечу да я Русію подселенную,
 И по страженницамъ, безсчастлива, по военнымъ,
430. И повзыщу свое сердечно мило дитятко,
 И какъ еще отвѣтъ тутъ держитъ мала птиченька:
 И вы пируете, дѣвчича, взвеселяетесь,
 И ужъ какъ твой да свѣтушкѣ братецъ родимой,
 И онъ во службы-то слезама обливається.
435. И ты съ обидушки бы тутъ да покорилася,
 И ты съ горючими слезама помолилась бы,
 И ты бы этой перелѣтной малой птиченькѣ:
 «И ты возми да скорописчатую грамотку,
 «И снеси грамотку на чужу на сторонушку,
440. «И отыщи да свѣтушкѣ братца родимаго,
 «И доспросись-ко его, птиченька, довѣдайся;
 «И ты съ какой земли, солдатушка, съ какой орды,
 «И ты съ которой, солдатъ, е да со сторонушки?
 «И тутъ подай да скорописчатую грамотку
445. «И столько милому вѣдь братцу все родимому.
 И возме—грамотку онъ въ руки, закручинится,
 И закручинится онъ тутъ да заобидится;
 И онъ солдацкіи смахнѣ да бѣлы рученьки,
 И на безсчастную служилую головушку,
450. И крѣпко прижметъ онъ солдацкое сердечушко,
 И проклинать стане судьбу свою безсчастную:
 «И опришѣнной я отъ добрыхъ, скаже, людושкѣ,
 «И отрекнулись, видно, родъ племя любимое,
 «И отлишились желанны, знать, родители;
455. «И меня не-ждутъ на родимую на родинку;
 «И все спѣшится, знать, сестрича, е родимая,
 «И безъ меня сыграть любиму свою свадьбу;
 «И я стоялъ бы тамъ, солдатушко походной,
 «И я за ейну за бажону дорогую волю,

460. <И я съ оружицемъ стоялъ бы завоеннымъ,
 <И съ пистолетикомъ стоялъ бы зарукавнимъ.
 И тутъ онъ спомнить да родиму свою рѣдинку,
 И проскучается до повдаго до вѣчерка,
 И съ горя выпьетъ да онъ чару зеленѣ вина,
 465. И со обидушки, соддать, хмѣльныхъ напитокочковъ.

- И не безсудъ да ты, побѣдная головушка,
 И да ты милая совѣтна дружна подружка!
 И што я вольная дѣвица-самовольная,
 И просказала про остуду чужу сторону,
 470. И про остудника блада сына отечскаго,
 И причитала тебѣ—бѣлой лебедушкѣ.
 И столько въ умъ возми, совѣтна-дружна подружка,
 И все такъ сбудется на чужей на сторонушкѣ.

Пѣсньта къ подругъ замужней:

- И я увидла дочь-невольница,
 И я совѣтъ да прежню подружку,
 И я спорядную сусѣдушку.
 И подойди жъ ко мнѣ, невольницѣ,
 5. И ты порѣскажи, совѣтна дружна подружка,
 И какъ со волюшкой вѣдь ты да розставалася,
 И со велбекой неволей познавалася;
 И не-вдавнѣ была въ совѣтномъ ты въ дѣвчествѣ,
 И теперь въ славномъ похвальномъ молодечествѣ.
 10. И не утай-скажи, спорядна мни сусѣдушка,
 И наложи да свои бѣлы эты рученьки,
 И на дѣвѣчьи на узешеньки ты плечушка,
 И на мою да ты на бладую головушку,
 И на безцѣнну дорогѣ да волю вольную,
 15. И не убойся, спорядѣвая сусѣдушка,
 И ты скажи мнѣ-ка невольной красной дѣвушкѣ,
 И про остудушку про чужую сторонушку,
 И уже какъ да ты совѣтна прежня подружка,
 И гдѣ оставила бажону свою волюшку,
 20. Аль съ собой взяла на чужу на сторонушку,
 И таки-ль ѹ-своихъ желанныхъ у родителей;
 И ты послушай же, совѣтна дружна подружка:

И ты придай да ума-разума въ головушку,
И размышленница въ ретливо мнѣ сердечушко.

Сусѣдка отвѣчаетъ:

- И ты послушай, подневольна красна дѣвушка,
И не посмію я, печальная головушка,
И подойти къ тебѣ, голубонько, скорѣшенько,
И да я стать къ тебѣ, невольница, близѣшенько,
5. И наднести да на ты бѣлы свои рученьки,
И можешь знать-вѣдать ты, бѣлая лебедушка,
И на перстахъ моихъ перстнѣи не брилліантовы,
И на рукахъ да вѣдь пальца не золоченны;
И во моихъ да во несчастныхъ во плечушкахъ,
10. И пятьдесятъ да е булабочекъ калѣнныхъ,
И е пять вострыхъ булатныхъ столько ножичковъ,
И приобрѣжу твою волюну эту волюшку,
И посудячишь ты, совѣтна дружна подружка,
И на меня да ты печальную головушку.
15. И еще слушай, подневольна красна дѣвушка,
И тебѣ времячко, голубошко, выпрашивать,
И мнѣ-ка нѣ-время, совѣтной, все высказывать,
И про неволице про чужую сторонушку;
И мнѣ похаять-то сторонки столько нѣ-можно,
20. И похвалить мнѣ-ка злодійной столько нѣ-за што.
И все рассказывать про чужую сторонушку
И не посмію же, печальная головушка;
И хотя жъ нѣтъ здѣсь богоданныхъ родителей,
И донесутъ да все спорядныи сусѣдушки,
25. И про меня да честну мѹжню молоду жену,
«И у невольницы она, скажутъ, расплакалась,
И на васъ да богоданныхъ порозжалилась;
И можешь знать—вѣдать ты, бѣлая лебедушка,
И што вѣдь вѣтрышки-то віють со западочкой,
30. И говорятъ да бають люди со прибавочкой,
И кабы знала ты про чужую сторонушку,
И не разсталась бы съ безцѣнной дорогой волей;
И ты бы сошла вѣдь ко синему ко морюшку,
И ты бы пала да тамъ въ водушку глубокую.
35. И, ой, штукавы тамъ вѣтляныи нешѹтушки;

И скоро пойдешь по мостиночкѣ, не бѣгай-ко,
И оны съ подлобья, злодѣйки-то, поглядяють,
И между дѣ-другомъ оны да усмѣхаются;
И по походочкѣ твоей будутъ срѣкаться:

40. «И, знать, спѣсива на походочку щепливую;
И какъ пойти тебѣ, голубонько, тихошенько,
И не стандвись путемъ широкой дороженькой,
И хоть ты голову несешь да по-низѣшеньку,
И на посмѣхъ да богодана возметъ матушка,

45. «И што лѣньливая идетъ да не станливая.
И столько въ умѣ возми, совѣтна моя подружка,
И каково жить на судимой на сторонущкѣ:
И хоть за умной за надежной а головушкой,
И строги грозны богоданы есть родители;

50. И хотя жъ двадцать пять нечетныхъ е недѣлюшекъ,
И какъ со волюшкой вѣдь я да поросталася,
И мнѣ-ка за двадцать учетныхъ плѣть-то годышкоть,
И мнѣ-ка кажется пора да это времячко.

И ты послушай, свѣтъ-совѣтна мила подружка:

55. И не досугъ сидѣть печальной мнѣ усѣживать,
И чваковито мнѣ съ тобой да розговаривать;
И позади стоять остудникъ бладь отечской сынѣ,
И моя милая надежная головушка;
И воскликать меня, печальну, уговаривать:

60. «И што розсѣлася сусѣдкой пороспалакалась,
«И про остуду чужу стѣрону розжалилась.

И еще слушай, моя бѣлая лебедушка:

И когда свѣтова тебя да все засватывали,
И со сторѣнь да тебя жѣнихи засматривали,
65. И ты окинулась, совѣтна дружна подружка,
И ты на этого блада сына отечскаго,
И на учливу ль молодецку поговорюшку,
И на завивны ль на желтыи кудерышка?
И лучилось слышать, печальной мнѣ головушкѣ,

70. И вси спорядныи сусѣды въ домъ собиралися,
И вѣдь зучили тутъ блада сына отечскаго,
И на ричную молодецку поговорюшку;
И его гладили по бладой по головушкѣ,
И завивали его желтыи кудерышка,

75. И на словахъ бы онъ къ теби да прелестился,
И по головушкѣ теби-бы прилюбился;
И ты на што, на што, голубонько, окинулась,
И ты на што, моя лебедушко, оварилась?
И на луга ль его, дѣвича, сѣнокосныи,
80. И на поля ль его, дѣвича, хлѣбородныи?
И какъ у этого, остудничка-чужанничка,
И не пшена у ихъ растетъ да бѣлоярова,
И не стоять да у ихъ стѣги перекодныи;
И ты послушай другъ-совѣтна моя подружка:
85. И на женидбы молодець да высоко поднать;
И онъ богатъ, скажутъ, остудничекъ-богатина;
И нахвалили тебѣ бѣлоей лебедушкѣ;
И скажутъ, мѣдь гребеть, остудничекъ, лопатама,
И серебро мѣрятъ, остудничекъ, маленкама,
90. И ужъ онъ золото, остудничекъ, четверкама.
И ты послушай же, совѣтна-дружна подружка,
И што вѣдь я скажу, печальная головушка:
Сподманули тебя, бѣлую лебедушку,
И на словечикахъ тебя да приоббаяли,
95. И точно вѣроны съ чиста поля ограили,
И со подлогу взяли вольну твою волюшку;
И какъ на ту пору вѣдь было въ тое времячко,
И у тебя столько у бѣлой у лебедушки,
И, знать, на тихой на смиренной на бесѣдушкѣ,
100. И, видно, не было вѣдь роду у тя племени,
И, знать, не любушекъ сестриць да сдвуродимыхъ,
И, видно, не было повозничковъ любимыхъ,
И сберегать да твоей воли было нѣ-кому.
И добры людунки къ теби да подходили,
105. И ужъ какъ этого ль остудничка-чужанничка,
И его мильи сестрицы ль родимыи,
И не спроста да по головушкѣ погладили,
И все за ближнюю родню да оны ладили.
И туды умъ пошомъ у бѣлой у лебедушки;
110. И на словечушкахъ вѣдь ты да спростовалася.
И столько слушай же, совѣтъ-да дружна подружка:
И ты вѣдь спомнишь того, бѣлая лебедушка,
И ты меня да все печальную головушку,
И што сказала про остуду чужу стѣрону.

V.

ВАЕННЫЕ ВОПЛИ.

Баенна истопщица съ стьятъ дома:

- Ужъ ты здынься-ко рука, да ручка правая,
И ты на двери, моя рученька, дубовыи,
И ты на тягу, моя рученька, желѣзную.
И не отъ вѣтрышка теперь да не отъ запада,
5. И на пятю́ двери дубѣвы отворялися,
И все по пятничкамъ оны да по булатнымъ,
И все по петелкамъ оны да по желѣзнымъ,
И какъ желѣзо—то вѣдь было Вытегорское,
И было славныхъ кузнецъ Новгородскихъ;
10. И да по малому порогу грановитому,
И да по этимъ по липинкамъ кленовымъ,
И пропусти до меня, дверь столько дубовая,
И пропусти да душу красну меня дѣвушку,
И меня баенну вѣдь нонь да ты истопщичку.
15. И съ далека же ключевой воды изтопщичку.

- И вы разтроньтесь-ко, народъ да люди добрыи,
И на двѣ стороны—сусѣди спорядовыи.
И есть ли на-стѣны теперечко Святители,
И есть ли при-домы у дѣвушки родители.
20. И знаю-вѣдаю, обидна красна дѣвушка:
И не бывае Божья Церковь безъ священника,

- И не живаеъ изба земская безъ старосты;
 И сего дому не бывае безъ хозяина,
 И во дому да естъ хозяйинъ родной батюшко,
 25. И у печи жь да е хозяйка родна матушка;
 И благословите-ко хозяйинъ со хозяйошкою,
 И дозвольте мнѣ, печальной горюшицѣ,
 И мнѣ позвать да подневольну красну дѣвушку,
 И мнѣ во эту тѣплу парную во баенку.
30. И мнѣ пойти было обидной красной дѣвушкѣ,
 И мнѣ ко печенькѣ придвинуться кирпичной,
 И мнѣ ко этому осошточку къ укладному,
 И мнѣ воздать да поклонъ-низко челобитьиче,
 И мнѣ-ка этою большухѣ подомовой:
35. <Ты пожалуй въ тѣплу парну эту баенку,
 <Ты во эту во бѣлу въ умываленку,
 <И со своею да со надежной со головушкой.
 И ты послушай-же, большуха подомовая,
 И не спѣшись да въ тѣплу парну итти баенку,
40. И не про васъ да пѣчна баенка истоплена,
 И не про васъ да ключева вода изнѣшена.
 И возрачусь еще, печальная головушка,
 И я поклонъ воздамъ во двѣрной этотъ уголокъ,
 И ужь я старымъ теперъ да все старушенькамъ,
45. И старичкамъ воздамъ теперъ да стародревниимъ:
 <И вы пожалуйста во парну эту баенку,
 <И вы во эту во бѣлу въ умываленку>.
 И какъ старушеньки того да зрадовались,
 И старичонка по деревнѣ разбѣжались,
50. И голыченокъ оны да насбирали;
 И ворочу съ пути я старыхъ старушенекъ,
 И я отъ байни старичковъ да стародревниихъ:
 <И уже какъ да вы скоренько сторопились:
 <И въ парну баенку итти да поспѣшились,
55. <И не про васъ байна теперечко истоплена,
 <И съ-далекѣ да ключева вода вѣдъ нѣшена.
 И мнѣ поклонъ воздать середнему окошечку,
 И мнѣ ко этимъ мужичкамъ да все почтеннымъ:
 <И вы пожалуйста во парную во баенку,
60. <И столько малы спорядовыи сусѣдушки.
 <И не чешитесь-ко теперъ да не кобайдаться:

- «И не про васъ да вѣдь, сусѣды, байна топлена,
 «И не про васъ да ключева вода нашоена,
 «И байна топлена про бѣлую лебѣдушку,
 65. «И вода ношена про ейну вольну волюшку.
 «И вы пожалуйста вѣдь въ парную во баенку,
 «И ужъ вы эта холостѣба да не женатая,
 «И ужъ вы эти бурлакушки молодцы.
 «И не спѣшитесь вы удалы добры молодцы,
 70. «И вы во эту теплу парну итти баенку;
 «И не про васъ да вѣдь, бурлаки, байна топлена,
 «И не про васъ да холостяги, вода ношена.
 И не спроста да парна баенка оставлена,
 И е поставлены вѣдь крѣшки караульщики.
 75. И мнѣ поклонъ воздать вѣдь понь, да красной дѣвушкѣ,
 И честно-мужвиимъ отдать да молодымъ женамъ:
 «И ужъ вы эти честны мужни молоды жены,
 «И вы идите въ тепло-парную во баенку;
 И честно-мужныи жены да взрадовалися,
 80. И въ парну баенку оны да закидалися.
 И на отвѣтъ держу, обидна красна дѣвушка,
 И ужъ я баенна держу да вѣдь истопщичка,
 И я холодной ключевой воды изнощичка:
 «И не про васъ, да жднки, баенка истоплена,
 85. «И не про васъ да ключева вода изношена;
 «И байна топлена про бѣлую лебѣдушку.

- И вы не гнитесь перекладинки дубовыи,
 И не ломитесь-ко мостиночки кленовыи!
 И мнѣ пройти было-душѣ да красной дѣвушкѣ,
 90. И пройти баенной теперечко истопщичкѣ,
 И мнѣ-холодной ключевой воды изнощичкѣ,
 И мнѣ во этотъ же унылой задней уголокъ,
 И мнѣ за славную утылу эту завѣску,
 И мнѣ-ка пд-близку итти да подвигатися,
 95. И мнѣ-ка пд-низку къ невольной поклонатися,
 И мнѣ ко милоей совѣтной дружной подружкѣ,
 И мнѣ ко этой къ подневольной головушкѣ:
 «И ты пожалуй-ко, душа да красна дѣвушка,
 «И ты во эту въ теплу парную во баенку,
 100. «И ты во эту во бѣлу умываленку;

- «И ты измой да свое бѣло это личушко,
 «И ты дѣвочки свои ясны эти очушки,
 «И ты обидушку съ ретливаго сердечушка,
 «И измой синь да ты, дѣвича, съ подь ясныхъ очей,
 105. «И ты на завтрешней Господень Божій денечекъ.

- И ты послушай же, душа да красна дѣвушка:
 И не съ подману беру, бѣлая лебѣдушка,
 И не съ подлѣгу возму волюну эту волюшку;
 Я топила хотя жь парну теби баенку,
 110. Я не дровцама топила все сосновыма,
 И не лучиной розжигала я еловой.
 Какъ утрось было съ поранному по утрышку,
 И выходила на крылечико перѣное,
 И я зглянула какъ въ косѣвчато окошечко,
 115. И у твоихъ свѣтъ у желанныхъ какъ родителей,
 И снаряжена скачоная жемчужинка:
 И все рубить дровчя вѣдь, свѣтушко, частешенько,
 И колеть-дрѣвечки, онъ братецъ, все малѣшенько,
 И тутъ роздумалась, душа я красна дѣвушка:
 120. И его рубка-то вѣдь мнѣ не прилюбилась,
 И столько дровьца вѣдь мнѣ не приглянулись,
 И взадь съ крылечушка вѣдь я да ворочалась,
 И ко твоимъ милымъ желаннымъ свѣтъ родителямъ,
 И воротилась, печальна, гсворила имъ:
 125. «И не возмусь да топить парной этой баенки,
 «И я про эту невольну красну дѣвушку,
 «И я про ейну дорогу волю безцѣнную;
 И говорила тутъ желаннымъ свѣтъ родителямъ:
 «Вы впрягите-тко коня да столько борзаго,
 130. «И вы во эту сбрую да все не дѣржану,
 «И вы во саночки теперь да во дубовыи,
 «И снарядите мнѣ извоичка толковаго,
 «И вы сердечное рожоно свое дитятею;
 И ужь тутъ твои желанныи родители,
 135. И до тебя оны теперь да сжаловались,
 И снарядили мни любимаго повозничка.
 И тутъ мы издѣли, ко быстрымъ ко риченькамъ;
 И приберали все сахарны деревиночки;
 И тамъ вѣдь деревьца то намъ не приглянулись,

140. Саморослыя вѣдь намъ не прилюбилися.

И мы отравились за чистое за полюшко,
И къ океанъ да вѣдь ко синему ко морюшку,
И мы подѣхали ко крутому ко бережку,
И ко славной-то ко пристани корабельной,

145. И тутъ лежали деревиночки незнамы,

И одно деревце, лебѣдушко, сахарное,
И друго дѣревце лежало виноградное,
И третье дѣревце стояло тутъ дубовое;
И мы сахарню деревиночку срубили,

150. И виноградную вѣдь мы да подсушили,

И мы дубовое на три части кололи;
И тымъ топили теплу парну эту баенку,
И про тебя да все про бѣлую лебѣдушку.

И ты послушай же, невольна красна дѣвушка,

155. И што же я скажу, печальная головушка:

И не съ болота у меня вода принесена;
Ужь я шла да кругомъ быстрой этой риченьки,
И коя бѣжить шибко съ крутымъ вровень бережкомъ;
Ужь я думала, душа да красна дѣвушка,

160. И почерпнуть воды ведерочкомъ дубовымъ,

И на ту пору теперь, да въ тое времячко,
И откуль вдругъ да лошадиное копыто загремѣло,
И принаѣхалъ же остудникъ бладь отечской сынъ,
И онъ смутилъ да въ быстрой риченькѣ свѣжю воду;

165. И ужъ этымъ копытомъ лошадинымъ;

И ужъ я тутъ да вѣдь, дивича, сторопилась,
И я отъ риченьки вѣдь взадъ да воротилась,
И скоро шла да я ко круглому озерышку,
И почерпнуть да этой свѣжей теби водушки;

170. И какъ на ту пору, совѣтна, на то времячко,

И по озерышку плыла да сѣра утушка;
И столько этотъ-то остудникъ бладь отечской сынъ,
Онъ со этымъ съ писталетомъ зарукавнымъ,
И стрѣлялъ утушку на кругломъ озерышкѣ,

175. И сѣра утушка вѣдь тутъ да испугалася,

И какъ озерная вода да помутилася.
И уже тутъ того, дивича, воротилася,
И я ходила-то, совѣтна дружна подружка,

- И я на этот же на крутой красной бережекъ,
 180. И я ко славному ко синему Онегушку,
 И я по тихимъ ходила все по заводамъ,
 И я по этимъ по малымъ загубинкамъ,
 И приберала я, совѣтъ-да дружна подружка,
 И гди бы подушка была да не мучоная,
 185. И гди бы подушка была да не брождная;
 И на ту пору, совѣтна, на то времячко,
 И откуда взялся-то, совѣтна, сѣрой сѣлезень,
 И онъ плыветь скоро ко крутому ко бережку,
 И ужъ онъ пошахи дае да по звѣриному,
 190. И точно голосъ у него да какъ змѣиной;
 И ужъ я того, совѣтна, сдогадалася;
 И што не сѣрой-то плыветь да это сѣлезень,
 И што остудничекъ плыветь да бладь отечской сынъ;
 И уже какъ да тутъ остудничекъ кидается,
 195. И онъ смутилъ вездѣ остудникъ ключевой воды;
 И ужъ я тутъ того, совѣтна, сдогадалася,
 И я у крута бережка да остоялася,
 И остоялася, дивича, приодумалася,
 И куды съездить за холодной ключевой водой.
 200. И приумилося, дивичѣ, присовѣтовалось,
 И мни съездить-то ко старцамъ въ Палье-островъ;
 И я слыхала вѣдь душа да красна дѣвушка,
 И тамъ вѣдь подушка живетъ точно медвяная,
 И почерпурочка вѣдь тамъ да золоченая,
 205. И сторожа да во пустыни все вѣдь вѣрныи;
 И какъ на ту пору, совѣтна, на то времячко,
 И откуда взялся же остудникъ бладь отечской сынъ,
 И во монахи ли, остудникъ, постригается,
 Аль по завѣту ли, остудникъ Богу молится,
 210. И помутилъ да тутъ, остудникъ, ключеву воду,
 И смахнулъ плеточкой, остудничекъ, шелковой,
 И ужъ по этой онъ, остудникъ, ключевой воды;
 И ужъ я тутъ того, совѣтна, сдогадалася,
 И ужъ я безъ-воды домой да ворочалася.
 215. И лучилосъ слышать обидной красной дѣвущкѣ,
 И далеко да вновѣ ключъ тамъ проявляется,
 И у Макарья этотъ ключъ да на желтыхъ пескахъ,
 И у вдовы да этотъ ключъ благочесливой;

- И какъ со всмхъ да сторонъ людупки съвзжаются,
 220. И ко Макарью-то оны за ключевой водой,
 И почернущечка вѣдь тамъ да е серебряная;
 И какъ не знаетъ-то остудникъ блажь отечской сынъ,
 И проложитъ да пути-широкой дороженьки;
 И по-скорѣшеньку я, дѣвушка, отправилась,
 225. И я за этою холодной ключевой водой;
 Я прослышала, душа да красна дѣвушка,
 И очень вѣдущка вѣдь тамъ, скажутъ, удобная,
 И краснымъ дѣвушкамъ она да на здоровице,
 И дорогимъ волямъ она да на спасенье;
 230. И какъ умоютъ оны бѣло вто личушко,
 И сойдетъ синь да изъ-подъ ясныхъ тныхъ очушекъ,
 И выде печаль со ретливаго сердечушка,
 И тутъ останешься во вольной ты во волюшкѣ;
 И я оттуль воду къ теби да доставала,
 235. И я туды да путь-дорожку пролетала.

- И ты послушай же, совѣтъ да дружна подружка:
 И я не уголемъ воду да нагрѣвала,
 И я не сини вѣдь камышки спущала;
 И я во три тазъ вѣдь воду разливала;
 240. И въ первый тазъ да клала воду не веселую,
 И я во-другой тазъ вѣдь водушку угрюмую;
 И ты умылась бы, лебѣдушко, уладилась,
 И показала бы бладу сыну угрюмая,
 И ты угрюмая, совѣтна, не веселая;
 245. И отступилъ бы, остудникъ блажь отечской сынъ,
 И отъ тебя да все отъ бѣлой отъ лебѣдушки,
 И отъ твоей бы дорогой да воли вольной.
 И ты послушай, другъ совѣтна мила подружка;
 И какъ во третьемъ тазу водушка подлажена,
 250. И уже чимъ вода, лебѣдушко, нагрѣвана,
 И ты не знашь того, голубушко, не вѣдаешь;
 И я сорвала три звѣзды да подвосточныхъ,
 И я три цвѣтика сорвала все лазуревыхъ,
 И я три камешка взыскала самоцвѣтныхъ,
 255. И нагрѣвала тутъ, лебѣдушко, ключеву воду,
 И про тебя жъ да все про бѣлу про лебѣдушку;
 И какъ умылась бы, лебѣдушко, уладилась,

И отъ воды была бы ты да все бѣлешенька,
 И отъ цвѣтовъ да точно личцо отцвѣтало бы,
 260. И отъ самоцвѣтныхъ теперь бы да отъ камешковъ,
 И возсіяло точно красное бы солнышко,
 И дивовалися бы добры эти людшки.

И ты пожалуй другъ-совѣтна мила подружка,
 И съ дорогой своей бажоной вольной волюшкой;
 265. И какъ во эту теплу парну итти баенку,
 И тебѣ улочка итти да все гладешенька,
 И дороженька теби итти торнѣшенька;
 И е налажены полы-мосты дубовыи,
 И е разостланы сукна да одинцовыи;

270. И какъ по правую теби да все по рученьку,
 И Божіи церкви-то стоять да посвященныи,
 И во Божіихъ церквахъ попы-отцы духовныи,
 И оны служатъ тамъ вечерни полунощныи,
 И на по-путѣ зайди, бѣлая лебѣдушка,

275. И ты во эту Божью церковь посвященую,
 И прослужки святой молебень по своей волѣ,
 И ты поставь свѣщи, лебѣдушко, рублевныи,
 И штобы Господи-Бладыко-Свѣтъ помиловаль,
 И отъ остуднина блада сына отечскаго;

280. И какъ по лѣвую теби еще по рученьку,
 И стоя улочки, лебѣдушко, рядовыи,
 И столько лавочки, голубушко, торговныи:
 И какъ во первой столько лавочкѣ учливой,
 И столько бѣлыи вѣдь есть да умываньца,

285. И какъ мыльа да столько есть-то Питенбургскіи;
 И какъ другіи еще мыльа да Вытегорскіи,
 И какъ въ другой столько во лавочкѣ торговой,
 И какъ билиа-то-румяна Каргопольскіи;
 И во третъеей, голубушко, во лавочкѣ,

290. И часторыбей гребешекъ да съ Новагорода,
 И учесать да теби бладая головушка.

И ты послушай же, совѣтъ да дружна подружка!

И какъ во этой тепло-парной теби баенкѣ,
 И е налажено три грябочки клейменникъ;
 300. И какъ еще да въ тепло-парной теби баенкѣ,
 И е три стопочки поставлено точенныхъ.

И три косѣвчатыхъ, голубошко, окошечка. ;

- И ты послушай-же, невольна красна дѣвушка,
И какъ у этой тепло-парной-то у баенки,
305. И стоятъ крѣпкія теперь да караульщики,
И стоя вѣрныя у насъ да сторожатели,
И чѣлой полкъ стоитъ солдатовъ новобранныхъ,
И твоихъ свѣтушковъ-то братьицевъ названыхъ;
У двери стоитъ, лебедушко, дубовой,
310. И дорога мила скачоная жемчужинка—
И то печальной свѣтушекъ—братецъ родимой;
И отъ со службы-то пришелъ да Государевой,
И онъ съ оружищемъ стоитъ да завоеаннымъ,
И во потай да съ пистолетомъ зарукавнымъ,
315. И на правомъ плечи лежитъ да сабля вострая;
Буде подъѣдетъ-то остудникъ блядь отечской сынъ,
И онъ изрубить у коня же буйну голову,
У остудничка проколетъ груди бѣлыя,
И прострѣлитъ да ретливѣ его сердечушко,
320. И сбережетъ да твою волюну эту волюшку.

- И ты послушай же, совѣтна-дружна подружка,
И ты на перву клади грядочку кленовую,
И кунью шубоньку клади да соболинную;
И ты на другую на грядочку кленовую,
325. И свои славы сарафаны рострубистыя;
И ты на третью клади грядочку кленовую,
И тонку бѣлую клади свою рубашечку.
И ты на стопочку, голубушко, точеную,
И ты платочки клади да левантеровы;
330. И ты на другу клади стопочку точеную,
И со русой косы клади да алу ленточку;
И ты на третьюю клади да вѣдь на стопочку,
И золотую дорогую косошлеточку.
И ты на лавочку клади да на брусовую,
335. И ты башмачики клади свои козловыя,
И ты чулочники клади свои шолововыя.
И ты на первое косѣвчато окошечко,
И ты мыльи клади, лебедко, Питенбургскія,
И ты на другое клади да на окошечко,

340. И ты бѣлила положи да со румянама;
 И ты на трѣтье положи да ты окошечко,
 И дорогой да часто-рыбій клади грѣбешекъ
 И не убойся, другъ совѣтна мила подружка,
 И не съ подману зову въ парну тебя баенку,
345. И я во славную во бѣлу умываленку.
 И день до вечера, голубушко, ходила,
 И парну байну гля тебя да истопила,
 И не измѣнщица я вольной твоей волюшки,
 Не разлучу да съ прикрашеннымъ дивичествомъ,

Неотста отъчасть:

- Ужъ я што-же сижу, дѣвушка, одумалась,
 И сижу на-этой брусовой-же на лавочкѣ,
 И я подъ милнымъ воссвѣчатымъ окошечкомъ,
 И подъ туманной стекольчатой околеникой,
5. И чужихъ басенокъ, лебедушко, ослушалась,
 И я у дѣвусекъ ли есть да жалкихъ писенокъ,
 И у молодусекъ ли есть да тихихъ басенокъ,
 И у старыхъ ли старухъ да все молитовокъ,
 И али малыхъ бладенцевъ слезно плачутца;
10. И прозабыла я, душа да красна дѣвица,
 И што я въ этой великой неволюшкѣ,
 И во злодѣйной проклятой во заботушкѣ.
 И на доспросъ возму, невольна красна дѣвица,
 И эту баенну вѣдь я да нонь истопщицу,
15. И ключевой да холодной воды извощичку:
 И не утай-скажи, совѣтна дружна-подружка,
 И столько мнѣ да подневольной красной дѣвущи:
 И про меня ль да парна баенка истоплева,
 И про мою ль да волю водунка извощена?
20. Я прослышала, невольна красна дѣвушка,
 И назвалась да ты вѣдь баенной истопщицкой,
 И добивалася желаннымъ родителямъ,
 И ты вѣдь этой ключевой воды извощичкой.
 И столько слышала, побѣдная головушка,
25. «И ты вѣдь дѣлаешь измѣну воли вольной»
 И ты топила теплу парну хоть вѣдь баенку,
 И провзжалъ да все остудникъ бладь отечской синь.

- И мимо эту тепло-парную вѣдь баенку;
 И ты вѣдь скупъ взяла съ блада сына отечскаго,
 30. И на головушку ты—розову косыночку,
 И на рѣзвы ноги башмачики козловы,
 И по башмачикамъ чулочки вязённые;
 И ты послушай-же совѣтъ-да дружна подружка:
 И ты вѣдь штофу-то взяла, скажутъ, на штофничекъ,
 35. И парчи да ты взяла-то на парчевничекъ,
 И много золота ты брала да много сѣребра,
 И много сватнаго взяла да ты вѣдь жемчужку,
 И много краснаго брала да ты вѣдь золота;
 Измѣнила, скажутъ, вольную мою волюшку,
 40. И допустила ты блада сына отечскаго,
 И ты ко этой тепло-парной-то баенкѣ;
 И ты со перваго вѣдь тазу золоченаго,
 И допустила измытъ бѣло его личушко,
 И впереди да моей вольной этой волюшки.

Баенна истопищика:

- И ты послушай, подневольна красна дѣвушка,
 И ты послушай, свѣтъ-совѣтна, дружна подружка:
 И честию-совѣстью теби да открываюся,
 И я при-всихъ теби при добрыхъ при людюшкахъ,
 И я при ближнихъ спорадныхъ еусѣдушкахъ,
 1. И при твоихъ свѣтахъ желанныхъ родителейъ;
 И вдругъ сготовила хотъ парну я-то баенку,
 И какъ на ту пору, совѣтна, на то времячко,
 И пролегла же да путь широка дороженька,
 И мимо эту теплу парну эту баенку,
 5. И зазвонили колокольча Питенбургскіи,
 И зазвѣнѣла тутъ сбруи да золоченая,
 И загремѣло тутъ копыто лошадиное;
 И точно кѹрева со чистаго со полюшка,
 Ископытъ да такъ летѣла лошадиная,
 10. И розсыпалися снѣжечики перистыи,
 И роскатилися новы саночки дубовыи,
 И принаѣхалъ-то остудникъ блады отечской сынъ.
 Пороскроюся, обидна красна дѣвушка:
 И противъ баенки остудникъ становился,

15. И скоро слезь да онъ вѣдь съ саночекъ дубовиныхъ,
И скинулъ шапочку съ кудѣрь да онъ вѣдь жолтиныхъ;
И ужь онъ по-близку, остудникъ, подвигался,
И да онъ по-низку, остудникъ, покланяется,
И ужь честь да воздалъ баенной истопничкѣ,
20. И холоднѣй да ключевѣй воды изнѣщичкѣ,
И на доспросъ да взялъ обидну красну дѣвушку:
«И ты скажи да столько, баенна истопничка,
«И ты скажи да ключевѣй воды изнѣщичка:
«И про кого жь да парна баенка истоплена».
25. И я топила эту теплу парну баенку,
И про спацливаго желаннаго про дядюшку,
И про спацливыхъ желанныхъ про дяденекъ.
И сговорилъ да тутъ остудникъ блажь отечской сынъ,
И по низѣшеньку еще да поклоняется,
30. И ужь онъ бралъ меня за правую за рученьку,
И уласкалъ да меня бѣлую лебедушку,
И уговаривалъ обидну красну дѣвушку:
«И ты скажи да мни дородню добру млодцу:
«И про кого жь да парна баенка истоплена,
35. «И про кого жь да ключевѣ вода изнѣшена;
«И не утай-скажи ты, красна душа дѣвица,
«И чистымъ сердцемъ ты, дѣвичѣ, открывайся-тко».

И ты послушай, другъ-совѣтъ да мила подружка:
И я стояла тутъ, обидна, не дрожала,

40. И отвѣчала я, печальна, не боялася:
«И ты не славнаго купча сынъ Питенбургскаго,
«И што выспрашивашь про парну у меча баенку,
«Иль добераешься до вольной ты до волюшки?»
И тутъ сулилъ еще, остудникъ, мнѣ засуливалъ,
45. И много чистаго сулилъ да хотя жь сѣребра,
И ужь онъ краснаго давалъ да мнѣ-ка золота,
И онъ на ноженъки—башмачики козловыи,
И онъ чулочики сулилъ еще шелковыи;
И ужь онъ скатнаго давалъ да мнѣ-ка жемчужку.
50. И отвѣчала я, совѣтъ-да дружна подружка:
И мнѣ не надобно души да красной дѣвушкѣ,
— И мнѣ не злата отъ тебя, да вѣдь не сѣребра;
— И твоимъ сѣребромъ, дѣвичѣ, не тыны тынить,

- И скатнымъ жемчужкомъ, дѣвѣчѣ, не сады садить,
 55. — И краснымъ золотомъ, дѣвѣчѣ, мнѣ не кровли крыть,
 И отъ башмачиковъ твоихъ да ножки кривятся,
 И отъ чулочиковъ твоихъ да ножки кѡпшатся.
 И на словечушкахъ ему не подавалась,
 И на подарочки его да не окинулась,
 60. И прочь подалѣ на сажень да пріотдвинулась.

- И подходить да сталъ остудникъ бладь отечской сынъ,
 И захватилъ меня, дѣвѣчу, за правѡ плечо
 И онъ держалъ меня, дѣвѣчу, къ ретливу сердцу:
 «И не чужайся столько, бѣлая лебедушка,
 65. «И не пугайся-ко ты, баенна истѡпничка;
 «И ты возми же отъ меня да добра молодца
 «И ты вѣдь штофъ возми себи да все на штофничекъ,
 «И гулевой парци возми на душегрѣчку.
 И я стояла тутъ, совѣтна, не боялася,
 70. И говорила я, дѣвѣча, не смѣшалася:

- И мнѣ не надобно-то души да красной дѣвушкѣ
 — И мнѣ штофѹ да отъ тебя-то все на штофничекъ, —
 — И гулевой парци не надо душегрѣчекѣ;
 — И подивуются мнѣ-ка добры многи людюшки
 75. — И посрекаются спорядныи сусѣдушки:
 — И вдругъ украсила бажону дорогѹ волю
 — И во смарадное дѣвѡчье цвѣтно платьице
 — И точно дѣвушка—она какъ не безматерна,
 — И точно волюшка у ей, какъ не безбратная;
 80. — И будетъ гнѣваться совѣтна дружна подружка,
 — И на меня да на обидну красну дѣвушку,
 — И што смѣнила дорогѹ да волюну волюшку.
 И ты послушай же, совѣтъ-да дружна подружка
 И на это я, дѣвѣча, не окинулась,
 85. И отъ остуды прочь подалѣ я отдвинулась.

- И какъ еще того остудникъ-бладь отечской сынъ,
 И какъ подскакивать, остудникъ, оудто заюшко,
 И подлетать ко мни, остудникъ, соловеюшкомъ;
 И говорить еще, остудникъ, уговаривать,
 90. И на словахъ да меня, дѣвушку, обманывать:
 «И я еще дарю тебя да красну дѣвушку,
 «И я бѣлилама дарю да Каргопольскими;

- «И я зеркало подарю Новгородское,
 «И часго—рыбей подарю да тобѣ грѣбешекъ.
95. И ты послушай же, совѣтъ да дружна подружка:
 И не смѣняла дорогой да твоей волюшки,
 И я на это на великое неволице,
 И не на ласковы прилестныи словечушка,
 И на его да на любимыи подарочки.
100. И я стояла тутъ, совѣтна, не боялася,
 И отвѣчала я, дѣвнча, не смѣшалася:
 — И какъ отъ вашинкѣ мыльевѣ да личе портится,
 — И отъ бѣлиль—румянѣ дѣвнчи личе перхаетъ,
 — И отъ хрустальныихъ зеркаль да глаза косятся,
105. — И все отъ грѣбешка головушка не гладится.
 И ужъ такъ да отъ его тутъ удалася,
 И я, остудничку, ему да отвѣчала:
 — И я роду да есть дѣвнча, не поповсмаго,
 — И глаза-то у меня да не завидливы;
110. — И не годится мнѣ дунѣ да красной дѣвушкѣ,
 — И много взять отъ васъ любимыихъ подарочковъ;
 — И буде Богъ судить совѣтной моеи подружкѣ,
 — И за тобой быть за бладымъ сыномъ отечскимъ,
 — И стане гнѣваться на бѣлую лебедушку,
115. — Измѣнила што вѣдь ейну волюну волюшку,
 — И проклинать буде меня да красну дѣвушку,
 — И все на стритушку она ко мнѣ не стритится,
 — И не сдѣе со мной добраго здорoviaца,
 — И не воздасть мнѣ-ка поклona-челобитыца.
120. И я удумала бладу сыну отечскому,
 И я отвитила, душа да красна дѣвушка:
 — У насъ нѣтъ да все, дѣвнчи, на выдаванѣ,
 — И нѣту воли у сусѣдки на продаванѣ;
 — И я не властна столько этой красной дѣвушкой,
125. — И не барышничка бажонoi ейной вѣлюшкой,
 И ты послушай-же, совѣтна мила подружка:
 И я отвѣтила бладу сыну отечскому:
 «Я топила теллу парну эту баенку,
 «И не про родъ—племя топила я любимое,
130. «И я топила про родильницу тяжолую,
 «И про малаго бладенца некрещонаго.
 И отступилса тутъ остудникъ блады отечской смѣтъ,

И онъ плевать да сталъ на матушку сыру землю:

- «Ужь ты хитрая-то баенна истопщица,
135. «Ты лукава-жь ключевой воды изтопщица».

И ты послушай, свѣтъ-совѣтъ да дружна подружка:

- И ты пожалуй въ теплу парну во мни баенку,
И ты умыть да свое бѣло это личенко,
И ты упарить-то дѣвочье тѣло нѣжное;
140. И хоть не первое, голубожко, послѣднее,
И во своей да дорогой же волѣ вольной.
И ты просись да у желанныхъ свѣтъ родителей,
И ты во эту теплу парную во баенку;
И ты проси да столько, бѣлая лебедушка,
145. И у родителя проси да свѣтъ у батюшки,
И во первыхъ проси прощенья съ благословеньцемъ,
И по прогулушкѣ пройти тебѣ по улочкѣ,
И во вторыхъ да проси, бѣлая лебедушка,
И впереди проси себѣ да передовщичковъ,
150. И позади себѣ проси да позадовщичковъ,
И свѣтушкѣвъ братцовъ проси себѣ любимыхъ,
И сберегли да дорогу бы волю вольную;
И у родителя проси да свѣтъ у матушки,
И себи мпльныхъ совѣтныхъ дружныхъ подружекъ,
155. И ты съ собой да въ тепло-парную во баенку,
И што умыли бы лебедушку бѣлѣшенько,
И учесали бы головушку гладѣшенько;
И ты проси да у родителя у матушки,
И проси крѣпкихъ себѣ да караульщичковъ.
160. И не безсудь да того, бѣлая лебедушка,
И ты меня да все обидну красну дѣвушку;
И ужь какъ идучи до парны тебѣ баенки,
И протекла да столько быстра эта риченька,
И съ горь вѣдь рынулись тамъ мелки эти рѣчейки;
165. И какъ твои да свѣты братьяца родимни,
И черезъ риченьку мосты оны мостили,
И частоколы-то оны да становили,
И штобы, дѣвушка ты шла—не пошатилась,
И штобы волюшка въ рѣку не укатилась.
170. И ты послушай-же, совѣтъ да дружна подружка:
И хоть я дѣвушка живу-росту кручинная,

- И безъ своей я родителя безъ матушки,
 И я безъ мила соколочка златокрылаго,
 И я безъ свѣтушка безъ братца безъ родимаго;
 175. И не настроено обидной красной дѣвушкѣ,
 И мнѣ хотъ дѣвочьей снарядной покрутупики;
 И хотъ по ноженькамъ башмачки не ушиваны,
 И не окинулась, совѣтъ да дружна подружка,
 И я на этого на чужого чужанничка,
 180. И я на этого блада сына отечскаго.
 И ты послушай же совѣтъ да мила подружка:
 И не съ подману зову, бѣлая лебедушка,
 И я тебя да въ теплу царную во баенку.

Нестяга къ сусудамъ:

- И мнѣ-ка стать да подневольной красной дѣвушкѣ,
 И мнѣ со этой со брусѡвой бѣлой лавочки,
 И съ подъ милаго косѣвчата окопечка,
 И на рѣзвы мнѣ дѣвдчыи тѡмны ноженьки;
 5. И мнѣ пройти было по высоку по тѣрему,
 И съ по-сѹхому пройти да мнѣ по дереву.
 И вы не гнитесь перекладинки кленовыи,
 И не ломитесь-ко мостиночки дубовыи.
 И порастроньтесъ же народъ да люди добрыи,
 10. И разхватитесь-ко солдаточки безсчастныи,
 И ужъ бѣдны эти вдовки горегорькии;
 И дайте мистечка теперъ да не-со-мношечко,
 И вы со малу мнѣ-ка дайте хотъ тропичочку,
 И со одну столько дубовую мостиночку;
 15. И я не звѣрь теперъ пойду да изъ темна лѣса,
 И я не змій плыву теперъ да со чиста поля,
 И не кокодило качусь да со синя моря.

Къ родителямъ:

- И я иду, да подневольна красна дѣвушка,
 И ко своимъ свѣтамъ желаннымъ родителямъ,
 20. И я къ спацливому надежѣ свѣту батюшку,
 И я просить иду прощенья съ благословеньцемъ,
 И я еще да у родителя-то батюшка;

- И свѣтушкѣвъ братцевъ прошу да я родимыхъ,
И какъ во эту теплу парну итти баенку,
25. И штобы сберегли бажѣну дорогу волю,
И на пути да на широкой бы дороженькѣ,
И на прогулкѣ на широкой на улчкѣ,
И какъ отъ этого жъ блада сына отечскаго;
И я еще прошу, надѣжа сударь-батюшко,
30. И закупи да мнѣ-ка мѣлья Петенбургскіи,
И ты другі мнѣ-ка, надѣжа, Вытегорскіи,
И мнѣ умыть свое дѣвѣчье бѣло личушко,
И мнѣ заплаканы вѣдь ясны свои очушки;
И я на завтрешней Господень Божій денечекъ,
35. И на лице была бы, дѣвушка бѣлѣшенька,
И ясны очушки мои бы веселѣшеньки.

- И возвратусь еще невольна красна дѣвушка,
И я ко этой ко кирпичной-то ко печенькѣ,
И ко этому шпосточку страпливому,
40. И ко желанной ко родителю ко матушкѣ,
И просить буду я, невольна красна дѣвушка,
И во первыхъ да я виничка шелковаго,
И во другихъ да тонку бѣлую рубашечку.
И ты послушай же, родитель моя матушка,
45. И еще дай да часто—рыбей мелкой гребешокъ,
И мнѣ бѣдила-то, родитель, со румянама,
И мнѣ набилиться дѣвичѣ, нарумяниться,
И красота въ личѣ была бы не помѣрная;
И не узналъ бы—то остудникъ бладь отечской смнѣ,
50. И отступился бы отъ бѣлой отъ лебедушки;
И сговорилъ бы то остудникъ бладь отечской смнѣ,
«И што дѣвицы добры людюшки дивуются,
«И красоты да въ бѣломъ личѣ срѣкаются:
«Это чья это—дѣвичка съ инной волости,
55. «Аль купча эта—дивичка изъ за-морыща?
И не посміе тутъ остудникъ бладь отечской смнѣ,
И меня взять да тутъ за правую за рученьку,
И вести да за столы онъ за дубовни,
И тутъ останусь во баженой дорогой волѣ.

60. И ты еще моя родитель родна матушка:

- И ты таку дай тонку-бѣлу мнѣ рубашечку,
 И коя пита по три вечера Рождественскихъ,
 И мы кроили по четыре Благовѣщенскихъ,
 И вышивали по заутренямъ Христовскимъ,
 65. И поспѣшали по обиднямъ по Петровскимъ;
 И хорошо эта рубашечка ушивана:
 И по подольчику узорцы вышивали,
 И по рукавчикамъ мы строчечки строчили,
 И добры людюшки того да все дивились;
 70. И по этымъ по частымъ избѣлочкамъ,
 И приобсажена вѣдь скатнымъ-то жемчужкомъ;
 И впереди да красно солнышко повышито,
 И позади да тутъ повысить блажь свѣтель мѣсяць,
 И по бокамъ да часты звѣзды подвосточныи.
 75. И ты послушай же, родитель моя матушка:
 И буде Богъ судить невольной красной дѣвушкѣ,
 И мнѣ-ка быть да на судимой на сторонушкѣ,
 И какъ за этымъ за бладымъ сыномъ отеческимъ,
 И мнѣ у строгихъ богоданныхъ родителей,
 80. И возбуждать стануть по ранному по утрышку,
 И все до раннаго пѣтуныя воспѣваньица,
 И до уныла соловьиная возжупляныца,
 И розряжать да будутъ бѣлую лебедушку,
 И тутъ меня да на крестьянскую роботушку;
 85. И мни пойти на-бѣ на крестьянску какъ роботушку,
 И я одѣну тонку бѣлую сорочечку,
 И впереди да печи красно стане солнышко,
 И тутъ вѣдь плящѣ морозы приужахнутся,
 И тутъ повысохнетъ роса да шелковой травой,
 90. И обогрѣ красно солнышко сырѣ землю,
 И мое столько ретливое сердечушко;
 И отъ земли бы то не зябли ножки рѣввыи,
 И башмачки отъ росы да не мочились бы;
 И проработаю, невольна, день до вечера,
 95. И до заката тепло-краснаго я солнышка,
 И до-поздѣ да на крестьянской я роботушкѣ,
 И тутъ повыстанеть-то бладенькой свѣтель мѣсяць,
 И позади печи печальной головушки,
 И со-сторонѣ да часты звѣздочки просвѣтливаты,
 100. И штобы видна путь-широкая дороженька.

И мнѣ итти да со крестьянской роботушки,
И во путяхъ бы я дорожкахъ не мѣшалася,
И на судимой сторонѣ не заблудилася бы.

- И ты еще мнѣ-ка, родитель родна матушка,
105. И снаряди мнѣ-ка совѣтныхъ дружныхъ подружекъ,
И мнѣ-ка мыльныхъ спорядныхъ сусѣдушекъ,
И подхватили бы подъ правую подъ рученьку,
И меня прѣвели по широкой по уличкѣ,
И на рукахъ да несли рѹсу мою кѹсыньку,
110. И во златыхъ перстныхъ несли бы алы ленточки,
И сберегли бѣ мою безцѣнну дорогу волю.

- И какъ сегодня, сего дѣнечка Господняго,
И умываючи во парной мнѣ-ка баенкѣ,
И украшаючи со вольной мнѣ-ка волюшкой,
115. И хоть не первое въ дивичествѣ—последнее,
И мнѣ со красныма сходить да все дѣвицама,
И погляди столько родитель родна матушка,
И какъ пойду дѹчи, невольна красна дѣвушка,
И я по широкой по славной этой уличкѣ,
120. И изъ окна гляди, родитель родна матушка,
И на мою да на бажону дорогѹ волю,
И на меня смотри на бѣлу на лебедушку,
И про запасъ да наглядитесь очи ясныи.
И я гляжу-смотрю, невольна красна дѣвушка,
125. И я на снадливу родитель свою матушку:
И катитъ-жалуетъ родитель жалостливая,
И какъ ко мнѣ да ко невольной красной дѣвушкаѣ,
И во устахъ несѣ прощенье съ благословеньицемъ,

- И отъ сердца несѣ прелестныи словечушка,
120. И на своихъ она на бѣлыхъ на рученькахъ,
И тонку бѣлую несеть мнѣ-ка рубашечку,
И часто—рыбей-то несеть да она грѣбешекъ,
И тонко бѣло подаетъ да полотеньшко;
И такъ еще того родитель моя матушка,
135. И все Иваньской то несѣ да вѣшной виничекъ;
И про меня да у родителя подлажено,
И про мою да дорогу волю сготовлено.

М а т ь.

- И ты послушай же, сердечно мое дитятко,
 И со кручины не несутъ да ножки рѣзвыи,
 И не глядятъ да на свѣтъ ясны мои очушки,
 И не дасть итти ретливое сердечушко;
5. И не сднудись бы безсчастны мои рученьки,
 И теби подать тонку бѣлую рубашечку,
 И теби дать да часто-рыбей мѣлкой грѣбешекъ,
 И принести да все Ивановской вѣшной виничекъ.
 И можешь знать-вѣдать, сердечно мѣе дитятко,
10. И што дѣтиная тоска—не угасимая.
 И быдто вѣшная вода да розливается,
 И такъ сердечны мои дѣтушки расходятся,
 И все по разнымъ по чужимъ сторонущкамъ;
 И спаматила я безсчастно свое дитятко,
15. И што въ злодѣйной онъ во службѣ Государевой;
 И теперь вси вкупѣ вѣдь родъ племя любимое,
 И вси въ собраньи его милы поровечники,
 И звеселяются удалы добры молодцы,
 И какъ на этой на унылой на свадебкѣ,
20. И какъ на этоемъ честномъ да пированьицѣ;
 И мое милое безсчастно, може, дитятко
 И да онъ въ вѣтяжкѣ на службы Государевой,
 И онъ у бутки ли стоять да у казенной,
 И на часахъ ли, свѣтъ, стоять да полуночныхъ;
25. И спаматила я сердечно свое дитятко,
 И крѣпко обмерло ретливое сердечушко,
 И расходилася тоска не угасимая,
 И на моей да на безсчастной утробушкѣ;
 И какъ у мѣого сердечна, можетъ, дитятка,
30. И его забнуть-то безсчастны рѣзвыи ноженъки,
 И подвѣвать да все безсчастно бѣло личушко,
 И подвѣяны безсчастны бѣдны плечушка
 И отъ буйнаго холоднаго отъ вѣтрышка.
- И ты послушай, моя бѣлая лебедушка:
35. И не сидѣла ты во красныхъ еще дѣвушкахъ,
 И ты одинъ бы круглой малой еще годышекъ,

- И можетъ, дождались скачонной бы жемчужинки
 И мы во свой бы домъ крестьянскую во жирушку,
 И тутъ мы сдѣдали честно-бы пированьице.
40. И ты послушай, моя бѣлая лебедушка
 И ты пойдешь какъ въ теплу парную во баенку,
 И ты прогулушкой вѣдь широкой-то улущкой,
 И спамяти да свѣтушка братца редимага,
 И погляди, бѣдна, въ подлѣтнюю сторонушку,
45. И восклицай да свѣта-братца жалобнешенько,
 И ты со чужеей со дальнею сторонушки,
 И со злодѣйной со службы Государевой,
 И на розлукушку безцѣнной дорогой воли.
- И какъ послн да тебя, бѣлая лебедушка,
50. И съ кимъ родю я злодѣйную кручинушку,
 И потоскую объ сердечныхъ моихъ дѣтушкахъ.
 И когда вѣтрышки въ чистомъ полѣ развѣются
 И буря-падара на синемъ морѣ поднимется,
 И сине славно это море сколыбается,
55. И тутъ съ тобой да было, бѣлая лебедушка,
 И мы повыдемъ на крылечико нерѣное,
 И мы глядѣть станемъ въ роздолье во четѣ поле,
 И памятитъ да станемъ красно свое солнышко:
 «И уже вѣтрышки теиерь да не удольныи»;
60. И на синемъ морѣ погода не помѣрна;
 «И тутъ съ тобой да мы вѣдь, бѣлая лебедушка,
 И станемъ горькими слезама обливатися,
 И злой великою кручиной утиратися:
 «И може—наша тамъ, скачонная жемчужинка»,
65. И далеко да въ синемъ морюшкѣ качается,
 И онъ на черныи на большии на карабляхъ,
 И съ вышины—мачты, сердечно мое дитятко,
 И съ этой страсти-то, мой свѣтъ, да съ переполоху,
 И може, полъ да онъ вѣдь въ водушку глубокую,
70. И утонулъ да онъ во сине славно морюшко.
 И хотя жъ ты, да моя бѣлая лебедушка,
 И во глазахъ будешь безсчастной своей матушки,
 И у единого у чистаго хотъ полюшка,
 И хотъ не дальная судима твоя стѣрона,
75. И столько не-свои вѣдь воляна буде волюшка.

- И ты послушай еще, бѣлая лебедушка,
 И благословляю я жъ, кручинная головушка,
 И какъ пойти да въ теплу парну теби баенку;
 И надѣляю тонко-бѣлоей сорочечкой;
80. И не узоршкамъ сорочечка вышивана,
 И все кручинушкой она да неудольной;
 И не жемчужкомъ изборочки усажены,
 И по единой горючей по слезиночкѣ.
 И станешь жить какъ на судимой на сторонушкѣ,
85. И ты у чужихъ богоданныхъ родителей,
 И много ума надо разума въ головушкѣ,
 И много розмыслу въ ретливое сердечушко
 И все теби, да моя бѣлая лебедушка.

Невѣста—предъ отпразкой въ байну—къ матери:

- И ты послушай свѣтъ-родитель—родна матушка:
 И до сегодняшня Господня Божья денечка,
 И какъ у васъ моихъ желанныхъ родителей,
 И не нанимаю вѣдь баенны истощички,
5. И холоднѣй да ключевой воды изнощички.
 И какъ сегодняшнимъ Господнимъ Божиимъ денечкомъ,
 — И добры людюшки теперь да сдивовалися,
 — И вси сусѣдушки теперь да посрекалися—
 И снаряжать стали вы, бѣлую лебедушку,
10. И вы во эту теплу парну меня баенку;
 И впереди меня у васъ есть передовички,
 И все сердечны любимы повознички,
 И со звономъ-то оны да коловольнымъ;
 И все подъ рученьку вѣдь есть да провожатели,
15. И какъ души да есть красны вѣдь дѣвушки,
 И мои милы другъ—совѣтны эти подружки;
 И по праву руку—крестова моя матушка;
 И красны дѣвушки спѣвають жалки писежки,
 И звеселяютъ меня, бѣлую лебедушку,
20. И ублаждаютъ мою вольну столько волюшку.
 И ты гляди-смотри, родитель-родна матушка,
 И отдали гляди въ косѣвчато окошечко,
 И хоть повѣдь да на крылечко въ слѣдъ перѣное,
 И какъ пойду я путемъ ширекой дороженькой,

25. И по прогулушкѣ по широкой по уличкѣ,
 И какъ во эту теплу парну я во баенку,
 И я во эту во бѣлу умываленку;
 И до-бѣла пойду, невольна, намыватися,
 И до румянъ да пойду, дѣвушка, румяниться.

Къ подругамъ:

- И возвратусь теперь, невольна красна дѣвушка,
 И я поклонъ воздамъ вѣдь съ вольной своей волюшкой,
 И я вкупи́ отдамъ совѣтнымъ дружнымъ подружкамъ
 И позову да ихъ, невольнича, почѣстую:
5. И вы послушайте, души да красны дѣвушки,
 И дорогѣ милы любезны поровечнички,
 И тайны милыи мои да дружны подружки;
 И вы пойдете-тко съ невольной красной дѣвушкой,
 И вы во эту въ теплу парну со мной баенку,
10. И вы во славную во бѣлу умываленку;
 И вы спѣвайте-тко унылы жалки писенки,
 И воспопѣшите дорогу волю бажоную!
 И ты поди да моя вольна моя волюшка,
 И дорогѣ мое прикрасное дивичество,
15. И по прогулушкѣ по широкой по уличкѣ,
 И ты во эту во бѣлу умываленку,
 И хоть не первое, теперичи послѣднее!
 И я пойду хоть путемъ широкой дороженькой,
 И придумаюсь, невольна красна дѣвушка:
20. И подманула, знать, совѣтна дружна подружка;
 И што уличка итти да не широкая,
 И путь дороженька итти да не торнѣшенька,
 И мнѣ-ка въ эту тепло-парну итти баенку;
 И мнѣ первой обманъ отъ красной этой дѣвушки;
25. И нѣтъ разостлано сукноѡвъ да одинцовыхихъ,
 И не налажены мостиночки дубовыи;
 И по правую мнѣ итти да вѣдь подь рученьку,
 И не стоять да Божии церкви-то священныи,
 И тамъ не служить-то попы отцы духовныи;
30. И какъ по лѣвую теперечи по рученьку,
 И нѣту уличекъ вѣдь тамъ да все рядовыхихъ,
 И нѣту лавочекъ, лебѣдушкѣ, торговыхихъ;

- И подхожу я къ тепло-парной этой баенкѣ,
И нѣту крѣпкѣ вѣдь тамъ да караульщицковъ,
35. И столько нѣту тамъ вѣдь вѣрныхъ сторожателей;
И сотворить да мнѣ Ісусова молитовка,
И отворить да мнѣ-ка дверь эта дубовая,
И мнѣ зайти да въ тепло-парную во баенку,
И мнѣ во бѣлую зайти да въ умываленку:
40. И я взглянула какъ, невольна красна дѣвушка,
И я по этимъ по грядочкамъ кленовыимъ,
И я по этой по парной по баенкѣ;
И нѣту ступочекъ ровставлено точенныхъ,
И уже нѣтъ да трехъ косѣвчатыхъ окошечекъ;
45. И столько у-меня у бѣлой лебѣдушки,
И приужахнулось ретливое сердечушко:
И нѣту трехъ тазовъ вѣдь тамъ да золоченныхъ.
И тутъ раздѣлася, невольна, умывалася,
И съ дорогой волей, невольна, пороскласяся,
50. И клала волю на косѣвчато окошечко;
И какъ на ту пору было да на то времечко,
И какъ съ раздольца теперь да со чиста поля,
И быдто кѣрева теперь да поднималася,
И быдто тѣмна вдругъ вѣдь туча наставала,
55. И принаѣхали злодіи сваты большіи;
И мимо ѣхаль-то остудникъ блажь отечской сынъ,
И онъ со поѣздомъ, остудникъ, княженецкіимъ;
И много собрано удалыхъ добрыхъ молодець;
И зазвонили колокольча Питенбургскіи,
60. И загремѣла тутъ сбруй да лошадиная.
И не постѣла я, невольна красна дѣвушка,
И я умытъ да свое личушко бѣлѣшенько,
И зачесать своей головушки гладѣшенько,
И я убрать да дорогу волю бажоную:
65. И уже я, красна дѣвица, ростерялася,
И тутъ безцѣнна моя воля устрашилася;
И она въ тазъ да моя волюшка бросалася,
И сѣрой утушкой въ глаза мнѣ-ка казалася;
И уже такъ да моя волюшка, спугалася,
70. И на косѣвчато окошечко кидалася,
И Вытегорскіимъ мыльемъ да показалася;
И уже такъ да моя воля сторожилася,

- И она на-поль моя волюшка бросилась,
И она вѣничкомъ вѣдь воля показалаась;
75. И уже такъ да моя волюшка спугалась,
И все на грядочку бажоная кидалась,
И тонко-бѣлоей рубашечкой казалась;
И уже тутъ да дорога воля спугалась,
И во кирпичну она печеньку бросалась,
80. И пламенъ огненнымъ вѣдь волюшка казалась;
И уже тутъ да моя волюшка спугалась,
И все на каменку вѣдь волюшка бросалась,
И она паромъ во глаза мнѣ-ка казалась.
И уже тутъ да дорога воля спугалась,
85. И на дубовой поль тутъ волюшка бросалась,
И повернулася бажона дорога воля,
И перелетной незнамой она птиченькой,
И она малымъ унылымъ соловеюшкомъ;
И какъ во тотъ да часъ теперь да во минуточку,
90. И, знать, съ подману-то дѣвицы да тутъ сдѣлали,
И, знать, съ подлогу оны съ баенной истопщицкой,
И ключевой оны воды да водонощицкой:
И на пятѹ двери дубовы отворили,
И тутъ незнаму эту птичу опустили,
95. И то не птича полетѣла-вольна волюшка.
И посудячу на совѣтну дружну подружку,
И я на баенну теперь да все истопщицку:
И все вѣдь хвастала душа да красна дѣвушка:
И въ парной баенкѣ одно столько окошечко,
100. И не розставлены вѣдь стопочки точонны,
И не подѣланы вѣдь грядочки кленовыи,
И не розставлены тазы да золочонны;
И какъ не издила душа да красна дѣвушка,
И къ океанъ, она дѣвица, къ синю морюшку,
105. И не срубила трехъ удобныхъ деревиночекъ.
И знаю-вѣдаю, душа я красна дѣвушка,
И я про эту про баенну истопщицку,
И я про эту ключевой воды истопщицку:
Она дровцама топила все осинныма,
110. И лучинной розжигала все сосновой;
И не съ ключа вода, лебѣдушкой, привезена,
Изъ болотишка вода у ей начерпана,

- И гдѣ лягухи столько вѣсной собираются,
И гдѣ старыи старушки умываются.
115. И лучилась слышать невольной красной дѣвушкѣ:
И какъ во этоемъ болотишкѣ дыбучеемъ,
И проѣзжалъ да какъ остудникъ бладе отечской сынъ,
И онъ смутилъ воду копытомъ лошадинымъ,
И наполнилъ да онъ коня тутъ скоро-борзаго;
120. И ты съ подману-то, дѣвчача, дѣло сдѣлала,
И ты вѣдь скупъ взяла съ блада сына отечскаго,
И измѣнила дорогу да волю вольную.
И попѣваю я, невольна красна дѣвушка,
И я на васъ да другъ совѣтны мои подружки!
125. И опустили дорогу да волю вольную,
И во раздольице во чистое во полюшко,
И вы за славное за синее за морюшко,
И вы за быстры-то, волюшку, за риченьки,
И вы за круглыи за малыи озерышка,
130. И вы за лѣсушка-то, волю, за дремуции,
И вы за горюшки-то, волю, за высокии,
И вы за мхи, да мою волю, за дыбучии.
И собералась да тутъ вольна моя волюшка,
И по край быстрой садилась она риченьки,
140. И на подсѣшную садилась деревиночку,
И на горьку собералась осинушку;
И проклинать да все судьбу свою безсчастную,
И во вторыхъ да тебя баенну истощичку,
И холодной же ключевой воды изнощичку.
145. И въ чистомъ полюшкѣ-то вѣтры розвѣваются,
И въ лисяхъ деревча отъ вѣтрышка шатаются;
И съ куста на-кустотъ тутъ воля перелетываетъ,
И съ прѣтка на-прутокъ тутъ воля перепрыгивать,
И все пугается безцѣнна дорога воля,
150. И она думаетъ, бажона моя волюшка,
И мнѣ куды да теперь, волѣ, удалитися:
И повернусь лучше безцѣнна дорогѣ воля,
И лѣсовымъ звѣремъ вѣдь я да все съѣдучимъ,
И по горамъ да пойду, воля, по высокиимъ;
155. И не узнаеть-то остудникъ бладе отечской сынъ,
И не провѣдае розказъ да злодѣй большій свать;
И, охъ, роздумаюсъ, безцѣнна дорогѣ воля;

- И то не мѣсто, мнѣ-ка волюшкѣ не мистечко;
 И будутъ людюшки-то звиря тамъ бояться,
 160. И будутъ добрыи-то конюшки пугаться.
 И повернусь лучше, бажона дорога воля,
 И водоплавной сѣрой малой этой утушкой,
 И я спущусь да все на быструю на риченьку,
 И, ой, не мѣсто мнѣ-ка, воли, тутъ не мистичко:
 165. И ужь какъ этотъ вѣдь остудникъ бладь отечской сынъ .
 И онъ у быстрыхъ рѣкъ, остудничекъ, похаживаетъ,
 И съ пистолетомъ, остудникъ, за рукавными,
 И подстрѣлить меня безцѣнну дорогу волю.
 И спущусь лучше я во синее во морюшко,
 170. И я уловной спущусь да свѣжей рыбонькой;
 И, ой, не мѣсто мнѣ-ка, воли, тутъ не мистечко,
 И не уходъ, воли, во синеемъ во морюшкѣ;
 И какъ у этого блада сына отечскаго,
 И е повязаны вѣдь неводы шелковыи,
 175. И е пошиты мологребными-то лоточки;
 И охочь ѣздить-то, остудникъ, по синю морю,
 И онъ ловить охочь уловной свѣжей рыбоньки;
 И онъ изловить да тутъ щуку-то ходячую,
 И то не щуку онъ изловить меня волюшку;
 180. И стане рыбинка у бережка поплясывать,
 И красна дѣвушка во теремѣ поплакивать.

Прощанье съ баеней.

- И ты прости да тепло-парна меня баенка,
 И ты прости да меня бѣла умываленка:
 И хоть я дѣ-бѣла, невольна, намывалась,
 И столько съ волюшкой, невольница, розсталась.
 5. И какъ послѣ да меня парна эта баенка,
 И роскатись да по единому бревешечку,
 И по раздольцу по чистому по полюшку!
 И подойди ты теперь да струя быстрая,
 И подкати да сине славное Онегушко,
 10. И унеси да эту парную ты баенку,
 И ужь ты этии единни бревнишечка!

Къ истопщицъ:

- И ты надсмѣшничка, совѣтъ-да дружна подружка,
 И надсмѣялася надъ бѣлой лебѣдушкой,
 И надъ моею да надъ бажоной дорогой волей.
15. И буде Богъ судить невольной красной дѣвушкѣ,
 И мнѣ-ка быть да на судимой на сторонущкѣ,
 И проклипать да буду баенну истопщицку,
 И холодной же ключевой воды изтопщицку,
 И тебя милую совѣтъ-да дружну подружку,
20. И што измѣнила дорогу да мою волюшку.
 И я приду да съ тепло-парной какъ баенки,
 И порожалюся желаннымъ родителямъ,
 И на тебя да душу красную вѣдь дѣвушву.

Подходя къ крыльцу:

- И мнѣ нельзя пройти, невольной красной дѣвушкѣ,
 И подойти да ко крылечику перѣному;
 И какъ у мдего крылечика перѣнаго,
 И што за чудушко вѣдь вдругъ да учудилось,
5. И што за дивно да вдругъ диво объявилось?
 И тутъ разлилось сине славное Онегушко,
 И протекла да тутъ вѣдь быстра эта риченька;
 И черезъ риченьку вѣдь нѣтъ да перекладинокъ;
 И какъ у синяго у славнаго Онегушка,
10. И нѣту пристани теперь да корабельной,
 И нѣту сходенекъ теперечку дубовыхъ.
 И мнѣ нельзя пройти, невольной красной дѣвушкѣ,
 И мни на красное крылечико перѣное,
 И мни на эти новы сѣни рѣшотчаты.
15. И вы послушайте, желанны свѣтъ-родители:
 И трои мастера теперечи вамъ надобно;
 И во первыхъ, да вамъ, желанны родители,
 И черезъ риченьку подѣлать все мостиночки;
 И во другихъ, мои желанны родители,
20. И черезъ озеро вѣдь шить да малы лоточки,
 И во третьихъ, мои желанны родители,
 И все подѣлать-то вѣдь сходенки дубовы.

И столько слушайте, желанны свѣтъ родители:

- И поровжалюсь я на баенну истопщицку,
 25. И а на эту ключевую водонощицку:
 И она дровцама топила неудобныма,
 И не цвѣтама-то вѣдь воду нагрѣваючи;
 И все съ болотишка у ней вода принѣсена.
 И столько слушайте, желанныи родители:
 30. И упустили дорогу да волюну волюшку,
 И мои милыи любимы поровечнички,
 И какъ сердечны дороги мои подруженьки.
 И кабы знали-то, желанны, да вы вѣдали,
 И какъ во этой тепло-парной во баенѣ,
 35. И со тоски да моя волюшка кидалася,
 И со досады моя волюшка бросалася,
 И она всячески въ глаза мнѣ-ка казалася,
 И при послѣднемъ-то поры-да, воля, времечки,
 И столько пала моя воля о дубовой полѣ,
 40. И повернулась перелетной малой птиченькой,
 И она бѣдной горе-горькой кокошицей;
 И въ этотъ часъ да вѣдь, совѣтны, во минуточку,
 И на пятѹ двери дѣвѣчи отворили,
 И въ чисто полюшко тутъ волю опустили,
 45. И подалье-то за сине оны морюшко.
 И за быструю слетѣла воля риченьку,
 И она сѣла на подсушну деревиночку,
 И на безсчастну она горькую осиночку;
 И какъ осина въ темномъ лѣсѣ-то шатается,
 50. И тутъ волюшка моя да все пугается;
 И до сырой земли тамъ воля поклоняется,
 И все-то просится на рѣдную сторонущку,
 И взадъ по прежнему на бладую головушку.
 И покорюсь свѣтамъ желаннымъ родителямъ,
 55. И паду клубышкомъ во рѣзвыи во ноженьки:
 <И вы впрягите-тко ступистыихъ лошадушекъ,
 <И снарядите златокрылыхъ ясныхъ соколовъ,
 <И моихъ милыхъ свѣтушкѣвъ братцевъ родимыхъ,
 <И вы за синее за славное за морюшко,
 60. <И вы за горушки вѣдь ихъ за толкучиѣ,
 <И вы за темныи за лѣсушка дремучиѣ,
 <И вы за этии за мхи да за дыбучиѣ;
 <И пусть-ко слыздять тамъ ко быстрой ко риченькѣ,

- «И какъ ко этоей ко горькоей осинушкѣ,
 65. «И подѣвзжаютъ пусть-ко братьяца тихошенько,
 «И не спугаютъ перелетной малой птиченъки,
 «И штобы крыльицемъ она да не сбурьхмалась,
 «И то не птиченъка сидить-да моя волюшка;
 И вы берите-тко тамъ, братьяца родимыи,
 70. И вы во бѣлы молодецки ю во рученьки,
 И вы кладите ко ретливому сердечушку,
 И привезите на родимую сторонушку,
 И вы во свой домъ ко крестьянскую во жирушку;
 И вы кладите-тко безцѣнну мою волюшку,
 75. И на мою да все на бладу на головушку,
 И вы по прежнему вѣдь волю по досюльному;
 И пусть-ко воля на головушкѣ ликуется,
 И красна дѣвушка со волюшкой натѣшится.

Невѣста къ матери, по приходъ въ домъ, изъ байми:

- Подойди жъ, моя родитель рѣдна матушка,
 И ты ко мнѣ жъ да ко невольной красной дѣвушкѣ,
 И съ часто-рыбимъ иди да ко мнѣ грѣбешкомъ,
 И зачесать да моя бладая головушка,
 5. И заплести жъ да мелко-русу мою косынку!
 И катить-жалуе родитель моя матушка,
 И ко мнѣ да къ подневольной красной дѣвушкѣ;
 И во правѣй рукѣ родитель несеть матушка,
 И часто-рыбей-то несеть да она грѣбешокъ.
 10. И нынъ сама жъ того, невольна, сдивовалася,
 И што матушка теперъ да сжаловалася,
 И што повыбрала слободну пору-времечко,
 И какъ учесывать-то бладую головушку,
 И у меня жъ да вѣдь у бѣлой у лебѣдушки.
 15. И наздыни-ко ты вѣдь бѣлы свои рученьки,
 И на мою да подневольную головушку!
 И мы подумаемъ, родитель, съ тобой матушка,
 И мелко-русая коса да какъ уплѣтывать,
 И хоть не первое, родитель, мнѣ-последнее.
 20. И какъ у насъ да во роду же е во племени,
 И есть вѣдь любушка сестрича сдвуродимая;
 И ты поручь да вѣдь родитель моя матушка,

- И ей плести да столько русу мою косыньку;
 И пусть-ко дѣвушки вѣдь косу ушлетаютъ,
 25. И пусть-ко подруги во ленты убираютъ.

Мать отвѣщаетъ:

- И ты послушай же, сердечно мое дитятко,
 И да што я скажу, печальная головушка:
 И нонь я выбрала досужну пору времячко,
 Постановила крестьянскую роботушку,
 5. Я забросила страпню да суетливую,
 И я итти да къ тебѣ къ бѣлой лебедушкѣ,
 И учесать да твою блакую головушку,
 И ушлести да твою русу мелку косыньку,
 И мы подумаемъ, сердечно мое дитятко,
 10. И во потай да съ тобой крѣпкую-то думушку,
 И какъ учесывать твою бѣлую головушку,
 И не-спроста да плести русу твою косыньку.
- И мы отъ коренка плести будетъ плотнееенько,
 И осередь да этой русой твоей косыньки,
 15. И мы повыплетемъ кругло малое озерышко,
 И все безъ этихъ малогребныхъ вѣдь лоточекъ;
 И мы еще да столько, бѣлая лебедушка,
 Какъ во твоей да мелко-прятной русой косынькѣ,
 И мы еще угрюмъ струясту ричку быстрю,
 20. И мы безъ этихъ дубовыхъ переходинокъ,
 И мы безъ крѣпкихъ теперь да перекладинокъ.
 И мы еще да столько, бѣлая лебедушка,
 И во твоей да мелко-прятной во косушкѣ,
 И мы села плести, лебедушко, съ приселамы,
 25. И города плести, мы будемъ, съ пригородками;
 И мы повыплетемъ во русой теби косынькѣ,
 И мы высоки вѣдь горы да толкучи,
 И на горахъ да тамъ звѣри-то съѣдучи.
 И ты послушай же, сердечно мое дитятко,
 30. И дорога да моя бѣлая лебедушка:
 И какъ еще плести во русой теби косынькѣ,
 И плести темны лѣса да все дремучи,
 И все глубоки эти мхи да вѣдь дыбучи.
 И ты послушай же, сердечно мое дитятко,

35. И какъ еще да теби бѣлоей лебедунгѣ,
 И по конецъ да мелко-прятной косы русою,
 И мы вплетемъ да три вѣдь ножичка булатнѣ;
 И какъ еще да столько бѣлая лебедушка,
 И мы вплетемъ да въ мелко-прятной русой косынькѣ,
40. И шестьдесятъ вплетемъ булабочекъ калѣнныхъ.
- И не въ началѣ буде бладу сыну отечскому,
 И уже какъ да руса косынька ушлѣтена,
 И она какъ да буде волюшка приубрана;
 И мы еще вплетемъ во русой твоей косынькѣ,
45. И мы вплетемъ да золотую косоплѣточку,
 И уберемъ да косу въ алыи все ленточки,
 И мы на завтрешней Господень Божій денечекъ,
 И мы на свѣтлое Христово Воскресеньице,
 И принаиде какъ остудникъ бладь отечской сынъ,
50. И онъ съ собраннымъ-то поѣздомъ молодецкимъ,
 И онъ какъ згяне ужъ на бѣлую лебедушку,
 И на твою же дорогу да вольну волюшку,
 И на эту мелко-прятну русу косыньку,
 И онъ позарится на алы твои ленточки,
55. И приниматься-то остудникъ бладь отечской сынъ,
 И за твою же дорогу да волю вольную,
 И за эту мелко-прятну русу косыньку;
 И хоть повыплете золоту косоплѣточку,
 И не-въ-началѣ да приуколе ручки бѣлыи,
60. И все на эти булабочки каленыи.
 И какъ еще, да столько бѣлая лебедушка,
 И приобрѣже свои бѣлыи онъ рученьки,
 И на эти на булатны востры ножички;
 И какъ еще да вѣдь остудникъ бладь отечской сынъ,
65. И онъ утунится во мхи да во дѣбучинъ,
 И онъ заблудится въ темны лѣса дремучинъ,
 И онъ заходитъ въ городахъ да незнакомныхъ,
 И онъ заходитъ въ селахъ да не въ бывалныхъ.
 И тутъ отступится отъ вольной твоей волюшки,
70. И прозабудетъ тебя бѣлую лебедушку,
 И какъ еще этотъ остудникъ бладь отечской сынъ,
 И доберется до горы да толкучею,
 И его съѣдать да тутъ звѣри-то съѣдучинъ;

- И горы во-мѣсто, голубушко, тутъ стѣнутъся,
 75. И тутъ остудникъ блажь отечской сынъ укроется;
 И ты останешься съ бажоной дорогой волей,
 И ты со милымъ прикрашеннымъ дивичествомъ.
 И какъ еще да моя бѣлая лебедушка,
 И подойдетъ да тутъ вѣдь быстра эта риченька,
 80. И утащитъ да все блада сына отечскаго,
 И во кругло его во малое озерышко,
 И во синее во славное Онегушко;
 И тутъ по бережкамъ-то кѣсье напатаются,
 И черны вроны его да натаскаются;
 85. И тутъ отступится остудникъ блажь отечской сынъ,
 И отъ тебя да все отъ бѣлой лебедушки;
 И будешь съ волюшкой, лебедушко, похаживать,
 И съ свѣтушкѣмъ братцемъ вѣдь ты да все развѣживать,
 И ты со этой вербѣй да золоченой,
 90. И ты со этой свѣщей да нетопленой.

- И пораздумаюсь побѣдна рѣдна матушка:
 И хоть удумала, сердечно съ тобой дитяtko,
 И ушлестъ да хитро русу твою косушку;
 И лучилѣсь слышать печальной мнѣ головушкѣ,
 95. И мнѣ про этого остудника блажь сына:
 И не съ-проста буде за кѣсу приниматься,
 И онъ тихошенько вѣдь косу расплетать,
 И онъ повыдернетъ булабочки калѣны,
 И раздаритъ же онъ душамъ да краснымъ дѣвушкамъ,
 100. И онъ повывне остры ножички булатнѣ;
 И онъ догадливой остудникъ блажь отечской сынъ,
 И на походочку, остудничекъ, варѣвой,
 И на поступочку, остудничекъ, лѣгошенекъ,
 И не утопится во мхахъ да во дыбучихъ,
 105. И съ куста на-кустокъ, остудникъ, перескакивать,
 И съ клоца на-клоць, соловей какъ, перелѣтывать.

Еще слушай, моя бѣлая лебедушка:

- И мы не ладно съ тобой, дѣвушка, удумали,
 И я не хѣрошо, побѣднушка, уладила;
 110. И не сберечь да намъ бажоной дорогой воли:
 И во темныхъ лѣсахъ остудникъ не заблудится,

- И вси знакомы ему малыи дороженьки,
 И запримѣнены единыи тропиночки;
 И въ городахъ да все, остудникъ, не заходится,
 115. И во селахъ да все, остудникъ, не сболтается.

И какъ еще да столько бѣлая лебедушка:
 И онъ догадливой, остудникъ, блажь отечской сынъ;
 И не подѣе онъ вѣдь близко къ быстрой риченькѣ,
 И онъ напиться къ кругло-малому озерышку.

120. И ты послушай же, сердечно мое дитятко:
 И ужъ мы владемъ же безцѣнну дорогѹ волю,
 И въ Божью церковь мы положимъ въ посвященную,
 И за обиденки поставимъ за Христовскіи,
 И за вечерни мы поставимъ за Петровскіи.
 125. И ужъ какъ тутъ да вѣдь бладу сыну отечскому,
 И все не взять буде бажоной воли вольнойей.
 И пораздумаюсь печальнымъ своимъ разумомъ,
 И мы не ладно-то, лебедушко, вѣдь сдумали;
 И тутъ не мѣсто твоей волюшкѣ—не мистечко.
 130. И придѹтъ въ гости злы людюшки бѣдовыи,
 И изловятъ да твою вольну эту волюшку,
 И призахватятъ въ Божьей церкви посвященной,
 И препорѹчатъ-то бладу сыну отечскому.

И ты послушай, моя бѣлая лебедушка,

135. И куды власть да намъ бажону твою волюшку?
 И мы отпустимъ дорогу да твою волюшку,
 И мы во древнюю пустыню богомольную,
 И мы во эту обитель во спасеную,
 И гди вѣдь красныи-то дѣвушки спасаются.
 140. И все не ладно мы, дѣвушка, удумали,
 И все не-хорошо, лебедушко, уладили;
 И тамъ не мѣсто твоей волюшкѣ не мистечко:
 И красны дѣвушки вѣдь тамъ да сбаловалися,
 И богомольная пустыня раззорилася.
 145. И ты послушай же, сердечно мое дитятко:
 И ты обуй волю въ башмачиини козловыи,
 И уברי да ю во цвѣтное во платьице,
 И большакомъ спусти вѣдь волю настоятелемъ,

- И ты большухой-то спусти да подомовою,
 150. И по хоромному спусти да построеньицу;
 И пусть-ко волюшка тамъ ходить да похаживать,
 И у ошесточка стряпчиваго постаивать,
 И она крестъ кладеть-то воля по писанову,
 И поклонъ да веде, воля, по ученому,
 155. И издувать она огни да скороплящія;
 И не прознаеть—ю, остудникъ, бладь отечской сынъ,
 И устрашится тутъ, остудникъ, уполохается,
 И тутъ отступится отъ вольной твоей волюшки,
 И во глазахъ да буде воля у мня матушки,
 160. И на печальныхъ пристаршихъ моихъ рученькахъ.
 И ты послушай-ко, сердечно мое дитяtko:
 И ты ходить будешь со чужой какъ сторонушки,
 И на свою да на родиму будешь рдинку,
 И вострѣтатъ буде да вольна тебя волюшка,
 165. И на крылечушкѣ тебя да на перѣномѣ,
 И на новыхъ сѣняхъ тебя да на рѣшетчатыхъ;
 И ты на волюшку-то будешь все поглядывать,
 И на бажоную, голубушко, посматривать
 И съ русой косынькой-то будешь ликоватися.
170. И я гляжу-смотрю, печальная головушка,
 И на тебя да все на бѣлую лебедушку:
 И хоть улѣтена вѣдь руса у тя косынька,
 И хоть убрана все во алыи во ленточки,
 И по твоимъ да вѣдь дѣвдчымъ все по плечушкамъ.
 175. И быдто деревче въ лѣсу сидишь-шатаешься
 И слезно плачешь ты, голубко, какъ рѣка бѣжитъ,
 И возрыдаешь, мое дитѣ, какъ порогъ шумить.
 И единая да пройде темна эта ноченка,
 И порозстанешься ты съ вольной дорогой волей,
 180. И съ дорогимъ да прикрашеннымъ дѣвочествомъ.
- И охъ ти мнѣ—да мнѣ-ка матери тошнѣшенько:
 И мнѣ-ка жаль да тебя бѣлую лебедушку,
 И обмерать да моя заблая утробушка,
 И столько смотрячи на бѣло твое личушко,
 185. И столько глядячи на твои да горючі слезы.

- И не сдвуйте-тко, народъ да люди добрыи,
 И мнѣ побѣдной горегорькой родной матушкѣ!
 И вѣдь дѣтиная тоска не угасимая:
 И лучше дитятко вѣдь было бы не рѣжено,
 190. И на бѣлой бы оно свѣтъ да не попущено,
 И на судимую сторонку не отпущено.
 И лучше вѣдьмой я побѣдна бы родилася,
 И родной матерью бы я да не годилася.
- И ты послушай же, сердечно мое дитятко,
 195. И ты не гнѣвайся-ко, бѣлая лебедушко,
 И на печальную родитель меня матушку:
 И не досугъ сидѣть горюшѣ мнѣ усѣживать,
 И по головушкѣ тебя да все ублаживать,
 200. И надо ставить мнѣ столы да все дубовыи,
 И разстилать да скатертѣ-то шитобранни,
 И надо ладить столько ѣствушка сахарни,
 И составлять да надо питьица медвяни,
 И надо подчивать весь родъ-племя любимое,
 205. И твоихъ милныхъ совѣтныхъ дружныхъ подружекъ.
 И ты сама садись тутъ, бѣлая лебедушка,
 И во почѣстной ты садись да во большой уголъ;
 И нонько гостыицей у насъ да все любимоей,
 И хотъ не первое голубушко послѣднее.

Невѣста:

- Я гляжу-смотрю, невольна красна дѣвушка,
 И на свою да дорогу волю боожную.
 И спасеть Богъ, моя родитель жалостливая!
 И гладко голову мою да учесала,
 5. И мелко—русую косу да уплетала,
 И алы ленточки въ косу да убирала.
 И поглядите-тко, народъ да люди добрыи,
 И со сторѣнь да вы сусѣды спорядовыи,
 И на безцѣнную мою да волю вольную.
 10. И на ликуйтесь совѣтны—дружны подружки,
 И надъ моимъ да прикрашеннымъ въ дивичествомъ!
 И отпущу да я вольну свою волюшку,
 И съ заутрѣ спущу по ранному по утришку,

И какъ куничею спущу волю заморской,
 15. И спущу бѣлочкой, невольна, въ лѣса дикіи,
 И спущу лисенкой въ норы да во глубокіи,
 И не прозналъ бы-то остудникъ-бладь отечской сынъ
 И про мою да пре бажону дорогу волю.

И вы послушайте, народъ да люди добры!
 20. И во этихъ въ лѣсахъ да темныхъ дикіихъ,
 И сохраняться будетъ вольная тамъ волюшка,
 И пересказывать-то бѣла буде бѣлочка,
 И подыматься вверхъ по тонкой деревиночкѣ;
 И она сяде хоть на саму на вершиночку,
 25. И на всѣ стороны тутъ бѣлочка поглядывае;
 И по-тихоньку хоть вѣтры развѣваются,
 И по-легоньку деревиночки шатаются,
 И дорога да эта волюшка пугается,
 И едва держится на самой на вершиночкѣ.
 30. И какъ на ту пору, вѣдь свѣты, на то времячко,
 И за охотой ходя добры эти людюшки,
 И съ писталетами оны да зарукавными,
 И во дикіихъ оны оргахъ во глубокіихъ,
 И спугаютъ дорогу да мою волюшку;
 35. И уже тутъ да моя вольна эта волюшка,
 И она паде, моя воля, о сыру землю;
 И прибираться да стане малу деревиночку,
 И она сяде, моя воля, на сыру землю,
 И соберется подъ зеленую елиночку,
 40. И сговорить да моя воля-пороспачется;
 И она смолится зеленой деревиночкѣ:
 «Ужь ты—матушка—зеленая елиночка,
 «И роспусти да свои прутьца ты вѣтлыи,
 «И ты отъ самой вершиночки до корешка,
 45. «И приуродой да меня вольную вѣдь волюшку,
 «И ты отъ буйнаго теперь меня отъ вѣтрышна,
 «И отъ погоды ты меня да все отъ падары,
 «И ты отъ частыхъ меня да этихъ дождичковъ,
 «И ты отъ-темной меня тучи страховитой,
 50. «И зимной порой отъ снѣжечиковъ наносныхъ;
 «И пороспекло бы красно это солнышко,
 «И согрѣло бы ретливое сердечушко,

- «И у меня да все у вольной бы у волюшки»,
 И мнѣ-ка жаль да тошно бѣлой лебедушкѣ,
 55. И куда волюшка моя да удаляется,
 И подь елиночку она да собирается:
 И провабѣтъ воля студеной холодной зимой,
 И промокнетъ-то отъ частыхъ мелкихъ дождичковъ;
 И все пугаться буде воля моя волюшка,
 60. И темной тученьки она да страховитой,
 И она этихъ громовъ да все столкучихъ,
 И она молвіи-то, волюшка, свистучей.
 И соберетъ моя воля—столько волюшка,
 И точно лисенка въ норы она глубокой,
 65. И во матушкѣ-ль она да во сырой землѣ;
 И въ темномъ лѣсѣ да какъ звѣри пріобъявятся,
 И еще въ лѣсѣ пойдуть удалыи? полиснички,
 И оны съ борзыма собакама лаючима,
 И со чепныма то оны да со съѣдучима;
 70. И въ темномъ лѣсѣ-то собакища побѣгивають,
 И оны духу-то собакища наслушивають;
 И ужъ какъ эти-то собаки вѣдь лаючии,
 И оны найдуть эту нору-то глубокую,
 И кругомъ около оны стануть поскакивать,
 75. И оны громкимъ голосомъ стануть пролаивать;
 И пріоблають дорогу да волю волюшку,
 И спугають изъ норы да все глубокой.
 И соберетъ тутъ бажона дорога воля,
 И хоть за синее за славное Онегушко,
 80. И куничею она да въ океанъ море;
 И тамъ вѣдь славныи ловцы да добрыи мѣлодцы,
 И тамъ вѣдь ходя корабли да мореходныи,
 И столько издять тамъ солдатушки походныи,
 И пріусмотрятъ тамъ куницу-то заморскую,
 85. И какъ стрелять будутъ съ оружицевъ военныихъ,
 И все пугать да будутъ волю мою волюшку.
 И уже тутъ да моя волюшка спугается,
 И во глуби стана воды убиратися,
 И все не въ знамы берега стана кидатися,
 90. И не въ бывалы острова стана бросатися.
 И ни гди да моя воля не ухитится,
 И ни куды жъ, дорога, не ухоронится.

- И тутъ достунить-то остудникъ бладь отечской сынъ,
И до моей да бажоной дорогой воли;
95. И онъ схватить-то во бѣлыи во рученьки,
И такъ надъ волюшкой-то буде надрыгаться;
И уже тутъ да моя волюшка увѣрнется,
И она бѣлою-то лебедью повернется;
И она слѣтить-то на чужую сторонушку,
100. И какъ во этии степи она во дикіи,
И куды птиченька вѣдь е да солетается;
И столько лѣтячи у вольной моей волюшки,
И золоты да у ей крыльча примашутся,
И дороги да у ей перьяча прищиплются;
105. И по горамъ да пролетаючи высокиимъ,
И выше гѣсу подымаючи-то темнаго,
И ближе къ облачкѣ-то, птиченька, ходячей,
И она лѣтячи тамъ, птича, призаблудится,
И она взадь да эта птиченька воротится;
110. И не знае-то родимой своей стороны;
И тутъ пролѣтеть перелѣтна эта птиченька,
И мимо мой она пролѣтеть-то зеленой садъ,
И мимо дѣвушкинъ пролѣтеть-то высокъ терѣмъ,
И во холодную въ подсиверну сторонушку,
115. И она слѣтеть хотъ ко синему-то морюшку,
И тамъ вѣдь плящи морозы неудольныи,
И виютъ буйны эти сиверы холодныи;
И она сяде моя вольна эта волюшка,
И по край моря на катучей синей камышекъ;
120. И съ синя морюшка погода поднимается,
И какъ волна да на синѣмъ морѣ расходится,
И со желтымъ пескомъ вода да все помутится,
И въ крутой бережекъ волна стане похлыстывать,
И сѣхнѣ птиченьку съ катуца бѣла камышка,
125. И дорогу вою во синее Онегушко;
И стане птиченька на бережекъ кидатися,
И стане перьяцемъ она да хлобыстатися;
И кругъ пройдетъ да она синя славна морюшка,
И она сядетъ тутъ на малую замѣнку,
130. И на подводную холодную колодежку;
И стане здрагивать ретливое сердечушко,
И будетъ тонеккамъ носочкомъ колотить,

- И буде ўныло вѣдь птича унывать,
 И буде жалобно вѣдь птича причитать,
 135. И меня бѣдную безсчастну проклинать:
 <И все спустила она вольну меня волюшку,
 <И на всѣ на три-четыре на сторонюшки;
 <И отъ земли забуть у воли ножки рѣзвыи,
 <И отъ вѣтра да подвѣвае лице бѣлое.
140. И мнѣ жаль-да тошно бѣлоей лебѣдушкѣ,
 И не видать да буде вольной мнѣ-ка волюшки,
 И во печальныи дѣвочки ясны очушки;
 И ужъ я йспроста, лебѣдушко, простѣшенька,
 И умомъ-разумомъ, лебѣдушко глупѣшенька,
 145. И спростовалася, невольна красна дѣвушка,
 И опустила дорогу да свою волюшку;
 И порозгнѣвалася бажона дорогà воля,
 И пошла да со мной, воля, не простилася,
 И навсегда жъ да отъ невольной удалилася;
 150. И воля красное-миженъско мое солнышко,
 И во снѣхъ да мнѣ-ка, воля, не покажется,
 И на явѣ да мнѣ-ка, воли, не объявится.
- И покорюсь да свѣтушкамъ братцамъ родимымъ,
 И своимъ милымъ соколочкамъ златокрылымъ:
 155. <И ужъ вы свѣтушки да братьица родимыи,
 <И вы съездите за горушки высокии,
 <И за лѣсушка, вы братьица, дремучии,
 <И вы ко славному ко синему ко морюшку;
 <И повзыщите дорогѣ да мою волюшку,
 160. И по-близешеньку вы къ воли подвигайтесь-ко,
 И по-низешеньку вы воли поклоняйтесь-ко,
 И приубайте ю на ласковыхъ словечушкахъ:
 <Уже што жъ да сидишь, лебедь тутъ вѣдь бѣлая,
 <И ужъ чья жъ да ты вѣдь птиченька незнамая>.
 165. И приотвитить перелѣтна эта птиченька:
 — И я не птиченька сижу да воля вольная>.
 И ужъ вы тутъ, да мои братьица родимыи,
 И сговорите съ ей единое словечушко:
 <И дорогà жъ да ты, бажона эта волюшка,
 170. <И ты иди да ко удалимъ добрымъ молодцамъ,

- «И ты на эти молодецки наши рученьки,
 «И мы обуемъ во башмачики козловыи,
 «И мы одѣнемъ волю въ цвѣтно тебя платице,
 «И мы въ гулярную дѣвочью покрутушку,
 175. «И кладемъ волюшку къ ретливому сердечушку.
 И на слова да эта воля не сдавается,
 И на прилестную-то ричь не окидается,
 И тутъ горючима слезама уливается:
 — И много мѣсть да я, птица, облетаючи,
 180. — И уже бѣлочкой по деревьямъ скакаючи,
 — И истаскала свое цвѣтное я платице,
 — И изтерзала свое бѣло это личушко,
 — И приисплакала я, воля, ясны очушки;
 — И ужъ я лѣтачи по темнымъ по лѣсушкамъ,
 185. — И я по ѣтымъ по горушкамъ высокымъ,
 — И приустала путемъ широкой дороженькой,
 — И примахала дороги свои перьяца,
 — И исклевала да я бѣлой этотъ носичекъ,
 — И потушила свой унылой этотъ гѣлосокъ,
 190. — И столько жупячи я, птица, причитаючи;
 — И припугалася бажона я вѣдь волюшка,
 — И много страстей привидала, много ужастей.
 И говорятъ столько удамы добры мѣлодцы:
 «И уже сдѣйся ты, бажона вѣльна волюшка,
 195. «И приклонись да перелѣтна эта птиченька,
 «И ты на наши молодецки на рученьки;
 «И мы посадимъ тебя волюшку эту волюшку,
 «И мы во саночки посадимъ во дубовыи;
 «И увеземъ да на родиму тебя родинку,
 200. «И привеземъ тебя къ сестричушкѣ родимой,
 «И мы положимъ ей на бладу на головушку,
 «И беречи да будемъ волюшку тебя волюшку.

VI.

ПЛАЧИ ПРИ СЪВЪЗДЪ ГОСТЕЙ.

Сестра пришла въ гости. Невѣста при встрѣчѣ:

- И мнѣ пойти жъ было, невольной красной дѣвушкѣ,
И мнѣ на эти на новы сѣни рѣшетчаты,
И мнѣ на этое крылечико перѣное.
Мнѣ сказали многи добры эти людюшки,
5. И мнѣ-ка мило спорядовыи сусѣдушки,
И што у нашего крыльца да у перѣного,
И подбѣжала вдругъ ступистая лошадушка,
И подкатилися вѣдь саночки дубовыи,
И зазвонили колокольча Питенбургскіи.
10. И какъ у моего перѣнаго крылечушка,
И точно бѣлой свѣтъ теперь да поразсвѣтился;
И какъ на нашихъ новыхъ сѣняхъ рѣшетчатыхъ,
И какъ свѣтитъ да точно бладенской свѣтѣль мисоць;
И какъ во нашей нунь во свѣтлой во свѣтлицѣ,
15. И возсіяла тутъ луна да красно солнышко:
И появилась скачоная жемчужинка,
И моя милая сестрича двуродимая,
И со дальноей со чужой со сторонушки,
И изъ-за круглаго съ-за малаго озерышка,
20. И изъ-за быстрыхъ струистыхъ она риченець,
И изъ-за горь, моя сестрича-то, высокинхъ,
И изъ-за лѣсушекъ, сестрича моя, темныхъ,
И изъ-за этихъ-то мховъ да съ-за дыбучинхъ.

- И твоя дальняя судимая сторонушка,
 25. И не въ частомъ, моя сестричушко, свиданьицѣ.
 Што же по-долгу, сестрича, снаряжалася,
 И испотиху, сдвуродима, сподоблялася?
 И теби не-вѣсто, знать, было не вѣстимо,
 И, знать, про мою про великую незгодушку,
 30. И про разлуку дорогой да вольной волюшки.

- И не поставь во гнѣвъ, сестрича сдвуродимая:
 И была не-звана на крѣпкую ты думушку,
 И ты на это маховое рукодѣльице;
 И удовѣла какъ судима твоя стѣрона;
 35. И какъ повыпали снѣжечики перистыи,
 И уже стала тутъ велика бездорожица;
 И какъ весной живе великое распутьице;
 Изъ-за горъ да пройдутъ быстры эти риченьки,
 И со озеръ да протекутъ быстры эти рѣчейки;
 40. И съ того дѣй—того, сестрича сдвуродимая,
 И ты не почасти на родинку учѣщивашь,
 И не по мѣсяцу на родинкѣ угѣщивашь.
 И ты послушай, свѣтъ сестрича сдвуродимая;
 И по-долгѣ съ того, сестрица, снаряжалася:
 45. И у меня не были къ тебѣ да позыватели,
 И не наряжены любимыи повознички,
 И тебя на—пути-ль дорожкѣ ль не честили,
 И оны по-низку теби не поклонялись,
 И знать не звали на унылу тебя свадьбу,
 50. И на розлукушку дорогой да моей волюшки.

- И ты послушай, свѣтъ сестрича сдвуродимая:
 И у меня да у невольной красной дѣвушки,
 И была грамотка умильна вѣдь написана,
 И все обидушкой была да запечатана,
 55. И да къ тоби была, сестричушко, отослана;
 И во первыѣхъ было, голубошко, уписано,
 И мое низко поклонно челобитьице;
 И во другыѣхъ да были ласковы словечушки,
 И все твоей милой надежной головушкѣ;
 60. И какъ мои свѣты желанныи родители,
 И васъ просили на унылую на свадьбу,

И на свое оны честнѣе пиروваньце.

- И ты послушай, свѣтъ сестрича сдвуродимая:
И наздынуть да мнѣ-ка бѣлы свои рученьки,
65. И на твои да на могучи на плечушка,
И со пути да сдѣять доброе здоровьце;
И мнѣ спроговорить единое словечушко,
И мнѣ спросить да подневольной красной дѣвушкѣ:
И какъ ты ѣхала путь-широкой дороженькой,
70. И не подняла-ль ты бажоной моей волюшки,
И ты съ-подъ камышку вѣдь воли горносталюшкомъ,
И ты съ-подъ кустышку, сестрича, сѣрымъ захошкомъ,
И въ деревиночкѣ, сестрича, сѣрой бѣлочкой,
И ты на риченькѣ, сестрича, сѣрой утушкой,
75. И на озерышкѣ, сестрича, бѣлой лебедю.
И ты не видѣла-ль, сестрича сдвуродимая,
И во темныхъ лѣсахъ да звѣремъ ты съѣдучимъ,
И на горахъ, да воли, малой этой ластушкой?
И ты не взяла-ль тамъ на бѣлы свои рученьки,
80. Не привезла-ль ко мнѣ, бѣлой лебедушкѣ,
И дорогу мою безцѣнну вольну волюшку.

- И ты послушай, свѣтъ сестрича сдвуродимая:
И сожидала я, невольна красна дѣвушка,
И тебя съ дальней пути-широкой дороженьки,
85. И проглядѣла я костѣвчаты окошечки,
И во раздольце во чистое во полюшко,
И притоптала я полы эти дубовыи,
И измарала я башмачики козловыи,
И выбѣгаючи, сестрица сдвуродимая,
90. Ужъ я на-эты новы сѣни рѣшетчаты,
И я на этое крѣлечико перѣное;
И дождала, дѣчи невольна, зрадовалася.

- И по-долгѣ ты въ пути широкой дороженькѣ:
И, знать, на рѣзстаняхъ, сестрича, застоилася,
95. И знать на добрыхъ людей да огладѣлася,
И много въ стрѣту да, знать, стрѣтушковъ стрѣчалося?
И ты пожалуй, свѣтъ сестрича сдвуродимая,
И ты пройди да во хоромное строеньце,

- И скинь-ко шубоньку свою да соболиную;
 100. И тутъ мы сядемъ на брусѡву съ тобой лавочку,
 И да подумаемъ-во крѣпку съ тобой думушку;
 И ты порѡскажи, сестрича сдвуродимая,
 И про остудушку про чужу про сторонушку;
 И ты придай да ума-разума въ головушку,
 105. И мнѣ-ка розмыслу въ ретливое сердечушко.
 И слушай, любушка сестрича сдвуродимая,
 И новь страдитъ меня остуда чужа стѡрона;
 И сожалію дорогой да своей волюшки,
 И потошніе жаль дѣвочьей русой кѡсыньки,
 110. И мнѣ-ка жаль да прикрашеннаго дивичества.

Гостья стѣпаетъ:

- И ты послушай, свѣтъ сестрича сдвуродимая:
 И не посмію же, кручинная головушка,
 Ужъ я наднести рабочи свои ручушки,
 И я на эту мелко-прятну русу кѡсушку,
 5. И на твои да на дѣвочки нѣжны плечушка.
 И слушай, любушка сестрича сдвуродимая:
 И я съ пути гляжу со широкой дороженьки,
 И принавіяны вѣдь ясны мои очушки,
 И столько ѣдучи вѣдь широкой дороженькой.
 10. И ты пѣняшь мнѣ-ка, сестрича, выговаривашь,
 И што я пѡ-долгу, горюша, снаряжалася,
 И што я пѡ-тиху, печальна, сподоблялася,
 И ко твоимъ свѣтамъ желаннымъ родителямъ,
 И я на ихно на честнѡе пированьице,
 15. И на твое слезно горюче унываньице.
 И ужъ я такъ, мила сестрича, поразгнѣвалася;
 И я подумала, печальная головушка,
 И побывать да на слезливу твою свадебку;
 И разсердили жъ вы надежную головушку,
 20. И мою милую любимую сдержавушку.
 И все прибрѡно да вѣдь родъ-племя любимое,
 И на совѣтъ да было крѣпку у васъ думушку,
 И какъ на это маховѡе рукобитьице;
 И вы пріѡбнесли печальную головушку.

25. И ты послушай, свѣтъ сестрича сдвуродимая,
И подневольная душа да красна дѣвушка:
И хоть пришла мнѣ скорописчатая грамота,
И отъ твоихъ свѣтовъ желанныхъ отъ родителей,
И отъ тебя да все отъ бѣлой отъ лебедушки;
30. И какъ умильно эта грамотка уписана,
И хорошо письмо, голубушко, составлено;
И подалось мое ретливое сердечушко.
И можешь знать да вѣдать, бѣлая лебедушка,
И все про дальнюю судимую сторонущу:
35. И у мя день прошель, голубошко, даваючи,
И другой день прошель, словечка дожидаячи,
И отъ своихъ да богоданныхъ родителей;
И третій день прошель, сестрича сдвуродимая:
И я ходила за надежной головушкой,
40. И я по этимъ мелко-рубленнымъ клѣточкамъ,

И все ласкала я прелестныма словечушкамъ,
И я звала да на унылу его свадебку,
И на разлукушку твоей да дорогой воли;
И столько въ томъ прошла уречная недѣлюшка,
45. И все даваючи въ любимо во гостибище.
И ты послушай, свѣтъ сестрича сдвуродимая,
И подневольная душа да красна дѣвушка:
И снарядилась какъ побѣдная головушка,
И какъ я ѣхала путь—широкой дороженькой,
50. И ужъ я темныма лѣсама все дремучима,
И я высокима горама все толкучима,
И на горѣхъ да видла вольну твою волюшку,
И она звиремъ-то вѣдь волюшка казалася;
И во темныхъ лѣсахъ я видѣла дремучихъ,
55. И перескакивать по малымъ деревиночкамъ;
И я звала да твою вольну эту волюшку,
И на свои звала на бѣлыи на рученьки.
И отвѣчать мни дорога да твоя волюшка,
И все со этимъ слезама со горючима;
60. И все судячить-то на бѣлую лебедушку,
И на тебя да подневольну красну дѣвушка.
И какъ еще мила сестрича сдвуродимая:
И кругомъ ластушка, лебедушко, облетывать,

- И она обидно да жалобно причитывать;
 65. И съ этой птиченьки уныла причитаньца,
 И у меня сходится великая обидушка;
 И все я думала, печальная головушка,
 И я схватить эту унылую тутъ ластушку;
 И высокъ да—то она вѣдь поднималася,
 70. И все на бѣли мои ручки не сдавалася;
 И проклинять да тебя бѣлую лебедушку.
- И ты послушай, свѣтъ сестрича сдвуродимая,
 И подневольная душа да красна дѣвушка:
 И подъѣзжать стала къ лугамъ какъ сѣнокоснымъ,
 75. И мимо этовы ракитовыи кустышка,
 И зглянула подь ракитовъ этотъ кустышокъ;
 И тамъ сидеть да все упалой сѣрой заюшко,
 И пригорюнившись къ снѣжечку перистому.
 И я смолилась тутъ надежной головушки:
 80. «И станови-тко ты ступистую лошадушку,
 «И то не заюшко сидеть да дорога воля,
 «И подь ракитовъ пригорюненось подь кустышекъ».
 И не могла схватить, сестрича сдвуродимая;
 И все скочилъ да этотъ сѣрой малой заюшко,
 85. И удаляться отъ нобѣдной сталъ головушки;
 И онъ за кустышки вѣдь заюшко туляется,
 И за ракитовы, упалой-то, западывать;
 И у меня жъ да у печальной тутъ головушки,
 И полились слезы горючи со лсныхъ очей.
90. И ты послушай, свѣтъ—сестрича сдвуродимая,
 И подневольная душа да красна дѣвушка:
 И какъ подъѣхала, печальная головушка,
 И я ко эту кругло-малому озерышку,
 И кругло малое озеро становилася:
 95. И тутъ лебедушка подь ледъ да хоронилася,
 И твоя волюшка туды да удалилася.
 И я того, бѣдна-горюша, не пытаючи,
 И говорить стала надежной я головушеѣ:
 «И да мы спустимся ко быстрой ко риченькѣ,
 100. «И мы ко этому ко крутому ко бережку,
 «И мы повзмщемъ-ко бажоной этой волюшки,

- «И сѣрой утушки на быстрой на риченькѣ».
 И ужъ какъ эта сѣра малая-то утушка,
 И колокольнаго тутъ звѣну устрашилася,
 105. И во глубоку она воду кольбнулася;
 И не могла схватить, печальная головушка,
 И ужъ я на-свои на бѣлы ю на рученьки,
 И привести да къ теби бѣлой лебедушкѣ.
- И ты послушай, свѣтъ-сестрича сдвуродимая,
 110. И подневольная душа да красна дѣвушка:
 И подѣвзжать стала ко чистому ко полюнку,
 И я взглянула подъ катучей бѣлой камешокъ,
 И увидала сѣра мала горносталюшка;
 И я ласкала тутъ, печальная головушка,
 115. И ко своимъ его ко бѣлымъ ко рученькамъ;
 И ухитился сѣрой малой горносталюшко,
 И онъ скрылся подъ катучей малой камешокъ.
 И среди да тамъ раздолъя чиста пѣлюшка.
 И въ стрѣту встрѣтилася побѣдной мнѣ головункѣ,
 120. И мнѣ калѣка-то вѣдь тутъ да перехожая,
 И какъ одеженко у ей да не хорошее,
 И на ноженкахъ сапоженко не ворыстное;
 И ужъ я тутъ бѣдна горюша удивилася,
 И нашъ доброй-то вѣдь конь установилася:
 125. И што головушко тряпоченкой завязана,
 И пораздумалася, печальна, умою разумомъ:
 И што за чудышко идетъ да это чудное,
 И супротивъ ночи на путь иде дороженькой:
 «И ты откуль еще калѣка перехожая?
130. «Ты съ за синяго ли морюшка холодная,
 «Аль со чиста поля идешь да ты голодная?
 И отвѣчать да мнѣ калѣка перехожая:
 — И не узнала ты вѣдь, бѣлая лебедушка:
 — И не калика я иду да перехожая,
 135. — И твоей любушки сестрицы сдвуродимой
 — И дорога иду вѣдь вольна ейна волюшка;
 — И я отправилася въ нуть широкую дороженьку,
 — И въ безъизвѣстную во дальнюю сторонушку.
 И говорила я, печальная головушка:
 140. «И ты послушай же, безцѣнна вольна волюшка,

«И обратись да со пути ты со дороженьки,
 «И возвратись да во село ты деревенское,
 «И уже взадъ да ты ко бѣлой ко лебедушкѣ».

И отвѣчала мнѣ-ка вольна эта волюшка,

145. И уже мнѣ-ко-ва печальной головушкѣ:

— И ты послушай, чѣстна мѹжна молодѣ жена:

— И да я обошла русію подселенную,

— И не одинъ разъ со дорожки ворочалася,

— И у перенаго крылечика стучалася,

150. — И у костѣвчата окошечка давалася,

— И не пускаеть въ домъ невольна красна дѣвушка.

И говорила я бажоной твоей волюшкѣ:

И ты поди ко мнѣ на бѣлыи на рученьки,

И я свезу къ себи, печальная головушка,

155. И сокручу тебя во цвѣтно я во платъице,

И посажу волю во свѣтлу тебя свѣтлицу,

И тебя гостыцей возму къ себѣ любимой,

И почитать буду сестричей я родимой;

И мнѣ челомъ да била воля низко кланялася,

160. И все горючима слезама обливаеця,

И съ деревенскимъ селомъ она прощаетя;

И сговорить да мнѣ-ка воля таково слово:

— И уже мнѣ-ко-ва, печальной головушкѣ,

— И мнѣ не хочется вѣдь воли воротитися,

165. — И мнѣ безумной дѣвицѣ покоритися.

И тутъ смахнула дорога да воля вольная,

И она ѣтыма-то бѣлыма вѣдь ручкама,

И тутъ качнула она буйной головушкой,

И она клубышкомъ вѣдь, воля, покатилася,

170. И она червышкомъ бажона тутъ свивалася,

И точно звирь да въ темномъ лисѣ заревѣла

И ты слушай, свѣтъ-сестрича сдвуродимая,

И подневольная душа да красна дѣвушка:

И хоть я ѣхала путь-широкой дороженькой,

175. И при долинушкѣ, сестрича, во чистомъ полѣ,

И я увидла тамъ, печальная головушка,

И шатры бѣлыи, сестрича, пораздернуты,

И тамъ солдаткѣи столы да поравставлены;

И за столомъ сидить солдатъ да угощаетя,

180. И онъ горючима слезама обливається;
 И не узнала я, печальная головушка,
 И дорогú милу скачоную жемчужинку,
 И ужъ я твоего тутъ братца вѣдь родимаго,
 И безсчастлива соколочка златокрылаго.
185. И изъ затульица, побѣднушка, выглядываю,
 И съ горючима слезама все выспрашиваю:
 «И ты откуль идешь, солдатъ бѣдной походной?
 «И ты въ которую идешь да во сторонущу,
 «И ты въ какò идешь село да деревенское?»
190. И со обидушкой солдатъ да мни высказывать,
 И пословечно мни, горюшѣ, выговаривать:
 И не узнала честна мужня молодà жена,
 И меня бѣднаго солдатушка походнаго:
 И я иду да на родиму въ гости родинку,
195. И повидаться со желанныма родителямъ.
 И сговорить еще солдатъ да тутъ походной:
 И на пути да мни солдатушку безсчастному,
 И въ стрѣту стрѣтилась дѣвчича малолѣтная,
 И ужъ мы ду-другу вѣдь тутъ да розсказалися,
200. И на пути слезно мы тутъ да поросплакались:
 И то не дѣвушка вѣдь е, да вольна волюшка,
 И отпущена бажона въ чужу стѣрону,
 И въ путь широкую дорожку безъизвѣстную.
 И говорила столько вольна эта волюшка:
205. И не ходи бѣдной солдатушко безсчастной,
 И ты вѣдь къ этому селу да деревенскому,
 И прозабыть ты у желанныхъ родителей,
 И съ ума выложенъ у сестрици у родимой.
 И тутъ сердечушко его да заобидилось,
210. И тутъ солдацкая головка закручинилась;
 И со обиды во лугахъ онъ становился,
 И со кручины во шатры тутъ обшатрылся.
- Еще слушай же, сестрича сдвуродимая:
 И спростовалася, ты бѣлая лебѣдушка,
215. И ты проглупала вѣдь вольну свою волюшку,
 И измѣнила ю на зло это неволице.
 И не послѣла ты, вѣдь бѣлая лебѣдушка,
 И столько съ возрастомъ, голубушко, сровняться,

- И ума-разума въ головушку набратися,
 220. И ты не долго подержала дорогу волю,
 И на дѣвочьей на бладой на головушкѣ:
 И очень мѡлода въ неволю поохотила.
 И ужъ какъ жѣвучи на чужей на сторонущкѣ,
 И безъ утару наболится буйна гѡлова,
 225. И все безъ вѣтра накрушится ретливѡ сердце;
 И ты на лавочкѣ, сестрича, не посѣживай,
 И ты у грядочки, сестрича, не постанвай;
 И да ты пѡ-часту въ окошко не поглядывай;
 И буде грубо тебѣ скажутъ-не обидься-тко,
 230. И буде хѡрошо-то скажутъ-не розсмѣйся-тко;
 И быди проклята остуда чужа стѡрона,
 И строги-грозны богоданны родители!
 И какъ на чужой на судимой на сторонущкѣ,
 И надо пѡскаки держать да сѣра заюшка,
 235. И поворотушки держать да горносталевы;
 И надо силушка, голубушка, звѣриная,
 И надо пѡтяги держать да лошадиныи.
 И ты не пѡ-часту на родинку учащивай,
 И ты не пѡдолгу на родинкѣ угащивай.
240. И не безсудь, да моя бѣлая лебѣдушка,
 И ты не гнѣвайся, сестрича сдвуродимая:
 И попѣняю я, печальная головушка,
 И я при всихъ да вѣдъ при добрыхъ тебѣ людущкахъ,
 И при окольныхъ спорядныхъ сусѣдущкахъ:
 245. И послѣ этого крѣпкѡго рукобитьца,
 И ослобѡжена уречная недѣлюшка,
 И про тебя была про бѣлую лебѣдушку;
 И ты снаряжена любимой была гостящей,
 И столько издѣть по породы именитой;
 250. И ты объѣхала вѣдъ родъ-племя любимое,
 И ты вѣдъ тетушекъ, голубушко, добротушекъ,
 И всихъ вѣдъ милыхъ сестрицъ да сдвуродимыхъ,
 И погнушалась столько, бѣлая лебѣдушко,
 И ты вѣдъ мной да все печальной головушкой,
 255. И какъ моимъ да вѣдъ сердечнымъ угощеньицемъ;
 И не заѣхала въ любимѡ во гостящице,
 И со своей да дорогой ты вольной волюшкой,

- И ты со стадушкомъ ко мни да со гусиннымъ,
И ты со другимъ ко мни да лебединнымъ.
260. И ты придбнесла печальную головушку,
И обезчестила сестричу сдвуродимую.
И когда прежь сего, до этой поры-времечка,
И ты во красныхъ была когда во двушкахъ,
И, кажись, гостыца была у насъ принимаема,
265. И соболина-кунья шубонька скидывана;
И по-часту брала въ любимо я гостыбище,
И почитала тебя, бѣлую лебѣдушку,
И, кажись, честь да было мѣсто во большомъ углу.
И нонь не знаю я, печальная головушка,
270. И недовольна чѣмъ же, бѣла ты лебѣдушка;
И не заѣхала въ любимо во гостыбище,
И хоть на мало бы одно ко мни обнощнице,
И хоть бы на-одну на темну ко мни ноченьку.
И какъ на этой на уречной на недѣлюшкѣ,
275. И у меня да у печальной у головушки,
И каждый день было, сестрича, заготовленось;
И сожидаячи любиму тебя гостыцу,
И съ дорогой тебя безцѣнной вольной волюшкой,
И почащешеньку, горюша, выбѣгала,
280. И на переноемъ крылечикѣ стояла,
И приглядѣла ясны очи во чисто поле,
И я на эту путь широкую дороженьку,
И я за эти горы да за высокіи,
И я за темныи за лѣсушка дремучии;
285. И сожидаячи сестрицу сдвуродимую,
И поросплачусь на крылечикѣ переноемъ;
И со обиды брошусь въ свѣтлую я свѣтлицу,
И со досады во косѣвчато окошечко,
И я подь эту стекольчату околенку;
290. И вопотай ручѹ, горюша, горючи слезы,
И што не видлы богоданы бы родители,
И не замѣтила надежна бы головушка;
И ужь я всячески умомъ да посмѣкаю,
И во всѣ стороны вѣдь мысли разбѣгаются;
295. И тутъ раздумаюсь печальнымъ умомъ-разумомъ:
И по деревни ли робята не забѣгаютъ ли,
И не увидятъ ли въ чистомъ да полѣ кѹревки,

- И не услышатъ ли унылыхъ колокольчиковъ,
 И не поѹстуютъ ли жалкихъ оны писенокъ,
 300. И не подъидетъ ли косата ко мни ласточка,
 И моя любушка сестрица сдвуродимая.
 И мои думушки теперь, видно, несчастныи,
 И мои мысли, знать, теперь да не таланныи.
 И на вѣкъ привела ты, бѣлая лебедушка,
 305. И мнѣ укоръ да на ретливое сердечушко,
 И мнѣ присловьице во бладую головушку,
 И мнѣ отъ милоей любимой семеюшки.
 И говорить стануть печальной мнѣ головушкѣ:
 «И не въ почетѣ на родимой ты на родинкѣ,
 310. «И ты у спадлива желаннаго у дядюшки.

- И ты послушай, свѣтъ-сестрича сдвуродимая,
 И подневольная душа да красна дѣвушка:
 И соберетса много роду-много племени,
 И сорокъ тетушекъ, голубушко, добротушекъ,
 315. И пятьдесятъ сестрицъ къ теби да сдвуродимыхъ,
 И шестьдесятъ братьевъ да ясныхъ буде соколовъ;
 И сбережемъ, може, безцѣнну, твою волюшку,
 И отъ остудничка блада сына отечскаго,
 И отъ остудушки отъ чужой отъ сторонушки.

Невѣста:

- И спасетъ Богъ тебя, сестрича сдвуродимая,
 И на умильныхъ прелестныхъ словечушкахъ!
 И розказала мнѣ невольной красной дѣвицѣ,
 И про остудушку про чужу про сторонушку;
 5. И мнѣ-ка придала ума-разума въ головушку.
 И столько гнѣвъ несу, сестрича сдвуродимая:
 И хотъ ты вѣхала путь-широкой дороженькой,
 И увидала хотъ ты волю мою волюшку,
 И не могла имать во бѣлы свои рученьки,
 10. И ко мнѣ привести къ невольной красной дѣвушкѣ,
 И положить да мнѣ на бладу на головушку,
 И штобы дѣвушкѣ-минѣ полковатися,
 И штобы волюшкѣ моей покрасоватися.
 И все я думала невольнымъ своимъ разумомъ,

15. И объ тебѣ жъ, моя сестрича сдвуродимая,
И сожидала съ пути широкой дороженьки,
И я со радостью тебя да со весельцемъ;
И хоть дѣждалась сестрицы, поросплакалась,
И острастила меня бѣлую лебѣдушку,
20. И испугала мое бѣдное сердечушко.
И ты бы звѣла хоть тамъ волюшку мою волюшку,
И ты бы въ свой да домъ крестьянскую во жирушку,
И дорогой милой бесѣдницей воскресной;
И сберегла бы ты безцѣнну мою волюшку,
25. И отъ остудничка блада сына отечскаго,
И ты отъ этого розказа свата бѣльшаго.
И нонѣ не знаю, дочь-невольница, не вѣдаю:
И куды волюшка моя теперъ дѣвается,
И въ кою сторону, бажона, приукрылася.

Къ брату—непѣта:

- И мнѣ-ка стать было невольной красной дѣвушкѣ,
И мнѣ на рѣзвыи вѣдъ стать да свои ноженьки,
И мнѣ пройти да во почѣстной во большой уголь,
И -повзыскать свою скачоную жемчужинку,
5. И однокровнаго мнѣ братца все родимаго.
И я увидѣла, невольна, приобѣзрѣла:
И хоть сидитъ да братецъ-красно мое солнышко,
И хотя жъ на-этой брусовой бѣлой лавочкѣ,
И подъ милымъ косѣвчатымъ окошечкомъ,
10. И онъ оперши правой рѣкой о дубовой столъ.
И поглядите многи дѣбры столько людюшки:
И не быстра эта рѣчка разливается,
И мой вѣдъ свѣтушко слезама обливается;
И въ чистомъ полѣ не береза розшталася,
15. И да мой братецъ все головушкой покачивать,
И онъ завивныма кудеркама потряхиваетъ;
И сожаліетъ меня, бѣлую лебѣдушку,
И дорогу мою безцѣнну волюшку волюшку.
И я паду-клонюсь скачоной жемчужинкѣ,
20. И паду клубышкомъ во рѣзвыи во ноженьки,
И покорюсь да свѣтушкѣ братцу родимому:
«И ты послушай, тепло-красно мое солнышко,

- «И ты свѣща, да братецъ мой то, не топлѣная,
 «И ты верба, да братецъ мой-то, золочная.
 25. «И какъ послѣ меня невольной красной дѣвушки,
 «И послѣ моего дѣвочьего живленьца,
 «И тамъ повытають снѣжечки со чиста поля,
 «И повынесе ледочки со синя моря,
 «И наступать стане крестьянская роботушка;
 30. «И да ты пойдешь, мое красно столько солнышко,
 «И ты на трудну, мой вѣдь свѣтъ, да на роботушку,
 «И по полямъ пойдешь, мой свѣтъ, да хлѣбороднымъ,
 И ты по этымъ лугамъ да сѣнокоснымъ;
 И не забудь да братецъ, красно мое солнышко,
 35. И ты вспомни да тамъ бѣлую лебедушку,
 И ты не выложи съ ретливаго сердечушка,
 И какъ ходила я невольна красна дѣвушка,
 И мы роботали крестьянскую роботушку,
 И мы за шуточку со братцемъ со родимымъ,
 40. И за веселье со скачоной жемчужинкой.

- И еще слушай, братецъ—красно мое солнышко:
 И ты пойдешь какъ за сине за Онегушко,
 И ты во этой мало-гребной во лѣточѣ,
 И ты во славны острова да рыболовны,
 45. И ты ловить да тамъ пойдешь свѣжей рыбоньки;
 И воспомянь-ко меня, бѣлую лебедушку,
 И ты на этой на зори хоть на вечерной;
 И какъ мы издили по синему Онегушку,
 И за уловной съ тобой да свѣжей рыбонькой,
 50. И тиха тишинка на широкой на уличѣ,
 И благодать когда на синемъ на Онегушкѣ,
 И мы отидемъ какъ отъ крута красна бережка,
 И запоемъ да звонь-унылы жалки пѣсенки;
 И звонкой голосокъ какъ слышенъ по чисту полю
 55. И умилныи словечка—во темны лѣса,
 И тутъ услышать многи добры эти людюшки,
 И спроговорятъ спорядныи сусѣдушки:
 И это изо ста теперичко изъ тысящи
 «И на желанье свѣтушко братецъ родимой,
 60. «И на совѣтъ да есь сестрицѣ онъ любимой;

«И они писенки вѣдь е да воспѣвають,
 «И они съ ду-другомъ вѣдь тамъ да звеселяются».
 И не прибрать такой скачоной жемчужинки
 И мнѣ не по-уму, мой свѣтушко, по разуму

65. И на шутливыи веселы разговорущки.

И ты послушай, тепло-красно мое солнышко:
 И намъ не долго съ тобой, свѣтъ, да ликоватися,
 И мнѣ не годъ съ тобой со братцемъ красоватися.
 И ты послушай, свѣтъ-скачоная жемчужинка:

70. И буде Богъ судить невольной мнѣ головушкѣ,
 И столько быть да мнѣ на чужей на сторонушкѣ,
 И за остудникомъ бладымъ сыномъ отеческимъ,
 И буде въ Божью да церковь буду свѣжена,
 И я попомъ отцемъ духовнымъ обвѣчана;

75. И на остудушкѣ на чужей на сторонушкѣ
 И столько нѣ-въ своей вѣдь вольной буду волюшкѣ,
 И подъ началомъ у блада сына отечскаго,
 И я прошу да тебя, красное мое солнышко,
 И я корюсь да при сусѣдахъ спорядовныхъ,

80. И при твоихъ милыхъ любезныхъ поровѣчникахъ,
 И засмотри-жь меня на чужей на сторонушкѣ,
 И приидь гдстюшкомъ, мой свѣтушко, любимымъ
 И хоть по этой по разливной весны красной,
 И ты на этой ступистой лошадушкѣ,

85. И на сѣделышкѣ, мой свѣтъ, да на черкасскомъ.
 И я прошу, дѣчи-неводьна-красна дѣвушка,
 И за твое прошу великое желаньице..

И я еще скажу-скачоной жемчужинкѣ,
 И столько нѣ-вѣсто мнѣ, свѣтъ, да не вѣстѣшенько:

90. И мнѣ-ка будетъ ли то вольная тамъ волюшка,
 И мнѣ-ка стритить на крылечикѣ переноемъ,
 И подхватить тебя подъ праву, свѣтъ, подъ рученьку,
 И съ пути сдять съ тобой доброе здорovieце,
 И какъ принасть къ твоимъ устамъ да ко сахарнимъ,

95. И прижать братца мнѣ, невольной, къ ретливу сердцу,
 И прилагать личе ко бѣлому ко личушку,
 И все погладить по бурлацкой по головушкѣ,
 И по завивнымъ молодецкимъ кудерушкамъ.

- И хоть увижу я, печальная головушка,
 100. И отдали да во восѣвчато окошечко,
 И тебя ѣдучи хоть чистымъ-то полюшкоемъ,
 И почтовой ямской широкой дороженькой;
 И признаю да я кручинная головушка,
 И по ступистой тебя да я лошадушкѣ,
 105. И я по цвѣтному вѣдь, братца то, по платьицу,
 И я по бѣлому его да все по личушку.
 И подѣвзгать станешь, скачоная жемчужинка,
 И сговорю, бѣдна-невольна, по-тихошеньку:
 «И слава Богу-то теперь да слава Господу,
 110. «И слава Вышнему теперича Святителю!
 «И кон вѣтрышки теперечко завіяли,
 «Да съ подлѣтней ли оны да съ подъ сторонушки:
 «И віе витерь-то вѣдь нонь да полуночной,
 «И иде свѣтушкѣ-то братецъ ко мнѣ рѣдной.
 115. И ужъ я тутъ-то, подневольна красна дѣвушка,
 И по дубовому полу стану похаживать,
 И съ угла въ уголокъ, невольница, поглядывать,
 И я посматривать тутъ, бѣлая лебедушка,
 И я на эту богодану свою матушку;
 120. И стану ласково, невольна, проговаривать,
 И стану плеточкой, невольна, обвиватися,
 И кругъ я этой богоданой своей матушки;
 И доложусь, да подневольна красна дѣвушка:
 «И ты дозвожь же, богодана моя матушка,
 125. «И мнѣ-ка вытти на крылечико перѣное,
 «И стритить гостюшка, печальной мнѣ головушкѣ,
 «И мнѣ-ка мила свѣтушкѣ братца родимаго.
 И ужъ какъ эта богодана стрѣга матушка,
 И съ угла въ уголокъ-то стане пережживать,
 130. И не малымъ глазомъ, злодѣйка, тутъ поглядывать,
 И стане громко, лиходѣйка, приговаривать:
 — И што за гостюшки у ты часто любимы,
 — И наѣвзгаютъ часто братица родимы;
 — И оны придуть на крылечко безъ стрѣтаньица,
 135. И у меня жъ да у печальной у головушки,
 И тутъ закатится катушей бѣлой камешекъ,
 И на моемъ да тутъ печальномъ ретливомъ сердцѣ,
 И все на зяблоей моей да на утробушкѣ.

- И не поставь да во гнѣвъ, красно столько солнышко,
 140. И ты взойди да на крылечико перѣное,
 И безъ стрѣтаньца въ хоромное строеньице;
 И ты подбери меня, бѣлую лебедушку,
 И взвесели мое ретливое сердечушко.
- И еще слушай, свѣтъ скачоная жемчужинка:
 145. И не посмію хоть, печальная головушка,
 И тебя прѣвести во свѣтлу тамъ въ свѣтлицу,
 И какъ во эту столону нову горенку,
 И посадить да за столы тебя дубовыи,
 И я на стульица тебя да на кленовыи;
 150. И нѣту волюшки, невольной мнѣ головушкѣ,
 И наливать да самовары все шумячіи,
 И тебя честовать, скачоная жемчужинка;
 И станешь по—избы, мой свѣтушко, похаживать,
 И на родну сестру, мой свѣтушко, поглядывать.
 155. И я вѣдь брошусь тутъ, печальная головушка,
 И со обиды къ богоданой еще матушкѣ,
 И со печали ко вѣтлянымъ нештушкамъ:
 «И вы послушайте, вѣтляны свѣтъ—нештушки,
 «И сами по—себи вѣдь вы да разуміте-тко,
 160. «И да какъ милы свѣтушки братцы родимыи».
 — И какъ любимѣе вѣдь нѣтъ того на семь свѣтѣ,
 — И ужъ какъ этыхъ дорогихъ да милыхъ гостюшекъ,
 И пріотвитила вѣтляная нештушка,
 И пріобидила ретливое сердечушко,
 165. И у меня да все у бѣлой у лебедушки.
 И ужъ какъ я да тутъ, печальная головушка,
 И точно бѣлочка на братца какъ поглядала,
 И я умильно свѣтушка да уласкала:
 «И уже скинь да свое цвѣтное ты платьице,
 170. «И ты садись да на бусовую на лавочку;
 «И мы дождемся большаковъ да настоятелей,
 «И мы со трудной крестьянской со роботушки.
 И говорить станешь, скачоная жемчужинка,
 И мнѣ ласковыма прелестныма словечушкамъ:
 175. — И не заботься-тко, сестра, не безпокойся-тко,
 — И я не голодень пріѣхаль и не холодень;
 — И мимо ѣхать-то вѣдь мнѣ да не хотѣлося,

- И вазнобить твое ретливое сердечушко;
 — И призаѣхаль хоть къ сестрицѣ я родимой,
 180. — И повидать да тебя бѣлую лебедушку,
 — И посмотришь тебя во ясныи во очушки,
 — И про здоровьице, сестричужко, спровѣдать;
 — И говорили мни желанныи родители:
 — «И ты заидь, наше сердечно мило дитятко,
 185. — И погостить да ко сестрицѣ ко родимой
 — И засмотрить да е на чужей на сторонушкѣ.

- И поскорѣшенько, мой свѣтъ, да отправляется,
 И со гвозди да беретъ шляпоньку пуховую,
 И онъ со стопочки вѣдь плеточку шелковую;
 190. И ужъ онъ крестъ да клалъ, мой свѣтъ, тутъ по писаному
 И онъ доклонъ да вель, мой свѣтъ-то по учоному;
 И говорилъ да братецъ—красно мое солнышко,
 И моимъ милымъ богоданнымъ родителямъ:
 «И спасеть Богъ да вамъ, любимы миль сроднички
 195. «И на сердечноемъ да вашемъ угощеньицѣ.
 И у меня жъ тутъ у печальной у головушки,
 И у мня сходится тоска да въ ретливомъ сердцѣ
 И все кручинушка на заблой на утробушкѣ;
 И говорить стану, печальна я головушка,
 200. «И ты не гнѣвайся, скачоная жемчужинка,
 «И заходи да братецъ красно мое солнышко,
 «И не гля хлѣба, ты мой свѣтъ, да найданьца
 «И гля сердечнаго любима повиданьца.

- И хоть ты съидешь ко желаннымъ родителямъ,
 205. И не груби свою родитель рѣдну матушку,
 И не обидь ейно ретливое сердечушко,
 И не зноби да ейной зиблой утробушки;
 И не кручинь да ей пристаршей головушки;
 И ты собой покрась, скачоная жемчужинка,
 210. И порозхвастайся при добрыхъ тамъ людюшкахъ:
 «И што побываль я у сестрици у родимой,
 «И честно приняла сестрича-свѣтъ любимая;
 «И меня стритила на широкой на уличкѣ,
 «И на крылечушкѣ она да на переноемъ;
 215. «И крѣпко прижала къ ретливому сердечушку,

- <И меня гдстюшкомъ любимымъ называла
 <И свѣтушкомъ братцемъ она да величала;
 <И подхватила тутъ подь праву меня рученьку,
 <И провела меня во свѣтлую во свѣтлицу,
 220. <И съ меня цвѣтно она платице снимала;
 <И она добраго коня жь да разсѣдала
 <И на спокойну она ночь да унимала>.

- И ужь какъ ты, да свѣтъ-скачоная жемчужинка,
 И хоть поѣдешь отъ невольной головоушки,
 225. И ты отъ нашего крылечика перѣнаго;
 И хотя жь сядешь на сѣделышко черкасское,
 И ты на эту на ступистую лошадушку.
 И съ кудерьь соймешь свою шляпоньку пуховую,
 230. И ужь ты вынешь-то платочикъ левантеровый;
 И ты пойдешь чистымъ полемъ по тихошеньку,
 И приклонишь да ты головоушку низешеньку,
 И будешь горькии-то слезы проливать,
 И левантеровымъ платочкомъ подтирать,
 235. И сговоришь къ себѣ, побѣдной, таково слово:
 <И побывалъ я у сестрици у родимой,
 <И на кленовыхъ на стульицахъ не сѣживалъ;
 <И меня любушка-сестрица принимала,
 <И все горячима слезама угощала.
 240. И не сердись на то, скачоная жемчужинка,
 И на меня жь да подневольну красну дѣвушку,
 И заѣзжай-того, скачоная жемчужинка;
 И може, времечко вѣдь е да призмѣнится,
 И у свиряпой богодавой, може, матушки
 245. И умъ-тотъ-разумъ во головкѣ уставится.

- И простою да на крылечикѣ переноемъ,
 И прогляжу, бѣдна, за чистое за полюшко,
 И я на свѣтушка на братца на родимаго;
 И столько глядячи, на красно тебя солнышко,
 250. И приобдмретъ тутъ ретливое сердечушко,
 И у мя прдлются тутъ слезы со ясныхъ очей:
 <И ты не пьянъ да на добромъ конѣ шатаешься,
 <И сожаліешь меня бѣлую лебедушку>.

- И спамятую свою вольную я волюшку,
 255. И проклану свою великое безумице,
 И столько эту судимую сторонушку:
 <И буди проклята остуда-чужа строна,
 <И ты судьба жь моя, невольници, несчастная,
 И ты замужьцо мое жь да не таланное!
 260. И не въ любви у богоданныхъ я родителей,
 И не въ чести да у вѣтляныхъ нештушекъ
 И я не въ похвалы у братцовъ богоданныхъ!
 И мнѣ роботушкой добротушки-то нѣ-нажить,
 И послушаньемъ желанья отъ нихъ нѣ-видать;
 265. И на моемъ да на безсчастномъ ретливомъ сердцѣ
 И застудитъ да вдругъ холодна-студена зима.

- И столько умной свѣтушко-братецъ родимой,
 И говорить стане печальной мнѣ головушкѣ:
 <И ты послушай же, сестрица, свѣтъ родимая,
 270. <И не впадись въ тоску великую кручинушку,
 <И ты не впадайся въ злодѣйную тоскичушку;
 <И ты просись у богоданныхъ родителей,
 <И ты гостить да на родиму свою родинку,
 <И ты съ остудникомъ гостить да со бладымъ сыномъ;
 275. <И на гостибище родитель есть вѣдь батюшко,
 <И на привѣтъ да е желанна родна матушка,
 <И на стрѣтаньце вѣдь братецъ е родимой>.

- И я еще, да подневольна красна дѣвушка,
 И поклоню свою побѣдную головушку,
 280. И я ко свѣтушку ко братцу ко родимому,
 И за его да я сердечное желаньице;
 И захвачу братца за рѣзвыи за ноженки,
 И оболю да я сапоженки козловы
 И все дѣвочьима слезама-то горючима.
 285. И кабы знали вы народъ да люди добрыи,
 И што вѣдь діется въ ретливомъ сердечушкѣ,
 И у меня жь да нонь у бѣлой у лебедушки;
 И жаль-тошнешенько со братцемъ порозстатися,
 И съ злымъ неволицемъ, побѣдной, спознаватися.
 290. И поглядите-тко, народъ до люди добрыи!
 И на мою да вы скачоную жемчужинку:

И онъ до рѣзвыхъ-то ногъ не допускаетъ,
 И онъ плотнешенько къ сердечку прижимаетъ;
 И онъ вѣдь гладить молодецкима-то ручкама
 295. И по дѣвчѣй меня бладой по головушкѣ,
 И по русой да мелко-прятной меня косынкѣ;
 И слезно плачетъ-то, мой свѣтъ, да какъ рѣка бѣжитъ,
 И возрыдае-то, мой свѣтъ, да какъ порогъ шумить.

И спамяту, подневольна красна дѣвушка,
 300. И велико жъ было желанье—красна солнышка:
 И ублаждалъ да меня бѣлую лебедушку,
 И украшалъ мою безцѣнну волю вольную;
 И унималъ да онъ побѣдну уговаривалъ:
 <И не тужи, да наша бѣлая лебедушка,
 305. <И не судячь да на желанныхъ родителей,
 <И ты на свѣтушка на братца на родимаго;
 <И мы вѣдь волюшки твоей да не неволили,
 <И мы вѣдь дѣвушку тебя да не заботили.
 И онъ ласкалъ да вѣдь сдвольной бѣлой свѣтушко:

310. <И посиди да ты во красныхъ во дѣвушкахъ,
 <И во своей да во бажоной дорогой волѣ;
 <И не наскучила вѣдь бѣлая лебедушка;
 <И я катать буду на саночкахъ дубовыхъ
 <И я на добрыхъ коняхъ да сторублевыхъ;
 315. <И мы одѣнемся во цвѣтно съ тобой платьице,
 <И мы поидемъ по прогульной этой улицѣ;
 <И свѣтъ родители на насъ да налюбуются,
 <И со сторонъ да добры люди надивуются.

И глупо сдѣлала, невольна красна дѣвушка,
 320. И не послушала скачоной жемчужинки;
 И сама волюшку свою да поневолила,
 И я сама себя въ заботу обзаботила.
 И ты послушай, братецъ красно мое солнышко:
 И буде, завтрешнимъ Господнимъ Божиимъ денечкомъ,

325. И на прогулушкѣ на широкой на уличкѣ,
 И будутъ добрыи-то людюшки съѣзжаться,
 И будутъ красныи дѣвици собиратися,
 И ты пойдешь, со мной скачоная жемчужинка,
 И погулять да ты, мой свѣтъ-то, во зелѣной садъ;
 330. И сбереги да мою волю тамъ безцѣнную,

И ты по прежнему, мой свѣтъ, да по досюльному.
И какъ до этой поры да было времечки,
И была стѣнушка по воли городова,
И заборонушка отъ буйнаго отъ сивѣра;
335. **И** какъ жила да я во красныхъ во дѣвушкахъ,
И мы ходили по гульбищамъ по прокладбищамъ,
И черны вороны меня да не оградили,
И со деревень-то собаки не облаяли,
И мала птиченька про меня да не щебѣрнула.

VI.

СВАДЕВНЫЙ ДЕНЬ.

Мать будить невесту:

- Вы не скрываете-тко, пожалуста,
Да вы пятелки булатни!
И ты не хломни дверь дубовая,
По порогу гряновитому,
5. И по стоечкамъ дубовымъ!
И ты не гнись тяга лужоная!
Мнѣ пройти къ дитю бажоному!
И мнѣ пройти было, побѣднушкѣ,
И мнѣ, печальной родной матушкѣ,
10. И мнѣ во свѣтлую во свѣтлицу,
И во столову жъ нову горенку,
И во теплу въ эту во спальенку,
И ко тесовой ко кроваточкѣ.
И пройду мать, бѣдна печальная,
15. И ко пуховой я перинушкѣ,
И сотворю жъ, бѣдна горюшица,
И я Ісусову молитовку,
И я велико благословленьице.
И приотдвину жъ я, побѣднушка,
20. И эту сѣтцевую занавѣсъ,
И я на пѣтелкахъ шелковыхъ,
И я на грядочкѣ луженой:
Погляжу жъ, бѣдна горюшица,

III.

МАТЕРИАЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

нихъ, именно Стиракса, полонила и отослала въ оковахъ къ царю въ царю въ Константинополь, а другаго, Глониса, убила на сраженіи. Такимъ образомъ сдѣлалась она союзницей и другомъ царю Юстиніану.

Въ томъ же году царь Гунновъ, обратившихъ близъ Воспора, Гордасть, присоединилъ къ императору, сдѣлался Христіаниномъ и просвѣтился, а императоръ принялъ его, осыпалъ большими дарами и отправилъ въ собственную его страну охранять Римскіе предѣлы и городъ Воспоръ, названный такъ по тому, что Гунны ежегодно платили Римлянамъ дань, вмѣсто денегъ, быками. Юстиніанъ отправилъ туда же и трибуновъ для охраненія этого города и собиранія положенной дани съ Гунновъ. Царь Гунновъ, сдѣлавшійся Христіаниномъ, возвратясь въ свою землю, пришелъ къ брату своему, рассказалъ ему о любви императора и щедрости его, равно какъ и о томъ, что онъ крестился. Онъ собралъ истуканы, которымъ Гунны поклонялись и перелилъ ихъ, потому что они были серебряныя и янтарныя. Гунны разсердились и сговорившись съ братомъ его, убили его, а на его мѣсто поставили царемъ брата его, Муагера. Боясь, чтобы Римляне не взыскали за него, вдругъ напали на городъ Воспоръ и убили трибуна въ немъ Далматія съ войнами его. Услышавъ о семъ, императоръ отправилъ туда консула Іоанна, внука Іоанна Скиеа, сына патриція Руфина, съ значительнымъ вспомогательнымъ войскомъ изъ Скивовъ, къ которому присоединились вожди: Годилла изъ Одиссополя и Вадурій. Гунны, узнавъ о томъ, бѣжали и исчезли; такимъ образомъ въ Воспорѣ воцарился миръ, и Римляне управляли имъ уже безъ всякой опасности. Между тѣмъ Юстиніанъ уничтожилъ всѣ еретическія церкви и отдалъ оныя Православнымъ, исключая Аріянь Екскіонійскихъ. Царь обнародовалъ Уложеніе объ епископахъ, сиропитателяхъ, экономахъ и страннопріимцахъ, чтобы они не дѣлали болѣе духовныхъ завѣщаній, довольствуясь тѣмъ, чѣмъ владѣли до вступленія въ сію должность, равно какъ принявши посвященіе, не имѣли бы права располагать своею собственностію, которая вся принадлежала бы святому мѣсту. Этотъ же императоръ достроилъ общественную баню въ Дагисоеи, которую началъ еще Анастасій; также устроилъ большое водохранилище посреди двора Базилики Илла.

л. м. 6021, р. х. 521.

Въ семъ году императоръ жестоко наказалъ Исаію, епископа Родесскаго, и Александра, епископа Діоспольскаго во Фракіи, обвиненныхъ въ мужеложствѣ, именно: низложивши ихъ, велѣлъ отсѣчь имъ

дѣтородные уды, водить по городу и кричать глашатаю: «Вы, епископы, не безчестите своего сана!» Кромѣ того издалъ строгіе законы противъ распутныхъ, изъ коихъ многіе были казнены. Всюду воцарились глубокой страхъ и безопасность Императоръ собралъ всѣ древніе законы въ одну книгу, озаглавивъ такъ: «Новыя постановленія»; и повелѣлъ, чтобы правители въ мѣстахъ своего управленія не покупали никакихъ имѣній, не строили домовъ и не получали наслѣдствъ послѣ чужихъ, но только отъ однихъ ближнихъ родственниковъ.

Въ томъ же году, ноября 29, въ третьемъ часу дня, индикціона седьмого, спустя два года послѣ перваго бѣдствія, великая Антіохія снода испытала на себѣ гнѣвъ Божій, именно: ужасное землетрясеніе продолжалось цѣлый часъ, и съ небесъ слышанъ былъ страшный ревъ, отчего всѣ, вновь выстроенныя, зданія и стѣны рушились до основанія, равно какъ и уцѣлѣвшія отъ перваго землетрясенія, теперь пали. Все великолѣпное города, которое возвращено было щедротами царя и собственнымъ иждивеніемъ обитателей, уничтожено. Услышавъ объ этомъ бѣдствіи сосѣдственные города молились Господу съ великимъ сокрушеніемъ сердца. Во время сего бѣдствія погибли четыре тысячи восемьсотъ семьдесятъ человекъ, а оставшіеся бѣжали въ другіе города и горы, въ которыхъ жили въ шалашахъ. Къ этому присоединилась большая и суровая зима. Уцѣлѣвшіе возносили крестныя моленія со слезами, и босые повергаясь на снѣгъ, восклицали: «Господи помилуй!» Въ это время одному благочестивому человеку открыто было во снѣ, чтобы оставшіеся въ живыхъ всѣ написали надъ дверями своими: «Христосъ съ нами, стойте!» Лишь только они это сдѣлали, тотъ же часъ гнѣвъ Божій прекратился. Опять царь и царица пожертвовали огромное множество денегъ на возобновленіе и постройку города Антіохіи, который переименованъ былъ при семъ въ Феополь (градъ Божій). 21-го марта, индикціона седьмого, Аламундаръ Зекикисъ, царекъ Сарацынскій, вторгнулся въ предѣлы имперіи и опустошилъ первую Сирію до самыхъ предѣловъ Антіохійскихъ, именно по, такъ называемый, Литаргъ и владѣнія Скафавовъ. Онъ совершилъ много убійствъ, сжегъ предмѣстія Халкидона, помѣстье Сермію и весь заповѣдный (охотничій) край. Узнавъ объ этомъ, Римскіе экзархи вышли противъ него. Сарацыны и Персы слыша это, захватили добычу и плѣнныхъ и бѣжали черезъ внутренній рубежъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, того же 7-го индикціона, подоспѣло вспомогательное войско, посланное императоромъ сухимъ путемъ

изъ Фригіи, которую зовутъ Ликокранитской. Варъ отозвалъ патриція Ипатія, сына Секундинова, и назначилъ предводителемъ Восточныхъ полковъ Велизарія. 12-го мая прибылъ въ Антиохію магистръ Гермогенъ, мужъ разумный, котораго императоръ Юстиніанъ отправилъ посломъ къ Персидскому царю для заключенія мира. Въ мѣсяцъ іюнѣ Самаритяне и Іудеи въ Палестинѣ вѣнчали царскимъ вѣнцемъ какого-то Юліана. Они, поднявши оружіе противъ Христіанъ, грабили, убивали и производили пожары. Богъ предалъ ихъ въ руки Юстиніана. Они, поднявши оружіе противъ Христіанъ, грабили, убивали и производили пожары. Богъ предалъ ихъ въ руки Юстиніана, который истребилъ всѣхъ ихъ, а возмутителя Юліана обезглавилъ. Хозрой принялъ магистра Гермоаген, посланнаго съ дарами и предложениемъ о мирѣ, а въ іюлѣ мѣсяцѣ, 7-го индиктіона, взялъ и самые дары, но мира не заключилъ, потому что Самаритяне, бѣжавшіе къ нему, отклонили его, обѣщаясь предать ему всю страну свою и Палестину, и увѣряя, что они располагаютъ пятьюдесятью тысячъ войска, изъ Іудеевъ и Самаритянъ состоящаго. Цолагаясь на нихъ, Хозрой не принялъ мира, собирався, при помощи ихъ, взять самый Іерусалимъ, въ которомъ хранилось безчисленное множество золота и драгоценныхъ каменевъ. Предлогомъ къ отказу послужили ему рудники въ Арменскихъ горахъ, которые доставляли прежде и Римлянамъ и Персамъ по таланту, теперя же пользовались ими одни Римляне. Въ посланіи своемъ къ Юстиніану упоминалъ онъ еще и о другихъ нѣкоторыхъ предметахъ. Оказалось потомъ, что все это произвели Самаритяне, а потому на возвратномъ пути ихъ изъ Персіи остановили ихъ въ Амидіѣ. Между ними находилось пятеро знаменитѣйшихъ и богатыхъ мужей; они отданы были Велизарію и на допросѣ во всемъ признались ему.

Въ томъ же году дукъ Палестины поссорился съ однимъ начальникомъ Сарацынъ, подвластныхъ Риму. Этотъ начальникъ, боясь его, отступилъ во внутренніе предѣлы. Провѣдавъ о томъ, Аламундаръ сдѣлалъ нападеніе, схватилъ его и убилъ, а женъ и дѣтей его полонилъ и возвратился назадъ. Когда вѣсть о томъ дошла до Дуковъ Финикійскихъ, Аравійскихъ и Месопотамскихъ, равно какъ и самаго начальника племени, то они погнались за нимъ; Аламундаръ скрылся отъ нихъ въ предѣлы Индіи, въ которые еще никто изъ Римлянъ не проникалъ. Они захватили его палатки и отвели въ плѣнъ множество Сарацынъ, мужей, женъ и дѣтей, а Римлянъ, въ плѣну томившихся, освободили, взяли верблюдовъ, овецъ, воловъ, много шел-

ку и всякихъ одеждъ, сожгли четыре Персидскія крѣпости и возвратились домой съ великою побѣдою.

Въ томъ же году, 8-го индиктіона, императоръ Юстиніанъ подъялъ великое гоненіе на Еллиновъ и всякую ересь, при чемъ имущество ихъ велѣлъ отбирать въ казну. Тогда же обвинили докладчика Македонія и намѣстника Асклиподота, изъ коихъ послѣдній изъ страха обратился къ истинной вѣрѣ и затѣмъ умеръ. Сверхъ того взяты были Иліополецъ Пигасій съ дѣтьми его, и на пути допрашиванъ патрицій Оока, сынъ Кратеровъ, квесторъ Оома и другіе, что навело большой страхъ на всѣхъ. Царь издалъ повелѣніе, чтобы Еллинуствующихъ не допускать въ государственную службу, ни Еретиковъ, но однихъ только Православныхъ Христіанъ; первымъ дана была отерочка для размышленія на три мѣсяца. Въ мартѣ, 8-го индиктіона, прибыли въ Антиохію посланные въ Персію, консулъ и магистръ Гермогенъ, и военачальникъ и патрицій Руфинъ. Пришедши въ Дарасъ, они дали знать о себѣ Персидскому царю, чтобы онъ принялъ ихъ. Между тѣмъ какъ они жили въ Дарасѣ, гдѣ не далеко отъ города имѣлъ свой станъ и военачальникъ Востока, Велизарій, равно и прочіе начльники Римскіе, Миранъ, главный предводитель Персидскаго войска, съ царскимъ сыномъ и прочими полководцами Персидскими, стянувши въ Нисивисъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ, 8-го индиктіона, большія силы, напали на нихъ тремя разными отрядами. Римскіе вожди, предупрежденные о томъ, устремились, вмѣстѣ съ магистромъ, въ прекрасномъ порядкѣ противъ Персовъ, и произошла большая битва и страшное пораженіе. Римляне перерубили и уничтожили Персовъ, и взяли главное ихъ снамя. Миранъ, царскій сынъ и еще немногіе спаслись бѣгствомъ въ Нисивисъ. Римляне одержали великую побѣду. Извѣстясь о томъ, Персидскій царь велѣлъ явиться къ себѣ одному лишь патрицію Руфину съ комитомъ Александромъ. Представши передъ него въ августѣ мѣсяцѣ, они долго совѣщались съ нимъ, и наконецъ, постановивши мирныя условія, воротились спокойно къ себѣ.

л. м. 6023, р. х. 523.

Первый годъ епископства Бонифатія въ Римѣ.

Въ семь году явилась, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, 9-го индиктіона, на западѣ великая и страшная звѣзда, именно комета, которой яркіе лучи обращены были вверхъ, и потому называли ее Лампадіей; она

видима была цѣлыхъ двадцать дней. Тогда же происходило повсемѣстное безпокойство между разными народными сторонами, приведшее къ убійствамъ. Въ исходѣ ноября розвратился къ императору Юстиніану патрицій Руфанъ изъ своего посольства въ Персію съ мирнымъ договоромъ. Юстиніанъ принялъ извѣстіе о заключеніи мира съ великою радостію, одобрилъ всѣ статьи договора, и такимъ образомъ оба государства снова стали наслаждаться спокойствіемъ.

л. м. 6024, р. х. 524.

Въ семь году, уже пятомъ царствованія Юстиніана, въ генварѣ мѣсяцѣ, 10-го индиктіона, произошло народное возмущеніе, названное: «Побѣждай!» Въ немъ вѣнчанъ былъ царскимъ вѣнцомъ Ипатій, родственникъ императора Анастасія. Большая часть города сгорѣла; сгорѣла и великая церковь святыя Ирины, страннопріимный домъ Самсона, Августеумъ, колоннада Базилики и Халки. Всѣ были въ великомъ страхѣ, а находившіеся на, такъ называемомъ, конскомъ ристалищѣ съ Ипатіемъ, какъ говорятъ, до тридцати пяти тысячъ, всѣ до одного погибли. Этотъ заговоръ, названный «Побѣждай!» произошелъ такимъ образомъ.

Двѣ стороны сошлись на ристалищѣ, гдѣ *Зеленые* (Πράσινοι) кричали, что всему злу виной деревяшка (Καλοποδὶς), постельникъ и спаарій. *Зеленые*: Много лѣтъ, Юстиніанъ Августъ! Побѣждай! Насъ обижаютъ, единый благій, и мы не въ силахъ долѣе сносить, свѣдѣтель Богъ! Боимся назвать его, чтобъ онъ не поднялся еще выше, а намъ не пропасть бы. *Слѣдователь*: Кто онъ, не вѣдаю. *Зеленые*: Обидчикъ нашъ, триавгустѣйшій, находится въ сапожникахъ. *Слѣдователь*: Никто не обижаетъ насъ. Мати Божія, да не возобновитъ онъ снова обидъ своихъ! *Слѣдователь*: Кто бы онъ таковъ былъ, не вѣдаемъ. *Зеленые*: Ты одинъ, триавгустѣйшій, знаешь, кто мой нынѣ супостатъ. *Слѣдователь*: Рѣшительно не знаемъ, кто онъ таковъ. *Зеленые*: Καλοποδὶς спаарій, обидчикъ мой, владыко всѣхъ. *Слѣдователь*: Καλοποδὶς не вмѣшивается въ дѣла правленія. *Зеленые*: Кто бы онъ ни былъ, часть его будетъ съ Іудею. Богъ скоро воздастъ ему, супостату нашему. *Слѣдователь*: Вы сходитесь на зрѣлища только для того, чтобы оскорблять правительство. *Зеленые*: Какъ бы то ни было, а кто обижаетъ обижаетъ насъ, того часть будетъ съ Іудею. *Слѣдователь*: Молчать, Іудей, Манихеи, Самаряне! *Зеленые*: Ты поносишь насъ Іудеями и Самарянами. Мати Божія, буди со всѣми нами! *Слѣдователь*: Доколѣ вамъ навлекать на себя проклятія? *Зеленые*: Кто

не говорить, что государь православно вѣрить, да будетъ проклять, какъ Иуда! *Слѣдователь*: Я говорю, что вы крещаетесь во имя единого. Зеленые закричали наперерывъ другъ передъ другомъ: Какъ онъ сказалъ, такъ каждый и готовъ креститься во имя единого. *Слѣдователь*: Не шутя, если вы не уйметесь, всѣмъ велы снять головы. *Зеленые*: Каждый спѣшитъ захватить власть, чтобъ сберечь себя, и если мы, гонимые, что либо скажемъ, да не оскорбится тѣмъ власть твоя! Богъ всѣхъ терпитъ.... *Зеленые*: Имѣемъ основаніе, самодержецъ, называть все именеть своимъ; гдѣ онъ, мы не знаемъ. Не знакомы мы также, триавгустѣйшій, ни съ дворцомъ, ни съ положеніемъ государства. Всякій изъ насъ идетъ одной лишь дорожкой по городу и отдыхаетъ съ своимъ посохомъ; хоть же тутъ, триавгустѣйшій, не... *Слѣдователь*: Всякой свободный человѣкъ безопасно идетъ, куда хочетъ. *Зеленые*: Вѣримъ въ свободу свою, но проявлять ее не смѣемъ; и свободный человѣкъ по одному лишь подозрѣнію, не изъ Зеленыхъ ли онъ, безъ дальняго передъ всѣми обижается. *Слѣдователь*: Сорванцы! И вамъ не жаль своихъ душъ? *Зеленые*: Да пропадетъ это тѣло! Да замолчить правосудіе! Прикажи убивать! Пожалуй, наказывай насъ! Уже кровь готова течь ручьями; кого хочешь, наказывай! Поистинѣ, природа человѣческая не въ силахъ долѣе сносить того и другаго. Лучше бы Саввагію не родиться, чѣмъ имѣть сына убійцей. Вотъ и поутру, за городомъ, при Зевгмѣ произошло убійство, а ты, государь, хоть бы посмотрѣлъ на то! Было убійство и вечеромъ. *Голубые*: Убійцы всей этой стади только Ваши. *Зеленые*: А когда же вы не убиваете, и потомъ не бѣжите? *Голубые*: А вы убиваете и бунтуете; у васъ только убійцы стади. *Зеленые*: Государь Юстиніанъ! Сами они навязываются, и никто не убиваетъ ихъ. Всякъ про себя разумѣй! Кто убилъ при Зевгмѣ продавца дровъ, самодержецъ? *Слѣдователь*: Вы убили его. *Зеленые*: Кто убилъ сына Епагааа, самодержецъ? *Слѣдователь*: И его вы же убили, да и сваливаете то на Голубыхъ. *Зеленые*: Какъ разъ, какъ разъ! Господи помилуй! Истина насилуется. Сталобыть, можно утверждать, что и міръ не управляется Божиимъ промысломъ. Откуда такое зло? *Слѣдователь*. Богъ непричастенъ злу. *Зеленые*: Богъ непричастенъ злу? А кто же обижаетъ насъ? Пусть разтолкуетъ это мнѣ мудрецъ, либо отшельникъ! *Слѣдователь*: Богохульцы, Богоборцы, когда вы замолчите? *Зеленые*: Если угодно могуществу твоему, по неволѣ молчу, триавгустѣйшій; все, все знаю, но молчу. Прощай, правосудіе! ты уже безгласно. Перехожу въ другой станъ, сдѣлаюсь Иудеямъ. Вѣдаетъ Богъ! Лучше стать Еллиномъ, чѣмъ жить съ Голубыми. *Голубые*:

Что нелюбо, на то и глядѣть не хочу. *Зеленые*: Пусть откапют кости зрителей!—Послѣ того они удалились, оставивъ императора и Голубыхъ зрителями. Скоро потомъ нѣкоторые магистры подали поводъ къ народному смятенію слѣдующимъ образомъ: начальникъ города, захвативши твоихъ, возмущавшихъ народъ, приказалъ повѣсить ихъ; одинъ изъ нихъ въ тотъ же день умеръ, а двое сорвались съ висѣлины. Ихъ вторично повѣсили, и они тоже вторично упали Чернь, увидѣвши ихъ, закричала: «Въ церковь ихъ!» Монахи монастыря святаго Конона, услышавъ это, взяли ихъ и въ лодкѣ перевезли въ церковь святаго Лаврентія, которая пользовалась правомъ никого не выдавать изъ храма, пока не очистится преступленіе. Узнавъ объ этомъ, градоначальникъ послалъ воиновъ подстеречь ихъ; между тѣмъ чернь, услышавъ это, пришла въ домъ градоначальника и требовала, чтобы онъ удалилъ отъ церкви святаго Лаврентія военную стражу, но тотъ не далъ ей никакого отвѣта. Разсердившись, она подожгла его начальнической домъ, отъ чего сгорѣли портики отъ самой Камары на площади до Халки (лѣстницы), серебряныя лавки и всѣ зданія Лавса; попавшихся на пути воиновъ безощадно всѣхъ перебили, входили въ дома, грабили имущества, сожгли дворцовое крыльцо, крытое мѣдью, помѣщеніе царскихъ тѣлохранителей и девятую часть Августея, Оттуда устремился народъ къ пристани Юліана, именуемой пристанью Мудрости, въ домъ Прова, гдѣ искали оружія, наполняли криками воздухъ, требовали другаго царя, потомъ зажгли домъ Прова, который тутъ же и рухнулъ. Продолжая далѣе итти, сожгли бани Александровы и большой страннопріимный домъ Сампсона со всѣми его больными; кромѣ того сожгли великую церковь съ колоннами обѣихъ сторонъ, отчего она со всѣхъ четырехъ сторонъ повалилась. Уже царь въ страхѣ собирался отправить свои сокровища на легкой корабль и бѣжать во Фракію до самой Иракліи, предоставляя охраненіе дворца полководцу Мунду и сыну его, Константіолу, съ тремя тысячами воиновъ, да комнатнымъ чинамъ, между тѣмъ какъ толпы народа тащили убитыхъ и бросали ихъ въ море, въ томъ числѣ очень много женщинъ. Когда распространилась молва, что царь съ царицею удалился во Фракію, то провозгласили царемъ патриція Ипатія, который, возсѣдъ на ристалищѣ, принималъ поздравленія отъ всего народа и вмѣстѣ съ тѣмъ слушалъ оскорбительныя слова противъ императора Юстиніана. Двѣсти молодыхъ Зеленыхъ въ латахъ, принадлежащихъ къ Флавіянцамъ, явились сюда съ тѣмъ, чтобы отворить дворецъ и ввести въ него Ипатія. Императоръ, узнавъ о намереніи народа и Ипатія, удалился во дворецъ и, сопровождаемый

Мундомъ, Константиоломъ, Велизаріемъ и другими сенаторами, равно рындами, комнатными чинами и меченосцами, скрылся въ, такъ называемыя, Пульниты, находившіяся позади ристалищнаго сѣдалища, въ столовую съ мѣдными дверями. Постельничій Нарзесъ вышелъ и роздалъ нѣкоторымъ изъ Голубыхъ деньги, и тѣмъ привлечь ихъ къ себѣ: они принялись кричать: «Юстиніанъ Августъ, ты побѣдилъ! Господи, спаси царя Юстиніана и царицу Феодору!» Толпы народа тотчасъ распались на двѣ части и устремились другъ противъ друга. Придворные, вышедши съ своими тѣлохранителями переманили къ себѣ еще коекого изъ народа и поспѣшили на ристалище. Нарзесъ вошелъ въ ворота, сынъ Мунда со стороны рубежнаго столпа, другіе тропинкой, по которой царь ходитъ на сѣдалище, устроенное для него на самомъ краю, и принялись поражать народъ стрѣлами и мечами, такъ что никто ни изъ Голубыхъ, ни изъ Зеленыхъ не могъ уцѣлѣть на ристалищѣ. Велизарій съ меченосцами, избѣжавши на мѣсто, гдѣ засѣдаетъ царь, схватилъ Ипатія и привелъ къ Юстиніану, который и отдалъ его подъ стражу. Въ этотъ день было убито тридцать тысячъ однихъ мужчинъ, и никто изъ крамольниковъ не смѣлъ уже нигдѣ показаться, но тотъ же часъ совершенное спокойствіе водворилось. На другой день Ипатій и братъ его, Помпей, лишены жизни и трупы ихъ брошены въ море, дома же ихъ, равно какъ и другихъ 18 патриціевъ, сіятельныхъ и бывшихъ консулами, какъ соумышленниковъ Ипатія, взяты въ казну. Всюду господствовалъ великій страхъ; наконецъ городъ успокоился, и конскія ристалища на долгое время прекратились.

Въ томъ же году было столь великое движеніе звѣздъ съ вечера до разсвѣта, что всѣ припали въ ужасъ и говорили, что звѣзды падаютъ, и мы не знаемъ, когда бы это еще случилось.

л. м. 6025, р. х. 525.

Первый годъ епископства Іоанна въ Римѣ.

Въ семъ году благочестивѣйшая царица Феодора отправилась на теплыя Писійскія воды пользоваться ими. Ее сопровождали градоначальникъ патрицій Минасъ и патрицій Ілія, начальникъ милостыней и другіе патриціи, спальничіе и вельможи, всѣхъ до четырехъ тысячъ. Она щедро одарила церкви, убогіе дома и обитатели.

л. м. 6026, р. х. 526.

Въ семь году консулъ Прискъ, одинъ изъ царскихъ секретарей, навлекъ на себя гнѣвъ царицы Θεодоры, почему лишень былъ, по приказанію царя, сана и рукоположенъ во діаконы Кизицкіе.

Въ томъ же году начались Вандальскія войны и Велизарій занялъ Африку. Вандалы, какъ уже сказано подъ предыдущими годами, во время Аркадія и Гонорія овладѣвши, подъ предводительствомъ царя своего Гондигискла, Испаніей, переправились оттуда въ Ливію и покорили ее. По смерти Гондигискла наследовали престолъ сыновья его, Гондарисъ и Гизерихъ. А когда умеръ Гондарисъ, Гизерихъ провозглашенъ былъ царемъ Вандиловъ. Онъ царствовалъ въ городѣ Карсагенѣ 39 лѣтъ и овладѣлъ Римомъ. По кончинѣ же его власть досталась сыну его, Онориху, который много зла сдѣлалъ Христіанамъ въ Ливіи, принуждая ихъ принять Аріанство. Многихъ лишилъ онъ жизни, а у многихъ отрѣзалъ языкъ по горло, но благодатию Божіею мученики и потомъ говорили. Маврусіи, презирая Вандиловъ, воевали съ ними и много вреда имъ причинили. Послѣ восьмилѣтняго царствованія онъ умеръ, потерявши Нумидію и гору Аврузію, которыя послѣ того никогда уже не принадлежали Вандиламъ. Гондавуноу, сынъ Геисона, а внуку Гизериха, получивъ потомъ престолъ, еще больше причинялъ Христіанамъ непріятности. Онъ скончался, царствовавши 12 лѣтъ. Ему наследовалъ въ правленіи Тразамундъ, мужъ благовидный, умный и великодушный. Правда, и онъ принуждалъ Христіанъ перемѣнять вѣру отцовъ, но не мучилъ, а только отвращался отъ непреклонныхъ. По смерти жены своей, скончавшейся бездѣтной, онъ принялъ доброе намѣреніе, именно, отправилъ пословъ въ Испанію къ Февдеріку, Готескому царю, и просилъ у него въ супружество себѣ сестру его, Амалафриду, уже овдовѣвшую. Тотъ выдалъ за него сестру, а съ нею отправилъ двѣ тысячи благороднѣйшихъ Готеовъ, назначая ихъ тѣлохранителями ея, да для прислуги имъ далъ еще пять тысячъ мужей воинственныхъ; сверхъ того Февдерикъ подарилъ сестрѣ своей одинъ мысъ въ Сициліи, по имени Лизіевъ (Λίσίου). Съ этого времени Тразамундъ сдѣлался лучшимъ и могущественнѣйшимъ всѣхъ, которые дотолѣ царствовали въ Ливіи. Онъ былъ въ дружбѣ съ императоромъ Анастасіемъ и управлялъ царствомъ двадцать семь лѣтъ. По смерти его воцарился Илдерихъ, сынъ Онориха, а внуку Гизериха, мужъ кроткій, добрый и къ Христіанамъ снисходительный, но въ военномъ дѣлѣ слишкомъ не-

опытный, не хотѣвшій даже слышать о немъ. Амеръ, двоюродный братъ его, мужъ искусный въ войнѣ, предводительствовалъ Вандилами которые называли его Ахилломъ. Ильдерихъ былъ другомъ и Юстиніану; въ царствованіе дяди его, Юстина, онъ, для скрѣпленія дружбы, посылалъ къ нему не разъ дары и взаимно отъ него получалъ оныя. У Ильдериха былъ родственникъ, изъ рода Гизерихъ, по имени Гелимеръ, человекъ тонкій, но испорченный, любившій перемѣны и чужое достояніе. Этотъ Гелимеръ присвоилъ себѣ верховную власть Ильдериха на восьмомъ году его правленія, и наконецъ, схвативъ его самого, заключилъ въ темницу, вмѣстѣ съ супругою его, Аялафридою. Готевъ всѣхъ истребилъ, а Амера и брата его, Евагета, посадилъ подъ стражу. Возгордись такимъ успѣхомъ, онъ не могъ уже довольствоваться бывшимъ въ его распоряженіи. Онъ писалъ къ императору Юстиніану въ оправданіе, что царство принадлежитъ ему по праву, такъ какъ Ильдерихъ не въ состояніи управлять имъ. Юстиніанъ, прочитавши это, отвѣчалъ ему, что не одобряетъ такого самовластія, но Гелимеръ, не обративъ на то ни какого вниманія, ослѣпилъ Амера, а Ильдериха съ Евагетомъ приказалъ еще строже содержать въ заключеніи. Узнавъ о томъ, Юстиніанъ началъ готовиться въ походъ противъ Ливіи, и, кончивъ войну Мидійскую, призвалъ Велизарія съ Востока и держалъ совѣтъ о томъ съ Сенатомъ. Сенатъ не одобрилъ войны, вспоминая о вооруженіи царя Леона противъ Вандиловъ, кончившемся такъ несчастно подъ предводительствомъ Василиска, въ коемъ погибло такое множество воиновъ и истрачены понапрасну огромныя сокровища. Взвѣсивая всю великость опасности, стращали императора, стараясь, чтобы онъ не препоручилъ этой войны Велизарію. Патрицій Іоаннъ, вышедши на средину, сказалъ ему: «Мы повинемся, Государь, повелѣніямъ твоимъ и не противорѣчимъ. Но справедливость требуетъ сообразить и дальность пути, и опасности моря, и растояніе на сушѣ, которое требуетъ для перехода сто сорокъ дней, и неизвѣстность побѣды, и горькія послѣдствія пораженія, и бесполезное раскаяніе». Убѣжденный этой рѣчью, императоръ охладѣлъ къ войнѣ. Но одинъ Восточный епископъ снова возбудилъ его, говоря, что онъ видѣлъ божественный сонъ, въ которомъ велѣно ему явиться къ царю и умолять его освободить отъ тиранства Ливійскихъ Христіанъ. «Я самъ споборю ему, и сдѣлаю его обладателемъ Ливіи». Выслушавъ это, императоръ не могъ уже удержаться отъ намѣренія своего: онъ собралъ войско, корабли, оружіе и съѣстные припасы, и приказалъ Велизарію готовиться къ походъ въ Ливію. Въ это время Пуденцій поднялся, захватилъ Триполь и ни-

салъ къ Юстиніану прислать къ нему войско, чтобы занять городъ. Равнымъ образомъ и Готъ Гогдасъ возсталъ противъ государя своего, Гелимера, овладѣлъ островомъ Сардинією и просилъ письменно Юстиніана выслать къ нему войско съ полководцемъ и принять во владѣніе этотъ островъ. Императоръ отправилъ въ подкрѣпленіе ему Кирилла съ тремястами мужей; но Гелимеръ выслалъ брата своего съ большимъ числомъ кораблей и отборнымъ войскомъ Вандиловъ, который отнялъ Сардинію, а Гогда убилъ. Между тѣмъ Велизарій принялъ начальство надъ войскомъ, флотомъ и прочими вождами: Соломономъ, Дороеемъ изъ Арменіи, Кипріаномъ, Валеріаномъ, Мартиномъ, Алфіемъ, Іоанномъ, Маркелломъ и Кирилломъ, упомянутымъ выше, и другими, обитающими во Фракіи. За ними слѣдовала тысяча Елуровъ подъ начальствомъ Хараса, и ковыные стрѣлки. Массагеты, подъ предводительствомъ Сисинія и Валаса. Кораблей было пятьсотъ, на которыхъ помѣщалось пятьдесятъ тысячъ воиновъ, да тридцать тысячъ матросовъ Египтянъ, Іонянъ и Киликійцевъ, которыми начальствовалъ Калонимъ Александрійскій; легкихъ же кораблей для морскаго сраженія считалось девяносто. Надъ всѣмъ же войскомъ полновластнымъ полководцемъ императоръ поставилъ Велизарія, который родомъ былъ изъ Германіи, лежащей между Фракіей и Иллиріей, откуда привелъ онъ и Антонину, супругу свою. Между тѣмъ Гелимеръ отправилъ брата своего, Цакона, со сто двадцатью кораблями и отборнѣйшимъ войскомъ на островъ Сардинію противъ Гогда. Шелъ уже седьмой годъ царствованія Юстиніана, когда Велизарій посланъ былъ къ этому острову: съ нимъ находился и историкъ Прокопій. Оставивъ столицу, они прибыли къ Абидосу. Велизарій старался чтобы весь флотъ плылъ вкупѣ и приставалъ къ одному мѣсту. Прибывъ къ Сициліи, онъ послалъ историка Прокопія въ Соракузы, не отыщеть ли кого, кто бы могъ указать надежный путь въ Ливію и нежданно сдѣлать высадку на берегъ, опасаясь, чтобы жители послѣдней не попали на него. Самъ же Велизарій съ флотомъ своимъ остановился у селенія Кавхана, отстоящаго отъ Сиракузъ на двѣсти стадій. Прокопій, приставши въ Сиракузы, запасся продовольствіемъ у Маласуны, жены Февдерика, матери же Аталариха, царя Италійскаго, бывшихъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Юстиніаномъ. Сдѣсь встрѣтился онъ также неожиданно съ однимъ мужемъ, другомъ юности своей, знавшимъ всѣ мѣста Ливіи и самаго моря, и только за три дня прибывшимъ изъ Кархидона, который увѣрялъ, что они найдутъ тамъ глубочайшую тишину, потому что никто и не думаетъ о возможности нападенія на нихъ, а Гелимеръ находится въ четырехъ

переходѣхъ отъ моря. Прокопій взявъ и привелъ его къ Велизарію въ Кавханъ. Выслушавъ это, Велизарій на третій день присталъ къ берегу Ливіи въ мѣстѣ, называемомъ: «Короткая Голова». Сошедши съ кораблей, тотчасъ сдѣлали окопъ и глубокій ровъ, гдѣ и простояли одинъ день. Сдѣсь, при копаніи рва, изъ земли выступило много воды, хотя страна эта считается безводною, и это послужило въ большую пользу для скота и войска. На другой день войско отправилось на добычу. Полководецъ, порицая его за то, сказалъ слѣдующее: «Прибѣгать къ насилію и пытаться чужимъ, несправедливо во всякое время, тѣмъ болѣе въ военную грозу. Я привелъ васъ въ эту страну, полагаясь единственно на то одно, что мы справедливостию и благимъ дѣломъ угодимъ Богу и привлечемъ къ себѣ Ливійцевъ. Но ваша неводержимость поведетъ насъ къ противному и заставитъ Ливійцевъ дѣйствовать за одно съ Вандалами. Однако, послушайте, лучше моего слова: покупайте себѣ хлѣбъ; не показывайте, что вы презираете правду; не перемѣните расположенія Ливійцевъ во вражду, по старайтесь угодить Богу, воздержаться отъ нападенія на чужое; отвергните стремленіе къ добычѣ, сопряженное съ опасностію! Велизарій послалъ войско къ городу Силлекту и безъ труда занялъ его: прибывши къ нему ночью, войско проникло въ него вмѣстѣ съ вѣзжающими тѣлегами земледѣльцовъ и овладѣло имъ. При наступленіи дня захватили священника и старшинъ города, которые тутъ же и отправлены къ военачальнику. Въ тотъ же день взяли былъ завѣдывавшій путями сообщенія и отдалъ общественныхъ лошадей, равно какъ перехваченъ гонецъ съ царскими повелѣніями. Послѣ сего Велизарій, устроивши войско свое, пошелъ съ нимъ къ Кархидону. Юанну же Армянину поручилъ триста отборныхъ воиновъ, приказавши слѣдовать за собою и не отставать далеко отъ войска. Пришедши въ городъ Силлектъ, онъ приобрѣлъ сердца горожанъ добротою и привѣтливостію до такой степени, что всѣмъ казалось, что они совершаютъ походъ словно въ родной землѣ; потому что жители не бѣгали и не скрывались, но продолжали заниматься торговлею и все необходимое доставляли воинамъ. Проходя ежедневно по восьмидесяти стадій, достигли, наконецъ, до самаго Кархидона. Такимъ образомъ проникли они, черезъ города Лептъ и Адрамутъ, до селенія Храса, отстоявшаго на триста восемь стадій отъ Кархидона, столицы Вандиловъ, съ прекрасными садами, прозрачнѣйшими источниками и безчисленнымъ множествомъ всякаго рода овощей. Сдѣсь каждый воинъ ставилъ свою палатку между плодоносными деревьями: какъ бы манили плоды къ себѣ и сколько ни рвали ихъ, но умень-

инемъ оныхъ незамѣтно было. Гелимеръ, узнавъ о приближеніи Римлянъ, написалъ въ Кархидонъ къ брату своему, Амату, убить Илдериха и всѣхъ родственниковъ его, находящихся подъ стражею съ нимъ, самому же и Вандиламъ, равнымъ образомъ и всѣмъ, кого найдеть годнымъ къ войнѣ, вооружиться. Амать исполнилъ все, повелѣнное ему. Тогда Велзарій приказалъ помощнику своему, Архелая, и начальнику флота, Калониму, приблизиться къ Кархидону, но не нападать на него, пока не будетъ дано на то приказанія, самъ же удалился въ Декимонъ, отстоящій отъ Кархидона на семьдесятъ стадій. Съ своей стороны Гелимеръ велѣлъ племяннику своему, Кивамунду, съ двумя тысячами воиновъ зайти въѣзю, чтобы можно было разомъ окружить непріятеля, Амату отъ Кархидона, Гелимеру стѣлу, и Кивамунду слѣва. Велзарій же далъ приказаніе Іоанну, какъ уже упомянуто, идти впередъ, а Массагетамъ держаться на лѣвой сторонѣ войска. Амать выступилъ не въ свое время, и оставивъ множество Вандиловъ въ Кархидонѣ, спѣшилъ какъ-можно скорѣе прибыть въ Декимонъ только съ нѣсколькими, да и тѣхъ не устроивши, какъ слѣдуетъ. Онъ встрѣтился съ Іоанномъ и былъ убитъ, а находившіеся при немъ поспѣшно обратились въ бѣгство, и тѣмъ привели въ замѣшательство шедшихъ въ Декимонъ наъ Кархидона, которые полагали, что ихъ преслѣдуетъ великое множество. Іоаннъ съ войскомъ своимъ гнался за ними до самыхъ воротъ Кархидона, и такъ много положилъ на мѣстѣ непріятелей, что казалось для того нужно было не менѣе двадцати тысячъ. Кивамундъ, спѣша съ двумя тысячами войска на помощь своимъ, наткнулся на Гуцновъ, и погибъ со всѣми до одного человека. Велзарій, находясь въ Декимонѣ, ничего объ этомъ не зная, но, обнаруживши станъ окопана, оставилъ въ немъ жену свою и пѣхоту, самъ же съ конницею и вождями выступилъ къ Кархидону. Встрѣтивши трупы падшихъ, Амата и Вандиловъ, и узнавъ о происшедшемъ, взомалъ на одинъ холмъ, съ котораго замѣтилъ съ южной стороны нѣтъ и великое множество Вандильскихъ всадниковъ, предводимыхъ самимъ Гелимеромъ, ничего еще не знавшимъ объ участіи Кивамунда и Амата. Когда сошлись поближе, Вандилы поспѣшили впередъ захватить холмъ и навели страхъ на своихъ противниковъ. Римляне бросились бѣжать и пришли въ одно селеніе, отстоящее на семь стадій отъ Декимона. Но Богъ нежданно смѣшалъ Вандиловъ и навелъ на нихъ робость. Продолжай они неослабно преслѣдованіе свое, непременно до одного истребили бы всѣхъ, не исключая и Велзарія (такое множество было тутъ Вандиловъ), равно какъ безъ труда поразили бы Іоанна, который возвращался отъ Кар-

хидона и занялся было подборомъ добычи съ падшихъ. Но Гелимеръ, сходя съ холма, увидѣвъ брата своего мертвого, предался рыданію, и тѣмъ притупилъ остріе побѣды. Велизарій между тѣмъ велѣлъ остановиться бѣгущимъ и приведши все въ совершенный порядокъ, укорилъ ихъ въ трусости; узнавши же о пораженіи враговъ и о побѣдѣ Іоанна, бѣгомъ бросился впередъ и храбро напалъ на Гелимера. Варвары, не ожидая нападенія, тотчасъ обратились въ сильное бѣгство съ великою потерей и, минуя Кархидонъ, удалились въ Мидію. По наступленіи ночи, Велизарій, Іоаннъ и Массагеты возвратились въ Декимонъ и съ радостію рассказывали другъ другу о случившемся. На другой день, приманувъ къ себѣ цѣлоту и взявъ супругу Велизарія, все отправились въ Кархидонъ. Какхидонаше растворилъ ворота, зажгли свѣтильники и все толпой вышли на встрѣчу Велизарію, а Вандилы, оставшіеся въ городѣ, искали убѣжища въ храмахъ. Флотъ также приближился, и все, поджигая цѣпь, заграждающую входъ, впустили корабли въ пристань. Большая часть кораблей, однако, исполняя повелѣніе Велизарія, не вошла въ пристань, но остановилась внѣ оной. Впрочемъ, Калонимъ, вопреки привазаціи, ворвался и, бросившись на корабли, награблѣвъ большое множество драгоценностей, а врываясь въ лавки и дома близъ пристани, довольно захватилъ народу въ полонъ. Велизарій, овладѣвши съ такою легкостью Кархидономъ, тамъ увѣщевалъ воиновъ: «Какое счастье досталось на долю намъ, когда мы благоразумно вели себя въ отношеніи къ Ливійцамъ! Смотрите же, старайтесь нести себя съ такою же скромностію и въ Кархидонѣ: никто да не оскорбитъ другаго и да не присовитъ себѣ чужаго! Императоръ нашъ, желая помочь утѣсненнымъ Вандилами, народомъ варварскимъ, послалъ насъ чтобы даровать имъ свободу». Давши такое наставленіе, онъ вступилъ въ Кархидонъ. Вошедши во дворецъ, онъ сѣлъ на Гелимеровъ престолъ. Тутъ приступили къ нему Кархидонскіе купцы и вообще риморцы и жаловались на грабежъ, произведенный флотомъ его. Велизарій приказалъ Калониму показаться, что онъ возвратитъ все похищенное по принадлежности владѣльцамъ. Калонимъ, однако, не сдержалъ клятвы, многое присвоилъ себѣ, но вскорѣ понесъ наказаніе за свое клятвопреступленіе: сошедши съ ума, онъ откусилъ себѣ языкъ и умеръ. Велизарій съ царскимъ великолѣвіемъ угощалъ народъ, причемъ прислуга Гелимера предлагала енды, разносила вино и все прочее исполняла. Такимъ образомъ военачальникъ этотъ безъ всякаго шума овладѣлъ городомъ такъ, что никакой обиды не было причинено ни одному человѣку, и на рынкѣ никто не занималъ свѣжъ

лавокъ; напротивъ, войны бѣли и веселиишю, за все платя наличныя деньги. Скрывшіеся же Вандилы въ храмы выведены были изъ нихъ на честное слово Велизарія. Онъ поправилъ стѣны города, оставшіяся до того въ пренебреженіи. При этомъ вспомнили старинное преданіе, что В изгнать Г, что теперь и исполнилось: прежде Гезерихъ изгналъ Вонифаціа, а нынѣ Велизарій Гелимера. Между тѣмъ Гелимеръ привлекъ къ себѣ Ливійскихъ земледѣльцовъ, которымъ раздалъ много денегъ, приказавши имъ убивать Римлянъ, если бы издумали они остановиться въ ихъ селеніяхъ. Узнавъ о томъ, Велизарій не медленно отправилъ Диогена, одного изъ своей дружины, наказывать земледѣльцовъ. Диогенъ съ отрядомъ своимъ вошедши въ одинъ домъ, уснулъ, не подозрѣвая никакихъ враждебныхъ дѣйствій. Услышавъ это, Гелимеръ послалъ противъ него триста отборныхъ воиновъ, которые, пришедши, тотчасъ окружили домъ, боясь войти въ него ночью. Римляне, числомъ двадцать, замѣтивъ это, встали, вооружились, вскочили на коней и, отворя вадругъ ворота и прикрываясь щитами, ударили въ конья и обратили противниковъ своихъ въ бѣгство. Гелимеръ же, находясь въ Нумидіи, собралъ всѣхъ Вандиловъ и расположенныхъ къ себѣ Маврусіевъ, замышляя возобновить войну. Онъ послалъ письмо въ Сардинію къ родному брату своему, Цацону, въ которомъ описалъ все случившееся съ нимъ. Тотъ, не медля ни мало, отправился со всѣмъ войскомъ изъ Сардиніи, и на третій же день присталъ къ берегу Ливіи и явился къ Гелимеру. Бросившись другъ другу на шею, они долго молчали, проливаясь только сквозь слезы: «Здорово!» Точно такимъ же образомъ и войско оплакивало постигшее его горе. Гелимеръ соединивши то и другое войско въ одно, отправился къ Кархидону, съ цѣлю осадить его, полагая, что жители сдадутъ городъ, въ чемъ помогутъ имъ даже тѣ изъ Римскихъ воиновъ, которые одѣждовали ученію Арія. Сверхъ того онъ послалъ къ начальникамъ Гунновъ съ большимъ посуломъ, если они предадутъ ему Римлянъ. Велизарій, узнавъ объ этомъ отъ переметчиковъ, и открывши въ Кархидонѣ одного измѣнника, по имени Лаврентія велѣлъ посадить его на колъ на одномъ холмѣ близъ города, отъ чего замышлявшіе не доброе, впали въ такой страхъ, что самые Массатеты признались въ томъ, что предлагалъ имъ Гелимеръ. Велизарій, ласковыми словами и клятвою снова расположивъ ихъ къ себѣ, и тутъ же приказалъ Иоанну Армянину со всею конницею, кромѣ пяти сотъ, выступить противъ Вандиловъ и сразиться; самъ же отправился на другой день съ пѣхотою и пятьюстами конницы. Встрѣтившись съ Вандилами состоящими станомъ въ Трикамартъ, онъ тоже

остановился и провел эту ночь вблизи съ ними. Въ Римскомъ войскѣ замѣчено было чудное явленіе: острия копій заблестали яркимъ огнемъ. Видѣвшіе это пораженіе были страхомъ. Съ первыми разсвѣтомъ обѣ стороны схватились за оружіе и начали битву. Іоаннъ съ небольшимъ отборнымъ числомъ воиновъ своихъ переправился черезъ рѣку и ударилъ на Вандиловъ, но Цапонъ встрѣтилъ его стойко и обратилъ въ бѣгство, при чемъ Вандилы преслѣдовали до самой рѣки. Но тутъ Іоаннъ, поспѣшно схвативши порядочное число Велизаріевыхъ щитоносцевъ, напалъ на Цапона съ крикомъ и шумомъ: завязалось упорное сраженіе, въ коемъ и Цапонъ, братъ Гелимера, палъ. Тогда все Римское войско перешло рѣку, бросилось на Вандиловъ, обратило ихъ въ бѣгство и гналось за ними до самаго стана. Возвращаясь назадъ, обобрали убитыхъ, особенно тѣхъ, на комъ было много золота, и поспѣшили въ свой станъ. Въ этомъ сраженіи со стороны Римлянъ пало пятьдесятъ, а Вандиловъ восемь сотъ. По возвращеніи съ битвы съ вѣхотю, Велизарій еще того же дня въ сумерки, что было мочи, поспѣшилъ со всемъ войскомъ къ стану Вандиловъ. Гелимеръ, узнавъ о прибытіи Велизарія со всею вѣхотю и остальнымъ войскомъ тотчасъ сѣлъ на коня, и не сдѣлавъ никакихъ распоряженій, безъ оглядки поскакалъ въ Нумидію съ вѣхотерыми своими родными и служителями: такъ былъ онъ испуганъ. Вандилы, узнавши о бѣгствѣ его, и видя неприятелей въ глазахъ, мужчины, женщины и дѣти пришли въ страшное замѣшательство, подняли рыданіе и, не думая ни объ имуществѣ, ни объ ильыхъ своихъ, каждый бросился бѣжать, куда только могъ. Римляне выступили и овладѣли станомъ; бѣжавшихъ же цѣлую ночь преслѣдовали, причемъ мужчинъ, которыхъ нагоняли, тутъ же убивали, а дѣтей и женъ брали въ плѣнъ. Сокровищъ такое множество нашли, какого никогда и нигдѣ не случалось имъ встрѣчать, потому что граби римскую имперію, всѣ сокровища снесли они въ Ливію; да и самая земля ихъ, добрая и плодоносная, доставляла имъ большія выгоды. Десятилето пять лѣтъ обладая Ливіей, Вандилы накопили огромныя сокровища, но все это въ одинъ день перешло въ руки Римлянъ. Война три мѣсяца, съ октября по конецъ декабря, Велизарій покорилъ всю Ливію. Онъ приказалъ Іоанну Армянину броситься въ погоню съ двумястами отборныхъ воиновъ за Гелимеромъ, и доставить его живаго, либо мертваго. Преслѣдуя Гелимера, онъ бы непремѣнно схватилъ его, еслибъ не помѣшало слѣдующее происшествіе: одинъ изъ копьеносцевъ Велизарія, находившихся при Іоаннѣ, будучи въ пьяномъ видѣ, хотѣлъ застрѣлить птицу, сидѣвшую на деревѣ и, натянувши тетиву,

ву, пустилъ стрѣлу, но въ птицу не попалъ, а хватилъ Іоанна сзади въ шею. Пораженный этимъ ударомъ, Іоаннъ умеръ, заставивъ по себѣ сильно сожалѣть императора Юстиніана, Велизарія, всѣхъ Римлянъ и самыхъ Кархидонцевъ. Такимъ образомъ Гелимеръ въ этотъ день спасся бѣгствомъ и прибылъ къ Маврусіямъ. Велизарій, снѣша за нимъ, загналъ его на гору Папуу, лежащую на концѣ Нумидіи. Стѣсненный осадомъ во все продолженіе зимы, Гелимеръ почувствовалъ недостатокъ во всемъ, необходимомъ для жизни; ибо у Маврусіевъ не родится ни хлѣба, ни вина, ни масла, но только просо и ячмень, которые они, какъ безоловешныя животныя, ѣдятъ, безъ всякаго приготовленія на огнѣ. Будучи въ такихъ обстоятельствахъ, Гелимеръ просилъ Фараса, которому Велизарій поручилъ наблюдать за нимъ, прислать ему кифару, одинъ хлѣбъ и губку. Фарасъ не доумѣвалъ, что бы это значило, но принесшии письмо объяснилъ ему, что царь Гелимеръ, не выдавши хлѣба съ того времени, какъ ушелъ на гору, хочетъ по крайности взглянуть на него; губку просить для глазъ, которые болятъ у него отъ немытія, чтобы сколько нибудь утолить боль ихъ, а кифару для одного хорошаго музыканта, при немъ находящагося, чтобы игрою на ней оплакивать и по возможности выражать постигшее его горе. Услышавъ объ этомъ, Фарасъ сжался и, соболевзнуя о еудьбѣ человѣческой, сдѣлалъ по письму его, т. е., послалъ Гелимеру все, что было ему нужно. По прошествіи зимы, Гелимеръ, опасаясь дальнѣйшей осады Римлянъ, и вмѣстѣ жалѣя о дѣтяхъ родичей, которые, будучи въ такомъ несчастномъ положеніи, уже покрылись червями, упалъ духомъ и написалъ Фарасу, что онъ со всѣми, находящимися при немъ, готовъ сдаться Велизарію на честное слово. Фарасъ, подтвердивши все клятвою съ своей стороны, взялъ ихъ и прибылъ съ ними Кархидонъ. Велизарій принялъ его съ большою радостію, но Гелимеръ вошелъ къ Велизарію съ смѣхомъ. Нѣкоторые заключили изъ сего, что онъ отъ чрезмѣрной горести тронулся ума и дѣйствуетъ какъ сумасшедшій; но друзья его утверждали, что онъ поступилъ въ этомъ случаѣ, какъ проницательный мужъ, именно: вспоминая себѣ, что онъ доселѣ былъ царемъ, самъ царскаго происхожденія, пользовался большимъ могуществомъ и огромными сокровищами, и вдругъ принужденъ бѣжать и претерпѣть всякаго рода бѣдствія въ Папуу, а теперь находится даже въ числѣ плѣнниковъ, не можетъ потому иначе смотрѣть на всѣ человѣческія дѣла, какъ на достойныя всякаго смѣха. Велизарій содержалъ какъ его, такъ и прочихъ Вандильскихъ начальниковъ, съ должною честью, надѣясь представить его потомъ въ Византію императору Юстиніану.

Затѣмъ онъ послалъ въ Сардинію Кирилла съ головою Цафона островъ этотъ, до покоренія его Римлянами, назывался Кироною; другаго Іоанна отправилъ въ Кесарію Мавританскую, которая отстоитъ отъ Кархидона на тридцать дней пути и лежитъ на западъ по направленію къ Гадиру; третьяго Іоанна, одного изъ оруженосцевъ своихъ, къ Гадирскому проливу и одному изъ Геркулесовыхъ столбовъ, съ цѣлю овладѣть тамошнею крѣпостію, называемою Септомъ. На острова же, находящіяся близь пролива, ведущаго въ океанъ, Маіорку и Минорку, назначилъ Аполлинарія, мужа, опытнаго въ военныхъ дѣлахъ, а въ Сицилію послалъ только нѣсколькихъ занять крѣпость, принадлежавшую Ливійцамъ и Вандиламъ. Готы, охранявшіе эту крѣпость, донесли о томъ матери Аталариха, которая писала Велизарію, не брать той крѣпости силою, пока не узнаетъ о томъ Юстиніанъ и не сдѣлаетъ, какъ ему будетъ угодно. Этимъ окончилась Вандильская война. Но зависть, всегда присутствующая при великомъ счастіи, накинута на Велизарія. Нѣкоторые оклеветали его передъ царемъ въ томъ, что онъ стремится присвоить себѣ верховную власть. Царь послалъ къ Велизарію Соломона, узнать, какъ онъ намѣреваетъ, самъ ли прибыть въ Византію съ Гелимеромъ и Вандилами, или, оставшись въ Ливіи, отправить ихъ однихъ? Велизарій, зная, что вельможи подозрѣвали его въ домогательствѣ верховной власти, предпринялъ путь въ Византію, оставивъ Соломона военачальникомъ Ливіи. Прибывши въ Византію съ Гелимеромъ и Вандилами, Велизарій былъ осыпанъ большими почестями, какія получали прежде Римскіе полководцы только послѣ величайшихъ побѣдъ. Въ продолженіи шести сотъ лѣтъ никто не удостоивался такой чести, кромѣ Тита, Траяна и другихъ самодержцовъ, побѣждавшихъ варварскіе народы. Окруженный всѣми добычами и военноплѣнными, шелъ онъ среди города, что Римляне называютъ триумфомъ; но отъ своего дома до ристалища отправился онъ, по древнему обычаю, пѣшкомъ. Добычу эту составляли всѣ царскія принадлежности: золотые престолы, колесницы, на коихъ выѣзжаютъ царскія жены, безчисленное множество драгоценныхъ камней, золотые сосуды, и все прочее, употребляемое при царскихъ пиршествахъ; серебро, которое несли, цѣнилось въ нѣсколько сотъ тысячъ талантовъ, и множество царской утвари, похищенной Гизерихомъ изъ Римскаго дворца; тутъ находились и сокровища Іудейскія, принесенныя въ Римъ Веспасіаномъ Титомъ по взятіи Іерусалима. Въ числѣ военноплѣнныхъ былъ и самъ Гелимеръ, въ багряницѣ, спущенной до плечъ, всѣ его родственники и Вандилы, весьма рослые и прекрасной наружности. Когда Гелимеръ вступилъ на риста-

лице я увидѣлъ императора, который сидѣлъ на престолѣ, и народъ, окружавшій его со всѣхъ сторонъ, то нѣсколько разъ воскликнулъ: «Суета суетствій и всяческая суета!» Въ то мгновеніе, какъ приближался онъ къ престолу царя, сняли съ него багряницу и заставили, падши ницъ, поклониться ему. Императоръ и императрица осыпали богатыми подарками дѣтей и внуковъ Ильдериха, равно и всѣхъ, ведшихъ родъ свой отъ царя Валентиніана, а Гелимеру со всѣми родственниками его пожаловали для житія большія и прекрасныя помѣстья въ Галатіи и санъ патриція, потому что онъ не хотѣлъ отречься отъ Аріанскаго исповѣданія. Въ слѣдъ за триумфомъ Велизарій сдѣланъ былъ консуломъ, и народъ Византійскій отъ побѣды его получилъ такое множество денегъ, какого никогда еще не бывало. Во время управленія Соломона Ливію Маврусіи подняли оружіе противъ Ливійцевъ. Эти Маврусіи ведутъ начало свое отъ тѣхъ народовъ, которыхъ Іисусъ Навинъ изгналъ изъ областей Финикіи, простирающихся отъ Сидона до Египта. Пришедши въ Египетъ, они не были приняты Египтянами, и потому отправились въ Ливонію, покорили и въ ней поселились. Въ послѣдствіи Римскіе императоры овладѣли этой страной и назвали ее Тингитаной. Прибывшіе поставили два столба изъ бѣлыхъ камней, по сторонамъ одного большаго источника и на нихъ сдѣлали Финикійскую надпись слѣдующаго содержанія: «Мы тѣ, которые бѣжали отъ лица разбойника Іисуса, сына Навина». Въ Ливіи были и другіе туземные народы, коими правилъ царь Асклипей, который, говорятъ, былъ сынъ земли; эти народы основали Кархидонъ. Соломонъ, взявъ Кархидонское войско, выступилъ противъ Маврусіевъ. Пришедши въ Визакію, Римской городокъ близъ Рамиса, въ которомъ Маврусіи остановились, окруживъ его верблюдами и заключившись въ немъ съ женами и дѣтьми, онъ посадилъ на коней пятьсотъ отборныхъ всадниковъ и приказалъ имъ прорвать съ одной стороны кругъ и избить верблюдовъ. Когда убито было ихъ до двухъ сотъ, онъ со всею быстротою устремился въ средину круга, гдѣ сидѣли женщины. Устрашенные варвары скрылись на гору въ совершенномъ безпорядкѣ. Въ этотъ день убито Маврусіевъ десять тысячъ, женщины же всѣ съ дѣтьми попались въ плѣнъ. Соломонъ и войско его съ этою добычею, верблюдами и людьми всякаго возраста, возвратились въ Кархидонъ и торжествовали побѣду. Но варвары опять поднялись поголовно, съ женами и дѣтьми, не оставляя никого, пошли противъ Римлянъ и принялись опустошать окрестности Визакіи. Соломонъ поспѣшно стянулъ все войско и выступилъ противъ нихъ. Достигши Булгаріона, гдѣ непріатели раскинули станъ свой, выстроилъ

войско въ боевой порядокъ. Маврусіи остались на горѣ Булгаріонѣ и не хотѣли сойти въ равнину; тогда Соломонъ отрядилъ ночью Феодора съ тысячею пѣхоты и однимъ знаменщикомъ, чтобы они, при содѣйствіи темноты ночной, зашли въ тылъ врагамъ, а съ восхожденіемъ солнца ударилъ бы съ распущенными знаменами на противниковъ. Равнымъ образомъ и самъ съ раннею зарею поднялся и вышелъ противъ варваровъ, которые, видя себя среди Римлянъ, бросились бѣжать, толкая другъ друга съ утѣсовъ и взаимно поражая. Въ этой битвѣ Маврусіевъ пало пятьдесятъ тысячъ, а изъ Римлянъ ни одинъ, даже никто не раненъ, но всѣ, ничего не потерявъ, одержали побѣду. Многіе изъ начальниковъ Маврусійскихъ присоединились къ Римлянамъ. Въ плѣнъ взято было Римлянами такое множество женщинъ и дѣтей, что желающіе могли купить мальчика Маврусійскаго за одну овцу. Тогда сбылось надъ ними старинное предсказаніе одной прорицательницы, что весь ихъ народъ погибнетъ отъ безбородаго человѣка. Дѣйствительно, Соломонъ, лишившись по долѣзани, еще въ дѣтствѣ своемъ, дѣтородныхъ частей, сдѣлался противъ воли евнухомъ. Взявъ эту добычу, онъ пошелъ обратно въ Кархидонъ.

Въ это время показалось на небѣ страшное явленіе. Солнце безъ лучей, съ блескомъ, подобнымъ лунѣ, мерцало въ продолженіи цѣлаго года; оно представлялось какъ бы въ затмѣніи, и не свѣтило по обыкновенію чистымъ сіяніемъ. Это случилось на десятомъ году царствованія Юстиніана. Въ это же время не давали покою людямъ войны и смертоносныя язвы. Съ наступленіемъ весны Юстиніанъ послалъ Велизарія привести Сицилію въ прежнюю покорность Римлянамъ.

Когда Велизарій зимовалъ въ Сициліи предъ самымъ праздникомъ Пасхи Римляне въ Ливіи возмутились противъ Соломона по слѣдующему обстоятельству. Побравши женъ убитыхъ вандаловъ, они завладѣли полями ихъ, какъ собственными своими, и не хотѣли платить никакихъ податей съ нихъ римскому императору. Соломонъ совѣтовалъ имъ не сопротивляться царю, но вносить ему положенное. Между ними были нѣкоторые, особенно между Готами, которые держались Аріева ученія и которыхъ священники отлучили отъ церкви, отказывая имъ даже въ крещеніи дѣтей ихъ. Отъ этого произошло въ самый праздникъ возмущеніе и воины рѣшились убить Соломона въ самомъ храмѣ. Вышедши изъ города они принялись опустошать окрестности его и обходились съ Ливійцами, какъ съ рабами. Унававъ о томъ, Соломонъ пришелъ въ крайнее замѣшательство и пытался было склонить ихъ краснорѣчіемъ прекратить смятеніе, но сборщице

безстыдно ругало и Соломона и начальниковъ. Пришедши во дворецъ, мятежники провозгласили военначальникомъ своимъ Федора Каппадокіяца, и бѣгая съ оружіемъ поражали каждаго встрѣчавшагося имъ, — былъ то Ливіецъ или Римлянинъ, знался бы только съ Соломономъ, — отнимали деньги, врывались въ дома и похищали все. Соломонъ спасся, скрываясь во храмѣ дворца. По наступленіи же ночи онъ съ историкомъ Прокопіемъ и Мартиномъ вышелъ изъ дворца, сѣлъ на корабль и поспѣшилъ къ Велизарію въ Сицилійскій городъ Сиракузы, а къ Фодору написалъ, чтобъ онъ имѣлъ попеченіе о Корхидонѣ и дѣлахъ царскихъ. Между тѣмъ воины, собравшись на вѣчевомъ полѣ, выбрали властителемъ (τύραννον) Чочу, Мартинова копьеносца, человека отважнаго и предприимчиваго, чтобы изгнавъ подъ предводительствомъ его вѣхъ царскихъ начальниковъ, самимъ владѣть Ливією.

Чоча, оставшій во главѣ мятежныхъ воиновъ, приблизившись къ Корхидону, чрезъ посланнаго приказывалъ Фодору немедленно сдать городъ, если хотятъ быть цѣлы. Но Кареагеняне и Федоръ рѣшились сохранять городъ для императора. Услышавъ это, Чоча принялся за осаду города. Между тѣмъ Велизарій, собравъ сотню изъ своихъ копьеносцевъ и щитоносцевъ, прибывшихъ въ Сицилію вмѣстѣ съ Соломономъ, на одномъ кораблѣ прибылъ въ Корхидонъ въ сумерки, около времени зажиганія свѣчи. Когда же съ наступленіемъ дня узурпаторъ и его воины узнали, что пришелъ Велизарій, то обратились въ бѣгство постыдное и совершенно безпорядочное. Велизарій же, снарядивъ около двухъ тысячъ войска, устроилъ погоню за бѣгущими и нагналъ ихъ у города Мемвраса. И вида, что они потеряли строй и идутъ безъ всякаго порядка, не замедлилъ напасть на нихъ. Они бросились бѣжать въ разсыпную и, достигши до Нумидіи, опять собрались. Немногіе погибли въ бою, да и то больше вандалы, ибо Велизарій щадилъ Римлянъ. Захвативъ лагерь бѣглецовъ, Велизарій нашелъ тамъ много имущества и женщинъ, изъ-за которыхъ и военныя дѣйствія эти начались. Послѣ этой экспедиціи Велизарій возвратился въ Корхидонъ. — И вотъ какой-то вѣстникъ, прибывшій изъ Сициліи, объяснилъ, что войско бунтуетъ и всѣ дѣла могутъ придти въ безпорядокъ, если самъ Велизарій не явится съ всею скоростію. Итакъ распорядивъ по возможности дѣла ливійскія и поручивъ Корхидонъ Илдигерду и Фодору Велизарій возвращается въ Сицилію.

Услышавъ объ этомъ, Юстиніанъ послалъ въ Ливію съ небольшою свитою своего племянника Германа патриція, а равно Домника и Симлаха, мужей мудрыхъ. Прибывъ въ Кареагенъ Германъ пере-

числилъ воиновъ, и пересмотрѣвъ писцовыя книги, заключавшія въ себѣ имена воиновъ, нашелъ, что только треть войска въ Кареагетѣ и другихъ городахъ стоитъ за царя, а все остальные подчинились узурпатору. Поэтому Германъ не спѣшилъ братья за оружіе, а началъ привлекать воиновъ ласками. Онъ распространилъ слухъ, что посылаетъ царемъ для того, чтобы давать управу обиженнымъ войнамъ и наказывать зачинщиковъ обиды. Слыша объ этомъ, воины мало-по-малу начали переходить на сторону Германа. Германъ же принималъ ихъ весьма любезно и, закрѣпивъ честнымъ словомъ, держалъ въ почетѣ и выдавалъ имъ царское жалованье. Когда же разнесшаяся молва объ этомъ дошла до всехъ воиновъ, то они, оставивъ узурпатора, пришли въ Корхидонъ. Между тѣмъ Чоча, чувствуя, что дѣло не ладно, воодушевилъ оставшихся при немъ сообщниковъ и повелъ ихъ для нападенія на Корхидонъ. Германъ, приготовивъ войско къ битвѣ, выступилъ противъ Чочи, и воины Германа, выражая большое усердіе, увѣряли полководца въ своей преданности императору. Видя это и объятые страхомъ, сообщники Чочи отступили по направленію къ Нумидіи. Германъ со всемъ войскомъ послѣ недолгаго преслѣдованія настигъ ихъ, но нашелъ, что съ ними соединились многія тысячи Маврусійскихъ варваровъ подъ предводительствомъ Іуды и Артайя. Противники сошлись на бой, началась сильная сѣча и одинъ изъ враговъ убилъ коня Германова. Германъ, упавъ на землю, подвергался большой опасности, еслибы коньеносцы, тотчасъ же поднявъ коня на коня, не освободили изъ-подъ него Германа; тѣмъ не менѣе враги обращаютъ тылъ, и Чоча во время этого смятенія едва могъ спастись бѣгствомъ съ немногими. Германъ же, давъ приказаніе окружающимъ, тотчасъ устремился на вражескій лагерь и взялъ его приступомъ. Но воины начали здѣсь безъ толку грабить вражеское имущество, не обращая вниманія на приказаніе полководца. Германъ, опасаясь, чтобы непріатели образумившись не опрокинулись на него, стоялъ въ скорби, всячески приглашая своихъ воиновъ къ порядку. Между тѣмъ Маврусіи, когда увидали бѣгство мятежниковъ, и сами бросились на нихъ и преслѣдовали ихъ вмѣстѣ съ царскимъ войскомъ. А Чоча, который надѣялся на варваровъ, видя, что они дѣлаютъ, съ сотнею своихъ приверженцевъ предался бѣгству и скрылся во внутренней Мавританіи; тѣмъ и кончился мятежъ.

Императоръ вызвалъ обратно въ Византію Германа съ Домникомъ и Симмахомъ, опять поручилъ Соломону дѣла ливійскія, придавъ ему на помощь и другихъ начальниковъ, Руфина и Левитія, и Іоанна, сына Сисинніева (а было тогда 137-е лѣто царствованія Юстиніанова).

Соломонъ, приплывъ въ Корхидонъ, управлялъ народомъ кротко и благоразумно, и тщательно охранялъ Ливию, держа въ порядкѣ войско, а если замѣчалъ кого-либо изъ воиновъ ненадежнымъ, то отсылалъ въ Византію. Между тѣмъ Велизарій, завоевавъ Сицилію и Римъ, обладаемый Витигесомъ, равно и другіе итальянскіе города, Витигеса съ женою и дѣтьми его привелъ въ Византію къ Юстиніану. И послалъ императоръ Нарсеса кубикulario съ войскомъ въ Римъ управлять тамошними дѣлами. А Соломонъ, хорошо устроивъ управление въ Корхидонѣ и Ливіи, выступилъ въ походъ противъ Маврусіевъ. И впередъ послалъ съ войскомъ Гордарія, своего коньеносца, мужа искуснаго въ воинскомъ дѣлѣ, который, идя внизъ по рѣкѣ Бигу, направилъ походъ къ пустынному городу Бавгаю. Произошла битва, и Гордарій, побѣжденный, окопался валомъ и былъ осажденъ и стѣсненъ Маврусіями. Соломонъ, бывший недалеко, узнавъ объ этомъ, немедленно явился; варвары, испугавшись, удалились и поставили лагерь у подножія горы Авройя. Соломонъ напалъ на нихъ и обратилъ ихъ въ бѣгство. Маврусійцы побѣжали по горнымъ утесамъ и ущельямъ и удалились къ Мавританцамъ. Соломонъ, опустошивъ Мугадскія равнины и выжегши всю ихъ землю, и захвативъ много хлѣба, направился къ крѣпости Цервулу, гдѣ занерся Явда съ двумя тысячами Маврусійцевъ. Тогда Явда, оставивъ крѣпость, поднялся въ безопасное мѣсто на вершину горы Аврасійской и тамъ отдыхалъ отъ преслѣдованія. Соломонъ взялъ крѣпость Цервулу послѣ трехдневной осады и, разграбивъ все въ ней и поставивъ гарнизонъ, двинулся далѣе. И соображалъ, какъ бы ему взобраться на гору отвѣсную и совершенно неудобовосходимую. Богъ же открылъ доступъ въ мѣсто недоступное такимъ образомъ: одинъ изъ воиновъ пѣхотнаго отряда опціоновъ, по имени Гензонъ, или по внушенію собственнаго мужества или по Божественному вдохновенію, одинъ сталъ подниматься на гору противъ враговъ; за нимъ слѣдовали нѣкоторые изъ его товарищей, сами дивясь себѣ и недоумѣвая, что изъ этого выдетъ: тогда три Маврусійца, поставленные стеречь входъ, побѣжали на встрѣчу Гензону, думая предупредить его. А онъ пользуясь тѣнотою ущелья перажалъ ихъ поодиночкѣ, и перваго убилъ, равно и втораго, и третьяго. Тогда воины, шедшіе сзади, видя это, съ большимъ шумомъ и крикомъ бросились на враговъ. Римское войско, увидавъ и услышавъ что дѣлается, не дожидаясь приказа полководца и звука трубы, но подгоняя и ободряя себя криками, разсыпнымъ строемъ бросилось въ станъ непріятелей. При этомъ Руфинъ и Леонтіи отличались доблестными подвигами противъ непріятелей. Варвары тотчасъ же, какъ кто могъ,

обратились въ бѣгство. Самъ Явда, пораженный дротикомъ въ бокъ, все-таки убѣжалъ и удалился къ Мавританцамъ. А Римляне, разграбивъ неприятельскій лагерь, не оставили горы Аврасійской, но, построивъ на ней крѣпость, и донынѣ занимаютъ ее. Былъ тамъ одинъ совершенно отвѣсный утесъ, на которомъ Маврусійцы создали башню и такимъ образомъ устроили здѣсь сильное, крѣпкое и непреодолимое убѣжище. Здѣсь Явда помѣстилъ свое имущество и своихъ женъ подъ охраненіемъ одного стараго стража. Ибо полагалъ, что враги никогда не доберутся до башни и не могутъ взять ее силою. Между тѣмъ Римляне, преодолевъ трудное восхожденіе на Авралійскую гору, пришли и сюда; и одинъ изъ воиновъ началъ со смѣломъ взбираться къ башнѣ; и смѣлнѣе надъ нимъ жены Явды и старый стражъ. Между тѣмъ Римлянинъ, нарабаясь руками и ногами, добрался до верку, и обнаживъ мечъ вскочилъ и, ударивъ старика по шеѣ, обезглавилъ его. А другіе воины, ободрившись и цѣпляясь другъ за друга, влѣзли въ башню и, захвативъ женъ Явды и великія сокровища, доставили Соломону.

Соломонъ окружилъ стѣнами Ливійскіе города, и послѣ того какъ побѣжденные Маврусійцы удалились изъ Нумидіи, подчинилъ римскому подданству страну Завскую и Нумидію съ ея метрополіею (т.-е. главнымъ городомъ) Етифою. А въ другой Мавританіи главный городъ Кесарія, которую еще вренде покорилъ Велзарій. Такимъ образомъ всѣ Ливійцы одѣланы подданными римлянъ и пользуются постояннымъ миромъ.

Четыре года спустя послѣ этого замиренія въ 17 лѣто Юстинианово, Киръ и Сергій, дѣти Вакха, брата Соломонова, были посланы отъ царя начальствовать надъ Ливіею,—Киръ надъ Пентаполемъ, а Сергій надъ Триполемъ. Тогда Маврусійцы прислали своихъ старѣйшинъ въ городъ Масну Лепту къ Сергію поднести ему дары и подтвердить миръ. Сергій же, по совѣту Триполійца Пуденція, 80 знатнѣйшихъ варваровъ принялъ въ городъ, обѣщая исполнить все по ихъ просьбѣ и клятвенно подтвердилъ миръ; а остальныхъ выроводилъ вонъ въ предѣлѣ, — и пригласивъ первыхъ (т.-е. 80) къ обѣду, всѣхъ умертвилъ. Только одинъ изъ нихъ тайно ускользнулъ и сообщивъ землякамъ, что случилось. Эти послѣдніе, услышавъ о происшествіи, бѣгомъ бросились въ свой лагерь и вмѣстѣ со всѣми своими землянами, бывшими въ лагерьѣ, обратились на Римлянъ съ воплями мщенія. Сергій съ Пуденціемъ вышелъ на встрѣчу варварамъ; началась битва, и Пуденцій, потерявъ многихъ изъ своихъ согражданъ, и самъ гибнетъ. Сергій же, пришедши въ неслыханный страхъ, отплылъ къ Соло-

мону, своему дядѣ, въ Корхидонѣ. Тогда Маврусійцы оставили за собою всю страну Триполійскую; варвары разграбили все тамошнія мѣста и, плѣнивъ множество Римлянъ, направились къ Пентополю. Киръ, узнавъ объ этомъ, какъ бѣглець отплылъ въ Корхидонѣ. Варвары, не встрѣчая себѣ никакого противодѣйствія, взяли городъ Веронику, направились къ Корхидону и достигли до Визакіа, своими набѣгами разграбили весьма многія тамошнія мѣстности. Антала, имѣя вражду на Соломона за убіеніе имъ своего брата, соединяется съ варварами и ведетъ ихъ противъ Корхидона и Соломона. Соломонъ, услывшавъ это, собираетъ войско и идетъ къ нимъ на встрѣчу. И дошедши до Весты, города, стоящаго на 6 дней пути отъ Корхидона, сталъ здѣсь лагеремъ. И были съ нимъ Киръ и Сергій, и Соломонъ младшій—двѣи Ванковы. Увидавъ же множество варваровъ, Соломонъ испугался и послалъ къ ихъ начальникамъ съ заявленіемъ, что напрасно они, будучи давними союзниками Римлянъ, вооружились противъ нихъ и что слѣдовало бы утвердить миръ и обязать другъ друга клятвами. Варвары, издѣваясь надъ этими рѣчами, отвѣчали: «такъ какъ Сергій, помявшисъ надъ евангеліемъ, отлично соблюлъ клятву, перебивъ 80 нашихъ соплеменниковъ, то можемъ ли мы теперь вѣрить вашимъ клятвамъ?» Завязывается сраженіе и Римляне обращаются въ бѣгство. При этомъ конь Соломона осаживается на дыбы и самъ Соломонъ гибнетъ, а равно и его копьеносцы.

Племяннику Соломона Сергію было поручено отъ императора начальство надъ Ливією. Иоаннъ же сынъ Сисантіола и другіе начальники воздвигли противъ Сергія великую ненависть, такъ что не хотѣли и за оружіе братьевъ, и варвары все безбоязненно грабили. А Антала написалъ императору Юстиниану, что все двѣ Маврусійцы охотно соглашались быть твоими вѣрными подданными, но не могутъ терпѣть насильственныхъ поступковъ со стороны Соломона и его племянниковъ, и потому отложились. Отзови племянниковъ Соломона, и миръ между Римлянами и Маврусійцами состоится.—Но императоръ не захотѣлъ поступить такимъ образомъ.

Поэтому Антала и Маврусійское полчище собрались опять къ Визакію; туда же пришелъ и Чоча, имѣя съ собою немного вандальскихъ воиновъ. Между тѣмъ Ливійцы просили Иоанна, сына Сисантіолова, собрать ополченіе и выступить противъ враговъ вмѣстѣ съ Имеріемъ, начальникомъ визакійскихъ повобранцевъ. Иоаннъ, собравъ войско, двинулся противъ враговъ, приказавъ Имерію идти впередъ. Въ происшедшей затѣмъ битвѣ Римляне терпятъ пораженіе, и варвары берутъ въ плѣнъ живьемъ Имерія съ его ополченіемъ. Имерія

посадили подъ стражу, а воиновъ его, согласившихся сражаться противъ Римлянъ, отдали Чочъ. Благодаря присутствію Имерія варвары берутъ хитростію городъ Адрамитъ. Въ это время иные изъ Ливійцевъ убѣжали въ Сицилію, а иные на другіе острова и въ Византію; Маврусійцы же и Чоча совершенно безпрепятственно разграбили всю Ливію.

Прибывшіе въ Византію Ливійды умоляли императора, чтобы онъ послалъ въ Ливію войско и отличнаго полководца. Императоръ отправилъ съ немногими войнами Ареобинда, мужа благороднаго и благонамѣреннаго, но совершенно неопытнаго въ военномъ дѣлѣ, и вмѣстѣ съ нимъ Аеанасія и немногихъ Армянъ, надъ которыми начальствовали Артабанъ и Іоаннъ Арсакиды. Но Царь не отозвалъ и Сергія, а приказалъ и ему вмѣстѣ съ Ареобиндомъ быть Ливійскимъ воеводою и притомъ, такъ чтобы Сергій велъ войну съ Нумидійскими варварами, а Ареобиндъ сражался съ находящимися въ Визакіи Маврусійцами. Ареобиндъ, прибывъ въ Ливію и получивъ въ свое распоряженіе половину войска, послалъ Іоанна, сына Констанціолова, противъ Чочи и варваровъ. Іоаннъ, увидѣвъ множество враговъ, принужденъ былъ вступить съ ними въ рукопашный бой. Іоаннъ и Чоча находились во взаимной враждѣ, такъ что каждый изъ нихъ готовъ былъ умереть, лишь бы только убить другаго. Когда началась битва, они выступивъ изъ строя, бросились другъ на друга. Іоаннъ, натиувъ лукъ, угодилъ Чочѣ въ правый пахъ, отчего тотъ чрезъ нѣсколько дней и померъ. Варвары въ безчисленномъ множествѣ и съ большимъ жаромъ бросившись на враговъ, перебили всѣхъ Римлянъ, въ томъ числѣ и Іоанна. Говорятъ, что сей послѣдній сказалъ: «умираю сладостною смертію, ибо исполнилась молитва моя относительно Чочи». Равно и Чоча, узнавъ о смерти Іоанна, умеръ съ радостію. Убитъ былъ и Іоаннъ Армянинъ. Царь, узнавъ объ этомъ, былъ печаленъ и, лишивъ Сергія начальства, отозвалъ его къ себѣ. А начальство надъ Ливіею поручилъ одному Ареобинду.

Спустя два мѣсяца нѣкто Готеорисъ, вождь Нумидійскихъ новобранцевъ, подкапываясь подъ Ареобинда, тайно пригласилъ Маврусійцевъ напасть на Корхидонъ. И вотъ одновременно вражескія войска изъ Нумидіи и Визакіи, соединившись вмѣстѣ, со тщаніемъ пошли къ Корхидону. Нумидійцами предводительствовали Кунчина и Явда, а Визакійцами Антала. Присоединился къ нимъ и узурпаторъ Іоаннъ, преемникъ Чочи, вмѣстѣ съ мятежниками. Узнавъ объ этомъ Ареобиндъ и полагаясь на Готеориса, какъ на друга, поручилъ ему войско и направилъ его вмѣстѣ съ Артабаномъ и Армянами противъ непріа-

телей. А Готеорисъ послалъ своего повара, родомъ изъ Маврусіевъ, заявить Анталѣ, что онъ Готеарисъ хочетъ раздѣлить съ нимъ владычество надъ Ливією. Антала съ радостію принялъ это предложеніе, но отвѣчалъ, что не безопасно о такихъ дѣлахъ переговариваться при посредствѣ повара. Тогда Готеорисъ послалъ къ Анталѣ въ качествѣ довѣреннаго человѣка своего копьеносца Улисеея съ приглашеніемъ приблизиться къ Карѣагену и прикончить Ареобинда. Улисеей тайно видѣлся съ Анталою, и они согласились на томъ, что Антала будетъ властвовать надъ Визакіемъ и возьметъ половину сокровищъ Ареобиндовыхъ и 1500 римскихъ воиновъ, а Готеорисъ приметъ царское достоинство и господство надъ Карѣагеномъ. Заключивъ такой договоръ, Улисеей возвратился къ Готеорису. Варвары съ большимъ одушевленіемъ шли къ Карѣагену. Взявши Децимъ и поставивъ въ немъ лагерь, они на слѣдующій день подошли къ Карѣагену и встрѣченные римскимъ войскомъ, въ неожиданно случившейся битвѣ, потеряли многихъ Маврусійцевъ. А Готеорисъ зло ругалъ побѣдителей, какъ людей безразсудно дерзкихъ, которые подвергаютъ опасности успѣхи римскаго оружія.—Между тѣмъ Ареобиндъ вступилъ въ сношенія съ Кутциною, приглашая его измѣнить Маврусійцамъ и получилъ на то его согласіе; ибо племя Маврусійцевъ всегда обманчиво и между собою и по отношенію ко всѣмъ прочимъ. Ареобиндъ по довѣренности открылъ о своихъ сношеніяхъ съ Кутциною Готеорису, который убѣждалъ его не вѣрить Кутцинѣ, а самъ чрезъ посредство Улисеея сообщилъ все Анталѣ. Готеорисъ замышлялъ тайно убить Ареобинда и убѣждалъ его выйти изъ Карѣагема на мѣсто военныхъ дѣйствій. Ареобиндъ же, какъ человѣкъ неопытный въ войнѣ и неспособный владѣть оружіемъ, отрекался. Такъ прошелъ день, и, отложивъ битву до завтра, Ареобиндъ остался въ Корхидонѣ. Тогда Готеорисъ, подозрѣвая, что Ареобиндъ нарочно медлитъ, потому что догадывается объ его измѣнѣ, открыто взбунтовался противъ него. Ареобиндъ поспѣшно оставилъ Карѣагентъ и, предавшись бѣгству, сѣлъ на корабль и намѣревался отплыть въ Византію, елибы не помѣшала дурная погода. Тогда пославъ Аѳонасію въ Карѣагентъ, Ареобиндъ пригласилъ къ себѣ кое-кого, въ томъ числѣ и Артабана. Сей послѣдній много убѣждалъ Ареобинда не падать духомъ, не робѣть, не бояться Готеориса, но идти на него вмѣстѣ со всѣми своими сторонниками, прежде нежели зло разростется. Между тѣмъ Готеорисъ наговаривалъ воинамъ на Ареобинда, что онъ робокъ и не мужественъ, и не хочетъ выдавать имъ царскаго жалованья. Наконецъ Ареобиндъ вмѣстѣ съ Артабаномъ и другими сопутниками двинулся про-

тивъ Готеориса. Началась битва на передовыхъ фортахъ и въ другихъ входахъ въ городъ. Весьма многіе изъ воиновъ не участвовали въ замыслахъ Готеориса и дружно бились противъ него. Но Ареобиндъ, видя непривычное для себя зрѣлище убиваемыхъ людей, не могъ преодолѣть своей трусости, побѣжалъ и скрылся вмѣстѣ съ женою и сестрою, какъ въ безопасномъ убѣжищѣ, въ приморскомъ монастырѣ, который Соломономъ былъ построенъ и обнесенъ стѣнами. Тогда и Артабанъ предался бѣгству. Готеорисъ же, одержавъ полную побѣду, вступилъ во дворецъ и послалъ Коркидонскаго архіерея и Аеанасія удостовѣрить Ареобинда въ безопасности и привести его въ дворецъ, съ угрозою въ случаѣ непослушанія осадить его убѣжище, причѣмъ послѣ уже пощады не будетъ. Ареобиндъ, получивъ отъ епископа Репората удостовѣреніе въ безопасности, явился предъ Готеорисомъ и палъ предъ нимъ ницъ, протягивая какъ какую нибудь челобитную тѣ евангелія, надъ которыми іерей далъ ему удостовѣреніе въ безопасности. Готеорисъ поднялъ Ареобинда, при всѣхъ присутствующихъ поклялся, что не сдѣлаетъ ему никакого зла, но на другой день отошлетъ его въ Византію вмѣстѣ съ его женою и сокровищами; и отпустивъ іерея, удержалъ Ареобинда и Аеанасія во дворцѣ ужинать съ собою. И за трапезою почтилъ Ареобинда, помѣстивъ его рядомъ съ собою; а послѣ ужина приказалъ ему почивать въ спальномъ покоѣ. И пославъ туда Улисеея и еще кой-кого умертвилъ Ареобинда, не смотря на его вопли и рыданія. Аеанасія же пощадилъ ради его старости. И на утро голову убитаго послалъ Апталъ, а сокровища взялъ себѣ, а ему ничего не далъ вопреки договору.

Аптала, узнавъ о судьбѣ Ареобинда и извѣдавъ клятвопреступность Готеориса, захотѣлъ стать на сторону царя Юстиніана. Артабанъ же, получивъ отъ Готеориса удостовѣреніе въ безопасности, вошелъ во дворецъ съ Армянами и согласился служить тирану; но втайнѣ помышлялъ убить его. Свой помыслъ онъ открылъ племяннику Григорію и кошыеносцу Артасирію, на чтó Григорій сказалъ ему: «теперь, Артабанъ, тебѣ одному предстоитъ увѣнчаться доблестію Велизарія. Онъ, взявъ у царя войско и много сокровищъ и сопровождаемый начальниками и неслыханнымъ дотолѣ флотомъ съ большимъ трудомъ привелъ Ливію въ подданство Римлянамъ. А теперь, когда Ливія опять по прежнему отпала отъ царской державы, тебѣ одному приходится снова подчинить ее царю и поправить дѣла. Помысли, что ты происходишь изъ древняго рода Арсакидовъ и что твое знатное происхожденіе обязываетъ тебя всегда быть мужественнымъ и совершать подвиги

чрезвычайной доблести. Вспомни, какъ еще въ юности ты поддерживалъ въ битвахъ Армянскаго начальника Акакія и Римскаго воеводу Чучу,—а потомъ бывалъ въ походахъ вмѣстѣ съ Хозроемъ, царемъ Персидскимъ. Тебѣ ли, столь доблестному мужу, сложа руки смотрѣть, какъ Римская власть захвачена чуждымъ цесомъ? Что же касается до насъ, то я и Артасирій, будемъ по мѣрѣ возможности исполнять твои приказанія».

Между тѣмъ Готеорисъ поручилъ Артабану начальство надъ войскомъ и направилъ его противъ Анталы и Маврусіицею находящагося въ Визакіи. Былъ при войскѣ Артабана и Іоаннъ, вождь мятежниковъ, и Улисеей копьеносецъ; слѣдовали за войскомъ и тѣ Маврусіицы, которые были подъ начальствомъ Кутцины. Артабанъ, вступивъ въ сраженіе съ Ангалою и варварами, обратилъ ихъ въ бѣгство. Но внезапно вознерадѣвъ, повернулъ войско назадъ и направился къ лагерю. Тамъ Улисеей собирався убить его. Объясняя свой поступокъ, Артабанъ говорилъ, что онъ опасался, чтобы вышедшіе изъ Адрамата варвары не помогли противникамъ и не сдѣлали намъ не поправимой бѣды; но пусть Готеорисъ придетъ со всемъ войскомъ и истребитъ ихъ всѣхъ. Возвратясь въ Корхидонъ, Артабанъ въ такомъ же духѣ докладывалъ дѣло тирану. А сей послѣдній, по совѣту Пасифія, рѣшилъ вооружить все войско и отправиться съ нимъ въ походъ, оставивъ въ городѣ только сторожей. И ежедневно многихъ убивалъ Готеорисъ по подозрѣнію. Вышедъ же изъ Корхидона въ предмѣстіе, гдѣ съ давнихъ поръ стояли три дачи, тамъ затворился на отдыхъ съ Артабаномъ, Аванасіемъ и Петромъ копьеносцемъ. Артабанъ, находя этотъ случай удобнымъ для убіенія тирана, вмѣстѣ съ Григоріемъ, Артасиріемъ и нѣсколькими вѣрными копьеносцами рѣшился на смѣлое дѣло. Копьеносцамъ съ мечами онъ приказалъ находиться внутри палаты (такъ какъ былъ обычай, чтобы во время трапезы начальниковъ копьеносцы стояли позади ихъ) и тотчасъ же дѣйствовать оружіемъ, какъ скоро онъ мгновеніемъ обозначитъ ихъ время для этого, при чемъ Артарію приказалъ быть начинателемъ; а Григорію приказалъ, собравъ многихъ смѣлыхъ Армянъ, вооруженныхъ одними мечами, быть на готовѣ въ палатѣ, но никому не открывать замысла. Когда за трапезой дома шло виноцитіе и Готеорисъ уже сильно упился, Артасирій, обнаживъ мечъ, направилъ на тирана; тогда одинъ изъ слугъ, увидѣвъ остріе меча, закричалъ: «что это значитъ, почтеннѣйшій?» Готеорисъ обернулся и взглянулъ на Артасирія, который тотчасъ же ударилъ его мечемъ и отсѣкъ правую руку. Тиранъ вскочилъ, а Артасирій немедленно вонзилъ ему въ бокъ мечъ до самой рукоятки и мгно-

венно умертвилъ его. Тогда Артабанъ приказалъ Аеанасію взять подъ свое попеченіе сокровища дворца, какъ это было при Ареобиндѣ.

Когда стражи узнали о смерти Готеориса, то провозгласили Юстиніана добропобѣднаго Императора. Затѣмъ сторонники государя, устремившись въ дома мятежниковъ, перебили ихъ. Іоаннъ съ вандалами убѣжалъ въ храмъ, откуда Артабанъ вывелъ ихъ, клятвенно завѣривъ въ безопасности, и отправилъ въ Византію. Совершилось же убіеніе тирана спустя 36 дней его тиранніи, въ 19 лѣто Юстиніаново. Вслѣдствіе этого обстоятельства Артабанъ чрезвычайно прославился предъ всѣми людьми. Періекта, жена Ареобиндова, поднесла Артабану великіе дары. А царь назначилъ его воеводою во всей Ливіи. Не много спустя Артабанъ отпросился у царя и ушелъ въ Византію, а царь назначилъ воеводою Ливійскимъ Іоанна брата Пастова.

Іоаннъ, принявъ въ управленіе Ливію, устроилъ походъ противъ Анталы и бывшихъ въ Визаніи Маврусійцевъ, одержалъ надъ ними побѣду, перебилъ много враговъ, и, отнявъ захваченныя варварами Соломоновы знамена, отослалъ ихъ въ Византію; а прочихъ варваровъ прогналъ изъ римскихъ владѣній.—Впослѣдствіи, Левасты изъ предѣловъ Триполійскихъ съ большимъ войскомъ, прибывъ въ Визакіи, соединились съ Анталою. Іоаннъ вышелъ на встрѣчу имъ, но былъ разбитъ и, потерявъ многихъ воиновъ, удалился въ Корхидонъ. Варвары же, дошедши до своего Кароагена, опустошили тамошнія окрестности. Наконецъ Іоаннъ возбудилъ мужество въ своихъ войнахъ и, взявъ себѣ на помощь другихъ Маврусійцевъ, бывшихъ съ Кутциною, одолѣлъ и обратилъ въ бѣгство враговъ и, учинивъ сильное преслѣдованіе, перебилъ великое ихъ множество. Прочіе же убѣжали за предѣлы Ливіи. И такимъ образомъ Ливія достигла наконецъ глубокаго мира.

л. м. 6027, р. х. 527.

Первый годъ епископства Іоанна Іерусалимскаго.

Въ этомъ году царь Иверскій Саманорсъ пришелъ въ Константинополь съ женою своею и вельможами къ благочестивому царю Юстиніану, заявляя свое желаніе быть союзникомъ и вѣрнымъ другомъ Римлянъ. Царь, принявъ такую готовность, много почтилъ Саманорса и вельможъ его. Равно и Августа подарила женѣ его разныя украшенія изъ дорогихъ камней. И отпустилъ ихъ императоръ съ миромъ въ ихъ государство.

л. м. 6028, р. х. 528.

Первый годъ епископства Агапита Римскаго.

Въ этомъ году пострадалъ отъ гнѣва Божія Помпейнополь Мисійскій. Ибо земля разсѣлась отъ землетрясенія и провалилась половина города съ жителями. И очутились они подъ землею и слышны были голоса умоляющихъ о помощи. И много денегъ давалъ царь для того чтобы раскапывали и спасали заживо погребенныхъ и награждалъ трудившихся въ раскопкѣ.

Въ томъ же году Юстиніанъ заповѣдалъ пѣть въ церквахъ: *Единородный Сыне и Славе Божій*. Устроилъ также часы на Миліѣ.

л. м. 6029, р. х. 529.

Первый годъ епископства Анеима Константинопольскаго.

Въ этомъ году скончался епископъ Епифаній мѣсца іюня 5, индактіона 15, занимавшій каеэдру 17 лѣтъ и 3 мѣсяца; и переведенъ былъ въ Константинополь Анеимъ еретикъ, епископъ Трапезунскій; въ это же время Агапитель, епископъ Римскій, прибывъ въ Константинополь, составилъ соборъ противъ нечестиваго Севара, Юліана Галикорнасскаго и другихъ ееопасхитовъ; въ числѣ которыхъ и Анеимъ, епископъ Константинопольскій, какъ единомышленникъ ихъ, былъ низверженъ и прогнанъ послѣ десятимѣсячнаго епископства. И рукоположенъ вмѣсто него Мина, пресвитеръ Сампсоніевой страннопріимницы, отъ руки Агапита, папы римскаго. Агапитель же, епископъ римскій, будучи въ Константинополь, скончался, и рукоположенъ вмѣсто него Сильвестръ, жившій одинъ годъ.

л. м. 6030, р. х. 530.

Первый годъ епископства Сильвестра римскаго, Мины Константинопольскаго, Гвины Александрійскаго.

Въ этомъ году декабря 27, было первое обновленія великой церкви. И шелъ крестный ходъ отъ святой Анастасіи, при чемъ патріархъ Мина сидѣлъ на царской колесницѣ, а царь шелъ пѣшкомъ вмѣстѣ съ народомъ. А прошло отъ дня пожара святѣйшей великой церкви до обновленія въ 5 лѣтъ, 11 мѣсяцевъ и 10 дней. •

л. м. 6031, р. х. 531.

Первый годъ епископства Вигилія римскаго, Θεодосія Александрійскаго.

Въ этомъ году поднялись Болгаре. Два князя со множествомъ болгаръ и Друнгомъ вторглись въ Скию и Мисю въ то время какъ въ Мисіи начальствовали войсками Юстинъ, а въ Сявоіи Баударій. Эти полководцы, двинулись противъ болгаръ, рѣшили на битву; и палъ въ битвѣ вождь Юстинъ; и назначенъ былъ вмѣсто него Константинъ, сынъ Флоренція. И дошли болгары до предѣловъ Фракійскихъ. И вышелъ противъ нихъ полководецъ Иллирика Акумъ гуннъ, котораго царь воспринималъ отъ крещенія. И римскія войска, оцѣпивъ болгаръ со всѣхъ сторонъ, стали ихъ рубить и забилы многое множество, и отняли всю добычу и разбили на голову, умертвивъ а двухъ князей болгарскихъ. И когда побѣдители возвращались съ радостью, напали на нихъ другіе Болгары и поймали на арканъ бѣгущихъ Константина, Акума и Годилму. Изъ нихъ Годила кинжаломъ перерѣзала арканъ и убѣжала; а Константинъ и Акумъ были взяты живые. Константина болгары выдали на выкупъ за 1000 копѣекъ, и онъ возвратился въ Константинополь. Акума же повели въ свое отечество вмѣстѣ съ другими плѣнниками.

Въ томъ же году Хозрой, царь Персидскій, взялъ Антихію Великую въ Сиріи и взошелъ въ Апамею и другіе города.

л. м. 6032, р. х. 532.

Въ этомъ году появился въ римскихъ предѣлахъ Мундъ, происходящій изъ племени Гепидовъ, сынъ Гисма. Исторія Мунда такова. По смерти отца Мундъ пришелъ къ Ригу, своему дѣду по матери владѣтелю Сирміискому. Узнавъ объ этомъ владѣтель Рима Теодорикъ послалъ къ Мунду приглашеніе, вслѣдствіе котораго Мундъ отправился къ Теодорикъ и жилъ при немъ въ качествѣ его воинскаго сподвижника. Послѣ смерти Теодорика Мундъ пришелъ къ рѣкѣ Дунаю и просилъ императора Юстиніана принять его подъ свою державу. И пришелъ въ Константинополь, гдѣ царь оказалъ очень любезный и почетный пріемъ ему и сыну его, и отпустилъ ихъ, назначивъ Мунда военачальникомъ Иллирика. И въ то время, когда Мундъ находился въ Иллирикѣ, пришли туда болгары въ великомъ множествѣ; и навая на нихъ, Мундъ всѣхъ ихъ разбилъ. И изъ числа плѣнныхъ послалъ въ Константинополь ихъ вождей и многихъ другихъ болгаръ, и показывали ихъ съ торжествомъ на ипподромѣ. И настала глубокой миръ во Фракіи, ибо Гунны не дерзали уже переходить черезъ Дунай. А плѣнниковъ болгарскихъ царь послалъ въ Арменію и въ Лазіку, и были включены они въ число рядовыхъ воиновъ.

IV.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЪ,
КАКЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПАМЯТНИКЪ
КІЕВСКОЙ ДРУЖИННОЙ РУСИ.

Въ связи съ древнерусскою письменностію и живымъ
народнымъ пѣснотворчествомъ.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ

Е. В. Барсова.

Съ новыми неизвѣстными приложеніями.

ЧАСТЬ II.

1.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЪ ВЪ ЕГО ЦѢЛОМЪ И ЧАСТЯХЪ.

Необходимость изложенія «Слова» въ его цѣломъ и частяхъ. Составъ «Слова» Вступленіе. Часть первая: Описаніе похода Игорева и взглядъ на бѣдствія имъ вызванныя. 1. Походъ Игоревъ. Частнѣйшія картины: а) Характеристика Игоря. б) Характеристика Всеволода—главныхъ героевъ похода. в) Переполохъ въ землѣ Половецкой, вызванный походомъ Игоря. г) Изображеніе неминуемой опасности, угрожающей Русскимъ героямъ. д) Первая удачная стычка. е) Бой 2-й. ж) Бой 3-й въ сравненіи съ ратями стараго времени, въ особенности же съ боемъ на Нежатиной нивѣ. 2. Взглядъ на бѣдствія Русской земли и ихъ причины. Частнѣйшія картины: а) Дѣла обвѣда, какъ разжигательница княжихъ усобицъ. б) Карина и Желъ, какъ виновницы плачей и сѣтованій Русской земли. Переходъ ко 2-й части «Слова»: сопоставленіе похода Игоря съ предшествовавшимъ ему походомъ Святослава на тѣхъ же Половцевъ. Часть вторая: Сонъ Святослава и его золотое слово. 1. Сонъ Святослава. а) Частнѣйшія картины: его видѣнія и б) толкованіе ихъ боярами. 2. Золотое слово: а) Упреки Святослава, обращенныя къ Игорю и Всеволоду. б) Воззванія къ князьямъ о помощи. Переходъ къ третьей части «Слова»: Судъ Божій въ судьбѣ славнаго Всеслава и безпомощность нынѣшней Руси вследствие распада центра «на горахъ Кіевскихъ». Часть третья: Плачь Ярославны и спасеніе Игоря. 1) Плачь Ярославны: Частнѣйшія картины: а) моленіе къ вѣтру; б) моленіе къ Днѣпру. в) моленіе къ солнцу. 2. Спасеніе Игоря—какъ послѣдствіе ея молитвы. Частнѣйшія картины: г) Торжество Игоря. а) Досяда заполь. б) Веселіе Русской земли. Заключеніе или славословіе.

Прежде чѣмъ приступимъ къ критическому изученію дошедшаго до насъ текста «Слова» считаемъ нужнымъ изложить здѣсь памятникъ въ его цѣломъ и частяхъ. Сдѣлать это тѣмъ необходимѣе, что «Слово» слишкомъ глубоко по своему смыслу и въ высшей степени художественно по своей образности. Это то же, что живописная картина гениальнаго художника: чѣмъ больше ее изучаешь, тѣмъ больше ею овладѣваешься. Гдѣ является недостатокъ пониманія, тамъ не

достають лишь достаточнаго изученія. Общій планъ «Слова» для всякаго замѣтенъ, но связь частнѣйшихъ мыслей отъ вниманія часто ускользаетъ и мало сознается. Прелесть художественныхъ образовъ чувствуется, но полной ясности своей не достигаетъ. Всѣ существующіе переводы крайне безцвѣтны; всѣ комментаріи безхарактерны. Первые слишкомъ стираютъ поэтическіе образы и ослабляютъ силу выражаемыхъ мыслей; послѣдніе больше предстѣвляютъ лексикологическій характеръ. Предлагаемое нами изложеніе «Слова» въ его цѣломъ и частяхъ имѣетъ задачей облегчить для читателя разумніе этого гениальнаго и глубокаго творческаго произведенія кievской Руси. Такое изложеніе лучше всего покажетъ намъ и то, дѣйствительно ли дошедшій до насъ текстъ «Слова» такъ испорченъ и искаженъ перепищиками, переплетчиками и издателями, какъ намъ говорятъ о томъ современные его изслѣдователи. Предположенія въ текстѣ пропусковъ, вставокъ, глоссъ, едва ли не болѣе всего обусловлены именно недостаткомъ пониманія «Слова» въ его цѣломъ и частяхъ. Такія гаданія свидѣтельствуютъ лишь о томъ, какъ не далеко еще ушла наша ученая литература въ художественномъ его разумніи.

Основанія для такого или другаго чтенія, такого или другаго пониманія темныхъ и неисправныхъ мѣстъ «Слова» предлагаются нами въ дальнѣйшихъ главахъ нашего изслѣдованія. Въ настоящемъ же разборѣ мы будемъ имѣть дѣло главнымъ образомъ лишь съ построеніемъ и формою Игоревой пѣсни.

Слово о полку Игоревѣ есть художественный и поэтический памятникъ, въ которомъ вслѣдъ за «Вступленіемъ» живо рисуются три главныхъ картины, относящіяся къ походу Игоря, изображенныя въ частнѣйшихъ очертаніяхъ, не въ послѣдовательной преемственности фактовъ, но по ихъ внутреннему и идеальному соотношенію, по начертанному плану, по пѣсенному замысленію. Эти картины могутъ быть названы основными частями Игоревой пѣсни и суть слѣдующія: I. Самый походъ Игоря съ его послѣдствіями. II. Сонъ Святослава и его золотое слово. III. Плачь Ярославны и спасеніе Игоря. Заключеніе или славословіе.

Вступленіе въ „Слово“.

Своимъ вступленіемъ авторъ освѣщаетъ построеніе своего творенія, самый складъ его и поэтическій характеръ. Авторъ называетъ свое твореніе *пѣснью* (начати же ся *той пѣсни*), точно такъ, какъ *пѣснью же* называетъ онъ и старыя слова Бояна (аще хотяше кому *пѣснь* творити). Этимъ даетъ онъ замѣтить, что его «Слово» по своей *пѣсенной формѣ* есть твореніе одного рода съ *старыми словами* и что его пѣснь по былинамъ, такъ сказать, соткана на основѣ Боянова пѣснотворчества. Онъ желалъ бы начать свое «Слово о походѣ Игоря» по образцу «Старыхъ Словесъ» по Бояновски, ширью—далью героической:

„Или не такъ, какъ начинались
 „Слова—пѣсни старинныя,
 „Начать вамъ, братья, подобало бѣ
 „Разказы страдны—боевые
 „О походѣ князя Игоря,
 „Святославича Игоря.

Но авторъ чувствуетъ себя какъ бы безсильнымъ стоять на высотѣ поэзіи стараго времени и находитъ себя вынужденнымъ слѣдовать требованіямъ повѣствованія своей литературной эпохи и начать свою пѣснь съ положительной дѣйствительности, прямо съ историческихъ фактовъ, по былямъ сего времени:

„Но быть той пѣсни—начинатъся
 „По дѣяніямъ сего времени,
 „А не по размыслу Боянову.

Пѣснотворчество Бояна уносилось въ вѣка древнія и къ дѣяніямъ отдаленнымъ; оно захватывало слишкомъ широкое поле событій и время и при этомъ умѣло овладѣвать ихъ необъятнымъ содержаніемъ, подчиняя ихъ замышленію, плану, идеальному распорядку. Существенными чертами Бояновскаго пѣснотворчества были имен-

но широкіе полеты фантазіи, быстрые переходы отъ одного момента дѣйствія къ другому, идеальная стройность ихъ расположенія. Это пѣснопотворчество было не обычное, не человѣческое, вдохновенное:

„Вѣдь если да вѣщій Боянъ
 „Хотѣлъ кому пѣснь творить,
 „То фантазія носилась,
 „Што есть бѣлка по лѣсу,¹
 „Словно волкъ сѣрый по землѣ,
 „Будто сизый орелъ по поднебесью:
 „Онъ зналъ вѣдь, какъ поскажутъ,
 „Междуусобья время дровнихъ.

Таковы были «Старыя Словеса», таково было замышленіе Бояново. При этомъ пѣснопѣнія его сопровождались еще струнной игрой—и эта игра была также дивная, чарующая, вдохновенная.

Да комуужь² пускаль Боянъ
 Десять соколѡвъ на стадо лебедей:
 Какую догонять,³
 Та прежде пѣсню запѣвала
 Или старому Ярославу,
 Или храброму Мстиславу
 Иль прекрасному Роману Святославичу.
 Но то, братья, не десять соколѡвъ
 Пускаль Боянъ на стадо лебедей,
 Но вѣщіе персты свои
 Клалъ онъ на струны живыя,
 И тѣ сами славу князьямъ выговаривали.

Вѣщій Боянъ обладалъ не обыкновенною, сверхъ-естественною силою творчества, а потому не удивительно, если и персты его, извлекавшіе

¹ См. въ «Палеографической критикѣ текста»: «*Растекашется мыслью*».

² См. въ «Лексикологическомъ словѣ»: *Тогда*.

³ См. въ «Палеографической критикѣ текста»: «*который дотечаше*».

изъ гуслей стольже чудесные, чарующіе звуки, называются «*сѣщими*». Струны, подъ его вѣдими перстами, сами славу князьямъ выговаривали, словно рѣчью живою, и потому не удивительно, если и онѣ называются «*жмемими*».

Итакъ, авторъ замыслилъ создать такое же «Слово о походѣ Игоря» какъ и «Старыя Словеса», такую же пѣснь, какия творилъ Боянъ, по замышленію, по идеальному распорядку явленій, но тогда какъ Бояново замышленіе не имѣло предѣловъ; не стѣснялось ни временемъ, ни пространствомъ, растекалось во всю ширь фантазіи, его собственная пѣснь, въ силу новыхъ требованій повѣствованія, должна сдерживаться дѣйствительнымъ содержаніемъ, обуславливаться историческимъ фактомъ. Такимъ образомъ его «Слово» бывъ соткано на основѣ «Старыхъ Словесъ» должно уступить имъ въ области творческаго матеріала, въ широтѣ творческихъ приѣмовъ, въ качествѣ творческихъ созданій, подчиняясь новымъ требованіямъ историческаго повѣствованія. Въ этомъ именно смыслѣ, авторъ въ самомъ началѣ наименовавъ «Слово» свое *пѣснью*, затѣмъ, переходя къ самому повѣствованію, называетъ его уже *повѣстію*. «Начнемъ же, говорить, *повѣсть сію*».

Характеризуя пѣснотворчество Бояново, авторъ указалъ эпоху, когда создавались эти художественныя «Старыя Словеса». Пѣсни Бояна, по словамъ его, относились ко временамъ стараго Ярослава. Переходя къ изложенію своей повѣсти о походѣ Игоря или же пѣсни по былинамъ сего времени, онъ отмѣтилъ и то, когда именно начиналась эта новая эпоха строго-историческаго повѣствованія, которому должна была подчиниться и самая поэзія. *Почнемъ же повѣсть сію*, говоритъ онъ, *отъ стараго Владиміра до нынѣшняго Игоря*. Вотъ гдѣ предѣлъ окончанія «Старыхъ украшающихъ Словесъ»; вотъ гдѣ грань, съ которой начинаются пѣсни по былинамъ, а не по замышленію Бояна; вотъ та область литературной новой эпохи, къ которой относится «повѣсть сія», *пѣснь по былинамъ сего времени*.

Поведемъ же нашъ рассказъ, заканчиваетъ авторъ свое «введеніе къ Игоревой пѣсни, не такъ какъ рассказывали отъ стараго Ярослава, не по замышленіямъ Бояновымъ, но такъ, какъ повѣствуютъ отъ стараго Владиміра, по дѣяніямъ сего времени, до нынѣшняго

Игоря. Творческая мысль автора какъ бы носится на пространствѣ двухъ литературныхъ эпохъ и утверждаетъ въ намѣреніи слѣдовать требованіямъ современнаго повѣствованія. Имя Владиміра Мономаха является здѣсь именно какъ грань, раздѣляющая два литературныхъ направленія и какъ символъ требованій новой литературной эпохи, ограничивающихъ просторъ творческой фантазіи, но за то болѣе отвѣчающихъ исторической дѣйствительности.

„Итакъ, начнемъ мы эту повѣсть

„Отъ стараго Владиміра¹

„До нынѣшняго Игоря.

Отмѣчая новую эпоху исторической поэзіи, характеру которой авторъ намѣренъ слѣдовать, онъ не теряетъ изъ виду въ своемъ повѣствованіи и другихъ историческихъ событій этой эпохи *отъ стараго Владиміра до нынѣшняго Игоря*. Составъ «Слова» даетъ достаточно замѣтить, что походъ Игоревъ, составляющій главный предметъ его пѣсни по былинамъ, изображается въ немъ не какъ единичное и само въ себѣ взятое явленіе, но какъ одинъ изъ поучительнѣйшихъ фактовъ въ связи съ цѣлою указанной эпохой, имѣющихъ въ ней свой смыслъ и объясненіе. Вотъ почему

¹ Первые издатели «Слова» и за ними и многіе послѣдующіе изслѣдователи подъ именемъ Владиміра разумѣли здѣсь «Равно-апостольнаго Великаго Князя Владиміра Святославича, просвѣтившаго Русскую землю святымъ крещеніемъ». (См. 1-е изданіе «Слова», примѣч. на стр. 5). Они однакоже не подозревали здѣсь никакого пропуска. Но достойно вниманіи, что С. М. Соловьевъ, впервые доказавшій, что подъ именемъ Владиміра разумѣется здѣсь не кто другой, а именно Владиміръ Мономахъ усмотрѣлъ здѣсь пропускъ и при томъ весьма значительный. (Исторія Россіи, т. III, стр. 110 и примѣч. 226, 3 изд.) Это мнѣніе принялъ и А. Н. Майковъ. Пѣвецъ хотѣлъ начать; замѣчаетъ олъ: *«новѣсть сію отъ стараго Владиміра до нынѣшняго Игоря»*, а о Владимірѣ далѣе ни слова и тотчасъ потомъ начинается: «Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце в видѣ... Когда же это *тогда?* Послѣ чего? Ясно, что здѣсь не достаеъ будто бы разсказа о Владимірѣ, да и повѣствованіе объ Игорѣ начинается не сначала («Слово о и. Иг.» А. Майкова, стр. 128, примѣч. 3). «Но «Слово» о полку Игоревѣ далеко не такой няматникъ, чтобы для пониманія его требовался лишь ближайшій контекстъ рѣчи. Прежде чѣмъ приступать къ его чтенію, необходимо имѣть ясное и отчетливое представленіе его въ *цѣломъ*, въ его идеѣ и формѣ, въ его построеніи и замысленіи.

живописуя *повѣсть сію*, рассказывая о походѣ Игоря, онъ по мѣстамъ воспоминаетъ и Мономаха и его преемниковъ, гдѣ то требовалось его творческимъ воображеніемъ, его замысленіемъ, самую пѣсню—по силѣ историческихъ фактовъ.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ „СЛОВА“.

Въ первой части своего творенія, авторъ во 1-хъ описываетъ самый походъ Игоря и во 2-хъ излагаетъ свой взглядъ на вызванныя имъ бѣдствія Русской земли.

1. Описаніе похода Игорева.

Эта повѣсть или пѣснь по былинамъ, хотя и далека, по сознанію автора, отъ Бояновскаго замышленія, обнимавшаго полетомъ фантазіи отдаленныя вѣка и событія и художественно сочетавшаго ихъ въ одной цѣльной пѣснѣ, но какъ именно пѣснь, она также не могла быть чужда своего рода замышленія, обдуманности плана и художественной идеализаціи, на сколько позволяли то *были* нынѣшняго времени, современныя событія и историческія дѣянія. Разсматривая повѣствованіе о самомъ походѣ Игоря, мы видимъ, что оно дѣйствительно таково въ своемъ внутреннемъ составѣ, Это совѣтъ не летописный рассказъ, не повѣсть въ собственномъ смыслѣ. Для автора имѣютъ значеніе не подробности факта, не ихъ преемственность и послѣдовательность. Дружинѣ, къ которой обращено «Слово», подробности событій были извѣстны. Авторъ, какъ художникъ, поэтъ, своимъ творческимъ воображеніемъ схватываетъ лишь главнѣйшіе моменты дѣйствія и кратко и сильно живописуетъ нравственныя настроенія дѣйствующихъ лицъ, ни мало не стѣсняясь пространствомъ и временемъ и не нарушая въ существѣ самой сцены дѣйствія. Въ его пѣсенномъ описаніи похода Игорева являются для насъ лишь слѣдующія, краткія, но художественныя очертанія: а) Характеристика Игоря и его героевъ. б) Характеристика брата Всеволода и его дружины. в) Череполохъ въ землѣ Половецкой, вызванный ихъ движеніемъ. г) Изображеніе неминуемой опасности угро-

жавшей Русскимъ героямъ. д) Первая удачная стычка. е) Бой 2-й.
ж) Бой 3-й и роковой въ связи съ ратями стараго времени.

а) *Характеристика Игоря.*

Указавъ на новую эпоху историческаго повѣствованія отъ Владимира до Игоря, авторъ тотчасъ же непосредственно приступаетъ къ предмету своего повѣствованія. Какъ поэтъ, художникъ, онъ не касается никакихъ обстоятельствъ приготовленія къ походу, не входитъ ни въ какія подробности и самаго похода, извѣстныя намъ изъ летописей, но прямо начинается съ характеристики главнаго своего героя.

Не вдругъ, конечно, Игорь рѣшился на задуманное дѣло, не вдругъ наполнился онъ храбраго духа. Много думъ и колебаній прежде пережилъ онъ въ своемъ умѣ и сердцѣ. Авторъ рисуетъ намъ его рѣшимость прямо въ послѣднемъ ея моментѣ. Воинъ, когда готовъ уже на бой, опоясывается и точитъ свое оружіе—таково было и нравственное настроеніе Игоря въ крайній моментъ его рѣшимости: онъ опоясалъ умъ крѣпостію своею и сердце свое наточилъ мужествомъ. Опоясать умъ—значитъ утвердиться въ своей мысли, рѣшиться на что нибудь окончательно, безъ дальнѣйшихъ колебаній, безповоротно. Наточить сердце мужествомъ—значитъ сдѣлать его острымъ, чувствительнымъ къ воинской мысли, заставить его горьма горѣть геройскимъ духомъ.

„Онъ (этотъ самый Игорь)

„И умъ стянулъ крѣпостію своею

„И сердце свое наострилъ мужествомъ.”¹

Изобразивъ такимъ образомъ его рѣшимость, авторъ прямо ставитъ его на землю Половецкую, въ самую критическую и страшную минуту, предъ знаменіемъ солнца, когда само небо заставляетъ его воротиться.

„Наполнившись ратнаго духа

„Ввелъ онъ полки свои

„Въ землю Половецкую,

¹ См. въ «Палеографической критикѣ текста»: «иже нестяну».

„Ради земли Русской.

„И воззрѣлъ тогда ¹ Игорь на свѣтлое солнце

„И видитъ: всѣ его вои тьмою покрыты.

Всюду и всегда солнечныя затмѣнія производили на людей по-
давляющее впечатлѣніе: при видѣ его герои смущались духомъ, пони-
кали головами и говорили: «се не добра знаменіе се».

Но не таковъ былъ Игорь: не о томъ думалъ онъ въ эту страш-
ную минуту, чтобы воротиться. Смерть, лишь бы не плѣнь, вотъ что
предлагаетъ онъ своимъ боярамъ въ эту минуту и зоветъ ихъ вмѣ-
стѣ съ собою «позрѣть синяго Дона».

„И сказалъ тутъ Игорь

„Дружинѣ своей:

„Братья и дружино!

„Кажись, лучше изрублену быть,

„Чѣмъ быть въ полону;

„Ну, такъ сядемъ же братья,

„На бѣстрыхъ конѣй,

„Да на синій мы Донъ поглядимъ.

Авторъ входитъ затѣмъ въ самую душу своего героя и разъ-
ясняетъ его нравственное отношеніе къ этому зловѣщему знаменію.
Затмѣніе солнца лишь разожгло его воинственный духъ и онъ не могъ,
не въ силахъ былъ подавить въ себѣ геройскаго рвенія. Пылъ сердца
возобладалъ надъ его разумомъ и порывъ, угнетавшій его душу, за-
ставилъ его пренебречь солнечнымъ затмѣніемъ.

---

¹ Тогда Игорь възръ на свѣтлос солнце Когда это тогда? После чего?
Спрашиваетъ А. Н. Майковъ и отвѣчаетъ: ясно, что здѣсь повѣствованіе объ
Игорѣ начинается не сначала; его слова, непосредственно за симъ слѣдую-
щія: «и рече: мще жъ бы потяту быти, немже полонему быти», очевидно тоже
отвѣтъ на что-то. Въ Лѣтописи разсказъ дополняется. Въ дружинѣ—безлокой-
ство, говорятъ Игорю, что затмѣніе—худое знаменіе. Тогда отвѣтъ его понятенъ.
Поэтому въ переводѣ своемъ я, замѣчаетъ онъ, это мѣсто дополнилъ изъ Лѣ-

„Въ князѣ умъ охватило
 „Геройское рвеніе,
 „И знаменія мѣсто въ номъ заступило
 „Тосненіе: '
 „Испробовать великаго Дона.

И это рвеніе и это тосненіе авторъ тотчасъ затѣмъ выражаетъ собственными словами Игоря:

„Хочу, говорить, переломить копье свое
 „О край поля Половецкаго,
 „Хочу или сложить свою голову,
 „Или же племомъ напиться изъ Дона.

Предъ образомъ такого героизма, котораго не могло сдержать самое небо, авторъ какъ бы изнемогаетъ въ своемъ творчествѣ и невольно обращается за вдохновеніемъ къ Бояну, приглашая его, какъ соловья стараго времени, воспѣть эти полки, пользуясь садомъ своей фантазій, высотой полетовъ своего ума, сочетая въ одной цѣльной пѣсни событія той и другой эпохи.

„О, Бояне, соловей да ты стараго времени!
 „Тебѣ бы воспѣть полки эти

топши нѣсколькими стихами, обозначивъ звѣздочками это заимствование. Не былъ ли весь этотъ эпизодъ изложенъ слишкомъ по изычески (не явился ли тутъ самъ Дажь-богъ?)—отчего онъ и могъ быть выпущенъ благочестивымъ переписчикомъ XVI в. (Слово о п. Иг. стр. 128 - 129). Признаемъ, для насъ совсѣмъ и не ясно и не очевидно достаточное основаніе для такого предположенія. «Тогда Игорь взръ... Когда же это *тогда*? После чего? Отвѣчаемъ: *тогда* и после того, какъ Игорь наполнившись ратнаго духа, *велъ* полки свои въ землю Половецкую. (См. слова: «*тогда*» «*наведе*» въ Лексикологій «Слова»). Вставка о безпокойствѣ дружины—по поводу знаменія, на нашъ взглядъ, совсѣмъ неумѣста въ той художественной характеристикѣ Игоря, какую начерталъ авторъ. Слово «*тогда*» сблизъ съ толку также и Г. Потемня. *Тыда* т. е. въ то время, замѣчаетъ онъ, которое представляетъ себѣ авторъ, но которое выше, будтобы во все не упоминаю. (См. Слово о п. Иг. Текстъ и примѣч. А. Потемня, стр. 17).

¹ См. въ «Палеографической критикѣ текста» «*Спала княю умъ похоти и жалость ему знаменіе заступи*».

„Порхая, о соловей, по саду фантази,¹
 „Умомъ летая по поднебесью,
 „Свивая славою обѣ половины сего времени.

Вдохновляясь такимъ образомъ творчествомъ Бояна, авторъ дѣ-
 лаетъ пробы подобнаго ему пѣснопѣнія во славу полковъ Игоревыхъ:

„Мчась тропою Трояна,
 „Черезъ поля на горы
 „Пѣть было пѣснь Игорю—его внуку:
 „Не соколѡвъ занесла буря,
 „Черезъ поля широкія;
 „Стада галичьи бѣжать²
 „Къ Дону великому.

 „Или не запѣть ли было такъ,
 „Вѣщій Бояне, внукъ Велесовъ:
 „Кони ржутъ за Сулою,
 „Звѣнитъ слава въ Кіевѣ,
 „Трубы трубятъ въ Новѣгородѣ,

Такова характеристика перваго и главнаго героя «Слова» Игоря. Въ лицѣ его авторъ рисуетъ и духъ его полковъ. Въ его творческомъ духѣ неустрашимость князя какъ бы переливалась въ его дружину.³

¹ См. Ibid. «Свивая славы оба поля».

² Некоторые исследователи, *Бицини*, а за нимъ *Скульскій* и *В. Миллеръ*, вставляютъ здѣсь отрицательную частицу *не* и читаютъ: «не галицы стады бѣжать къ Дону Великому». Но такая вставка лишь портитъ художественность подлинника. Если бы въ данномъ мѣстѣ не было антитезы и продолжалось лишь отрицательное сравненіе, то авторъ не употребилъ бы слишкомъ не художественнаго сравненія съ *бѣгомъ злоко*, такъ какъ существенно чертою въ образѣ галокъ служитъ то, что они *летаютъ*, а не «бѣгаютъ». Выраженіемъ «бѣжатъ» авторъ именно даетъ замѣтить, что подъ стадами галичскими онъ разумѣетъ здѣсь «Половцевъ».оборотъ здѣсь тотъ же самый, какъ и ниже: о, далеке *зайде соколъ*. Особенность стиля «Слова» между прочимъ составляетъ то, что подлежащимъ часто является не самый предметъ, а его символъ.

³ Характеристика эта такъ выразительна и художественна, что всякія дру-
 прибавленія къ ней могутъ лишь ослаблять ея достоинства. Въ самомъ дѣлѣ,

б) *Характеристика Всеволода.*

Воспрославивъ героизмъ Игоря, пѣвецъ въ своей творческой мысли переходить къ характеристикѣ другаго главнаго своего героя, брата Игорева, Всеволода. Это былъ столь же отважный герой, какъ и самъ Игорь; это былъ, по словамъ его, настоящій «буй—тура». Какъ творецъ-художникъ, авторъ свободно пользуется для характеристики его совершенно другимъ моментомъ дѣйствія. Переходъ въ высшей степени оригинальный и неожиданный. Послѣ второй попытки воспѣть Игоря размѣромъ Бояновскаго пѣснопѣнія, авторъ такими же стихами продолжаетъ:

„Стоять стяги въ Путивлѣ

„Игорь ждетъ милаго брата Всеволода.

Т. е. сынъ готовъ; отецъ дожидается своего брата и сказалъ ему братъ.

За этими краткими выраженіями стоитъ цѣлый рядъ сложныхъ событій, кои проносятся въ творческомъ духѣ автора, какъ факты, извѣстные его братіи, къ которой обращено «Слово» и онъ, въ силу своего замышленія, останавливается лишь на томъ моментѣ, въ которомъ наиболее разительно сказалось геройское распаленіе этого «буй—тура».

умѣстна ли напр. здѣсь слѣдующая вставка, представляющая вариантъ дѣтскаго новѣшествованія, которую нашелъ нужнымъ привести въ текстъ А. Н. Майковъ:

«Видитъ: Солнце, что двурогій мѣсяць,
 »А въ рогахъ былъ словно угль горящій;
 »Въ темломъ небѣ звѣзды просіяли;
 »У людей въ глазахъ позелѣнѣло,
 »Не добра ждаты—говорятъ въ дружинѣ.
 »Старика поникли головы:
 »Быть убитымъ намъ, или плѣненнымъ.
 »Князь же Игорь: «Братія и дружина,
 »Лучше быть убиту, чѣмъ плѣнену!».
 »Но кому пророчится погыбель,
 »Кто узнаетъ, намъ или поганымъ?
 »А посядемъ на коней на борзыхъ
 »Да хотъ пдѣржмъ снйаго-то Доу».

Это былъ моментъ, когда при сборахъ въ походъ, Всеволодъ возбуждалъ Игоря къ задуманному имъ воинскому предпріятію. При этомъ авторъ характеризуетъ его, какъ и самого Игоря, собственными его словами:

„И сказаць ему буй—туръ Всеволодъ:
 „Одинъ ты у меня братъ,
 „Одинъ свѣтъ свѣтлый,
 „Мы оба съ тобой Святославичи;
 „Овдай же, братъ, своихъ бѣрыхъ коней
 „А мои впереди у Курска осѣдланы. ¹

¹ Нѣкоторые изъ комментаторовъ, Максимовичъ (Сборникъ сочиненій т. III, стр. 646, снес. 692) Огоновскій (Слово о п. Иг. стр. 42) предполагаютъ, что здѣсь идетъ рѣчь о соединеніи Игоря со Всеволодомъ у р. Оскола и приурочиваютъ это мѣсто къ словамъ Киевской Лѣтописи: «приде ко Осколу и жда два дни брата своего Всеволода, тотъ баше шелъ инѣмъ путемъ изъ Курска». Но не трудно замѣтить несообразность такого пониманія съ самымъ текстомъ «Слова»: Всеволодъ, велитъ готовиться къ походу тому самому Игорю, который уже съ войсками дожидается его у Оскола, и замѣчаетъ при этомъ, что его собственные кони осѣдланы у Курска вперед.

● Г. Ждановъ совершенно основательно доказалъ, что здѣсь идетъ рѣчь о предварительномъ създѣ и уговорѣ князей съобща итти на Половцевъ (Литер. «Слова» стр. 48—51). Но и онъ, къ удивленію, предполагаетъ здѣсь пропускъ.

«И рече ему буй—туръ Всеволодъ»... Гдѣ вопросъ? спрашиваетъ г. Ждановъ. Думается, продолжаетъ онъ, что послѣ упоминанія объ ожиданіи Игоря слѣдовало бы разсказать или упоминаніе о прибытіи Всеволода, за тѣмъ рѣчь Игоря, возбуждавшая къ походу (ср. въ разсказѣ Сѣверно-Русск. Свода: «сами пойдоша о себѣ рекуще: мы есма ци не князи же? Пойдемъ, тыки же собѣ хвалы добудемъ»). Всеволодъ отвѣчаетъ, что его не надо уговаривать онъ и его дружина всегда готовы къ бою (Литерат. «Слова», стр. 51). Какъ скоро къ «Слову» прилагаются требованія хронологическаго и послѣдовательнаго повѣствованія, предположенія подобныхъ пропусковъ навязываются сами собою: ихъ можетъ оказаться безчисленное множество, такъ какъ съ точки зрѣнія чисто исторической, многое является здѣсь недоказаннымъ. Но если смотрѣть на «Слово» какъ на «испѣвъ», какъ на художественное творческое произведеніе, то въ предположеніи пропуска въ данномъ мѣстѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, не представляется никакой надобности. Слова Всеволода направлены не къ той мысли, что Игорю его не надо уговаривать и что его дружина всегда готова къ бою... Напротивъ, авторъ даетъ здѣсь понимать и чувствовать, какъ Всеволодъ уговаривалъ Игоря, или точнѣе, какъ другой герой—буй—туръ проявилъ свое

Замѣтимъ, что въ этихъ словахъ сказывается и взглядъ автора на своихъ героевъ: Игорьъ для него свѣтъ свѣтлый и оба брата высоко благородные, храбрые люди.

Возбуждая въ Игорѣ сознание достоинства своего происхожденія и чувство геройской чести, Всеволодъ разжигалъ его при этомъ усилкомъ задуманнаго предпріятія, указывая на свою Курскую, отважную и опытную конницу. Вѣдь ты знаешь, говорилъ онъ ему, на мою дружинну смѣло можно положиться; мои Куряне опытные всадники; съ младенчества обучены они ратному дѣлу. Трубные звуки были для нихъ колыбельною пѣснью; тяжелые шлемы были ихъ дѣтской утѣхой; кусокъ хлѣба съ раннихъ лѣтъ доставался имъ остриемъ меча; все имъ знакомо—и дороги и овраги; оружіе у нихъ всегда на готовѣ; рыцарская честь и княжая слава—вотъ задача ихъ жизни, для которой не знаютъ они препятствій и не чуютъ усталы: рыщутъ словно волки въ степи, ища себѣ чести, а князю славы.

„Куряне мои вѣдь—опытная конница;

„Подъ трубами они пелѣнаны

„Подъ шеломами—взлелѣяны,

„О конецъ копья вскормлены.

„Дороги имъ знакомы,

„Овраги имъ извѣстны;

„Луки у нихъ натянутаы,

„Тулы отворены,

„Сабли наточены;

„Сами они рыщутъ,

„Какъ волки въ степи,

„Ища себѣ чести и князю славы.

воинское настроеніе. Заставляя его указывать на Куряне «метей», авторъ также не то хочетъ сказать, что дружина Всеволода готова всегда къ бою, но именно то, что на нее смѣло можно положиться...

в) *Переполюхъ въ Половецкой землѣ вызванный движениемъ Игоря.*

Изобразивъ характеры главныхъ своихъ героевъ, въ самые рѣшительные моменты предпринятаго похода, авторъ также быстро и неожиданно переходитъ къ изображенію переволоха въ странахъ Половецкихъ, воаправляясь къ тому же солнечному затмѣнію, которое *останавливало* Игоря при вступленіи его въ неприятельскую землю.

„Вступилъ тогда Игорь
 „Въ стремя золотое,
 „И поѣхалъ по чистой степи;
 „Солнце тьмою путь заступало.

Природа какъ бы отступилась отъ свѣтлаго Игоря и перешла на сторону его враговъ. Съ затмѣніемъ солнца вступили въ свои права темныя явленія и нечистыя силы. Ночь застонала—и птицы отъ страха проснулись въ своихъ гнѣздахъ; звѣри завывали неистовымъ воемъ—и птицы слетѣлись въ стада для самозащиты. До нынѣ въ стонаніяхъ ночи и звѣриныхъ завываніяхъ народъ нашъ чувствуетъ основаніе нечистой силы, а *птицами* во всемъ «Словѣ» изображаются *Половцы*.

„Ночь, стоная, страхомъ
 „Птицъ разбудила;
 „Вой звѣриный
 „Въ стаи согналъ¹

Чудовищный дивъ, словно лѣшій, заревѣлъ во всю голову. Гулъ его, словно богатырскій, несется во все концы Половецкой земли до самаго моря. Онъ велитъ врагамъ прислушаться къ этимъ ночнымъ стонаніямъ, къ этому воющему вереску дикихъ звѣрей.

„Дивъ рычитъ надъ лѣсомъ,
 „Враждебной землѣ
 „Послушать велитъ
 „И Волгѣ и Поморію и Посулію

¹ См. въ «Палеографической критикѣ текста»: «Свистъ звѣриный» исправленъ.

„И Сурожу и Корсуню,
„И тебѣ, тмутараканская крѣпость !

И вотъ, кочевники, словно испуганные птицы, выскакали изъ своихъ шалашей;—подобно имъ, отъ страху столпились въ полчища для самозащиты, и стремглавъ, безъ оглядки, дорогой какой попало, бѣгутъ на встрѣчу Русскимъ полкамъ и ѣдутъ на своихъ скринящихъ, не смазанныхъ арбахъ.

„Половцы бѣгутъ
„Дорогами неѣзжаными
„Къ Великому Дону,
„Скрыпятъ ихъ телѣги,
„Словно лебеди распуганныя.

а) *Изображеніе неминуемой опасности.*

Очертивъ переполохъ въ странахъ Половецкихъ, авторъ рисуетъ за тѣмъ роковую неминуемую опасность, которая ждетъ Игоря и его дружину на пути къ тому же Дону, куда бѣгутъ и Половцы. Опасность эта олицетворена въ предчувствіяхъ хищныхъ птицъ и звѣрей сопровождающихъ его движеніе. Игорь идетъ все дальше и дальше съ своими полками.

„Игорь къ Дону воевъ ведетъ.

И вотъ на пути ихъ преслѣдуетъ злая судьбина.—Въ лѣсу и полѣ она имъ видится и слышится; надъ ними—паритъ она въ поднебесьѣ; предъ ними—выскакиваетъ изъ подъ земли.

Хищная птица, чую ихъ гибель, гонится за ними и летитъ съ дерева на деревѣ. И впередъ не улетаешь, и позади не остается, и въ сторону не шатится. Зорко наблюдаетъ она за ихъ движеніемъ, за каждымъ ихъ шагомъ и тщательно бережетъ для себя свою добычу. Про запасъ она держитъ свои очи. Ихъ страшныя бѣды—ея сытость и пожива.

¹ См. въ «Лексикологін» слово «блѣзати».

„По дубью птица
„Его бѣдъ дозираеть¹.”

По сторонамъ дороги — слышится зловѣщій голосъ той же злой судьбины. Голодные волки, чуя добычу, отъ жадности воютъ дикимъ воемъ. На крутыхъ и высокихъ оврагахъ, разинувъ свои пасти и оскаливъ зубы, они своимъ дикимъ концертомъ какъ бы разъяряются для своей жертвы. Дикая рознь визжащихъ голосовъ, на подобіе свиста—рога или свирѣли, дереть по кожѣ и раздраааетъ душу. Чѣмъ пронзительнѣе этотъ свистъ, тѣмъ, значить, они жаднѣе и голоднѣе, тѣмъ страшнѣе и свирѣпѣе.

„По оврагамъ волки
„Навываютъ ужасъ².”

Кровожадные орлы вьются стаями по поднебесью и клекчуть. Съ высотъ они острозрять и видятъ цѣлые поля, идущіе на убой. Они не только предчувствуютъ, что сами насытятся человѣческими трупами, но своимъ клектаніемъ даютъ знать голоднымъ звѣрямъ, что кости для нихъ готовы. Знаетъ звѣрь и понимаетъ это орлиное клектаніе.

„Орлы клектомъ
„На кости звѣря зовуть.”

Изъ норъ выскакали во множествѣ лисицы, и вотъ лаютъ они на красные щиты, словно собаки. Это бреханіе ихъ есть злое облачье участи Русскихъ полковъ и предвѣстникъ отчаянныхъ воплей, имѣющихъ быть отъ кроваваго зрѣлища, столь же тяжелаго для человѣческаго сердца, какъ красный цвѣтъ не выносимъ для глазъ лисицы.

„На красные лаютъ,
„Лисицы щиты.”

¹ См. въ «Палеографической критикѣ» текста: «Вѣды насеть птицъ» подобію.

² См. Ibid. влицу грозу въ срозатъ.

Обрисовавъ въ такихъ яркихъ образахъ злую судьбу, ожидавшую полки Игоревы, авторъ слѣдитъ въ своемъ творческомъ духѣ за ихъ дальнѣйшимъ движеніемъ. Вотъ перешли они уже валъ Половецкій. Какъ бы въ страхѣ за ихъ участь, онъ невольно съ глубокимъ сожалѣніемъ вызываетъ:

„О, Русскіе мужи!

„Уже за шеломенемъ вы!

Уже на вражеской землѣ, далеко отъ родной стороны!

Здѣсь мы невольно останавливаемся и позволяемъ себѣ спросить читателя, удавалось ли ему когда-нибудь встрѣчать въ текущей литературѣ столь образную и кованую, столь краткую и въѣсть полную глубокаго смысла художественную картину? Сила этихъ образовъ съ поразительною краткостію выраженія мыслей вполне и строго отвѣчаютъ Греческому классическому стилю.

а) *Первая удачная стычка.*

Описанію первой удачной стычки Русскихъ съ Половцами предшествуетъ прекрасное описаніе ночи и ранняго утра, когда Русскія войска выстроились къ бою.

Ночь была благопріятная: тихая и спокойная. Она шла своей обычной чередой.

Авторъ раздѣляетъ ночь на двѣ половины и указываетъ крайніе моменты той и другой.

Ночь *смелькающаяся*: она начинается постепеннымъ угасаніемъ свѣта, смельканіемъ, которое продолжается довольно долго. Моментъ которымъ кончается эта половина—потуханіе зари.

Съ угасаніемъ послѣдняго ея луча начинается *глубокая ночь*. Ночь эту авторъ называетъ *млюю*, т. е. густымъ непрогляднымъ туманомъ, при которомъ ни зги становится не видно. Моменты—которыми опредѣляется этотъ періодъ—суть слѣдующіе:

Съ одной стороны умолканіе соловья. Съ наступленіемъ глубокой ночи онъ перестаетъ пѣть и засыпаетъ. А съ другой—переключъ га-

локъ: галки просыпаются еще до утренней зари и своимъ крикомъ даютъ знать, что ночь кончилась и наступаетъ уже раннее утро.

„Долго ночь смелькаетъ,¹
 „Заря свѣтъ заронила,
 „Туманъ степи покрылъ,
 „Уснуло пѣніе соловья;
 „Говоръ галокъ пробудился²”

Такому объясненію вполне отвѣчаетъ дальнѣйшія слова: *на другой день весьма рано*. Очевидно, выше было описаніе ночи, а не раннего утра, какъ думаютъ другіе излѣдователи.

Русскіе полки устались въ стѣрой, выдвинувъ впередъ себя красные щиты. Червленая, красная линія этихъ щитовъ какъ бы раздѣлила степь на двѣ половины.

„Русаки широкія степи разгородили
 „Своими красными щитами,
 „Ища себѣ чести, а князю славы.

Рано по утру, въ пятницу, они выступили въ бой. Авторъ ни единымъ словомъ не касается затѣмъ самаго боя, но лишь въ восторгѣ рисуетъ триумфы одержанной ими побѣды. Въ этой первой стычкѣ Русскіе наголову разбили враговъ и, разсѣявшись по степи, поимали много дѣвокъ-красавицъ, захватили много золота, шелковыхъ и парчевыхъ тканей, а остальные менѣе дорогіе уборы, привѣски, эпанчи, шубы и разныя узорчатыя принадлежности, не знали куда дѣвать, и побросали на дорогѣ, устлая ими болота и грязныя мѣста.

„Съ изъ заранья въ пятницу,
 „Потоптали они
 „Поганые полки Половецкіе,

¹ См. въ «Лексикологіи»: «*мрлкетъ*».

² См. въ «Назеографической критикѣ текста»: «*щекотъ славій усне, шоворъ талнчъ убуди*».

„И, рассыпавшись по степи, какъ стрѣлы,
 „Красныхъ дѣвокъ Половецкихъ умчали,
 „А съ ними золота и паволокъ
 „И дорогихъ аксамитовъ.
 „Подвязками, 'эпанчами и кожухами
 „Стали мосты мостить,
 „Половецкимъ узорочьемъ всякимъ.

Съ особенною любовію авторъ остановился на описаніи побѣднаго знамени, доставшагося князю. Онъ обрисовалъ всѣ составныя его части и совершенно въ классической формѣ усвоить ее побѣдителю.

„Красный стягъ,
 „Бѣлая хоругвь,
 „Красная чолка,
 „Серебряная рукоять—
 „Храброму Святославичу!

Одержавъ побѣду, Русскіе князья со своими дружинами не двинулись ни назадъ, ни впередъ и, какъ гласитъ лѣтопись, *«облегоша ту»*.

Авторъ знаетъ эту заночевку и чувствуетъ ея роковое значеніе. Врагъ ловитъ птицу, пользуясь минутой ея безопасности. Таково же было значеніе и этой медлительности Русскихъ князей на чужой, дальней сторонѣ.

„Дремлетъ въ степи
 „Гвѣздо храброе Олега!

Восклицаетъ онъ:

„Далече оно залетѣло!

Но ликуя побѣду, онъ проникается духомъ, одушевлявшимъ его героевъ, которыхъ врагъ не смѣлъ беспокоить въ эту ночь. Соколы и особенно кречеты—самые страшные хищники птицъ, но не суж-

¹ См. въ „Лексикологін“: *«орутъмами»*.

дено имъ обидѣть гнѣзда Олега; тѣмъ менѣе опасенъ былъ для него черный воронъ:

„Не было оно рождено для обиды“¹
 „Ни соколу ни кречету,
 „Ни тебѣ черный воронъ,
 „Поганый Половчанинъ!

Кочевники обращены въ бѣгство.

„Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ волкомъ,
 „А Кончакъ въ слѣдъ за нимъ гонится
 „Къ Дону Великому.

ж) *Бой 2-й.*

Образы этого боя авторъ видитъ въ грозныхъ явленіяхъ природы, гдѣ готовится борьба свѣта со тьмою. Эти явленія для него — явленія живыя и потому онъ переживаетъ ихъ вмѣстѣ съ событіями. Какъ небесныя знаменія онъ непосредственно уясняетъ чертами дѣйствительности, такъ затѣмъ и самую дѣйствительность изображаетъ чертами этихъ знаменій.

аа) *Знаменія, уясняемая чертами дѣйствительности*

На другой день утренняя заря спорыдала. Переливы ея казались красными, какъ кровь. Вѣстница разсвѣта, она не добрый день общала.

„На другой день весьма рано,
 „Кровавыя зѣри возвѣщаютъ разсвѣтъ.

Съ моря издали надвигались темныя тучи, готовые омрачить горемъ четыре солнца. Солнца эти четыре князя: Игорь Сѣверскій, братъ его Всеволодъ Трубчевскій, сынъ Владиміръ Путивльскій и племянникъ Всеволодъ Рыльскій.

„Съ моря черныя тучи идутъ,
 „Хотятъ покрыть четыре солнца.

¹ См. въ «Налеографической критикѣ текста»: «не было обиды порождено».

Въ надвигающихся тучахъ сверкали неяркія, неослѣпительныя молніи—грозные вѣстники проливнаго дождя и страшнаго грома. Этотъ дождь и громъ—предстоящій бой. Картина ужасающая, потрясающая.

„А въ нихъ свинцовыя молніи ¹
 „Трепетъ наводятъ ²:
 „Быть грому великому,
 „Итти дождю стрѣлами
 „Съ Дона великаго.
 „Ломаться тутъ копыямъ,
 „Ударяться тутъ саблямъ
 „О шелды Половецкіе,
 „У Дону Великаго.

Эти грозные образы возбуждаютъ въ душѣ автора дѣйствительный трепетъ за судьбу своихъ героев—и онъ вновь, подъ воздействием этого чувства, выражаетъ сожалѣніе, что они уже на вражеской землѣ, далеко отъ родной стороны.

„О русскіе мужи! Взываетъ онъ.
 „Уже за шеломенемъ вы!

66) Зловѣщія знаменія вполне оправдались. Какъ выше авторъ ужасялъ ихъ чертами дѣйствительности, такъ за тѣмъ самую дѣйствительность рисуетъ чертами этихъ знаменій.

Черныя тучи въ событіи. Эти черныя тучи съ моря, имѣвшія разразиться дождевыми стрѣлами, ниспосланы сверхъестественной силой:

„Вотъ вѣтры—Стрибоговы внуки,
 „Вѣютъ съ моря стрѣлами,
 „На храбрые полки Игоревы.

Несмѣтная вражеская сила надвигается отовсюду, съ моря и суши, и какъбы подъ движеніемъ ея:

¹ См. въ Лексикологін: «свинніи молніи».

² См. Ibid. «трелесцуть».

„Гудить земля,
 „Мутятся рѣки,
 „Пыль вѣется надъ степью.

Шумъ множества знаменъ говорилъ ясно, какая эта сила:

„Знамена гласятъ:
 „Идутъ Половцы
 „Отъ моря и отъ Дона
 „И отъ всѣхъ странъ.

Наступилъ грозный боевой моментъ: бѣсовы дѣти окружили Русскія войска; ихъ неистовый бѣсовскій гикъ, своимъ эхомъ, гудомъ какъбы раздѣлилъ степь на двѣ части:

„Кликомъ они степь разгородили.

А Русскія войска выставили впереди себя красные щиты и красная линія ихъ щитовъ также раздѣлила степь на двѣ половины:

„А храбрые Русаки
 „Разгородили красными щитами.

Дождь, громъ и молніи — съ событіи. Слѣдовало бы затѣмъ ожидать описанія самого боя, но въ творческомъ духѣ автора борьба буй-тура Всеволода замѣняетъ картину цѣлаго войска. Еще свѣже было преданіе о старомъ времени, когда сила народовъ измѣрялась богатырствомъ. Отчаянный бой этого святорусскаго богатыря авторъ замѣтно обрисовалъ чертами побѣдоносной борьбы свѣтлыхъ небесныхъ явленій надъ темными; при этомъ онъ самъ какъбы соучаствуетъ въ его богатырствѣ, переживаетъ его, волнуется при думахъ о немъ. Выражая свое изумленіе предъ храбростію, онъ то взываетъ къ своему герою, то обращается къ своей братіи, то говоритъ какъбы самому себѣ:

„О ты, яръ-туръ Всеволодъ,
 „Стоишь ты на оборонѣ;
 „Словно дождь, брызжешь

„На воиновъ стрѣлы;
 „Словно громъ, гремишь
 „О шлемы мечами булатными.

Какъ разъяренный туръ, скачетъ онъ въ бою; лишь шлемъ сіялъ на немъ, какъ молнія; каждый скачекъ этого тура оставлялъ за собою цѣлую улицу вражескихъ головъ:

„Куда туръ ни скокнетъ,
 „Златымъ своимъ шлемомъ посвѣчивая,
 „Лежать тамъ поганья головы Половѣцкія.

Удары его саблей были разрушительны, какъ расщепляющая молнія.

„Отъ тебя, яръ-туръ—Всеволодъ,
 „Разщепаны булатными саблями
 „(Самые крѣпкіе шлемы)
 „Шеломы Аварскіе.

Охарактеризовавъ подвиги его какъ богатыря, авторъ отъ внѣшнихъ его доблестей переходитъ къ характеристикѣ внутренняго его настроенія. Онъ заглядываетъ, онъ проникаетъ въ самую душу своего героя и потому отъ его лица обращается къ той братіи, къ которой обращено было его «Слово». Въ минуты геройскаго распаленія ни по чемъ была Всеволоду жизнь княжеская, привольная и почетная, ни по чемъ было отцовское наслѣдство—богатое Черниговское княжество и даже выпала изъ сердца любимая, задушевная красавица Глѣбовна: что же значили для него боевыя раны и могъ ли онъ ихъ бояться, могъ ли онъ ими смущаться.

„Братья! Что тому рана ¹,
 „Кто забылъ честь и животъ,
 „И Градъ Черниговъ—златъ отѣцкой столь,
 „И совѣтъ и привѣтъ своей милой супруги
 „Красавицы Глѣбовны!

¹ См. въ Палеографической критикѣ текста: «кая раны дорожи».

э) *Бой 3-й.*

Если первые два боя дали автору случай изобразить своихъ героевъ во всей славѣ и нравственномъ величїи дружинниковъ, то послѣдній и роковой бой выступилъ въ его творческомъ духѣ во всемъ его дѣйствительномъ историческомъ значенїи, со всеми его гибельными послѣдствїями какъ для самихъ героевъ, такъ и для всей Русской земли. Никакая храбрость не спасаетъ людей, если она тратится необдуманно; тамъ, гдѣ господствуетъ крамола, не только безсиденъ героизмъ, но и производитъ напрасную гибель войска и накликаетъ страшныя бѣды на страну и народъ. Подъ такимъ воззрѣнїемъ авторъ приступаетъ къ описанїю послѣдняго роковаго боя Игорева. Самый бой мало занимаетъ автора и онъ изображаетъ его лишь въ самыхъ краткихъ очертанїяхъ. Но за то бѣдствїя, вызванныя боемъ какъ для дружины такъ и для всей Русской земли, рисуются имъ въ самыхъ яркихъ картинахъ и освѣщаются по Бояновски эпическимъ преданїемъ. То же самое воззрѣнїе побудило его предварить описанїе боя воспоминанїемъ о времени старомъ и вставить эпизодъ о такомъ же боѣ въ былое время, сопровождавшемся такими же послѣдствїями. Эпизодъ этотъ нѣкоторымъ ученымъ кажется позднѣйшею вставкою; между тѣмъ онъ имѣетъ такую внутреннюю и глубокую связь со всемъ описанїемъ 3-го боя и вызванныхъ имъ послѣдствїй, что безъ этого эпизода пѣснь Игорева лишилась бы художественной цѣльности и потеряла бы самую основу Бояновской пѣсни, на которой она соткана.

Несчастный и гибельный исходъ послѣдняго роковаго боя, несмотря на все величїе мужества и храбрости, явленныхъ въ бояхъ предшествовавшихъ, зависѣлъ отъ того, что походъ былъ предпринятъ безъ согласїя съ другими сильными князьями, самонадѣянно и своекорыстно и бой оказался не равнымъ. Начало такого самолюбиваго дѣйствїя князей, начало крамолы и усобицъ, скрывалось въ эпохѣ предшествовавшей и уже тогда давало понимать и чувствовать все злоотсюда возникавшее. Вотъ почему, переходя къ описанїю главнѣйшаго и роковаго боя, авторъ переноситъ мыслию ко времени старому, къ князъмъ и ихъ усобицамъ, воспѣтымъ Бояномъ и свиваетъ

описание этого боя и его послѣдствій съ подобными явленіями времени стараго, точно такъ какъ Боянъ, воспѣвая своихъ князей, уносился творческою мыслию ко временамъ древнимъ.

Важность момента побуждала сосредоточить здѣсь все его думы и творческія движенія. Форма Бояновой пѣсни, которой онъ подражаетъ, и внутренняя связь историческихъ явленій, которую онъ преслѣдуетъ, заставили его остановиться на воспоминаніяхъ времени стараго, и вставить эпизодъ объ усобицахъ Олеговыхъ и въ частности о боѣ на Нежатиной нивѣ и о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыми разрѣшились онѣ какъ для князей, такъ и для всего Русскаго народа. Гибельны были тогдашнія усобицы, но такой рати, какъ рать Игорева не только по храбрости героевъ, но и въ ея историческомъ значеніи, съ такими тяжелыми послѣдствіями для всей Русской земли никогда не бывало.

Переходя къ изображенію эпизода этой старой эпохи, воспѣтой Бояномъ, авторъ удерживаетъ связь ея съ временами древними. Бывали рати и въ древнія времена Трояна, къ коимъ уносился Боянъ въ своихъ пѣснопѣніяхъ; бывали рати и въ эпоху Ярослава и Олега, въ тое старое время, которое воспѣто было Бояномъ:

„Были вѣка Трояновы,
„Миновали лѣта Ярославовы,
„Были походы Олеговы,
„Олега Святославича.

Не разъ тотъ Олегъ наводилъ поганыхъ на землю Русскую:

„Тотъ Олегъ крамолу коваль
„И стрѣлы сѣялъ по землѣ.

Но выражаясь такъ объ Олгѣ, много бо тогда хрестьянъ отъ поганыхъ изгублено бысть, авторъ однако не его одного считаетъ причиною бѣдствій, постигшихъ тогда какъ князей, такъ и Русскій народъ. Замѣчаніемъ, что братъ его Борисъ палъ за то, что былъ *обиженъ* Олгѣ, князь молодой и храбрый, онъ даетъ понять, что не одинъ Олегъ былъ виновникъ этихъ золъ. Другіе князья, его обидѣв-

шіе, также повинны въ его гибельныхъ крамолахъ. Эпизодъ на которомъ онъ сосредоточилъ свое вниманіе—это именно бой на Нежатинной нивѣ Ольговичей съ Ярославичами изъ за Черниговскаго престола.

Престоль этотъ по праву принадлежалъ Олегу, но былъ у него отнять, чѣмъ была нанесена ему кровная обида. Олегъ бѣжалъ въ Тмутаракань и здѣсь рѣшился съ братомъ своимъ Борисомъ Вячеславичемъ искать счастья оружіемъ. Нанявъ Половцевъ, они вошли въ предѣлы Черниговскаго княжества и разбили Всеволода, который сидѣлъ въ ихъ отчинѣ въ Черниговѣ.

Противъ нихъ соединились четыре князя—Ярославичи и, одержавъ побѣду, на Нежатинной нивѣ, передали Черниговскій столъ Владиміру Мономаху, сыну Всеволодову.

Авторъ не рассказываетъ по обычаю самаго боя, но останавливаетъ свое вниманіе на бѣдствіяхъ вызванныхъ имъ, прежде всего для самихъ князей. Вотъ Олегъ

„Ступаетъ въ золотой стремя
 „Въ городѣ Тмутараканѣ.
 „Звонъ тутъ слышалъ
 „Всеволодъ сынъ Ярославовъ,¹
 „А Владиміръ всякое утро
 „Закладывалъ уши въ Черниговѣ.²

Вотъ чѣмъ разрѣшилось выступленіе въ походъ крамольнаго Олега. На дружинномъ языкѣ это значило, что Всеволодъ долженъ былъ выносить, выдерживать на себѣ всю тяжесть этого боя; онъ долженъ былъ перенести поражение, чтобы одержать побѣду и при томъ лишь только снискавъ себѣ помощь у другихъ князей; сынъ же его Владиміръ, занявъ не по праву Черниговскій столъ, поставилъ себя въ положеніе молодого воина, который боится трубы; долженъ былъ постоянно ждать оглушительнаго звона—внезапныхъ нападеній Олега и предустредать эти опасности—этотъ оглушительный звонъ.

¹ См. въ «Лексикологіи»: «звонъ слыши».

² См. Ibid. «уши закладаше».

Таковы были послѣдствія старой крамолы для самихъ князей оставшихся въ живыхъ. Двое же изъ нихъ оовсѣмъ погибли на злосчастной нивѣ. Погибъ Борисъ Вячеславичъ, хвалившійся отстоять свои родовыя права.

„Похвальба же Бориса Вячеславича
 „До смертной судьбы его довела
 „И на Каялу-ниву зеленую ¹
 „Погребальный покровъ постлала,
 „И все изъ за того, что обиженъ былъ
 „Олеги, князь молодой и храбрый.

Погибъ и самъ Изяславъ, великій князь Кіевскій; онъ почилъ здѣсь сномъ вѣчнымъ—и сынъ его Ярополкъ въ послѣдній разъ на коврѣ погребальномъ побаюкалъ его, перевоза въ стольный городъ.

„Съ той же Каялы-нивы ²
 „Ярополкъ полелѣялъ отца своего.
 „Межъ Угорскими иноходцами
 „Ко святой Софіи къ Кіеву.

Къ такимъ послѣдствіямъ въ былое время приводили княжескія усобицы ихъ самихъ. А вотъ чѣмъ разрѣшались онѣ для народа и родной земли.

Не трудъ земледѣльца, а горе надъ нимъ посмѣваясь, завладѣло полями; не хлѣбъ на нихъ сѣялся, а само горе разсѣвалось и цѣлыя поля заростали этимъ горемъ. Рѣдко слышался на нихъ голосъ пахаря, но часто раздавался крикъ вороновъ и галокъ.

¹ См. въ «Палеографической критикѣ текста»: «и на каялу езелу паволу постла»

² См. Ibid. «съ той же Каялы повелѣн».

„Тогда при Олгѣ, горе похвалялся,¹
 („По полямъ оно кидалось).
 „Сѣменами разсѣвалось,
 „И отъ усобиць росло оно—плодилось:
 „Губилось достоянье Дажь-Божьяго внука.
 „И коротались вѣка челоуѣческіе.
 „Тогда на Русскихъ поляхъ
 „Рѣдко пахари погайкивали,
 „Но часто вѣроны пограивали,
 „И галки свою рѣчь говорили,
 „На лакомый кормъ летѣть собиралсь.

Таковы были бѣдствія какъ для князей, такъ и для народа въ былыя времена, свѣ тѣ рати и въ тѣ бои, но такой рати отчаянной я съ такими ужасными послѣдствіями, какъ нынѣшняя, еще не слыхано.

Описаніе этой рати въ высшей степени художественно. Краткость предложеній дѣлаетъ весьма изобразительными выражаемыя ими дѣйствія. Вы какъ будто присутствуете при самомъ боѣ, и видите эти летающія стрѣлы и слышите громъ и трескъ самаго оружія.

„Съ изъ-заранья до вечера,
 „И съ вечера до разсвѣта,
 „Летятъ стрѣлы каленныя,
 „Гремятъ сабли о шѣломы,
 „Трещатъ копыя булатныя
 „Въ степи непріятельской,
 „Среди народа Половецкаго.

Земля была вспахана конницей, изрыта была конскими ногами; кости были раздроблены на—мелко и раскиданы, словно сѣмена; кровь текла ручьями и поливала ихъ; сѣмена дали ростки, взошли, но не

¹ См. *Ibid.* «тогда при Олгѣ Гориславичи».

на радость, а на великую скорбь земледѣльцевъ; въ каждомъ росткѣ видѣлась печаль и Русская земля покрылась сердечной тугой, словно поле—зеленю.

„Зачернѣла земля подь копытами.

„Костями была призабѣяна

„И кровію была подлита

„Тугою взошли они

„По Русской землѣ.

Изъ всѣхъ событій этого сраженія авторъ воспроизвелъ для насъ одинъ изъ самыхъ знаменательныхъ моментовъ, въ которомъ сказалось сочувствіе Игоря къ своему брату, уже изнемогавшему въ борьбѣ и даже изломавшему свое оружіе. Игорь, самъ раненый, рвался воротить бѣжавшіе полки, чтобы оказать ему помощь. Моментъ этотъ выраженъ такъ живо и такъ художественно, что какъ будто авторъ очертилъ его на самомъ полѣ сраженія.

„Чу! Что-то шумить,

„Что-то звѣнить,

„Вдали рано передь зарями!

„Это Игорь полки заворачиваетъ;

„Жаль ему стало

„Милаго брата Всеволода.

Окончаніе боя схвачено въ двухъ моментахъ, поражающихъ силою своего впечатлѣнія: это во 1-хъ, паденіе Русскихъ знаменъ и во 2-хъ, послѣднее прощанье братьевъ-плѣнниковъ.

„Бились день. бились другой,

„А на третій ко полудню,

„Стяги Игоревы пали.

„Тутъ разлучились братья

„На берегу быстрой Каялы.

Всю горечь этого пораженія авторъ выразилъ за тѣмъ въ образѣ брачнаго веселаго пира. На этихъ пирахъ, чѣмъ больше пьютъ,

тѣмъ больше требуютъ, и это до тѣхъ поръ, пока хозяева спать не лягутъ. На пиру быстрой Каялы точно также лишь разгорѣлась отъ опьяненія жадность въ Половцахъ: они еще и еще жаждали бы Русской крови, но вина уже не хватило, хозяева уже опочили.

„Тутъ кроваваго вина не достало,
 „Тутъ покончили пиръ храбрые Русаки;
 „Сватовъ упоили и сами полегли
 „За землю Русскую.

Тяжело было автору писать эти строки и вотъ онъ выражаетъ свою скорбь словами народныхъ плачей:

„Никнетъ трава отъ жалости
 „И лѣса отъ туги къ землѣ наклонились.

2. Взглядъ автора на бѣдствія Русской земли и ихъ причины.

Автору предносится тяжелая картина на Дону, на полѣ порабощенія. Тамъ, гдѣ было такъ много народа, гдѣ раздавались воинственные клики, гдѣ кипѣла человѣческая жизнь, вдругъ стала глушь и безнародица, сдѣлалось пустынно и уныло, ни звука, ни слѣда человѣческаго.

„Уже, братья, взываетъ онъ,
 „Не веселая година настала
 „Уже пустыня силу прикрыла.

Главная причина всѣхъ бѣдствій, постигшихъ Русскую землю кроется въ княжескихъ усобицахъ, въ личныхъ взаимныхъ счетахъ и раздорахъ. Но откуда—самыя усобицы? Мы уже выше указывали, что по объясненію автора Игоревой пѣсни источникъ этихъ усобицъ кроется въ надмірныхъ сверхъестественныхъ силахъ.

Если по взгляду лѣтописцевъ, «дьяволъ воздвиге нѣкую кóтору злу межу князи» «врагъ дьяволъ всѣ князи Русскіе вложи на вражду»,

то нашъ авторъ, въ силу эпического міровоззрѣнія, предлагаетъ слѣдующее объясненіе этихъ усобицъ:

„Встала обида
 „Въ силахъ Дажь-Божьяго внука,
 „Вступила Дѣвою на землю Тролянову,
 „Всплескала лебединымъ крыльемъ
 „На синемъ морѣ, у Дону плещущись:
 „Пробудила тучныя времена.
 „У князей—усобица,
 „А намъ—поганые—погибель;
 „Братъ сталь говорить брату:
 „Это мое, и то мое же.
 „И начали князья про пустое
 „Говорить: это—важное;
 „А поганые со всѣхъ сторонъ
 „Приходили съ побѣдами
 „На землю Русскую.

При этомъ пѣвецъ какъ бы невольно обращается къ происшедшей отъ этихъ усобицъ несчастной судьбѣ Игоря его дружины и съ глубокимъ сожалѣніемъ взываетъ:

„О, далеко зашелъ ты соколъ,
 „Охотиться за птицами къ морю!
 „И не воскресить уже храбраго полка Игорева!

Вся Русская земля должна была пережить бѣдствіе, вызванное этой далекой погоней сокола за птицами. Слезы и вздохи охватили всю Киевскую Русь.

Но подобно тому, какъ описанію княжескихъ усобицъ авторъ предпослалъ изображеніе виновницы ихъ Дивы-Обиды, которая возбудила

---

¹ См. въ «Иллюстраціонной критикѣ текста»: «усобица княземъ на поганыхъ поиме».

ихъ своимъ плесканіемъ на синемъ морѣ у Дона, такъ даѣе прежде описанія плачей и скорбей вдовъ и сиротъ павшаго войска, онъ выводитъ на сцену *Карину* и *Желю*—спутницъ Дѣвы-Обиды — виновницъ этихъ плачей и скорбей, пользуясь при этомъ обычаями погребальнаго языческаго культа и озаря ихъ чертами эпическаго преданія.

„Не воскресить полку Игорева!

„За нимъ кликнула Карина.

Карина ¹—это вопленица, обрядница мертвыхъ, жрица смерти. Но авторъ имѣетъ при этомъ въ виду не простую плакальщицу, пѣсенницу по мертвыхъ. Онъ усваиваетъ ей кликъ воинскій, кликъ побѣдный, гласъ радованія и торжества.

Кликнула Карина. Неистовый гулъ ея торжества для автора носился какбы въ воздухѣ и, точно кликъ богатырскій, или кликъ дива, огласилъ собою всю Русскую землю. Что это за кликъ—отчасти видно изъ плачей даже нынѣшнихъ вопленицъ.

„Воскликать стану надежную головушку:

.....
„Хоть по утрамъ скачи да стрымъ замкомъ,

„Хоть по вечерку бѣги да горносталюшкомъ...

.....
„Не убоюсь того, побѣдна, не сполохаюсь...

.....
Но вѣдь нѣтъ того ни сътъ и не водится,

„Што вѣдь мертвыи съ погости не воротятся.

Такимъ образомъ даже въ дошедшей до насъ погребальной причети выражается не только сожалѣніе о мертвыхъ, но и *торжество* смерти.

И если обрядница мертвыхъ представляла собою самую смерть въ образѣ «красной дѣвушки», то и въ данномъ случаѣ, въ образѣ *Карины*, вопленицы, кличущей богатырскимъ кликомъ, разумѣется Дѣва

¹ См. въ Палеограф. критикѣ текста: «кликну Карина».

смерти, дякующая гласомъ радованія свое торжество надъ павшимъ войскомъ Игоревымъ.

Не пѣсня только смерти пропѣта, но и тризна совершилась.

„И Желя ¹ скочила по Русской землѣ,
„Разнося пепель въ пламенномъ рогѣ.

Въ погребальномъ языческомъ культѣ былъ обычай, который держится въ народѣ и донынѣ—посылать отъ имени покойника къ его роднымъ и близкимъ *жалыниту*—печальную вѣстницу съ наказомъ, что «такой-то долго жить приказалъ».

Въ изданныхъ нами погребальныхъ Плачахъ сѣвернаго края есть прекрасное описаніе подобной вѣстницы печали. Авторъ пользуется образомъ этой вѣстницы для изображенія горькой скорби, широко охватившей Русскую землю о павшемъ Игоревомъ войскѣ, обрисовывая образъ этой «Жели» также эническими чертами и обычаями погребальнаго культа.

Желя—вѣстница печали, будто удалая ноленица, словно на конѣ, скочила по Русской землѣ—распространяя вѣсть о павшемъ полку Игоревѣ. Но не простой только вѣстницей была эта Желя. Она, подобно Дѣвѣ-Обидѣ—виновницѣ страстей и уеобицъ, скача по Русской землѣ, всюду зажигала глубокія душевныя раны.

„Метая пепель въ пламенномъ рогѣ.

Въ язычествѣ, какъ извѣстно, трупы сожигались и лишь оставшіяся пепель сохранялся въ урнахъ. Отъ погибшаго войска остался лишь прахъ, который разносила Желя—по всей Русской землѣ—въ пламенномъ рогѣ, пепель съ пылающими углями, пепель еще не остывшій, который какъ будто былъ взятъ прямо изъ подъ костра сгорѣвшихъ труновъ. Такъ свѣжи и жгучи были раны, производимыя Желей по всей Русской землѣ!

Изобразивъ кличущую кликомъ побѣднымъ *Карину*, и *Желю*,

¹ См. Ibid. «и Желя скочи».

разносящую погребальный пепелъ по Русской землѣ, авторъ переходитъ къ соответствующей дѣйствительности.

Кликнула *Карина*, и вотъ:

„Восплакались Русскія жены
 „Причитая:
 „Уже намъ своихъ ладъ,
 „Ни мыслью помыслить,
 „Ни думой подумать,
 „Ни очами взглянуть,

«И подавно не придется испытывать былыхъ радостей—отъ подарковъ, приносимыхъ изъ похода возвращавшимся ладами.

„А золотомъ и серебромъ
 „Отнюдь намъ не тѣшиться.

Промчалась *Желя* по Русской землѣ, разнося пепелъ въ пламенномъ рогѣ, и вотъ:

„Застоналъ, братья,
 „Кіевъ отъ туги,
 „А Черниговъ отъ напастей;
 „Тоска разлилась, словно
 „Полая вода, по Русской землѣ.
 „Печаль тучная, (обильная и глубокая, словно рѣка)
 „Потекла по срединѣ земли Русской.

Такъ авторъ сваялъ нынѣшнія *были* съ Старыми словесами. Прежде чѣмъ плачуть жены, кличетъ *Карина*, и прежде чѣмъ стонуть Кіевъ и Черниговъ, скачетъ по Русской землѣ *Желя*, разнося погребальный пепелъ въ пламенномъ рогѣ. Та и другая являются спутницами Дѣвы—Обиды, разжигательницы княжескихъ усобицъ, служившихъ первою причиною всѣхъ тогдашнихъ золъ.

Но не семейнымъ только горемъ, не нравственными только скорбями о погибшемъ войскѣ разрѣшилась «невеселая година». Пользу-

ась раздорами князей, враги на всей своей волѣ устремлялись на Русскую землю и дѣлали ее своимъ данникомъ.

„Князья сами на себя
 „Крамолу ковали,
 „А поганые одни съ побѣдами,
 „Наскакивая на Русскую землю,
 „Брали дань по бѣлкѣ со двора.

3. Переходъ ко 2-й части „Слова“.

Изобразивъ бѣдствія, вызванныя походомъ Игоря, авторъ переносится мыслию къ Великому Кіевскому князю Святославу, на которомъ сосредоточена вся слѣдующая вторая часть «Слова». Переходъ въ высшей степени искусный, творческій, художественный. Авторъ припоминаетъ бывший за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ (въ 1184 г.) походъ Святослава на тѣхъ же Половцевъ, когда Рускіе плѣнили до 7000 поганыхъ, въ томъ числѣ Кобыка руками взяли и возвратились домой со славою и честію великою — и сопоставляетъ съ этой побѣдой жалкій и постыдный походъ Игоря. Такова нить мыслей, внутренне связующая первую часть «Слова» со второю—и служащая переходомъ ко «Сну Святославу и его «Золотому слову» Противоположность того и другаго похода выражена въ высшей степени характерныхъ и художественныхъ очертаніяхъ.

Тонъ этого сопоставленія по отношенію къ Святославу усиливается въ своей торжественности, а по отношенію къ Игорю является все болѣе и болѣе печальнымъ.

Святославъ съ своими мощными и крѣпкими полками побѣдно прошелъ по землѣ Половецкой, а Игорь загубилъ Русское добро въ болотномъ днѣ вражеской рѣки—добро дорогое, золотое. Святославъ повергъ къ ногамъ своимъ погананаго Кобыка, а Игорь самъ пересѣлъ въ позорное сѣдло плѣнника. Чужестранцы Святослава превозносятъ, а Игоря жалбуютъ.

„Эти два храбрыхъ Святославича,
 „Игорь и Всеволодь,
 „Разбудили погань,
 „Которую усыпиль было тутъ
 „Отець ихъ—Святославъ Грозный
 „Великій Кіевскій—грозою.
 „Заставиль было трепетать
 „Своими сильными полками
 „И булатными мечами;
 „Наступиль онъ на землю Половецкую.
 „Притопталъ холмы и овраги,
 „Возмутиль рѣки и озера,
 „Изушилъ потоки и болота.
 „А поганого Кобяка изъ лукоморья,
 „Исторгнуль, какъ вихорь;
 „И палъ Кобякъ въ градъ Кіевъ
 „Въ гридницѣ Святославовай.

Столь блистательная побѣда доставила ему заслуженную славу:

„Тутъ Нѣмцы и Венеціане,
 „Тутъ Греки и Моравя
 „Поютъ славу Святославу.

Не того достигъ Игорь своимъ походомъ. Онъ заслужилъ лишь одно сожалѣніе, что загубилъ такъ много жизней и Русскаго добра: все пропало ни за что, словно въ воду брошено, и загрязло въ болотномъ днѣ вражеской рѣки:

„А князя Игоря жалѣють,
 „Что погрузиль онъ столько тука
 „Во днѣ Каялы рѣки Половецкой,
 „Русскаго золота насыпаль².

² См. въ Палеографической критикѣ текста: «Русскаго злата насыпаша. Гу Игорь выспде».

Да и самъ наконецъ сдѣлался плѣнникомъ:

„И тутъ Игорьъ изъ золотого-го сѣдла
„Да пересѣлъ въ сѣдло кощяя.

Тяжело отзывались на Русской землѣ всѣ эти событія. Подобно Гомеру, который въ *Иліадѣ* краткими словами оплакиваетъ судьбу каждаго своего героя, нашъ авторъ заканчиваетъ печальную картину участи Игоря также словами плачущей народной поэзіи:

„Пріунывъ стоять стѣны городскія.

И за тѣмъ прибавляетъ:

„Поникло веселіе,

т. е. какъ трава, оно склонилось и увяло. Все бывшее радостнымъ вдругъ стало при печали.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ „СЛОВА“.

Во второй части своего творенія авторъ излагаетъ 1) Сонъ Святослава и 2) его Золотое слово.

1. Сонъ Святослава.

Вѣсть о пораженіи Игоря и его дружины, какъ извѣстно изъ *Лѣтописей*, принесена была на Русь Бѣловолодомъ и достигла наконецъ Кіева. Но авторъ, по образцу *Старыхъ Словесъ*, въ своей пѣсни предваряетъ эту вѣсть таинственнымъ откровеніемъ въ сонныхъ мечтаніяхъ и видѣніяхъ Кіевского князя Святослава и толковниками этихъ сновидѣній и первыми провозвѣстниками несчастія Игоря и его дружины, дѣлаетъ бояръ, окружавшихъ Святослава.

Въ глазахъ автора Кіевскій князь—былъ главою и стоялъ такъ сказать, на вершинѣ всей Кіевской Руси, точно такъ, какъ и самая столица была *на юрэгѣ*.

Вотъ Святославъ въ Кіевѣ на горахъ
Мутной сонъ видѣлъ.

а) Видѣнія Святослава.

Сонъ этотъ былъ именно *мутной* съ одной стороны потому, что въ немъ свѣтлыя и пріятныя представленія мѣшались съ мрачными и безотрадными, словно вода съ пескомъ мутилася; съ другой—потому, что это былъ сонъ зловѣщій и потому безпокойный; онъ производилъ *смущеніе* въ душѣ Святослава.

Сонъ этотъ состоялъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ видѣній, изъ коихъ однѣ служили выраженіемъ личнаго тяжелаго предчувствія самаго Святослава; изъ остальныхъ же—одно указывало на участь постигшую Игоря и его дружину, и другое—на безчестіе и безславіе Русской земли, коими завершился его походъ.

Сновидѣнія, основанныя на личныхъ предчувствіяхъ Святослава, предвѣщали ему *печаль, горе и слезы*.

аа) *Печаль*. Съ одной стороны снилось ему, что лежалъ онъ на кровати дорогой, сдѣланной изъ тиса, а съ другой—что онъ былъ покрытъ на ней чернымъ одѣяломъ.

бб) *Горе*. Съ одной стороны угощали его синимъ виномъ, а съ другой—это вино было отравлено мученіемъ.

вв) *Слезы*. Съ одной стороны разсыпали по бѣлой его груди крупный жемчугъ, ласкали и утѣшали его, а съ другой—снилось ему что этотъ жемчугъ катился на его грудь изъ колчановъ пустыхъ, изъ коихъ стрѣлы были разстрѣляны погаными толковинами.

Въ эту ночь, рассказывалъ онъ,
 На кровати тисовой
 Одѣвали меня чернымъ покрываломъ;
 Черпали для меня синее вино
 Со страдою смѣшано;
 Сыпали мнѣ на грудь
 Крупный жемчугъ
 Изъ пустыхъ колчановъ¹
 Поганыхъ Толковинъ
 И вѣжили меня.

¹ См. въ Лексикологическомъ словѣ: «толковина».

Мутность этихъ сновидѣній состояла именно въ томъ, какъ мы сказали, что пріятныя представленія въ нихъ мѣшались съ непріятными. Тись и черная папалома предвѣщали *печаль*; вино съ иримѣсью *горе*, и наконецъ жемчугъ и тулы поганыхъ—*слезы*.

Дальнѣйшее сновидѣніе указывало на бѣдственную участь, постигшую Игоря и его союзниковъ въ несчастномъ походѣ.

и) Снилось ему, что въ его дворцѣ съ позолоченымъ верхомъ крыша безъ жолоба, скрѣпляющаго тесъ.

Уже доски безъ князя.

Въ моемъ теремѣ златоверхомъ.

Сонъ этотъ указывалъ, что въ Кіевской Руси—многія княженія липились князей съ ихъ дружинами. Онъ имѣлъ внутреннюю связь съ дѣйствительнымъ, совершившимся фактомъ, народившимъ тяжелыя предчувствія въ душѣ Святослава и былъ основою всѣхъ предшествовавшихъ его видѣній, знаменовавшихъ его *печаль*, *горе* и *слезы*.

дд) Наконецъ послѣднее сновидѣніе—относилось по своему внутреннему значенію къ безчестію и безславію Русской земли, вызванному несчастною судьбою Игоря съ его союзниками: снилось ему, что

Въ эту ночь съ вечера
Граяли царшвыне¹ вороны,
На болотинѣ у Плъсенска были,
У дебрьской Сани,
И понеслись къ синему морю.²

Видѣть во снѣ каркающихъ вороновъ—предвѣстникъ худой молвы и безславія. Связующимъ началомъ для дальнѣйшихъ представленій въ этомъ сновидѣніи повидимому служить болото. Вороны граяли около Кіева, за тѣмъ полетѣли на болото Плъсенское, отсюда перебрались на низкое побережье Сана и оттуда уже понеслись къ синему морю. Едва ли для подобной ассоціаціи сонныхъ представленій не послужило наблюденіе, что Плъсенская болонь и Дебрьская Сань

¹ См. въ Лексикологіи слово: «*бусови*»:

² См. въ Палеографич. критикѣ текста: «у Плъсенска на болонь бѣша дебрь Кисаню, и не сошло къ синему морю».

были станціями птицъ, гдѣ наиболѣе останавливались они для корма, при своихъ перелетахъ къ Черному морю. Исхудалые, паршивые вѣроны, по смыслу сновидѣнія, съ одной стороны стали сыты и довольны—такъ какъ запасались силами и тукомъ на самыхъ заживныхъ для нихъ мѣстахъ, а съ другой—карканіе ихъ простиралось за предѣлы Киевской Руси и сосредоточивалось у моря. По аналогіи, Половцы, точно также запаслись Русскимъ тукомъ и золотомъ и, ликуя свою побѣду, безславили Русь.

б) *Толкованіе этихъ видѣній боярами.*

Не менѣ замѣчательно по своему построению и толкованіе сна боярами. Бояре не останавливаются на сновидѣніяхъ, вытекавшихъ изъ личнаго тяжелаго предчувствія Святослава, предвѣщавшихъ ему *печаль, горе и слезы* и лишь коротко замѣчаютъ, что мысль его настроилась подъ воздѣйствіемъ гнетущаго чувства и всѣ эти сновидѣнія—суть порожденія его нравственнаго состоянія.

„И сказали бояре князю:

„Княже! Туга умомъ завладѣла.

Но за то они сосредоточиваютъ свое вниманіе на остальныхъ двухъ сновидѣніяхъ, имѣвшихъ отношеніе къ дѣйствительности, служившей причиною нравственнаго угнетенія Святослава.

Гибель князей съ ихъ дружинами, предзнаменованная паденіемъ шелома съ дворцовой крыши, изображается въ эпическихъ очертахъ. Авторъ какъ будто самъ былъ свидѣтелемъ солнечнаго затмѣнія, заступавшаго князьямъ путь, и потому заставляетъ Святославыхъ бояръ толковать означенный сонъ въ чертахъ и образахъ этого затмѣнія, какъ будто подъ непосредственнымъ его впечатлѣніемъ, съ живою вѣрою въ таинственное его значеніе, оправданное дѣйствительностію.

„Вотъ вѣдь два сокола слетѣли,

„Съ отцовскаго золотаго стола,

(Говорятъ бояре)

„Поискать города Тмутараканя,
„Или же шлемомъ напитокъ изъ Дона.

Т. е. или возвратить Тмутаракань Руси, которой она принадлежала, или же по крайней мѣрѣ одержать побѣду надъ погаными, которые ею владѣютъ. Но жалкая судьба ихъ постигла:

„Уже крыльица у соколовъ
„Исколоты поганыхъ саблями,
„И самихъ опутали въ цѣпи желѣзныя.

Совершилось вѣдь то, чѣмъ на-яву угрожало имъ солнечное затмѣнiе, тьмою заступавшее имъ путь.

„Темно вѣдь стало въ 3-й день;
„Два солнца померкли;
„Оба красныя столба погасли;
„А съ ними и молодые мѣсяцы
„Олеги и Святослава поволоклись тьмою.

Т. е. Омрачились горемъ.

Еще болѣе несчастная судьба постигла ихъ дружины. Пораженiе ихъ погаными представляется также эпически—въ образѣ борьбы свѣта съ тьмою.

„На рѣкѣ на Каялѣ
„Тьма возобладала надъ свѣтомъ:
„Половцы, словно гнѣздо Пардусовъ,
„Распростерлись среди Русскихъ дружинъ
„И въ море ихъ погрузили.

Т. е. въ конецъ ихъ загубили

„И великую гордость придали Хиновѣ.¹

¹ О. К. Коршъ, равно какъ и нѣкоторые другiе комментаторы даютъ такой порядокъ этому мѣсту: «На рѣкѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыва; темно бо бѣ въ 3 днѣ; два солнца померкоста, оба багрянныя стлѣна погасоста и съ нимъ молодая

Не нужно забывать, что именемъ Русской земли авторъ не разъ называетъ въ своей пѣсни именно Русскія войска,

Наконецъ, съ такою же ясностію и силою истолковываютъ бояре и послѣднее сновидѣніе Святослава.

Похвальба князей, съ которою они выступили въ походъ, разрѣшилась позоромъ; отвага, которую они проявили въ походъ, кончилась насильемъ. И Дивъ, скликавшій поганую силу, теперь кончилъ свое дѣло дѣло позора и насилья надъ Русскою славою и отвагою. Вотъ до чего дожили! Готскія дѣвки, жившія по берегамъ Чернаго моря, съ которыми поганые Половцы дѣлились добычей, теперь и тѣ словно жадные вороны насытившись добычей, русскимъ золотомъ, тамъ у синяго моря, участь Русскихъ проиграли, поютъ побѣдныя торжественныя пѣсни, вспоминаютъ время Бусово и радуются, что Русь получила теперь жестокое отмщеніе за побѣду надъ Шаруканемъ.

„Уже позоръ ниспалъ на славу;

„Уже надъ волей разразилось насилье;

„Уже Дивъ низвергся на землю:

„Вотъ вѣдь Готскія дѣвы,

„Звоня Русскимъ золотомъ,

„Запѣли на берегу синяго моря:

„Поютъ они время Бусово,

„Местъ за Шураканя ублажаютъ.

Въ противоположность этому ликованью на берегу синяго моря бояре выражаютъ Святославу свое нравственное угнетеніе:

мѣсяца: Олегъ и Святъславъ тьмою ся новодокоста и въ морѣ погрузиста и и великое буйство подасть Ханюви. По Русской земли прострошася Половци, аки нардуже гнѣздо». (М. У. Изв. 1868). Но выраженіе: *на рѣцѣ на Камлѣ тьма свѣтъ покрыла*, символически выражаетъ побѣду Половцевъ надъ Русью и потому должно стоять предъ дальнѣйшимъ выраженіемъ: *«Половци прстрошася по Русской землѣ»*, которое есть ничто иное какъ фактическое поясненіе символическаго изобразенія. Точно также нельзя переставлять выраженій: *«и въ морѣ погрузиста и великое буйство подасть Ханюви»*. Гораздо удобнѣе допустить, что здѣсь въ окончаніяхъ глаголовъ скрываются налеографическія ошибки, допущенныя подъ влѣдѣніемъ двойственной формы предъидущихъ глаголовъ, чѣмъ перестановкою ихъ—оставить Половцевъ при томъ только, что они *«простерлись»*.

„А мы, дружина, говорятъ они,
„Жадаемъ веселія.

Т. е. мы томимся, что нѣтъ у насъ радости и тѣмъ намъ тяжело, чѣмъ веселѣе ликуютъ на берегу синяго моря.

2. Золотое слово Святослава.

Рѣчь бояръ, изъяснившихъ Святославу видѣнный имъ сонъ, произвела на него глубокое впечатлѣніе; она коснулась самыхъ сердечныхъ его движеній и растрогала до слезъ; она подняла его духъ и заставила сказать свое слово, достойное князя, сидѣвшаго въ Кіевѣ на горахъ, столь чуткаго къ судьбамъ Кіевской Руси и ея несчастіямъ. Съ одной стороны слово это было яснымъ и сознательнымъ выраженіемъ той личной печали и горя, которыя отразились предчувствіями въ его сновидѣніяхъ, а съ другой оно было такимъ же выраженіемъ высокаго политическаго ума, стоявшаго въ эту тяжелую минуту на высотѣ своего призванія. По своему внутреннему смыслу и значенію, Слово это было дорого не только для боярской Думы, его слушавшей, но и для всей Кіевской Руси изъ конца въ конецъ. Это было слово *Золотое* и трудно подыскать другой эпитетъ, который бы выражалъ его историческую цѣну лучше этого эпитетическаго величанія.

Когда Святославъ говорилъ, слезы крупныя, какъ жемчужины видѣнныя во снѣ, падали изъ его очей: *ромилъ* онъ горючій слезы. Рѣчь его лилась, какъ и самыя слезы, мыслями свѣтлыми и ясными, выраженіями сильными и осязаемыми.

„Тогда Великій Святославъ
„Изронилъ золотое слово
„Съ слезами смѣшанное.

Слово это состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, изъ коихъ въ первомъ выражаются горькіе упреки Игорю и Всеволоду за то, что они необдуманно, не воздержавши своей юности, пошли искать себѣ вояцкой славы, безъ его вѣдома и не выждавъ брата его многоволя и

вмѣстѣ сожалѣніе о томъ, что одинъ онъ, Кіевскій князь, безъ содѣйствія другихъ князей не можетъ оказать имъ той помощи, какая требуется вопіющими событіями. Само собою разумѣется, что эта часть рѣчи Святослава, какъ выраженіе его личнаго горя, не дѣлаетъ еще его слова столь цѣннымъ, чтобы можно было достойно назвать его *золотымъ*. Гораздо выше по своему внутреннему значенію стоитъ дальнѣйшій отдѣлъ, въ которомъ содержится воззваніе ко всѣмъ прочимъ князьямъ и призывъ ихъ вступить, за землю Русскую, за раны Игоревы. Именно это-то обращеніе ко всѣмъ прочимъ князьямъ—соединиться во едино для отмщенія обиды земли Русской, за раны одного изъ нихъ, исполнѣ достойно Великаго Князя въ Кіевѣ на горахъ и оно-то именно дѣлаетъ слово его—словомъ *золотымъ*. Тотъ и другой отдѣлъ внутренне связаны между собою и лишь въ своемъ цѣломъ представляютъ *Золотое Слово* Святослава.

а) *Упреки Святослава Игорю и Всеволоду и сожалѣніе о томъ, что помощь имъ не можетъ.*

Обращаясь къ Игорю и Всеволоду, Святославъ прежде всего упрекаетъ ихъ за то, что они не по лѣтамъ славолюбны и храбры не по разуму: прежде времени стали приводить въ слезы вдовъ и спроть Половецкихъ и домогаться себѣ славы; что сколько они храбры, столько же заносчивы и не покорны; ушедши въ походъ безъ его вѣдома, они посмѣялись надъ его почтенной сѣдиной.

И сказалъ онъ:

„О мой сыновцы, Игорь и Всеволодъ!

„Прежде времени начали вы

„Мечами квилить Половецкую землю

„И искать себѣ славы;

„Но безъ славы одолѣли вы,

„Безъ славы вѣдь пролили вы поганую кровь.

„Ваши храбрыя сердца

„Изъ крѣпкаго булата скованы

„И въ дерзости закалены.
 „То ли вы учинили
 „Моей серебряной сѣдинѣ!

Второй упрекъ касается того, что они не выждали брата его Ярослава—со всѣми его героями, которые звеня, вдохновляясь славой предковъ, кликомъ враговъ побѣждаютъ, но захотѣли одни воспользоваться предстоящей славой, одни подѣлиться и славой минувшей.

„И уже не выждали вы '
 „Сильнаго и богатаго и многово
 „Брата моего Ярослава
 „Съ Черниговскими Былями.
 „Съ могутами и съ Таранами;
 „И съ Шельбирами и съ Топчаками
 „И съ Ревугами и съ Ольберами.
 „Тѣ вѣдь безъ щитовъ,
 „Съ засапожниками кликомъ
 „Полки побѣждаютъ,
 „Звоня правѣдней славой;
 „Но вы сказали: одни станемъ мужаться,
 „Одни мы похитимъ предстоящую славу
 „И минувшею одни мы подѣлимся.

За тѣмъ Святославъ, какъ глава Ольговичей и самъ глубокой старикъ, дышетъ готовностію молодого сердца оказать имъ защиту, но вотъ зло нынѣшняго времени—другіе князья не помогаютъ. На что похоже? И до чего наконецъ дошло? Въ Римѣ взываютъ о помощи подъ саблями Половцевъ, а Владиміръ—единственный защитникъ Русской земли—лежитъ весь израненый. Горе и скорбь предстоятъ сыну Глѣбову!

---

¹ См. въ «Палеографической критикѣ текста»: *А уже не выжду власт' сильнаго, и богатаго и многовоу брата моего Ярослава.*

- „И диво ли, братья,
 „Старику помолодѣть?
 „Коли соколъ въ мытахъ побываетъ
 „Свысока птицъ убиваетъ:
 „Не дастъ онъ въ обиду
 „Гвѣзда своего.
 „Но вотъ зло: князья мнѣ не помога.
 „Времена ни на что стали не похожи!
 „Въ Римѣ кричатъ
 „Подъ саблями Половецкими,
 „А Владиміръ—подъ ранами.
 „Туга и тоска сыну Глѣбову!

Здѣсь, по мнѣнію Карамзина и другихъ изслѣдователей, кончается Золотое Слово Святослава. Но въ означенныхъ упрекахъ нѣтъ ни особенно золотыхъ словъ, ни золотыхъ мыслей. Святославъ не могъ ограничиться одними горькими сожалѣніями о несчастіяхъ Игоря и Кіевской Руси, и столь же горькими разочарованіями въ собственной силѣ. Воззваніе его къ князьямъ о помощи имѣеть, говоримъ, такую внутреннюю связь съ предъидущимъ, что лишь въ немъ сосредоточено и имъ завершается *Золотое* его слово. Художественный тактъ автора не могъ назвать золотымъ словомъ однихъ упрековъ и разочарованій въ устахъ Святослава. Золотое Слово, какъ и сонъ Святослава, есть только творческій литературный приѣмъ для выраженія политическихъ думъ самого автора и потому для него не представлялось надобности отдѣлять воззваніе къ князьямъ о помощи отъ предъидущей рѣчи Святослава.

б) *Воззванія къ князьямъ о помощи.*

Первое воззваніе обращено къ Всеволоду Юрьевичу, который прозывался *Большое шило* и сидѣлъ далеко отъ Кіева въ Заокской Руси. Воззваніе это показываетъ, какое важное значеніе въ политическомъ отношеніи уже тогда получила Сѣверная Русь.

Слава Всеволодова похода на Болгарь въ 1182—1184 гг.; какъ

видно, произвела въ Кіевѣ сильное впечатлѣніе, которое долго переживалось. Побѣдоносное поражение имъ Болгаръ на Волгѣ, множество захваченныхъ имъ плѣнниковъ, сдѣлало его могущество на водѣ знаменитымъ. Обращаясь къ Всеволоду Святославъ указываетъ на эту Волжскую побѣду и выражаетъ убѣжденіе, что еслибы онъ захотѣлъ, то сдѣлалъ бы отстоять Кіевскую Русь отъ поганыхъ, и на Дону онъ былъ бы также побѣдоносенъ, какъ на Волгѣ, и здѣсь плѣнники были бы дешевы, какъ тамъ. Но теперь пришлось бы сражаться не на водѣ только, но и на сушѣ—въ степи. Заокская Русь въ глазахъ Кіева казалась уже могучею и своими сухопутными силами: удалые сыны Глѣбовы—были живые шершпы, могущіе смертельно поражать враговъ. Это были Рязанскіе князья, Всеволодъ и Владиміръ, дѣти Глѣба Ростиславича, въ 1180 году, цѣловавшіе крестъ ко Всеволоду, *на всей волѣ его*. Рязанская область, бывшая удѣломъ князей Черниговскихъ, теперь тянула уже къ великому князю Суздальскому.

Воззваніе это имѣетъ иную форму, чѣмъ обращеніе къ князьямъ южнымъ. Всеволодъ, сидя далеко отъ Кіева, занятый устройствомъ домашнихъ дѣлъ, какъ будто совсѣмъ забылъ Кіевскую Русь, безучастно относился къ ея судьбѣ и не былъ расположенъ отзываться на голосъ Кіева и потому Святославъ прежде всего напоминаетъ ему, что эта Русь—ему родная и за тѣмъ лишь въ формѣ вопросительной выражаетъ свою просьбу о возможно скорой—помощи и въ тоже время какъ бы сомнѣвается въ возможности ея.

„Великій князь Всеволодъ!

„Нѣтъ ли мысли у тебя

„Перелетѣть издалеча, ¹

„Поберечь отеческій престоль золотой;

„Вѣдь ты можешь Волгу

„Разбрызгать веслами

„И Довъ вылить шеломами.

„Если бы да ты былъ

¹ См. въ «Палеографической критикѣ текста»: «*Не мыслию ти прелетѣти издалеча*».

„То чага была бы по ногатѣ,
 „И кощей по рѣзани:
 „Вѣдь ты можешь по суху
 „Живыми шереширами ¹ стрѣлять
 „—Удалыми сынами Глѣба.

Воззваніе это вложено авторомъ въ уста Святослава, очевидно, лишь въ силу литературной задачи, въ силу идеи Золотаго Слова. Авторъ указываетъ, что и Русь Южная и Русь Сѣверная—единая земля Русская; Русскіе и князья той и другой—одного рода племени. На Кіевскомъ столѣ сидѣлъ отецъ Всеволода Юрій Долгорукій и та же самая Переяславская область, которая разорена теперь Половцами, принадлежала нѣкогда родному брату Всеволода—Глѣбу Юрьевичу, сынъ коего Владиміръ теперь подъ ранами. Какъ не далеко Суздаль отъ Кіева, это, по мысли автора, не освобождаетъ Сѣвернаго Великаго Князя отъ обязанности дѣйствовать за едино съ Южными Князьями и беречь отъ поганыхъ единую землю Русскую. Но, какъ мы сказали, изъ приемовъ воззванія къ Всеволоду видно, что въ Кіевѣ считали помощь отъ него уже сомнительною.

Слѣдующее за тѣмъ воззваніе къ Рюрику и Давиду Ростиславичамъ также отражаетъ, на нашъ взглядъ замѣчательную особенность. Въ своемъ обращеніи къ нимъ Святославъ ничего не говоритъ объ ихъ личностяхъ и великодушно умалчиваетъ объ ихъ розни и вялыхъ дѣйствіяхъ, о которыхъ, гласитъ лѣтопись, по поводу мольбы къ нимъ израненаго Владиміра Глѣбовича, *да быша ему помогли*. Чтобы личными упреками не внести въ нихъ новой розни и скорѣе побудить выступить на защиту земли Русской, онъ напротивъ лишь вспоминаетъ бывшее ихъ геройство и восхваляетъ славныя доблести ихъ храбрыхъ дружинъ.

„Ты рьяный—Рюрикъ и Давидъ!
 „Не ваши ли позолоченные племы
 „Плавали по крови?
 „Не ваши ли храбрѣя дружины,

¹ См. въ «Лексикологін»: «шерешеры».

„Рываютъ, какъ туры,
 „Раненые калеными саблями,
 „Въ степи непріятельской!
 „Вступите господа
 „Въ златныя стремяна,
 „За обиду сего времени,
 „За землю Русскую,
 „За раны Игоревы,
 „Рыанаго Святославича!

Со стороны автора здѣсь сказывается замѣчательный тактъ. Намекать на вялыя дѣйствія Рюрика и Давида, заявленныя ими по поводу мольбы о помощи со стороны Владиміра Глѣбовича, было здѣсь тѣмъ нецѣлѣбно, что въ этихъ вялыхъ дѣйствіяхъ отчасти участвовалъ и самъ Святославъ, который теперь обращается къ нимъ съ воззваніемъ постоять за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы.

Инымъ характеромъ отличается воззваніе къ Галицкому князю Ярославу. Здѣсь въ яркихъ очертаніяхъ и въ художественныхъ образахъ рисуется его собственная личность. Чаянія Кіева на Галицкую помощь выступаютъ во всей своей силѣ, тѣмъ больше, что это былъ тестъ плѣннаго Игоря, и его дочь Ярославна, супруга Игоря, переживала теперь горькую долю. Это былъ князь кипучей и многосторонней дѣятельности; сильный и грозный въ дѣлахъ политики, онъ былъ и заботливый и предусмотрительный хозяинъ своей земли: «бѣ бо, гласить дѣтоишь, *разстроилъ* землю свою.» По словамъ воззванія, это былъ—*осмомысль*, у котораго восемь мыслей и восемь заботъ за разъ. Галячь, гдѣ онъ сидѣлъ, расположенъ былъ на горѣ, на верху коей красовался княжескій кремль. Вышнее положеніе Галицкаго стола отвѣчаю такимъ образомъ его политической славѣ. На это преже всего указываетъ воззваніе.

„Ярославъ, осмомысль, Галицкій!
 „Высоко сидишь ты
 „На своемъ златоконномъ столѣ.

Занятый множествомъ домашнихъ дѣлъ, гдѣ была нанесена ему обида, онъ самъ не ходилъ съ своими полками, но посылалъ ихъ съ воеводами; полки его были вооружены крѣпкими латами, и потому они были не сокрушимы какъ желѣзо. Къ тому же престолъ его ограждали Карпатскія горы и потому далѣе зоветъ Святославъ:

„Ты подперъ Угорскія горы
„Своими желѣзными полками.

Владѣнія его отъ Карпатскихъ (Угорскихъ) горъ простирались до устья Серета и Прута и потому онъ былъ заставою великою: могъ затворять Дунаю ворота, заграждать въ него входъ Венгерскому королю и препятствовать плаванію по немъ, что далѣе и выражено словами воззванія:

„Заступивъ путь королю
„Затворивъ ворота Дуная.

Въ дѣлахъ воинскихъ это былъ богатырь, въ дѣлахъ гражданскихъ мудрый судья:

„Метая бремена ' черезъ облака,
„Суды правя до Дуная.

Для изображенія его воинской силы и легкости передвиженія воинскихъ тяжестей чрезъ горы, нерѣдко покрытыя облаками, авторъ повидимому воспользовался образомъ богатыря, который легко кидаетъ тяжелыя палицы выше лѣсу стоячаго, выше облака ходячаго.

Для далѣкихъ странъ—онъ былъ страшенъ. Въ Кіевъ онъ могъ пустить кого угодно и когда угодно. По словамъ воззванія, онъ металъ свои стрѣлы на Салтановъ или Мадьярскихъ, между вождями конхъ были имени Салтановъ; или, быть можетъ, даже Турецкихъ, такъ или иначе участвуя въ походѣ Венгровъ въ Палестину. Все это Святославъ выражаетъ слѣдующими словами:

' См. въ «Лексикологін»: «времни».

„Грозы твои по землямъ текутъ,
 „(Словно вода, разливаются)
 „Ты отворяешь ворота Кіева;
 „Ты стрѣляешь съ отцовскаго
 „Стола золотаго,
 „Салтановъ за землями!
 „Стрѣляй, Господине, Кончака,
 „Поганаго кощея,
 „За землю Русскую,
 „За раны Игоревы,
 „Рьянаго Святославича.

За тѣмъ слѣдуетъ воззваніе къ Роману Метиславичу Волинскому и его двоюродному брату Метиславу, сыну Ярослава Луцкаго. Лѣтопись, какъ мы замѣчали, говоритъ объ этомъ Романѣ, что онъ былъ стремителенъ на поганыхъ, какъ левъ; сердитъ былъ, какъ рысь; губилъ ихъ, какъ крокодилъ; проходилъ землю ихъ, какъ орелъ и храбръ былъ, какъ туръ. Онъ такъ былъ страшенъ, что Половцы его именемъ страшали своихъ дѣтей. Воззваніе къ нему Святослава изображаетъ его высокіе полеты мысли, широкіе воинскіе замыслы, и, по ловкости его героизма, сравниваетъ съ соколомъ, который, паря въ высотахъ, быстро и яростно нападаетъ на свою добычу, намѣченную имъ птицу. При этомъ образныя выраженія, по обычаю, соединяются съ выраженіями дѣйствительнаго факта.

„И ты рьяный Романъ и Метиславъ!
 „Храбрая мысль увлекаетъ умъ вашъ
 „Къ воинскому подвигу:
 „Высоко плаваешь ты
 „Въ рьяности на воинскій подвигъ,¹
 „Словно соколъ парящій на вѣтрахъ,
 „Цѣлящійся яростнымъ нападеніемъ
 „Одолѣть птицу.

¹ См. Ibid. «дѣло».

Вооруженіе дѣлало ихъ могучими, не побѣдимыми, подобно соколамъ: мало того, что у нихъ шлемы были нѣмецкіе, но подъ шлемами были еще и грудныя брони.

„Вѣдь подъ шлемами латинскими
„У васъ желѣзные паперси; ¹

Эти латинскіе шлемы и желѣзныя паперси наводили страхъ на всѣхъ враговъ и обезоруживали ихъ.

„Отъ нихъ дрогнула земля
„И многія страны Хиновы: ²
„А Литва, Ятвяги,
„Деремела и Половцы
„Повергли свои сулицы,
„И подклонили свои головы,
„Подъ тѣ мечи булатные.

Извѣстно, что Романъ поразилъ хищныхъ Ятвяго; ~~жителей~~ обитателей Подлѣсья и до того усмирилъ свирѣпыхъ Литовцевъ, что Лѣтопись сохранила для насъ народную поговорку: «Романе, худымъ живеши, Литвою ореши». Къ числу этихъ подчиненныхъ имъ племенъ, относится и *Деремела*, по всей вѣроятности, какое нибудь Латышское племя.

Въ противоположность высокимъ и побѣдоноснымъ полетамъ сокола—Романа съ братомъ Мстиславомъ, воззваніе рисуется нравственное угнетеніе Игоря и опустошеніе Кіевской Руси. У Игоря потерялся бѣлый свѣтъ во ясныхъ очахъ—и Кіевская Русь лишилась своихъ владѣній, словно дерево сронило свои листья: Половцы по притокамъ Днѣпра дѣлили уже Русскіе города.

¹ См. *Ibid.* «паперси».

² См. въ «Палеографической критикѣ текста»: «и жили страны Хинова».

„Но, княже, у Игоря
 „Ослабѣль ' уже солнечный свѣтъ;
 „И деревье не къ добру сронило листье:
 „По Росѣ и по Сулѣ грады подѣлили.

Не кому защитить его Русскихъ городовъ. Авторъ выражаетъ это предъидущей припѣвкой:

„И не воскресить уже храбраго полку Игорева.

Призывъ на помощь здѣсь въ иной формѣ, чѣмъ въ обращеніяхъ къ предъидущимъ князьямъ. Воззваніе прямо выражаетъ увѣренность въ ихъ побѣдѣ и заявляетъ, что храбрые князья Ольговичи, сдѣлали все, что могли и больше сдѣлать ничего не могутъ.

„Княже! Донъ тебя кличетъ
 „И зоветъ князей на побѣду!
 „Ольговичи храбрые князья.
 „Изнемогли на брани! ²

Далѣе слѣдуетъ воззваніе къ Ингварю и Всеволоду сыновьямъ Ярослава Луцкаго, кои называются здѣсь Мстиславичами по дѣду своему Мстиславу Великому († 1132 г.) со включеніемъ и 3-го брата Мстислава Ярославича, который здѣсь по имени не названъ, такъ какъ упомянутъ выше. Воззваніе величаетъ ихъ птенцами шестокрылыми не худого рода—племени. Указывая, что они получили свои владѣнія по праву наследства, а не жребіемъ побѣдъ и потому имъ нѣтъ издобности въ оружіи для защиты добытаго оружіемъ, Святославъ проситъ ихъ обратить свои шеломы и Польскія конья и щиты противъ поганныхъ Половцевъ.

„Ингварь и Всеволодъ
 „И всѣ три Мстиславича,

¹ См. въ «Лексикологіи»: «утрѣ».

² См. въ «Палеографической критикѣ текста»: «достали на брань».

„Не малаго гнѣзда шестокрыльцы!
 „Жребиемъ побѣдъ волостей вы
 „Себѣ не расхитили,¹
 „Къ чему же ваши золотые шлемы,
 „И сулицы Польскіе, и щиты?
 „Загородите ворота степи,
 „Не давайте ходу Половцамъ
 „Своими острыми стрѣлами,
 „За землю Русскую,
 „За раны Игоря,
 „Рьянаго Святославича!

Здѣсь, на нашъ взглядъ, оканчивается «*Золотое слово*», вложенное въ уста Святослава и за тѣмъ начинаются разсужденія автора отъ своего лица. Отъ Кіевской Руси онъ обращается мыслію на Западъ, къ Полоцкому княжеству, нѣкогда славному, съ которымъ связано имя знаменитаго Всеслава, и находитъ, что теперешніе его потомки—на него не походятъ и ждать отъ нихъ помощи — нечего. Поэтому, онъ говоритъ о Полоцкихъ князьяхъ отъ самого себя и не заставляеть Святослава—взывать къ нимъ за помощію.

Переходъ къ этимъ разсужденіямъ—творческій и оригинальный.

Вотъ Сула, принадлежащая Переяславльскому княжеству и бѣгущая изъ своего истока въ сторону Переяслава, течетъ теперь уже не прозрачными и чистыми струями; она помутилась, а Двина—такъ та и совсѣмъ течетъ уже болотной водою къ жителямъ Полоцка. Это отъ того, что какъ тамъ по Сулѣ господствуютъ Половцы, и уже Рус-

---

¹ Кн. П. П. Вяземскій, начиная съ этого стиха и кончая словами «буге Святославича» все это мѣсто переставляетъ въ воззваніе, обращенное къ Роману и Мстиславу, замѣчая, что несправедливо обращать подобныя упреки къ тѣмъ князьямъ, кои поспѣли на брань и исполнили свой долгъ, т. е. къ Ольговичамъ—Ингварю и Всеволоду и тремъ Мстиславчамъ. Упреки эти онъ находитъ болѣе справедливымъ относить къ Роману и Мстиславу, не объясняя однако, на какую брань тѣ или другіе поспѣли или не поспѣли. (См. о томъ подробнѣе у г. Смирнова, ч. 2 стр. 67). Выраженіе «*достъли на брань*», имѣетъ здѣсь совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ какое обыкновенно предполагаютъ.

скіе города между собою подѣлили; такъ здѣсь по Двинѣ — на всей своей волѣ распоряжаются Литовцы. Ты и другіе — поганые, в ихъ побѣдные клики громко раздавались надъ струями какъ Сула такъ и Двины — они осквернили, смутили и загрязнили ихъ воды.

„Уже вѣдь не серебряными струями
 „Течеть Сула къ городу Переяславлю,
 „И Двина течетъ болотомъ
 „Къ онымъ грознымъ Полочанамъ,
 „Подъ кликомъ поганыхъ.

Это послѣднее выраженіе, *подъ кликомъ поганыхъ* по свойству синтаксиса «Слова» относится столько же къ Сулѣ, сколько и Двинѣ.

Полоцкое княжество было нѣкогда грознымъ, но теперь въ немъ также происходятъ княжескіе раздоры, которые открываютъ полный просторъ господству въ немъ поганыхъ Литовцевъ. Теперь одинъ лишь Изяславъ Васильковичъ, князь Городенскій напоминаетъ собою его прежнюю славу, время знаменитаго своего дѣда Всеслава, котораго онъ какъ внукъ его, жившій его преданіемъ, еще болѣе возвеличилъ своимъ геройскимъ патріотическимъ подвигомъ.

„Одинъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ,
 „Позвонилъ своими острыми мечами
 „О племѣ Литовскіе,
 „Прибавилъ ¹ онъ славы
 „Дѣду своему Всеславу.

Эта слава, въ борьбѣ съ погаными Литовцами, была куплена имъ кровію. Онъ былъ сраженъ, и на глазахъ его павшая его дружина была терзаема хищными звѣрями и птицами. Самъ онъ плавалъ въ крови, лишь съ своимъ Хотіемъ, ближникомъ и оруженосцемъ, который понималъ своего князя, и также плавая въ крови, выражалъ предъ нимъ сожалѣніе не о себѣ, а о павшей дружинѣ.

¹ См. въ Лексикологіи: «притрепаль».

„А самъ на кровавой травѣ,
 „Подъ красными щитами,
 „Разбить ¹ былъ Литовскими мечами,
 „И съ Хотіемъ—на крови, ²
 „И тотъ сказалъ:
 „Княже! Дружину твою
 „Птица крыльемъ приодѣла
 „И звѣри кровь полизали.

Одинъ онъ сражался и одинъ умиралъ; никто изъ братьевъ ему не помогъ и никто изъ нихъ не видѣлъ его смерти.

„Не было тутъ брата Брячислава,
 „Ни другаго Всеволода;
 „Одинъ онъ изронилъ
 „Изъ храбраго тѣла
 „Жемчужную душу
 „Черезъ златое ожереліе.

Авторъ передаетъ и общественное впечатлѣніе, вызванное кончиною этого князя патріота-страдальца: всюду въ разговорахъ послышалось уныніе; словно трава—увяло веселіе. Городенскія трубы оглашаютъ печальную вѣсть и созываютъ гражданъ для послѣдняго почета его жемчужной души. Не въ походъ только собирали трубные звуки, но и въ тѣ времена умѣли, конечно, играть похоронные марши.

„Приуныли голоса,
 „Поникло веселіе! ³
 „Трубятъ Городенскія трубы! ⁴

¹ Ibid. см. «трирепанъ».

² См. въ Палеографической критикѣ: «и стотію на кровать и рекъ».

³ Кн. П. П. Вяземскій, начиная со словъ: *Уже бо Сула не течеть*» все это мѣсто переставляетъ въ текстѣ и помѣщаетъ послѣ воззванія къ Ярославу Галицкому. Но если въ Пушкинскомъ текстѣ весь этотъ разговоръ стоитъ у мѣста и указываетъ, что при обращеніи мысли автора на западъ Руси — одинъ Изяславъ Васильковичъ заслуживаетъ доброй памяти, то перестановка П. П. Вяземскаго лишаетъ его всякаго смысла.

⁴ Этотъ стихъ кн. П. П. Вяземскій ставитъ въ текстѣ предъ словами: «Уже

Эти Городенскія трубы дають знать и памть, что **Изяславъ Васильковичъ** былъ князь **Городенскій**.

Всѣ прочіе внуки или правнуки **Всеславы** недостойны славной памяти своего дѣда. Крамолясь между собою, они стали приводить поганыхъ **Литовцевъ** на Русскую землю—на достояніе **Всеславо**. Авторъ совѣтуетъ имъ лучше сложить свое оружіе:

„Ярославъ и всѣ внуки **Всеславы**!

„Уже понизите свои знамена!

„Вложите мечи свои поврежденные!

„Вѣдь вы уже выскочили

„Изъ дѣдовской славы:

„Своими крамолами

„Вы вѣдь начали наводить поганыхъ (**Литовцевъ**)

„На землю Русскую.

„На достояніе **Всеславо**.

„Которому было вѣдь насиліе

„И отъ земли **Половецкой** ¹.

3. Переходъ къ 3-й части „Слова“.

Далѣе уже слѣдуетъ переходъ къ 3-й и послѣдней части Слова. Переходъ также искусный и художественный, какъ и отъ 1-й части ко 2-й.

Окончивъ воззваніе **Святослава** къ князьямъ — вступиться за землю Русскую и раны **Игоревы**, и изобразивъ, что на западъ Руси къ князьямъ **Полоцкимъ**, потомкамъ **Всеслава**, бесполезно даже и обра-

---

бо Сула не течеть». Рѣшительно не понимаемъ, какимъ образомъ указанный стихъ можетъ ввязаться съ теченіемъ Сулы и Двины. Въ такой перестановкѣ не видимъ связи не только внутренней, но и вѣшней.

¹ См. въ Палеографической критикѣ текста: «на житъ **Всеславо**, которое бо быша насиліе отъ земли **Половецкимъ**».

щаться за подобной помощію, авторъ останавливается на идеѣ суда Божія, для развитія которой представлялся столь осязательный примѣръ въ лицѣ того же славнаго Всеслава.

Горькая и безотрадная дѣйствительность настоящаго времени въ сравненіи съ временемъ старымъ также давала чувствовать, что выше «суда Божія» не будешь. Мысль эта представляетъ внутреннюю нить, связующую Слово съ плачемъ Ярославны и спасеніемъ Игоревымъ.

Въ виду этого убѣжденія авторъ характеризуетъ: а) *дерзое тѣло* Всеслава, показывая при этомъ, что вся жизнь его состояла изъ неожиданностей и приключеній, и б) *вѣщую его душу*, объясняя при этомъ, что хотя въ дерзкомъ его тѣлѣ была и *вѣщая душа*, не могъ онъ избѣжать своей судьбы.

Кіевъ достался Всеславу совершенно случайно, но игрѣ жребія какъ достается милая дѣвица по игрѣ судьбы. Замыселъ его овладѣть Кіевомъ авторъ рисуетъ въ образѣ исканія имъ своей судьбы, сватовства его къ милой ему дѣвицѣ.

„На седмомъ вѣкѣ Трояновомъ,
„Бросилъ Всеславъ жребій—
„О любой себѣ дѣвицѣ.

Онъ былъ призванъ въ Кіевъ обманомъ и довѣрился хитрому приглашенію. Завѣренія, обнадеживавшія его безопасность, оказались хитростями, *кляуками*: такъ какъ по пріѣздѣ онъ тотчасъ же брошенъ былъ въ порубъ. Эти-то кляуки, хитрыя завѣренія, коимъ онъ довѣрился, служили для него поддержкою при поѣздкѣ въ Кіевъ; опираясь на нихъ, онъ смѣло и твердо сидѣлъ на коняхъ и спѣшилъ въ Кіевъ градъ.

„Подпершись кляуками на коняхъ,
„Скочилъ онъ ко городу ко Кіеву.

Жребій—посчастливилъ ему, хотя не на долго. Кіевляне выпустили его изъ поруба и посадили на Кіевской столѣ золотой. Такимъ образомъ, по волѣ судьбы, онъ сталъ обладателемъ желанной своей любви—града Кіева.

„И доткнулся онъ рукоятью копья
„До золотого престола Кіевскаго.

Не долго, всего семь мѣсяцевъ наслаждался онъ своей милой любовью, сидѣлъ на Кіевскомъ золотомъ столѣ. Когда предъ Бѣлгородомъ не далеко отъ Кіева появился сверженный великій князь Изяславъ 1-й съ Польскою помощью, для защиты своихъ правъ на Кіевскій столъ, Всеславъ, выступивъ противъ него съ своими войсками, вдругъ внезапно ночью убѣжалъ изъ стана: не сталъ онъ орудовать копьемъ своимъ ради золотого престола Кіевскаго; онъ лишь дотронулся до него рукоятью копья.

„Скочилъ онъ отъ нихъ
(Отъ града Кіева и стола Кіевскаго)
„Въ полночь изъ Бѣлаграда
„Лютымъ звѣремъ.

Таковъ былъ его жребій по отношенію къ милой ему дѣвицѣ-городу Кіеву. Гораздо счастливѣе была его судьба по отношенію къ Великому Новгороду.

Неожиданно появился онъ предъ его Кремлемъ. Наканунъ онъ былъ невидимъ, словно висѣлъ въ густомъ туманѣ, какой облегають часто прибрежья Ильменя и Волхова, а на другой день, поднявшись, одержалъ блистательную побѣду.

„Повисъ онъ въ синемъ туманѣ,
„А на утро поднявшись,
„Бронями отворилъ врата Новаграда,
„Разшибъ славу Ярослава.

Не только взялъ Новгородъ, но и ограбилъ его, даже снялъ колокола и паникадила въ Софійскомъ соборѣ.

(1067 г.).

¹ Смъ въ «Палеографической критикѣ текста»: «утръ же воззми етрикусы».

Но и эта побѣда не прошла ему даромъ. Три Ярославича Ияславъ, Святославъ и Всеволодъ, выступивъ противъ него, подошли къ Немизѣ.

„Скочилъ онъ волкомъ
„До Немиги съ Дудутокъ.

Произошло кровавое сраженіе «и мнози падоша». Авторъ описываетъ это побоище въ образахъ молоченія, вѣянія и сѣянія.

„На Немизѣ снопы стелютъ головами,
„Молотятъ цѣпами булатными,
„На гумнѣ кладутъ жизньъ,
„Вѣютъ душу отъ тѣла;
„Кровавыя берега Немиги
„Не благомъ были засѣяны,
„Засѣяны костями *Русскихъ сыновъ*.

Изобразивъ его бѣдственную судьбу и дерзое тѣло, авторъ рисуетъ его нравственную природу

Съ одной стороны—это былъ князь обыкновенный, дѣятель историческій.

„Всеславъ князь народъ судить,
„Князьямъ города наряжалъ.

А съ другой—это былъ богатырь, обладавшій *въшею душою*,—подобный Волху Всеславьевичу. Днемъ онъ народъ судилъ и князьямъ города наряжалъ, а по ночамъ онъ волкомъ рыскалъ:

„Изъ Кіева до пѣтуховъ
„Великому Хорсу волкомъ путь перебѣгалъ.
„Поспѣвая въ Тмутаракань;
„Позвонили ему въ Полоцкѣ
„Рано заутреню у св. Софіи—въ колокола.
„А онъ въ Кіевѣ звонъ слышалъ.

Такова была его нравственная природа, но не могъ онъ избѣжать своей судьбы.

„Если была и вѣщяя душа въ мужественномъ тѣлѣ,
„Но часто страдать онъ отъ бѣды.

Всѣ эти очертанія Всеслава, относившагося къ эпохѣ старой, пѣтой Бояномъ, по всей вѣроятности составлены на основаніи его пѣсень. На это указываетъ и то, что авторъ заканчиваетъ свои соображенія о судьбѣ Всеслава припѣвкой Бояна:

„На счетъ его вѣщій Боянь,
„И еще прежде, Премудрый сказалъ:
„Ни хитру, ни удаму,
„Ни птицѣ удамой,
„Суда Божья не минуть. ¹

При мысли о старомъ времени воспѣтомъ Бояномъ, послѣ воспоминаніи объ историческихъ судьбахъ Всеслава, авторъ какъ бы изнемогаетъ подъ тяжестью бѣдствій и беззавѣія своего времени, разившихся надъ Кіевскою Русью:

„О, стонать Русской землѣ, восклицаетъ онъ,
„Помянувши прежнюю годину
„И прежнихъ князей!

Авторъ какъ бы сознаетъ, что напрасно онъ взывалъ, влагая въ уста Святослава «Золотое Слово», приглашая всѣхъ князей соединиться во едино ради единой земли Русской. Старыя времена не повторятся. Нѣтъ теперь единодержавнаго Мономаха, завершившаго собою первую эпоху, который всѣхъ князей умѣлъ держать подъ своей рукой и могъ собирать ихъ около себя. Выше суда Божія

---

¹ Максимовичъ приставилъ сюда еще темное мѣсто: «рекъ Боянь и ходы»... Но чрезъ то оно не только не дѣлается менѣе, но окончательно лишается всякаго смысла.

не будешь: нельзя было на вѣки удержать его великимъ княземъ Кіева.

„Не лзя было того стараго Владиміра

„Пригвоздить къ горамъ Кіевскимъ.

Авторъ выражаетъ здѣсь свою вѣру въ историческую судьбу, въ судъ Божій, который такъ ярко сказывался для него въ жизни вѣщаго Всеслава!

Съ другой стороны имя Владиміра — въ Кіевской Руси было символомъ единодержавной власти. Выражая, что нельзя было на вѣки удержать его княземъ кіевскимъ, авторъ вмѣстѣ съ тѣмъ выражаетъ, что единодержавной власти нельзя было навсегда закрѣпить за Кіевомъ и единое знамя единой земли Русской не могло на всегда развѣваться на его горахъ. Центръ Кіевской власти распался.

Со смертію Мономаха все перемѣнилось: потомки его раздѣлили его знамена, но, надмѣваясь другъ передъ другомъ, они дѣйствуютъ въ разныхъ направленіяхъ; превознося силою, они врозь разбѣгаются кривыми путями.

„Стяги его теперь стали

„Одни Рюрика, другіе Давида,

„Но роги нося (какъ туры)

„Они хоботы метаютъ ' (подобно лисицамъ).

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ „СЛОВА“.

Въ третьей части своего творенія авторъ въ силу своего замысленія излагаетъ 1) Плачъ Ярославны и 2) Спасеніе Игоря.

1. Плачъ Ярославны.

Плачъ Ярославны представляетъ въ «Словѣ» такую же самостоятельную картину, созданную творчествомъ автора, какъ и «Сонъ Святослава» съ его «Золотымъ Словомъ». Плачъ этотъ не имѣетъ внѣшней видимой связи съ предъидущимъ, но въ

1 См. въ «Палеографической критикѣ текста»: «тѣ роги нося хоботы нашушѣ».

общемъ планѣ Игоревой пѣсни онъ имѣеть глубокое внутреннее со-отношеніе. Какъ мы уже объясняли, всѣ событія авторъ поставилъ въ своемъ твореніи подъ высшій порядокъ надмірныхъ явленій. На яву, въ степи, знаменіемъ солнца небо предостерегало Игоря отъ его безумнаго предпріятія, но онъ его не послушалъ и чрезъ то навлекъ столько бѣдъ и себѣ и всей Русской землѣ. Далѣе слѣдуетъ таинственное откровеніе Святославу въ его видѣніяхъ о несчастной участи Игоря и безславія Кіевской Руси, откровеніе заставившее его обратиться ко всѣмъ князьямъ за помощію. Но судомъ Божиимъ совершающееся, только судомъ Божиимъ разрѣшается. Не сила и оружіе, но лишь плачь или точнѣе, молитва Ярославны, устрояетъ спасеніе Игоря и радованіе Русской земли.

Таково внутреннее отношеніе Плача Ярославны къ предъидущимъ частямъ «Слова».

Внѣшняя связь выражается, повидямому, словами Бояна:

„Копья поять на Дунаѣ.“¹

Т. е. тамъ, на Дону, идетъ кровавый бой. Какъ извѣстно, обороть: «*Напоить или упоить оружіе*» въ восточной и классической поэзіи употреблялся для выраженія представленія кроваваго боя.

Раны Игоря, которыя далѣе хочетъ утерѣть ему Ярославна, полетѣвъ на Дунай, указываютъ, что значило, *поить копы на Дунаѣ*. Донъ лишь поэтически здѣсь называется Дунаемъ, быть можетъ по подражанію пѣснямъ Бояна, или по образцу народной поэзіи, которая всякую большую рѣку донинѣ величаетъ Дунаемъ.

Ярославна рисуется здѣсь въ образѣ *зегзицы* или кукушки, какъ до нынѣ въ народномъ пѣснотворествѣ изображается всякая горющая женщина. Зегзица названа здѣсь *незнаемою*, т. е. безпривѣтной, какъ и до нынѣ она называется въ народныхъ плачахъ—*кокошей* горегорькой или птвиченькой *незнамой*, (безпривѣтной) сѣрой малой загозочкой.

Авторъ какбы чуетъ ея скорбный голосъ и слышитъ ея пламенные молитвы.

¹ Ibid. «*копіа поють на Дунаѣ*».

У.

С М Ъ С Ъ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ АКТЫ.

1. Ввозная грамота воеводы Казанскаго царства боярина Василья Петровича Шереметьева, данная Семичеву на прожиточное помѣстье.

1649 г.

По Государеву цареву и Великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Руссiи указу. Бояринъ и воевода Василій Петровичъ Шереметьевъ, дяки Ѳедоръ Ивановъ, Григорій Одинцовъ дали грамоту Гаврилу Семичеву на прожиточное помѣстье Девятовскіе дочери Змѣева Натальи въ деревнѣ Шуранъ, да въ деревнѣ Дертюляхъ, да въ деревнѣ въ Сорочьяхъ горахъ, да въ Сорочьемъ острову, да на перевозѣ, что на Камѣ рѣкѣ, для того, что въ прошломъ во 156 году билъ онъ челомъ Государю Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всеа Русіи: дано де ему за женою ево за Девятовскою дочерью Змѣева за Натальею прожиточного помѣстья еѣ жеребью, въ Каванскомъ уѣздѣ, по Нагайской дорогѣ, въ деревнѣ Шуранъ да въ деревнѣ въ Сорочьяхъ горахъ, да въ деревнѣ Дертюляхъ и въ Сорочьемъ острову и въ перевозѣ, что на Камѣ рѣкѣ на сорокъ на пять четій; и то-де помѣстье ему не отказано, потому что у него то помѣстье съ своякомъ ево съ Васильемъ Ступишинымъ было не раздѣлено, а нынѣ-де въ томъ помѣстьѣ крестьяня съ нимъ Васильемъ раздѣлены полюбовно, и Государь бы ево пожаловалъ, велѣлъ ему въ то помѣстье дать откащика и по тому ево челобитню, въ прошломъ же во 156 году, въ то помѣстье посыланъ откащикъ Ѳедоръ Бутлеяровъ, а въ Отказныхъ книгахъ Ѳедора Бутлеярова написано: отказалъ онъ съ сторонними людьми прожиточное помѣстье Девятовскіе дочери Змѣева Натальи въ деревнѣ Шуранъ, да въ деревнѣ въ Сорочьяхъ горахъ, да въ деревнѣ Дертюляхъ, да въ Сорочьемъ острову, да на перевозѣ, что на Камѣ рѣкѣ въ помѣстье Гаврилу Семичеву въ половину ево понизоваго окладу во сто въ пятьдесятъ четій: въ деревнѣ Шуранъ пашни осмнадцать четій, да шесть дворовъ крестьянскихъ, а людей въ нихъ семнадцать человѣкъ; да въ деревнѣ Дертюляхъ—пашни десять четій съ осминою, да три двора крестьянскихъ, а людей въ нихъ пятнадцать человѣкъ, да дворъ бобыльской, а людей въ немъ два человѣка; да въ деревнѣ въ Сорочьяхъ горахъ пашни шесть четій, да три двора крестьянскихъ, а людей въ нихъ девять человѣкъ; да въ Сорочьемъ острову пашни одна четь съ осминою, да въ перевозѣ,

что на Камѣ рѣкѣ девять четій, а всего въ тѣхъ деревняхъ и въ перевозѣ пашенныя земли сорокъ пять четій въ полѣ, а въ дву по томужъ. И въ нынѣшнемъ во 157 году билъ челомъ Государю царю и Великому князю Алексѣю Михайловичу всеа Русіи Гаврило Семичовъ, чгобъ Государь его пожаловалъ, велѣлъ ему на то помѣстье дать ввозную грамоту, и по тому ево челобитью ввозная грамота дати ему велѣно. И по Государеву Цареву и Великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи указу Гаврилу Семичеву прожиточнымъ помѣстьемъ Девятовскіе дочери Зиѣва Наталія въ деревнѣ Шурапѣ, да въ деревнѣ Дертюляхъ, деревнѣ Сорочьихъ горахъ и въ Сорочьемъ острову и на перевозѣ, что на Камѣ рѣкѣ на сорокъ на пять четій въ полѣ, а въ дву по томужъ, со крестьяны и съ сѣбными покосы и со всеми угольн владѣти; и которые крестьяны въ томъ помѣстьѣ въ деревнѣ Шурапѣ, да въ деревнѣ Дертюляхъ, да въ деревнѣ въ Сорочьихъ горахъ и въ Сорочьемъ острову нынѣ живутъ, и впредь учнутъ жити, помѣщика Гаврила Семичова слушали, пашню на сево пахали и доходъ ему помѣщиковъ платили, чѣмъ ково онъ пооброцитъ, до тѣхъ мѣсть, какъ за нимъ тѣ помѣстья опишутъ и измѣрятъ Государевы болтіе писцы и мѣрщики и учинятъ за нимъ пашню по Государеву указу. Къ сей грамотѣ Государеву цареву и Великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи печать царства Казанскаго приложилъ бояринъ и воевода Василій Петровичъ Шереметевъ. Лѣта 7157, февраля въ 5 день.

Грамота на свиткѣ въ 7 вершковъ,—скорописью XVII вѣка, съ небольшою печатью чернаго воска. Этотъ актъ замѣчательнъ не тѣмъ только, что касается знаменитаго рода графовъ Шереметьевыхъ, но тѣмъ, что представляетъ собою большую рѣдкость. Менѣе всего дошло до насъ Дѣлъ Казанскаго царства, такъ какъ «Казанскій дворецъ» сгорѣлъ, а вмѣстѣ съ нимъ погибли и всѣ Приказныя акты. При томъ же здѣсь есть рѣдкое указаніе на предполагавшуюся общую Государственную перепись.

2. Жалованная грамота царей Іоанна и Петра Алексѣевичей Никитѣ Ивановичу Ступишину на владѣнія за участіе его въ мирномъ, прибыльномъ договорѣ съ Польшею.

1680 г.

Господь въ трехъ присносіятельныхъ чюстасѣхъ единосущнаго, пребезначальнаго, благъ всѣхъ виновнаго, свѣтодавца, имже вся быша, человѣческому роду миръ дарующаго милостію, и сіе благодѣніе повсюду извѣствующаго: мы пресвѣтѣйшіе и державнѣйшіе, великіе Государи цари, и великіе князи, Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержцы: Мо-

сковскіе, Кіевскіе, Владимірскіе; Новгородскіе, цари Казанскіе, цари Астраханскіе, цари Сибирскіе, государи Псковскіе, и великіе князи Смоленскіе, Тверскіе, Югорскіе, Пермскіе. Вяцкіе, Болгарскіе, и иныхъ: государи и великіе князи Новагорода, Низовскіе земли, Черниговскіе, Рязанскіе, Ростовскіе, Ярославскіе, Бѣлозерскіе, Удорскіе, Обдорскіе, Кондинскіе, и всея сѣверныя страны повелители, и государи Іверскіе земли, Карталинскихъ и грузинскихъ царей, и Кабардинскія земли, Черкасскихъ и Горскихъ князей, и иныхъ многихъ государствъ, и земель, восточныхъ, и западныхъ, и сѣверныхъ, отчичи и дѣдичи, и цаслѣдники и государи, и обладатели: по своему царскому милосердому призрѣнію и осмотрѣнію, пожаловали Никиту Івановича Ступишина для нынѣшняго вѣчнаго учиненнаго мира, съ братомъ нашимъ, и великимъ государемъ, и его королевскимъ величествомъ Полскимъ, при дворѣ нашего царскаго величества постановленія: и за службы предковъ и отца его и его которые службы и раѣборство и храбрость, и мужественное ополченіе, и крови и смерти, предки, и отецъ его и онъ показали, въ прешедшую войну въ Корунѣ Полской и в великомъ княжествѣ Литовскомъ до перемирнаго учиненнаго въ Андрусовѣ постановленія рѣе-го году (1667): отъ начала нарушенія прежнихъ Поляновскихъ договоровъ, которые во многихъ разрушительныхъ писмахъ, тогда вѣчному миру, съ стороны королевскаго величества противенствомъ учинены, за которые досадительства при помощи Божіи, и надежди христіанскія пресвятыя Богородицы молитвою, взявъ непобѣдимое оружіе святый и животворящій крестъ Господень, отецъ нашъ государевъ блаженныя и вѣчностойныя памяти, великій Государь царь, и великій князь, Алексіи Михайловичъ, всея великія, и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, своею государскою особою съ подданными царевичи, и с бояры и воеводы, и со многочисленными своими ратми, ходялъ на Польское и Литовское королевство, и отмищеніе учинилъ, и Смоленскъ, и Кіевъ, и всю малую Россію, и иные многіе города и мѣста войною поималъ. А когда въ прошломъ во рѣе-мъ году (1667), у отца нашего государева, блаженныя памяти, у великаго государя царя, и великаго князя, Алексія Михайловича, всея великія, и малыя, и бѣлыя Россіи самодержца учинено было, с полскимъ Яномъ Казиміромъ королемъ перемирье, на тринацать лѣтъ, и на шесть мѣсяцевъ: А потомъ у брата нашего государева, блаженныя же памяти, у великаго государя царя, и великаго князя Феодора Алексіевича, всея великія, и малыя, и бѣлыя Россіи

самодержца учинено было, съ Полскимъ Яномъ третімъ королемъ перемирье же на другую на тринадцать лѣтъ, и на шесть мѣсяцовъ, и въ тѣ перемирные лѣта постановлено, при помощи Божіи, намъ великимъ государемъ, нашему царскому величеству, съ королевскимъ величествомъ Полскимъ, искать вѣчнаго мира. И въ надежду того перемирья, отецъ нашъ государевъ, блаженный памяти, великій государь его царское величество, во всякой государственной помощи, противъ басурмановъ съ королевскимъ величествомъ изволялъ учинить тогда союзъ, и на тѣ перемирныя лѣта, уступлены съ нашей великихъ государей нашего царскаго величества стороны, королю полскому, и рѣчи посполитой города: Полоцкъ, Витейскъ, Диноборокъ, Литицъ, Резица, Марнаузъ, со всѣми Лифлянтами полуденными, Велижъ, Невль, Сѣбежъ со всѣми уѣздами и землями. А Смоленскъ съ пригороды и черкаскіе города, оставлены были, въ сторонѣ нашего царскаго величества, только на тѣ перемирные лѣта до выхожденія ихъ. Также и городъ Кіевъ по первому перемирию, удержанъ былъ въ державѣ нашего царскаго величества, только на два года. А по выхожденіи дву лѣтъ, договоренось его отдать королю польскому и рѣчи посполитой: на четь и обѣщаніе предъ святымъ евангеліемъ было учинено. А что в тоє прешедшую войну, съ королевствомъ полскимъ, и княжествомъ литовскимъ, нашего царскаго величества, будучіе въ полнѣ, и въ литвѣ ратные люди, поимали в полонъ, и вывели въ російскіе наши государства, польскаго и литовскаго народа, мужеска и женска пола, шляхецкаго и служилаго чина, и пашенныхъ крестьянъ, многія міліоны, также и костелныхъ всякихъ утварей, и украшеній, и колоколовъ, и из городовъ и на бояхъ пушекъ, и всякихъ воинскихъ припасовъ, въ тѣ времена взяли же: И то все по тѣмъ вышеупомянутымъ перемирнымъ договоромъ оставлено было въ сторонѣ нашего царскаго величества, только на тѣ перемирныя лѣта. И прошлаго 4786-го году (1686), къ намъ великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ, Іоанну Алексіевичю, Петру Алексіевичю, всея великія, и малыя, и бѣлыя Россіи самодержцемъ присылалъ королевское величество полской, великихъ и полномочныхъ пословъ своихъ для постановленія между нами великими государи нашимъ царскимъ величествомъ, и его еоролевскимъ величествомъ, вѣчнаго мира: и противъ общаго всѣхъ христіанъ непріятеля, для договору о союзѣ. И по нашему великихъ государей царей, и великихъ князей, Іоанна Алексіевича, Петра Алексіевича, всея великія, и малыя, и бѣлыя Россіи самодерж-

цевъ, указу, съ тѣми королевскаго величества великими и полномочными послы, будучи во многихъ отвѣтѣхъ, нашего царскаго величества ближнія бояре и думныя люди, имѣли разговоры, о постановленіи того вѣчнаго мира пространно желая того, чтобъ тѣ королевскаго величества великіе и полномочные послы, по данной себѣ полной мочи, о вѣчномъ миру, и о союзѣ, совершенное постановленіе учинили. И въ томъ у нихъ ближнихъ нашихъ бояръ съ товарищи, заходили великіе трудности, и многія споры. И по многихъ разговорахъ, милостію и благоволеніемъ всемогущаго въ Троицѣ святѣй славимаго Бога, и предстательствомъ надежды нашей христіанскія пресвятія Богородицы, и силою честнаго и животворящаго креста Господни: и молитвами Московскихъ и Кіевскихъ чудотворцевъ, и всѣхъ святыхъ, а нашими великихъ государей царей, и великихъ князей, Юанна Алексіевича, Петра Алексіевича, всея великія, и малыя, и бѣлыя Россіи самодержцевъ и всего нашего Государскаго дому счастіемъ, они ближнія наши бояре и думныя люди: съ тѣми его королевскаго величества, великими и полномочными послы, между нами великими государи, нашими Царскимъ величествомъ, и его королевскимъ величествомъ, и обоими нашими отъ Господа Бога повѣренными намъ Государствы лучшими вѣчный миръ, и христіанской покой, и противъ общаго всѣхъ христіанъ непріятеля союзъ, которымъ вѣчнымъ миромъ, ихъ ближнихъ нашихъ бояръ вѣрною и радѣтелною службою, учинено нашего Царскаго величества преславному имени, многое повышение, а государствамъ нашего Царскаго величества разширеніе и пространство: и учиненъ такой вѣчный миръ російскому нашему царствію, прибыльной и хвалной, какова на предъ сего при предкахъ нашихъ государскихъ не бывало и во всемъ учинена нашей великихъ Государей, нашего царскаго величества преименитой державѣ, російскому нашему царствію великая прибыль, и по всему свѣту вѣчная слава и хвала. А именно тѣ польскіе послы, по договору с ближними нашими бояры, имянемъ королевскаго величества, и всей рѣчи посполитой обою народу коруны полскія, и великаго Княжества литовскаго, уступили, и въ договорныхъ вѣчнаго мира записяхъ написали, и вѣрою утвердили, намъ великимъ Государямъ, нашему царскому величеству, многіе прибылые у всѣхъ христіанскихъ государей славные на свѣтѣ титла, то есть, писати насъ великихъ Государей, пресвѣтлѣйшими, и державнѣйшими, и кіевскими, и черниговскими, и смоленскими великими Государи вѣчно. А королевскому величеству, кіевскимъ, и чернигов-

скимъ, и смоленскимъ, и иныхъ городовъ титулами, которые намъ великимъ Государемъ, нашему царскому величеству, по тому мирному договору княжества и города отданы не писатися, вѣчно же: и на мѣстатовыхъ печатѣхъ, какъ на корунной, такъ и на литовской, тѣхъ титулъ ему не изображати, и въ канцеляріяхъ, въ корунной и въ литовской, тѣ титула отставить вовсе. А благочестивой нашей христіанской греческаго закона вѣрѣ, которая обрѣтается у русскихъ народовъ, въ державѣ его королевскаго величества, въ корунѣ польской, и въ великомъ княжествѣ литовскомъ пребывающихъ, быти во всякой волности, безъ всякаго утѣсненія. И духовнымъ грекороссійской вѣры людямъ, приходити къ благословенію, и посещенію, въ нашу царскаго величества отчину, въ богоспасаемый градъ Кіевъ, къ преосвященному-митрополиту кievскому и галицкому. Да королевское жъ величество, польской, и вся рѣчь посполитая, отдали тѣмъ вѣчнымъ миромъ, въ сторону нашего царскаго величества, къ россійскому нашему царствію вѣчно городъ, который оставлены были въ нашей царскаго величества сторонѣ толко на перемирныя лѣта, то есть: Смоленскъ, Дорогобужъ, Бѣлая Рословъ, съ уѣздами, и со всѣми къ тѣмъ городамъ принадлежащими землями и угодья: какъ въ прошедшія перемирныя лѣта, тѣ города и земли: въ сторонѣ нашего царскаго величества во владѣніи, и въ державѣ, обрѣталися. Такъ же и съ другія стороны, въ нашу царскаго величества сторону, къ россійскому же нашему царствію, отдалъ королевское величество и рѣчь посполитая, города вѣчно же: Черниговъ, Стародубъ, Почепъ, Новгородокъ Сѣверской, Глуховъ, Батуринъ, Нѣжинъ, Переяславъ, Гадичъ, Полтаву, и всѣ черкасскія сея стороны Днѣпра города и мѣста: которые какъ имена и произваніе себѣ имѣютъ, и всю Малую Россію, съ войскомъ запорожскимъ и со всѣмъ служилымъ и купецкимъ и нашеннымъ народомъ. А на той сторонѣ рѣки Днѣпра, богоспасаемый градъ Кіевъ, съ городами: съ стойками, съ Тренолемъ, съ Василювымъ, съ Вышъгородомъ, и съ мѣстѣчкомъ Демидовкою, и съ служилыми, и всякаго чина людьми, и со всѣми къ нимъ принадлежащими землями и угодья. Такъ же и внизъ рѣкою Днѣпромъ, отъ Кіева, до Кадака, и тотъ городъ Кадакъ, и запорожскій Кошъ, городъ Сѣчу, и живущыя въ нихъ козаки, служилыя и всякаго чина жители, и даже до чернаго лѣса, со всѣми землями и рѣками, и рѣчками, и со всякими принадлежащими угодья, чѣмъ владѣли изстари запорожцы: которые всѣ тѣ вышеименованныя города, и земли и войско запорож-

ское, и весь малороссійской народъ, въ нашей царскаго величества преславнои и пренемпной державѣ, вѣчно оставатися, и быти имѣють неподвижно. А что въ прошедшую же войну, нашего царскаго величества всякихъ чиновъ ратныя люди, польскаго и литовскаго народа, шляхты и войсковыиъ всякаго чина людей, и пашенныхъ крестьянъ, плѣнномъ поймали, и въ россійскіе наши государства вывезли, и костельныхъ утварей и украшений, и колоколовъ, и пушекъ, и всякихъ военныхкихъ привасовъ ваяли: и тому всему вышенамянутому подолу мужеска и женска пола, шляхтѣ, и мещаномъ, и пашеннымъ крестьяномъ, которыя нынѣ у бояръ нашихъ, и у окольныхихъ, и у думныхъ, и у ближнихъ людей, и у всякихъ чиновъ людей въ помѣстьяхъ и въ вотчинахъ, поселены во крестьяне и въ задворные люди, и во дворѣхъ въ холопствѣ, симъ вѣчнымъ мирнымъ договоромъ востановлено и укрѣплено, оставатися въ нашихъ царскаго величества государствахъ, при тѣхъ помянутыхъ чинѣхъ, вѣчно же и впредь тому всему быти забвенну и не памяту. И тѣми договорными записми, они нашего царскаго величества, и рѣчи цесполитой, великими и полномочными послы, разѣнились: и вѣрно утвердили. И мы великіе Государи Цари, и великіе князи, Іоаннъ Алексіевичъ, Петръ Алексіевичъ, всея Великія, и Бѣлыя, и Малыя Россіи Самодержцы для того вѣчнаго мира, и святаго покоя, пожаловали Никиту Ступишина за службы предковъ, и отца его, и за его, которые службы ратоборство, и храбрость, и мужественное ополченіе и крови, и смерти, предки, и отецъ его, и сродники, и онъ, показали въ прешедшую войну, въ коруяѣ польской, и въ княжествѣ литовскомъ, похваляя милостиво по тоѣ ихъ службу и промыслы, и храбрость въ роды и роды съ помѣстнаго его окладу съ 100 (1000) четвертей, со 100 четвертей, по 20 четвертей, и того 200 четвертей изъ его помѣстья в Казанскомъ уѣздѣ по Нагайской дороге, что ему дамо отца его помѣстье в деревне Тогашеве, а по даче и по отказнымъ книгамъ рѣгъ году (1665) написано за нимъ Микитою того отца его помѣстья въ той деревне двадцать девять четвертей с полуосминою. Да что ему дано по Нагайской же дороге за Волгою рекою выморочное Алексѣево помѣстье Заворотова, в деревне Федоровке, да въ деревне Кудашъ—Кадышъ, да в деревне Сербѣеве, да в пустоши Сербѣево, а по даче и по отказнымъ книгамъ рѣгъ года (1673) в деревне Федоровке написано пашни сорокъ семь четвертей, а въ деревне Кудашъ—Кадышъ да въ пустоши Сербѣевской шестдесятъ четвертей. Да что ему дано и отказано Иванов-

ское помѣстье Дѣдюлина, по Нагайской же дорога, в деревне Дер-тюляхъ, а по даче и по отказнымъ книгамъ 1719-го году (182—1674) написано пашни четырнатцать четвертей, всего по тѣмъ да-чамъ и по отказнымъ книгамъ того ево помѣстья в тѣхъ выше-писанныхъ урочищахъ въ вотчину ему Миките сто пятьдесятъ пять четвертей съ осминою в поле, а в дву потомужъ, съ лѣсы и сен-ными покосы и со всѣми угодья и со крестьяны; и не дошло ему противъ нашего великихъ государей указу и помѣсного ево окла-ду, сорока четырехъ четвертей съ осминою. Въ вотчину, и на ту вотчину, повелѣли мы великіе Государи, дать ему сію нашу Цар-скаго величества милостивую свидѣлствованную жалованную гра-моту, за нашею Царскою печатію. И по нашему великихъ Госу-дарей Царей, и великихъ князей Іоанна Алексіевича, Петра Алек-сіевича, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержцевъ: Царскому жалованію та вотчина ему Никите Ступишину и его дѣ-темъ, и внучатомъ, и правнучатомъ, въ роды ихъ неподвижно, чтобъ наше Царское жалованье, и ихъ вышепомянутая служба, и храбрость, и мужественное овлоченіе, за благочестивую нашу хри-стіанскую вѣру, и за насъ великихъ Государей, и за свое отече-ство, послѣднимъ родомъ было на память. И на ихъ бы службы дѣти его, и внучата, и правнучата, и кто по немъ рода его бу-детъ, възрающе, такъже за вѣру христіанскую и за святія божія церкви, и за насъ великихъ Государей, и за свое отечество тща-лися стояти мужественно со усердіемъ. А въ той вотчинѣ оцъ Цикита Ступишинъ и дѣти его, и внучата, и правнучата, по нашему Цар-скому жалованію, по сей нашей Царской милостивой жалованной грамотѣ, вѣчны ея продать, и заложить, и въ приданое дать. А въ монастыри тоѣ вотчины не отдать. А будетъ продать въ чу-жой родъ: а кто будетъ рода его похочетъ ту вотчину выкупить, и ему ту вотчину выкупить по уложенью. А будетъ у него рода не останется, и та вотчина останется не продана и не заложена, и въ приданые не отдана, и та вотчина взять и приписать къ на-шимъ великимъ Государей волостямъ. Дана печатная ся наша Цар-ская милостивая жалованная грамота, нашего государства въ цар-ствующемъ велицѣмъ градѣ Москвѣ. Лѣта отъ созданія міра 7190-го (7190—1682). А отъ воплощенія Сына-Слова Божія 1680-го месяца генваря 31-го дня. Государствованія нашего девятаго году.

вѣкъ принадлежащихъ Ѳедосѣвской сектѣ, они ведутъ переписку съ Ѳедосѣвцемъ Павломъ Прохоровымъ Кучумовымъ, живущимъ у Ивановскаго монастыря въ собственномъ домѣ.

Іюня 19.

По распоряженію Семена Козьмина дѣвки, жившія на Преображенскомъ кладбищѣ, не будутъ уже жить болѣе въ монастырѣ, но помѣстятся вѣ онаго, въ отдѣляемомъ для нихъ домѣ, Московской мѣщанки Ѳеклы Алексѣевой, во 2-мъ кварталѣ, Лефортовской части; являться же будутъ на кладбищѣ только во время служенія.

1845 ГОДЪ.

Іюня 20.

Ѳедосѣвскія молебни содержатся иждивеніемъ принадлежащихъ къ нимъ прихожанъ; у Арбатскихъ воротъ въ приходѣ Бориса и Глѣба была молебня въ домѣ Гаврилы Сергѣева Соколова; за помѣщеніе ея въ двухъ комнатахъ прихожане платили ему по 1000 рублей въ годъ;—нынѣ по случаю смерти владѣльца дома сынъ его отказываетъ наемщикамъ содержать по прежнему молебню въ его домѣ, хотя прихожане и обѣщаютъ двойную противу прежняго цѣну. Случай этотъ былъ поводомъ обратить вниманіе на прочія часовни Ѳедосѣвцевъ; по развѣданіи открыли, что каждая молебня содержится на общемъ счетѣ прихожанъ платящихъ иногда по 1500 руб. въ годъ за одну горницу.

Молебня въ домѣ Соколова, о которой выше сказано, замѣчательна тѣмъ, что въ ней и нынѣ весьма часто перекрещиваютъ поступающихъ въ секту. Во время коронаціи царствующаго Государя Императора, въ ней въ одинъ день перекрещено было 14 человекъ Семеномъ Сергѣевымъ (Московскимъ мѣщаниномъ), живущимъ въ Лефортовской части, 2-го квартала, въ домѣ мѣщанина Саватая Козьмина.

Подобныя сему случаи перекрещенія въ частныхъ молебняхъ, какъ слышно, дѣлаются нерѣдко. Вотъ зло неизбежно сопряженное съ допущеніемъ существованія частныхъ молебенъ.

Іюня 21.

Перекрещеніе продолжается на Преображенскомъ кладбищѣ съ той же свободой, какъ и прежде было; въ апрѣлѣ послѣднихъ чиселъ перекрещено двое: отставной солдатъ Давыдъ Петровъ, живущій во 2-мъ кварталѣ, Лефортовской части, въ домѣ Алексѣя Антонова Алпатова, и Ростовскій мѣщанинъ Матвѣй Герасимовъ, пріѣзжающій изъ Ростова въ Москву для покупки писчей бумаги.

Къ свободѣ, которою Преображенцы пользуются вопреки законовъ, относится совершеніе браковъ; въ настоящемъ іунѣ мѣсяцѣ живущій во 2-мъ кварталѣ, Лефортовской части, въ собственномъ домѣ, Московскій мѣщанинъ Игнагъ Васильевъ Панкратовъ, выдалъ родственницу свою въ замужество за мушника Петра Иванова Шуманова, живущаго въ собственномъ домѣ, въ Рогожской части; обрядъ вѣнчанія совершенъ былъ по уставу еедосѣвскому Михаиломъ Яковлевымъ Гороховцемъ — который служилъ молебнѣ.

Іюня 25.

Секта хлыстовщина имѣетъ своего стряпчаго Кондратія Иванова Новикова, живущаго въ Красномъ селѣ, въ собственномъ домѣ. Новикову поручаютъ и Рогожцы свои дѣла, если какое-нибудь случается слѣдствіе въ Гуслицахъ или Вохнѣ, по которому они бываютъ прикосновенны. При бывшемъ правителѣ канцеляріи Московскаго генералъ Губернатора Шафонскомъ, Новиковъ съ обѣихъ сторонъ секты платилъ ему ежегодно 40 т. рублей. Когда Шафонскій сдалъ должность г. Степанову, то Новиковъ съ означенною суммою поступилъ подъ покровительство Степанова, который вліяніемъ своимъ помогаетъ Рогожской и хлыстовщинской сектамъ.

Іюня 26.

За Москвой рѣкой въ Пятницкой части поселился 3-й гильдіи купецъ, Тульскій уроженецъ, Василій Кирилловъ Ситневъ; онъ занимается дѣланіемъ кардовъ для суконъ, и торгуетъ въ городѣ, въ Маломъ скобяномъ ряду; Ситневъ замѣчательнъ тѣмъ, что въ Тулѣ былъ главой тамошнихъ еедосѣвцевъ, съ тремя Тульскими архіереями имѣлъ состязаніе, защищая еедосѣвскій расколъ: здѣсь въ Москвѣ во всѣхъ случаяхъ когда правительство духовное ко-

мандируетъ священниковъ убѣждать кого-либо изъ еедосѣвцевъ къ сознанию въ преступленіяхъ, обращенію къ православію, Ситневъ является подкрѣплять убѣждаемаго своими наставленіями, въ случаяхъ, когда преслѣдуется бракъ еедосѣвской секты, или ихъ явныя противу православія дерзости, Ситневъ есть первый защитникъ и оправдатель, онъ приобрѣлъ уваженіе всей секты.

Іюля 3.

Извѣстно было о иконахъ купленныхъ еедосѣвцемъ Папулинымъ изъ Сольвычегодскаго собора и скрытыхъ нынѣ частію на Преображенскомъ кладбищѣ, а частію у лицъ, которымъ онъ ихъ продалъ; дальнѣйшія свѣдѣнія приобретенныя по сему дѣлу объясняютъ, что намѣренія еедосѣвцевъ ихъ приобрести были предположены за два года до совершенія покупки,—по соглашенію Папулина съ Семеномъ Козьминимъ; изъ Москвы отправлены были: 1-й Московскій мѣщанинъ Ѳедоръ Никитинъ (проживающій нынѣ у Гучкова, въ Клинской его пустоши); 2-й Московскій мѣщанинъ Козьма Васильевъ, проживающій нынѣ на кладбищѣ, въ Сольвычегодскѣ для исправленія нѣкоторыхъ порчей отъ времени въ тѣхъ иконахъ оказавшихся, по окончаніи работы они въ числѣ 1300 (иконъ) были перевезены въ Судиславль, а потомъ въ Москву, гдѣ и по нынѣ часть ихъ находится въ разныхъ мѣстахъ.

Къ сожалѣнію надо присовокупить, въ числѣ сихъ иконъ есть драгоценныя для православной церкви образа, работы Филиппа митрополита, мощи котораго почіуютъ въ Успенскомъ соборѣ.

Іюля 4.

Преображенскіе еедосѣвцы вѣнчаются по своему обычаю, но чтобъ бракамъ своимъ придать настоящую дѣйствительность, они достаютъ фальшивыя свидѣтельства будто бы вѣнчаны въ приходяхъ православныхъ церквей; наблюденія открываютъ, что нижеслѣдующія лица выдаютъ имъ фальшивыя виды:

1-й. Въ Москвѣ, Рождественскаго монастыря діаконъ Андрей Александровъ.

2. Діаконъ церкви зачатія святыя Анны въ Городской части Василій Михайловъ.

Оба они имѣютъ братьевъ служащихъ въ домѣ мѣщанскаго градскаго общества, которыя, принимая ихъ свидѣтельства, записываютъ браки законными.

3-й. Мѣщанинъ Илья Ефимовъ, живущій въ Красномъ селѣ на землѣ Поздеева.

4. Весьма большое количество выдавалъ фальшивыхъ свидѣтельствъ бывшій священникъ въ подмосковномъ виѣннѣ графа Шереметьева Останкинѣ, отецъ Теофилактъ; нынѣ находится онъ въ Паносской пустынѣ (Московской губерніи) другой уже годъ, но онъ столько выдавалъ свидѣтельствъ еедосѣвцамъ, крестьянамъ графа Шереметьева, что браки сотенъ семействъ теперь считаются законными.

Злоупотребленіе это или по невниманію мѣстныхъ правительственныхъ лицъ, или по выгодамъ, получаемымъ неблагонамѣренными изъ духовенства особъ, продолжается съ большой свободой въ настоящее время.

Іюля 5.

Въ Петербургѣ проживаетъ еедосѣвецъ Василій Ивановъ Критовъ пролающій разноскою: платки, холстину, зимой разную живность; онъ въ бытность свою въ Москвѣ былъ судимъ вмѣстѣ съ коллежскимъ регистраторомъ Петромъ Васильевымъ Смирновымъ за выдачу фальшивыхъ паспортовъ; Смирновъ сосланъ былъ въ Сибирь, а Критовъ скрылся, проживая въ Петербургѣ; пересылаемыми изъ Москвы фальшивыми паспортами снабжаетъ Петербургскихъ еедосѣвцевъ.

Іюля 6.

Московскія еедосѣвцы весьма довольны настоящимъ управленіемъ смотрителя г. Арсеньева; они отзываются, что г. Арсеневъ ни мало не входитъ въ дознанія: кто съ котораго времени проживаетъ въ ихъ богадѣленныхъ пріютахъ, не сличаетъ приѣтъ въ паспортахъ означенныхъ, въ натурѣ, отъ чего у нихъ могутъ проживать приходящіе и пріѣзжающіе столько времени, сколько желаютъ. Притомъ не требуетъ излишней благодарности, какъ то дѣлалъ г. Жарковъ его предшѣстникъ.

Іюля 7.

О Новиковѣ, стряпчемъ рогожцевъ и хлыстовъ, открывается нынѣ, что онъ принимаетъ на себя управленіе всѣхъ плутовскихъ конкурсовъ, способствуетъ лицамъ, желающимъ признать себя банкротами, выдавать безденежныя векселя и при сихъ оборотахъ ему способствуютъ вліяніемъ своимъ по присутственнымъ мѣстамъ гг.

Степановъ и Амбаровъ служащіе въ канцеляріи г. Московскаго военнаго генералъ-губернатора.

Іюля 10.

Къ числу значительныхъ обителей еедосѣвскаго раскола принадлежитъ въ городѣ Коломнѣ находящаяся община подъ управленіемъ мѣщанки Елены Антоновой. Основаніе ея восходитъ за 1812 годъ, когда она не была обителью, но только общественною молельною въ домѣ купца Ивана Михайлова Стукачева; въ нее сходились для отправленія своихъ служеній еедосѣвцы, въ Коломнѣ проживавшіе; по смерти Стукачева сынъ его Савва по оставленной довѣренности своего отца продалъ домъ Гучкову, который и основалъ въ немъ нынѣ существующую женскую обитель на правилахъ Преображенскаго кладбища; въ ней по сіе время бываетъ постриженіе монахинь и монаховъ являющихся принять эти званія съ Преображенскаго кладбища и другихъ еедосѣвскихъ общинъ; сюда привозятся беременныя дѣвки; они роживъ; отдаютъ своихъ дѣтей единомышленными Коломенскими мѣщанамъ записывающимъ ихъ пріемышами и воспитывающихъ въ правилахъ раскола.

Существованіе Коломенской обители ни кѣмъ не было дозволено; это самовольное сборище еедосѣвцевъ, неоднократно было разсѣваемо правительствомъ; молельна бывала запечатана, но стараніями Гучкова, какъ непосредственнаго попечителя, снискивались разрѣшенія, не только на отправленія служенія, но и на прожитіе при ней значительнаго числа еедосѣвцевъ, какъ то по сіе время видно.

Замѣтить при семъ надо, что по собираемымъ свѣдѣніямъ, Коломенская община есть безопасное мѣсто укрытія безпаспортныхъ, и вообще лицъ преслѣдуемыхъ въ Москвѣ, если они только еедосѣвской секты.

Іюля 11.

Близъ стѣны женскаго богадѣленнаго дома Преображенскаго кладбища, за Камеръ-Коллежскимъ валомъ къ дорогѣ Остромынкѣ идущей отъ Преображенской заставы, и перешедъ чрезъ сію дорогу далѣе по протяженію того вала, простирается земля изъ древле принадлежащая крестьянамъ палаты государственныхъ имуществъ села Черкизова; все ее протяженіе застроено еедосѣв-

цами Преображенскаго кладбища, особенно часть прилегающая къ стѣнѣ женскаго пріюта заселена съ недавняго времени.

Означенная земля черкизовскихъ крестьянъ заселена Ѳедосѣвцами безъ малѣйшаго законнаго права, безъ дозволенія палаты государственныхъ имуществъ, самовольнымъ распоряженіемъ черкизовскихъ крестьянъ. Заселеніе это происходитъ и по нынѣ слѣдующимъ образомъ: вся земля принадлежитъ по участкамъ крестьянамъ, Ѳедосѣвецъ желающій строиться, по соглашенію съ владѣльцемъ участка отбѣриваетъ 8 саж. поперечнику и 10-ть въ длину, даетъ хозяину ведро вина и 20 рублей ассигн. за годичное владѣніе, притомъ же поперечникъ, на 20 и 30 саженихъ въ длину платитъ 60 и 100 р. ассигнац. въ годъ, потомъ нанимающій платитъ квартальному надзирателю, частному приставу, землемѣру и получаетъ дозволеніе строиться по произволу.

Весьма очевидно, что отъ сихъ безпорядковъ палата государственныхъ имуществъ лишается значительнаго дохода, ибо по сіе время много застроено уже означенной земли; такъ подлѣ женскаго пріюта выстроено преображенцами 28 домовъ, а на участкахъ лежащихъ по другую сторону дороги Остромынки—41 домъ; Ѳедосѣвцы строящіеся вышесказаннымъ образомъ, имѣютъ между прочими выгодами и ту, что заводя въ сихъ мѣстахъ фабрики, не платятъ въ Московскую контору адресовъ за билеты содержащихъ ими работниковъ денегъ, основываясь на правѣ, дозволяющемъ рабочимъ за Камеръ-Коллежскимъ валомъ не имѣть адресныхъ билетовъ, содержать работниковъ безъ видовъ узаконенныхъ, и даже безпристрастное и внезапное обозрѣніе едва ли не откроетъ и бѣглыхъ разнаго званія людей на фабрикахъ и въ самыхъ домахъ обывательскихъ.

Всѣ условія заключаютъ: старшина черкизовскій Еоимъ Агатовъ и писарь Михайло Кондратьевъ, получая съ cadaго условія по 15 руб. ассигнаціями.

Іюля 15.

Изъ Нижняго-Новгорода пріѣхалъ въ Москву Ѳедосѣвской секты купецъ Гавріиль Ивановъ Дубицкій, купившій на Тверской улицѣ (въ семь текущемъ году) бывшій домъ Часовикова, по цѣнѣ 150 т. рублей имъ за него заплаченной—можно заключить о значительности его состоянія. Дубицкій женился въ Москвѣ въ текущемъ іюлѣ мѣсяцѣ на дочери лакировщика Ивана Андреева живущаго въ Грузинахъ, бракъ совершенъ былъ въ Покровскомъ,

въ 1-мъ кварталѣ, домѣ Смирновой подѣ № 12, по обыкновенію еедосѣвцевъ иѣннемъ молебна мѣщаниномъ Михаиломъ Яковлевымъ Гороховцемъ. Бракъ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что мѣщанинъ Дмитрій Семеновъ Страховъ (живущій въ означенномъ домѣ) и Николай Ивановъ (настоящее его имя Семенъ Ивановъ, онъ бѣглый господскій челоувѣкъ) живущій въ Лефортовской части, 2-мъ кварталѣ дали новобрачнымъ законное свидѣтельство, будто бракъ совершенъ былъ по православію, за что мѣщанинъ Страховъ взялъ съ Дубицкаго 130 руб. ассигнаціями.

Іюля 16.

Въ Лефортовской части, 5-мъ кварталѣ въ домѣ Виноградовой, проживаетъ еедосѣвецъ Московскій мѣщанинъ Михаилъ Яковлевъ Гороховецъ, уроженецъ Владимірской губерніи, Гороховскаго уѣзда. гдѣ по сіе время находится его жена, двое сыновей Анисимъ и Егоръ, а третій Феодосій монахъ Преображенскаго кладбища, живетъ въ С.-Петербургѣ на Волковомъ кладбищѣ. Михаилъ Яковлевъ Гороховецъ считается настоятелемъ Покровской часовни (существуетъ въ домѣ Василя Анисимова); онъ креститъ, исповѣдуетъ, вѣнчаетъ и отпѣваетъ въ домахъ, обманывая своихъ прихожанъ, будто уполномоченъ для совершенія означенныхъ таинствъ и обрядовъ отъ Московскаго губернскаго правленія выданною на имя его книгою, въ которую вписываетъ совершаемые имъ: крещеніе, браки и похороны.

Іюля 17.

Нижегородской губерніи, между уѣздными городами Ардатовымъ и Арзамасомъ, есть село Стексово принадлежащее разнымъ владѣльцамъ; въ немъ живутъ большею частію еедосѣвцы, они совершаютъ браки и отпѣваніе усопшихъ въ приходской церкви означеннаго села собственно для того, чтобъ не выходить изъ общественнаго порядка: такъ новобрачныя только входятъ въ церковь, а усопшаго едва вносятъ и тотъ же часъ выносятъ изъ нее вонъ: церковный же причетъ свидѣтельствуется и записываетъ ихъ въ своихъ метрическихъ книгахъ; приходскій священникъ получаетъ большую плату, чтобъ не принадлежать къ точному исполненію означенныхъ обрядовъ.

Жители села Стексова самыя закоренѣлыя еедосѣвцы; у нихъ есть женская обитель, начальникомъ ее вольноотпущенный крестьянъ-

мнѣ Михайла Брызгаловъ; случается, что умершихъ они не могутъ хоронить на своемъ кладбищѣ, тогда зарываютъ тѣла или подъ поломъ въ избѣ, или на участкахъ своихъ земель, а зимой въ навозъ и при удобномъ случаѣ хоронятъ по своему обряду; у нихъ есть жестокой обычай ускорять кончину умирающаго, удушая его подушками. Присягу Государю и по судебнымъ дѣламъ считаютъ за ничто, съ большимъ радушіемъ принимаютъ къ себѣ бѣглыхъ, особенно солдатъ, которыхъ во всякое время можно между ними найти, *особенно уважаютъ святотатцевъ православныхъ церквей*. Въ близъ лежащихъ къ селу Стекову селеніяхъ: Писаревѣ, Личадеевѣ, Мухтоловѣ-Виксѣ съ большимъ искусствомъ дѣлаютъ монету, печати разныхъ уѣздныхъ и земскихъ судовъ и казначействъ, что не затрудняетъ ихъ въ составленіи подложныхъ паспортовъ бѣглымъ людямъ.

Въ Ардатовскомъ уѣздѣ, особенно усилилась безпоповщинская секта, имѣя свою осѣдлость въ деревняхъ: Писаревѣ, Личадеевѣ, Мухтоловѣ, Виксѣ; не мерадѣніе духовнаго и гражданскаго начальства даютъ средства тамъ укорениться, но значительныя выгоды ими отъ секты безпоповщины получаемыя доставляютъ ей свободу во всѣхъ отношеніяхъ; духовенство предается пьянству вмѣстѣ съ раскольниками; служащіе въ земской полиціи получаютъ съ нихъ доходы и отъ совокупнаго дѣйствія сихъ безчинствъ едосѣвская секта укореняется и размножается.

Іюля 24.

Явная зависимость многихъ едосѣвскихъ общинъ отъ Преображенскаго кладбища объясняется вновь открывшимся обстоятельствомъ: Семенъ Козьминъ, настоятель Преображенскаго кладбища раздастъ мѣста начальниковъ общинъ за 2000 рублей, — и посылаетъ ихъ смѣнять бывшихъ настоятелей.

Іюля 25.

Въ 8-ми верстахъ отъ Москвы въ деревнѣ Марьиной есть секта едосѣвскаго раскола называющаяся: «*кондратьевщина*».

1. Кондратьевцы имѣютъ чинъ крещенія подобный преображенцамъ, но перекрещиваютъ всѣхъ къ нимъ приходящихъ.

2. Браки совершенно отвергаютъ и изблеченныхъ въ блудѣніи отлучаютъ отъ своего сословія. Если отъ перешедшихъ къ нимъ женатыхъ родятся дѣти, то они отлучаютъ какъ родителей, такъ и дѣти отъ своей секты.

3. Исповѣдуютъ другъ друга, основываясь на словахъ апостола Іакова: «другъ другу исповѣдуйте согрѣшенія ваша и молятеся другъ о другѣ».

4. Отпѣваютъ по общему чину едосѣвскаго раскола.

5. За Государя не молятся.

6. Присягу называютъ антихристовымъ обязательствомъ.

7. Порицаютъ преображенцевъ за то, что они имѣютъ въ общинахъ начальниковъ; кондратьевцы же всякую власть считаютъ постановленіемъ антихриста; они не виѣютъ даже особенныхъ людей для служенія вечерень, заутренъ и прочаго, но всякій умѣющій читать отправляетъ какъ крещеніе, отпѣваніе, такъ и службы церковныя, которыя состоятъ наиболѣе въ чтеніи псалтыря.

Жизнь ведутъ весьма строгую и воздержную.

Изъ Преображенцевъ къ нимъ поступаютъ тѣ, которыхъ кладбище отвергаетъ за преступленія его правилъ, но при приемѣ ихъ перекрещиваютъ.

Самая большая ихъ община управляемая фабрикантомъ Василіемъ Феодоровымъ Усыпнянымъ находится въ селѣ Фряновѣ.

Іюля 27.

Романовскаго уѣзда, едосѣвка Настасья Андреянова, живущая нынѣ въ Москвѣ за Преображенскою заставой по лѣвой сторонѣ дороги Остромынки, взяла у приходскаго священника деревни гдѣ жила—сына; самъ священникъ убѣдилъ волостное начальство показать его умершимъ, Андреянова же перекрестивъ его записала въ Московское мѣщанство подъ именемъ Ивана Филиппова, и онъ по сіе время проживаетъ у нее въ домѣ занимаясь продажей печенаго хлѣба. Замѣтить надо, что священнику извѣстна была Настасья Андреянова за едосѣвку и съ его согласія сынъ его былъ перекрещенъ.

Іюля 28.

Дочь Московскаго мѣщанина Ефима Данилова—Елена Ефимова, жившая у отца своего въ Лефортовской части, 23-го іюля найдена утопшею въ отхожей ямѣ, къ чему какъ говорятъ вынудило ее жестокое обращеніе съ ней отца и матери; говорятъ, что отецъ «будто имѣлъ ее любовницею и разсердясь остригъ ей голову, «удушилъ и самъ кинулъ въ отхожую яму (гдѣ она найдена полиціею).

Іюля 29.

Въ С.-Петербургѣ на Охтѣ проживаетъ уроженецъ Новгородской губерніи, Тихвинскаго уѣзда, деревни Гуськи, недосѣвецъ Иванъ Герасимовъ, онъ былъ наказанъ въ Москвѣ и сосланъ въ Сибирь; стараніями купца Барашкова оставленъ былъ въ Тюменѣ, откуда бѣжалъ съ дѣвкою;—его преступленій весьма много, онъ замѣчательнъ по огромному росту — 2 арш. 12 верш. На Охтѣ — занимается работой на корабельной верфи.

Августа 12.

Говорятъ, о купленныхъ и сокрытыхъ иконахъ на Преображенскомъ кладбищѣ купцемъ Папулинымъ, дознано, что онъ въ которыя изъ нихъ живописи Петра митрополита и извѣстаго иконописца древней русской иконописи Андрея Рублева, отправилъ въ С.-Петербургъ къ прикащику своему Николаю Семенову, живущему на Литейной улицѣ, извѣстному тамъ торговцу сухими грибами, салфеткамъ и холстомъ.

Августа 15.

Сего текущаго августа мѣсяца 9-го числа въ ночи *) принесенъ былъ неизвѣстно кѣмъ мертвый младенецъ къ деревянной сторожкѣ Преображенскаго богадѣленнаго дома и кинутъ въ собачью кануру; сторожа отдали его въ дѣтскую палату; 10 числа поутру изъ конторы Преображенскаго кладбища мѣщанинъ Иванъ Васильевъ явился въ Лефортовскій частный союзъ съ требованіемъ о выдачѣ билета на погребеніе мертворожденнаго младенца; билетъ былъ выданъ немедленно и 10-го же числа младенецъ преданъ землѣ. Поспѣшность, съ каковою все происшествіе совершилось, была чрезвычайная, ибо во 2-мъ часу полудня 10 числа все уже было окончено, вопреки законнаго порядка и даже безъ медицинскаго свидѣтельства.

Августа 25.

Въ 1842 году бѣглый солдатъ Михайлъ Семеновъ былъ взятъ полиціимейстеромъ Верещагинымъ съ фальшивымъ паспортомъ (на имя Мехельсона); Михайлъ Семеновъ проживалъ подъ покровитель-

---

* Сь 9 на 10 число.

ствомъ настоятеля Преображенскаго кладбища Семена Козьмина; былъ представленъ военному суду при наказаніи спиць-рутенюмъ, получилъ отъ него награжденіе 50 рублей и отправленъ былъ въ свой полкъ; нынѣ опять явился на Преображенскомъ кладбищѣ и живетъ подѣ покровительствомъ Семена Козьмина.

Августа 27.

На фабрикахъ преображенскихъ еедосѣвцевъ особенно многолюдныхъ какъ-то купцевъ: Бавыкина, Котова, Калинина, Гучкова, случается, что скоропостижно умирають рабочіе изъ еедосѣвцевъ; для избѣжанія законнаго изслѣдовавія, а иногда и отвѣтственности, хозяева припрятавъ усопшаго, выбираютъ изъ работниковъ принадлежащихъ къ православной церкви, укрываютъ его въ постели; призвавъ приходскаго священника, просятъ исповѣдывать и приобщить Святыхъ Таинъ мимо-больнаго; священникъ исполняетъ свои обязанности; притворившійся работникъ называетъ себя именемъ умершаго; по отбытіи священника, хозяинъ фабрики даетъ знать въ частный домъ о смерти настояще-умершаго, что онъ былъ исповѣданъ и сообщенъ Святыхъ Таинъ; получивъ билетъ хоронить по обряду Преображенскому.

Такимъ образомъ совершается поруганіе Святыни и нарушеніе законами предписаннаго полицейскаго порядка.

Августа 28.

На Преображенскомъ кладбищѣ сами еедосѣвцы предвидятъ разьединеніе безпоповщинской секты, съ чѣмъ многія богатые дома должны отпасть отъ Преображенскаго кладбища и причиною этому поступокъ настоятеля Семена Козьмина; во время отпращиванія Богослуженія 15 августа храмоваго праздника Успенія Божіей Матери, онъ приказалъ отнимать лѣстовки у бывшихъ тутъ женатыхъ еедосѣвцевъ—ихъ было весьма много; это сдѣлало сильное волненіе, ибо еедосѣвцу стоять въ часовнѣ безъ лѣстовокъ считается великимъ грѣхомъ и поношеніемъ. Обиженные намѣре ны оставить кладбище и присоединиться къ бывшей Покровской часовнѣ, нынѣ находящейся въ 3 кварталѣ, Лефортовской части, въ домѣ Ивана Васильева Анисимова, держащейся поморскихъ правилъ.

Августа 29.

Когда купецъ Томилянъ принадлежалъ къ Преображенскому кладбищу, то ему поручалось приписывать въ мѣщане бѣглыхъ

и, вообще лицъ Московской еедосѣвской секты не имѣвшихъ на это права; Томилинь (какъ о семъ доносимо было) дѣлалъ такъ-выя приписки въ значительномъ количествѣ и неоднократно былъ судимъ за это; нынѣ онъ перешелъ изъ Преображенскаго издбища въ часовню Молоткина находящуюся въ Рогожской части, Дурномъ переулкѣ; дѣла этого рода нынѣ поручены мѣщанину Ананію Дмитріеву, живущему въ 1-й мѣщанской улицѣ въ собственномъ домѣ. Въ прошедшемъ іюлѣ мѣсяцѣ онъ за 50 рублей принималъ въ Московскія мѣщанки Прасковью Климову (два года бывшую замужемъ за мѣщаниномъ Феодоромъ Андреяновымъ) какъ въ іюлѣ мѣсяцѣ вышедшею за мужъ и вѣнчанною въ православной церкви. Прасковья Климова проживаетъ нынѣ въ домѣ мужа своего въ Рогожской части.

Августа 30.

Лефортовской части, въ 3-мъ кварталѣ, въ домѣ Московской мѣщанки Прасковьи Артемьевой проживалъ еедосѣвецъ Иванъ Трофимовъ, занимавшійся отливаніемъ мѣдныхъ крестовъ и иконъ, какъ для еедосѣвской, такъ и другихъ раскольниковыхъ сектъ, у него помощникомъ былъ мѣщанинъ Емельянъ Афонасьевъ;—Иванъ Трофимовъ замѣчательно тѣмъ, что былъ уже судимъ за участіе въ дѣланіи фальшивой монеты съ Московскимъ мѣщаниномъ Васильемъ Петровымъ, который былъ наказанъ и сосланъ въ Сибирь, и какъ извѣстно отъ здѣшнихъ еедосѣвцевъ, тамъ и по нынѣ занимается въ Тюменѣ у кунца Баряшкова литьемъ мѣдныхъ крестовъ и иконъ для Сибирскихъ раскольниковъ.

Августа 31.

Вспоминаю о убитой Московской мѣщанкѣ Елснѣ Ефимовой (какъ слышно) ея отцемъ, еедосѣвской секты раскольниковомъ, Ефимомъ Даниловымъ. Слышно, что производимое о семъ слѣдствіе не открываетъ настоящаго преступленія.

Важность событія, въ которомъ Ефимъ Даниловъ долженъ быть слѣдуемъ, какъ преступникъ кровосмѣшенія и дѣтубійца, заставляетъ обратить особенное вниманіе на упущенія, дѣлаемыя при слѣдствіи.

1. Не допрошена мать убитой дѣвки потому, что Ефимъ Даниловъ показалъ, будто она не въ здоровомъ разсудкѣ; въ удостовѣреніе истины не сдѣлано законнаго освидѣтельствванія, мать

же убитой по сіе время въ полномъ разсудкѣ, и еслибъ она была спрошена, то могла бы раскрыть обстоятельства смерти убитой.

2. Московскій мѣщанинъ Иванъ Петровъ, приходившій видѣться съ матерью своею, живущею въ домѣ, гдѣ убійство совершилось, рассказывалъ мѣщанину Михаилу Яковлеву, живущему въ Лефортовской части, 2-мъ кварталѣ, въ домѣ Лебедевой, что онъ видѣлъ какъ мертвую уже дочь свою Ефимъ Даниловъ тащилъ въ отхожее мѣсто. Мѣщанинъ Михаилъ Яковлевъ не допрошенъ, не дана ему очная ставка съ Иваномъ Петровымъ.

3. При слѣдствіи не обращено вниманія на прежній образъ жизни отца убитой дѣвки, — онъ былъ судимъ за кражу иконъ изъ ризницы монастыря Николая Чудотворца на Угрѣши (что близъ Москвы); всему кладбищу извѣстно, что онъ растлилъ уже старшую свою дочь (которая умерла) въ чемъ сознался духовнику *).

Сентября 1.

Близъ города Тюменя, купцемъ Барашковымъ заведена еедосѣвская община; нынѣ получены свѣдѣнія, которые подтверждаютъ, что настоятель Преображенскаго кладбища Семень Козьминъ заблаговременно предувѣдомляетъ купца Барашкова о ссылаемыхъ въ Сибирь еедосѣвцахъ, и по назначенію его нѣкоторыхъ изъ нихъ, подъ предлогомъ болѣзни, другихъ же какъ будто необходимыхъ людей по ихъ мастерству, оставляютъ въ его еедосѣвской общинѣ. Вліяніе Преображенскаго кладбища настоятеля Семена Козьмина такъ значительно на эту общину, что по его назначенію тамъ теперь главнымъ наставникомъ Московскій мѣщанинъ Иванъ Парѣеновъ, сосланный изъ Москвы за кражу церковныхъ вещей и убійство дѣвки; стараніями Семена Козьмина онъ подведенъ былъ подъ Всемилюствѣйшій манифестъ и отправленъ въ Сибирь, а попеченіями Барашкова оставленъ въ Тюменѣ подъ предлогомъ, что для поправокъ печей въ присутственныхъ мѣстахъ онъ необходимъ какъ искусный печникъ, тогда какъ ему мастерство совершенно неизвѣстно.

Сентября 2.

Общины еедосѣвскія имѣютъ два главныхъ мѣста своего управленія: 1-е, Москву и 2-е—Даниловскій монастырь; оба хотя

---

*) И ему слѣдователь далъ довѣріе отклонить жену отъ слѣдствія, какъ то сказано выше.

одной секты—безоповщины, но разныхъ толковъ,—Даниловскій монастырь принадлежит поморскому согласію исполняющему молитвы за Государя и дозволяющему браки, Московскія же еодосѣвцы отвергають то и другое.

Московская Рогожская община хотя и не имѣетъ права поставлять въ монахи, ибо въ это званіе посѣщаются въ монастыряхъ Черниговской и другихъ Губерній, какъ то показано въ общемъ ихъ обзорѣніи, но по богатству своихъ прихожанъ имѣетъ сильное вліяніе на молебни, общины и самыя монастыри своихъ единомышленниковъ.

Сентября 3.

Сами преображенцы указываютъ на питаемую ненависть своей секты къ Государямъ; по распоряженію настоятеля Семена Козмина всѣ иконы изображающія Царя даже въ древнемъ его одѣяніи (но съ скипетромъ и державой) поставлены по боковымъ стѣнамъ въ часовняхъ Преображенскаго кладбища, для того чтобъ на нихъ никогда ни кто не молился—ибо поклоненіе образу имѣющему изображеніе Самодержца по ученію Семена Козмина—богопротивно.

Сентября 4.

Нѣкоторые рисунки еодосѣвской работы замѣчательны тѣмъ, что одинъ означаетъ молящагося еодосѣвца, котораго принуждаютъ къ молитвѣ по образу православной церкви называемому ими, «Маханіемъ рукою» —принужденіе означено въ видѣ діавола, второй истолкованіе лѣстовокъ, третій правило: чтобъ сосуды съ водой были всегда покрыты, иначе въ нихъ вселяется бѣсъ.

Всѣ рисунки въ большемъ уваженіи у еодосѣвцевъ и—ростолковываются малолѣтнимъ дѣтямъ при обученіи закону Божію.

Сентября 5.

Въ подтвержденіе мнѣнія, что Московскіе еодосѣвцы скрываютъ свои уголовныя дѣла, въ чемъ потворяють имъ присутственныя мѣста, можетъ послужить слѣдующій примѣръ: еодосѣвецъ Степанъ Ивановъ Тихомировъ въ 1831 году заморозилъ сына кушца Горностаева; отъ Московской Управы Благочинія по данному прошенію отцемъ умершаго предписано было 23 января (того же года) слѣдственному приставу Шейну о произведеніи слѣдствія; 29 мая оно представлено и резолюціею Управы Благочинія определено дѣло препроводить къ обсужденію въ 1-й департаментъ Мос-

ковскаго магистрата 1-го іюня, но стараніями купца Тихомирова оно сдано не въ магистратъ а въ Губернскій Архивъ, гдѣ и по нынѣ находится подъ № 57.

Сентября 20.

Нынѣ открыты слѣдующія моельни Ѳедосѣвской секты:

1) Въ Вяткѣ начальникомъ ея мѣщане Михайло и братъ его Климъ Осиповъ.

2) Въ Казанѣ, гдѣ настоятелемъ общины купецъ Василій Андреевъ, прикащикъ его Ларіонъ Ивановъ, весьма часто прїѣзжаетъ въ Москву и останавливается на Преображенскомъ кладбищѣ. Казанская община весьма богата и присылаетъ на Преображенское кладбище свои пожертвованія.

3) Въ г. Житомирѣ моельня.

4) Елизаветградская община.

Имена настоятелей въ сихъ трехъ мѣстахъ неизвѣстны ни кому, кромѣ настоятеля Семена Козмина и казначея кладбища Андрея Ларіонова.

6) Шежмозерская община и монастырь къ Сѣверу выше *Топозера* *) настоятелемъ ея мѣщанинъ Василій Кириловъ—она извѣстна подъ названіемъ *Выгорьцкой пустыни*; симъ послѣднимъ именемъ называются всѣ Поморскія общины на Сѣверѣ лежація. Выгорецкіе раскольники весьма уважаются всѣми Ѳедосѣвцами по ихъ упорству и закоснѣлости въ правилахъ раскола.

7) Въ Екатеринославѣ Ѳедосѣвская секта распространилась во время Управленія тамъ виннымъ откупомъ прикащика купца Зеленкова Осипа Григорьева; Екатеринославская община получила образованіе своего устройства отъ Преображенскаго кладбища.

8) Въ Херсонѣ значительная община.

9) Въ Харьковѣ значительная моельня, основанная прїѣзжающими туда Московскими Ѳедосѣвцами.

Октября 6.

На Преображенскомъ кладбищѣ распространился слухъ встревожившій все общество раскольниковъ, будто правительство намѣрено управленіе кладбища подчинить особенному Комитету соста-

---

*) На картѣ означеннаго.

вленному изъ членовъ православной церкви, долженствующему открыться въ Москвѣ къ новому году

Октября 7.

Хотя и извѣстно о сношеніяхъ Преображенскаго кладбища съ разными общинами едосѣвской секты и препровожденіи въ оныя раскольниковъ удаляемыхъ настоятелемъ Семеномъ Козминь изъ Москвы, но нынѣ сообщены еще достовѣрнѣйшія свѣдѣнія, что Московскій едосѣвецъ богатый извозничій подрядчикъ Чижовъ исполняетъ порученіе сего рода, отправляя безъ всякой платы тѣхъ, которыхъ по какимъ либо обстоятельствамъ Семену Козмину на Преображенскомъ кладбищѣ имѣть опасно:

Октября 9.

На Преображенскомъ кладбищѣ возникло сильное безпокойство по нижеслѣдующей причинѣ: Настоятель кладбища Семень Козминъ, обходя флигеля гдѣ помѣщаются женщины, рассказывалъ что Правительству угодно присоединить едосѣвцевъ ко новѣ благословенной церкви—но онъ какъ настоятель общины убѣждаетъ ихъ быть твердыми и не поколебимыми, и усердно принадлежитъ къ древней вѣрѣ праотцевъ, по сіе время ины свято хранимой; можетъ быть (говорилъ онъ) «меня сошлютъ въ заточеніе, но я останусь вѣренъ преданіямъ нашихъ отцевъ; разныя предлагаютъ мнѣ искушенія, что если я съ попечителями дамъ ходяску о присоединеніи къ благословенной церкви, то не взирая на сіе, мы можемъ отправлять обряды нашего богослуженія, но это одинъ только соблазнъ; надо быть твердыми, чтобъ не подпасть ему; можетъ быть, я лишусь моего званія, но это меня не заставитъ перемениться.

Изъ конторы кладбища подобныя убѣжденія Семена Козмина письменно препровождены къ Ярославскимъ едосѣвцамъ, въ Судиславѣ, какъ главнѣйшую ихъ общину и другія мѣста.

Для сильнѣйшаго убѣжденія единомышленниковъ Семень Козминъ назначилъ на кладбищѣ въ мужскомъ и женскомъ пріютахъ, служеніе съ вечера всемогущихъ съ поклонами Пресвятой Дѣвы, дабы она милосердіемъ своимъ защитила обитатели отъ гоненія. Вышесказанное извѣстіе разливается отъ попечителей между едосѣвцами въ Москвѣ; изъ попечителей упорнѣйшій и пользующійся большимъ довѣріемъ купецъ Алексѣй Никитинъ говоритъ: «воля

Государя можетъ заставитьъ на кладбищѣ молиться какъ ему угодно, но въ домахъ никто не можетъ принудить оставить богослуженіе по преданію предковъ нынѣ отправляемое. Встревоженное положеніе Ѳедосѣевцевъ подало случай со всею точностію разузнать между ними: имѣютъ ли они склонность присоединиться къ новоблагословенной церкви, и узнано, что они считаютъ себя ближе къ Рогожскому кладбищу.

Собраніе Ѳедосѣевцевъ на Преображенскомъ кладбищѣ бывають по вечерамъ ежедневно у настоятеля Семена Козмина: о цѣли этихъ совѣщаній употребляются самыя дѣятельнѣйшія развѣданія.

Октября 10.

Въ самомъ Преображенскомъ кладбищѣ открываются сопротивленія противъ присоединенія его къ православію; сопротивленія сіи разсѣваются означенными ниже сего лицами въ Москвѣ и близъ нея лежащихъ селеніяхъ.

1) Настоятель кладбища Семенъ Козминъ убѣждаетъ Ѳедосѣевцевъ приходищихъ къ нему, что правительство не имѣетъ права преслѣдовать Ѳедосѣевскій толкъ, ибо въ немъ нѣтъ ни суевѣрной, ни богомерской ереси: ежели гоненіе возстанетъ за то, что Ѳедосѣевцы придерживаются поклоненія древнихъ иконъ и чтенія старинныхъ книгъ, то оно должно обратиться противъ Православной вѣры, которая чтитъ древнія иконы; много являлось чиновниковъ, говорили, толковали, и сами убѣдившись въ истиннѣ нашего вѣрованія, оставляли насъ въ покоѣ.

2) Купецъ Ѳедоръ Гучковъ рассказываетъ приходящимъ къ нему и Ѳедосѣевцамъ на его фабрикѣ работающимъ: Его Величеству угодно было, чтобъ на преображенскомъ кладбищѣ водворились старообрядцы, и Его Августѣйшему имени посвященъ былъ страннопріимный богодѣленный домъ съ дозволеніемъ соблюденія всѣхъ обрядовъ древняго истиннаго вѣрованія; намъ теперь предлагаютъ или новоблагословенную или рогожскую церковь, прихожане которыхъ «на старое глядятъ а новое ядятъ»; они совершаютъ причащеніе не на древнемъ агнцѣ, а на новомъ ими самими устроенномъ; это мы знаемъ—ловушку готовятъ намъ такими предложеніями, но въ нее могутъ попасть однѣ глупцы,—правительство вырыло яму, закидало ее соломой и поймаетъ однѣхъ не смысленыхъ.

3) Егоръ Гавриловъ былъ отправленъ Семеномъ Козминымъ въ значительнѣйшія селенія Московской Губерніи для предваренія,

чтобъ Ѳедосѣевцы въ нихъ проживающіе были тверды въ преданіяхъ старой вѣры въ случаяхъ какихъ либо принужденій; изъ таковыхъ селеній въ находящемся за 28 верстъ—Павловѣ (принадлежащемъ Царевичу Грузинскому) получено извѣстіе, что Егоръ Гавриловъ проповѣдывалъ собравшимся въ часовнѣ Ѳедосѣевцамъ «какъ во дни Ноя и при пришествіи сына' челоѳческаго жили не воздержно, такъ и нынѣ за гибельныя наши пороки предстоитъ погубленіе; оно вѣрныхъ соберетъ какъ чистую пшеницу въ житницу т. е. тѣхъ которые не поколеблются при настоящемъ искушеніи и останутся вѣрными преображенскому кладбищу, Господь наградитъ небесными радостями, а не вѣрныхъ которыя присоединятся къ Русокой церкви сожжетъ какъ плевелы огнемъ неугасаемымъ».

4) Одинъ изъ уважаемыхъ Ѳедосѣевцами старцевъ предлагаетъ: «всѣ вещи и имѣніе кладбища не отладимъ не вѣрнымъ, а раздѣлимъ по своимъ карманамъ и удалимся!»

5) Казначей кладбища Андрей Ларіоновъ говоритъ: «не малое количество людей нашего согласія находится во всей Россіи; когда начнутъ васъ всѣхъ гнать—рубить головы, мы здѣсь ихъ будемъ подбирать и съ вами умирать».

Хотя отзывы сіи могутъ быть почтены одними фанатическими фразами; не менѣе того наблюденіи не могутъ выпустить ихъ изъ виду, ибо онѣ раскрываютъ завѣтныя думы секты, спавшія по сіе время въ глубинѣ ея сердца,

11 Октября.

Разказы прибывшаго изъ Риги Ѳедосѣевца доставили случай почерпнуть свѣдѣнія о находящихся тамъ Ѳедосѣевцахъ, ихъ общинѣ и молебняхъ.

Въ Ригѣ на берегу рѣки Двины находится первая Ѳедосѣевская община извѣстная подъ названіемъ больницы; въ ней настоятелемъ нѣкто Алексѣй Гавриловъ; община держится правилъ Даниловскаго монастыря, (что въ Олонецкой губерніи) т. е. поморскихъ; оказавшіяся въ ней отступленія пріѣзжалъ исправлять изъ Черниговской губерніи стародубской общины Ѳедосѣевецъ Яковъ Васильевъ. Рижскія Ѳедосѣевцы молятся за Государя, браки считаютъ за закономъ положенное таинство, почему и совершаютъ ихъ служеніемъ молебновъ.

Вторая молебня, называемая молебною въ Московскомъ форштатѣ; въ ней настоятелемъ Лаврентій Сидоровъ; попечителями: Михайла Ѳедотовъ и Автономъ Акиндиновъ; браки вѣнчаютъ какъ

въ ней такъ и въ первой описанный еедосѣвецъ Алексѣй Гавриловъ и эта новая молеельня держится правилъ Даниловскаго монастыря.

Третья молеельня на Панинской мызѣ въ Петербургскомъ Форшстатѣ; она соблюдаетъ правила Московскаго преображенскаго кладбища; во всѣхъ встрѣчающихся недоразумѣніяхъ по дѣламъ управления и потребностяхъ денежныхъ она относится въ Москву къ Семену Козмичу; настоятелемъ Иванъ Козминъ названный въ монашествѣ (по уставу еедосѣвскому имъ принятому) отцомъ Іоной, попечителемъ ее мѣщанинъ Кириллъ Тимофеевъ имѣющій званіе также монаха и называющійся отцемъ Ксенофонтомъ.

По рассказамъ прибывшаго изъ Риги видно:

1) Что тамошніе еедосѣвцы особенно уважаютъ монашесствующихъ своей секты. 2) Безпоповщина основалась въ Ригѣ съ весьма давнихъ лѣтъ; по нынѣ она почитаетъ память князей Мышецкихъ (нашедшихъ уже въ Ригѣ единомышленниковъ Ѳедосѣвскаго толка), также и другихъ подвижниковъ сей секты, удалившихся во времена патріарха Никона изъ Москвы на берега Двины, и укрывавшихся въ лѣсахъ во избѣжаніе гоненій того времени. 3) Число Рижскихъ еедосѣвцевъ весьма значительно; не только, что въ самомъ городѣ но и на близъ лежащихъ мызахъ они отправляютъ свои богослуженія.

4) Тамошніе еедосѣвцы имѣютъ большее количество книгъ своего толка, привозимыхъ къ нимъ изъ Даниловскаго монастыря.

Въ самомъ городѣ Ригѣ весьма богатые русскіе купеческіе дома принадлежатъ къ означеннымъ молеельнямъ а именно: 1) Купецъ Иванъ Ивановъ Хлѣбниковъ. 2) Купецъ Василей Ивановъ Шелухинъ. 3) Ефимъ Максимовъ Шелухинъ. 4) Купецъ Козьма Григорьевъ Желтухинъ. 5) Купецъ Григорій Ивановъ Зобакинъ. 6) Купецъ Никита Михайловъ Первышъ. 7) Купецъ Наумъ Меркуловъ. 8) Купецъ Деисъ Григорьевъ Портнята 9) братъ его Ефимъ Григорьевъ Портнята.

14 Октября.

Совѣщанія въ келіи настоятеля Семена Козмина составляющіяся изъ людей уважаемыхъ кладбищемъ обнаруживаютъ цѣль свою: они намѣреваются утруждать Государя Императора просьбою о защитѣ преображенскаго богадѣльнаго дома отъ притѣсненій, и дабы предоставить обществу право самостоятельно безъ влі-

лнїя гражданской власти распоряжаться своимъ бытомъ. Католикъ-лютеране не имѣютъ приставовъ за собой, почему же хотятъ намъ ихъ дать?—Сверхъ того предлагаютъ, чтобы мы присоединились къ новоблагословенной церкви, тогда какъ она не благословенная, но еретическая церковь; въ ней благословляетъ русскій архіерей, а онъ самъ такой же мужикъ, какъ и мы; онъ не имѣетъ древняго благословенія, почему и сообщать его ни кому не можетъ.

Надо замѣтить, что изъ попечителей кладбища Алексѣй Никифоровъ на сихъ сборищахъ болѣе другихъ возстаетъ противъ всѣхъ нововведеній на кладбищѣ.

15 Октября.

Въ Москвѣ таятся еще остатки старинной безпоповщинской секты *Нѣтовщины*; близъ Андроньева монастыря и въ Рогожской части проживаютъ купцы къ ней принадлежащіе, покровительствуя единомышленниковъ своихъ разсѣянныхъ въ немаломъ количествѣ въ деревняхъ Московскаго и другихъ уѣздовъ; въ настоящее время главнѣйшій въ сектѣ Нѣтовщинѣ купецъ Семенъ Никитинъ Бочинъ проживающій въ собственномъ домѣ близъ Андроніева монастыря. Секта Нѣтовщина состоитъ изъ самыхъ закоснѣлыхъ людей безпоповщинской секты; нарочитое развѣданіе сообщило о ней, хотя не многія, но достовѣрныя свѣдѣнія. Единомышленники ея порицаютъ самое преображенское кладбище, ибо оно, по ихъ мнѣнію, отпало отъ древняго православія, покорясь власти Государя почитаемаго Нѣтовщиною за антихриста; имѣетъ общественную моленную, чего гонимымъ христіанамъ не слѣдуетъ имѣть, а должно втайнѣ молиться, какъ то дѣлали святые отцы удалясь въ пустыни; одно чтеніе псалтыря почитаютъ достаточнымъ средствомъ спасенія; таинства причащенія и другихъ кромѣ скитскаго покаянія не имѣютъ. По ихъ мнѣнію евангелія ни кто не можетъ читать, ни въ церквахъ, ни въ домахъ, ибо слово Божіе не имѣстимо ни въ домѣ, ни въ челоуѣкѣ; служеній, кромѣ малой павечерницы и заутрени, не имѣютъ; святыхъ уважаютъ спасающихся въ пустыняхъ и пещерахъ; всякой живущій въ городѣ есть грѣшникъ потому, что ходитъ по мостовой, которую сатана изобрѣлъ для своей славы, чтобъ на своихъ колесницахъ со стукомъ возить купленные имъ души. Отпѣваніе умершихъ у нихъ состоитъ въ чтеніи нѣкоторыхъ псалмовъ. Нѣтовщина поступающихъ въ ихъ секту не перекрещиваетъ, но заставляетъ проклинать только вѣру, къ которой переходящій принадлежалъ. Крещенія не

имѣютъ. Обряды бракосочетанія отвергаютъ, потому что праотцы Ной, Авраамъ и самъ Давидъ ихъ не совершали.

16 Октября.

Федосѣевецъ Мартынъ Степановъ участвовавшій съ федосѣевцемъ же Козьмою Кононовымъ въ поддѣлкѣ серебряныхъ рублей и составленіи композиціи, весьма сходной съ серебромъ нынѣ приняты настоятелемъ Семеномъ Козминымъ для прожитія въ Преображенскомъ богадѣльномъ домѣ и ему поручено отправленіе церковнослуженія.

17 Октября.

Текущаго мѣсяца 10 числа въ Лефортовской части, 7 кварталѣ, квартальный надзиратель Протопоповъ схватилъ двухъ федосѣевцевъ: Зиновья Осяпова и Семена Иванова, обывателей села Черкизова, шедшихъ съ потребниками для перекрещенія на рѣчкѣ протекающей изъ Черкизовскаго пруда въ Хапиловской, вновь поступавшаго мушину въ Федосѣевскую секту; г-нъ Протопоповъ привелъ ихъ въ свою квартиру, и получивъ съ нихъ нѣсколько денегъ, отпустилъ безъ должнаго изслѣдованія.

20 Октября.

Въ Тверской губерніи, Тихвинскаго уѣзда, Охонской волости, деревни Гуськовъ, удѣльнаго вѣдомствѣ, проживаетъ крестьянинъ Аѳонасій Фѳодоровъ; въ бытность его въ Москвѣ онъ продавалъ настоятелю Преображенскаго кладбища Семену Козмину четыре пальца отъ руки *мощей Іакова Боровицкаго вмѣстѣ съ писаннымъ Евангеліемъ*.—Послѣднее Семень Козминъ купилъ, но въ цѣнѣ мощей, какъ извѣстно, они не согласились, почему Аѳонасій Фѳодоровъ увезъ ихъ съ собой въ мѣсто своего жительства выше сего означенное.

Неизвѣстно какъ, когда и кѣмъ похищены части упомянутыхъ мощей чтимыхъ православною церковію, но несомнительность событія свидѣтельствуютъ нѣкоторые очевидцы изъ Московскихъ федосѣевцевъ.

При семъ, какъ видно изъ словъ одного изъ здѣшнихъ федосѣевцевъ, едвали нѣтъ въ другихъ разныхъ общинахъ похищенныхъ святыхъ мощей изъ православныхъ церквей, ибо федосѣевцы ничего не щадяли, и не щадятъ и понынѣ, приобрѣтая, какъ древнія иконы такъ и самыя мощи.

Октября 21.

На преображенскомъ кладбищѣ подъ часовней на могилахъ погребенъ еще во время мороваго повѣтрія въ Москвѣ бедосѣвецъ Илья Ивановъ, крестный отецъ бывшаго настоятеля кладбища Илья Алексѣева Ковылина; для привлеченія простаго народа Илья Ксвильничъ разславилъ, будто видѣлъ во снѣ Илью Иванова въ блаженствѣ праведниковъ, окруженнаго дѣтьми поющими по преображенскому уставу стихъ: *«Днесь благодать святаго духа нась собра,»* и еще *«Богъ Господь явился намъ»* т. е. стихи, принадлежащіе празднику Сошествія святаго духа, во имя котораго на преображенскомъ кладбищѣ устроено наибольшая лѣтняя мольня едосѣвцемъ Даниломъ Петровымъ, который также умеръ и будтобы находится въ царствіи небесномъ. Илья Ковылинъ въ видѣніи своемъ видѣлся со всѣми едосѣвцами, память которыхъ онъ установилъ за правило почитать на кладбищѣ, какъ удостоенныхъ царствія небеснаго за то, что они, бывъ женаты, развелись съ женами и раскаялись въ заключеніи браковъ.—Разсказъ этотъ по нынѣ въ большомъ уваженіи у Московскихъ едосѣвцевъ и принимается за несомнѣнную истину.

Въ подтвержденіе сего сказанія между Московскими едосѣвцами есть преданіе, будто когда вмѣсто существовавшей небольшой часовни на могилахъ преображенскаго кладбища строили нынѣшнюю, то могильщики открыли гробъ описаннаго Илья Иванова, раскрыли его и, сдунувъ прахъ, въ который превратился бывший покровъ, нашли Илью Иванова совершенно нетлѣннымъ, что окончательно удостовѣряетъ едосѣвцовъ въ его святости.

Когда случается отпѣваніе покойниковъ въ означенной часовнѣ, то служащіе съ великимъ почтеніемъ кадятъ мѣсто, гдѣ похороненъ Илья Ивановъ.

Привожу для памяти и самый разсказъ.

К о п і я.

Откровеніе бывшее Ильѣ Алексѣвичу о преставившихся отцахъ и братіяхъ нашихъ въ моровое повѣтріе.

Лежащу ми на одрѣ въ величій болѣзни, глаголетъ тайнозритель, бывъ яко въ восторгѣ, прииде покойный сынъ мой Григорій къ храменѣ той, въ ней же возлежащу ми, и егда уврѣхъ его у дверей храма стояща, начахъ призывать его къ себѣ, напоминая ему о воспитаніи бывшее отеческое попеченіе, и прочее и по

привѣтству моему прииде онъ ближе къ одру въ храмину. Тогда началъ азъ вопрошати его, како преиде воздушная мытарства и не бысть ли тебѣ каковаго страха при исходѣ души отъ тѣла. Тогда отвѣща ко мнѣ сынъ мой благодатию Божіею къ вапими отеческими молитвами. Ничто же азъ пострадахъ при исхожденіи отъ тѣла и въ восхожденіи на небо. Понеже при смерти моей молаху Владыку Христа, дабы мнѣ не видѣти страшилищъ мытарей воздушныхъ, и по оному моему прошенію Богъ сіе и содѣла, приведе мя безбѣдно во уготованное мнѣ отъ Владыки моего мѣсто. Еще спросилъ я ево, знаешь ли ты гдѣ нынѣ обрѣтается батюшко нашъ *Илья Ивановичъ* и въ какомъ мѣстѣ пребываетъ; онъ же рече ко мнѣ: батюшко де Илья Ивановичъ пребываетъ во прекрасномъ нѣкоемъ мѣстѣ. Съ нимъ же де и я жителство имѣю: и я просилъ сына моего, чтобы довелъ онъ меня къ Ильѣ Ивановичу и повелѣ мнѣ ити за собою, и приходимъ на нѣкое полистое и прекрасное мѣсто, и узрѣхъ азъ домъ чудный и весьма великолѣпный неизреченныя красоты внутри уду и внѣ уду исполненъ; въ томъ дому сидитъ Илья Ивановичъ напѣ батюшко во одеждѣ Апостольской; на главѣ его вѣнецъ прекрасный и отъ различныхъ цвѣтовъ райскихъ сплетенный весьма дивно; на ногахъ сандаля Апостольская; сѣдитъ на стулѣ, стулъ простой безъ кресель; украшенъ онъ власами бѣлыми яко волна чиста или серебро испуенно; около ево триста младенцовъ, въ которыхъ числѣ и сынъ мой Григорій и оны во апостольскихъ одеждахъ и въ сандаляхъ, токмо на главахъ ихъ вѣнцовъ не имѣется. А Григорій сынъ мой; всѣхъ оныхъ около ево младенцевъ возрастомъ посверстнѣе; и я приступивши ко Ильѣ Ивановичу спросилъ его, что суть младенцы сіи онъ? же рече ко мнѣ Богъ младенцевъ сихъ даровадъ мнѣ на утѣшеніе, за показанное мною смиреніе и терпѣніе въ мирѣ. Таже Илья Ивановичъ младенцевъ оныхъ заставлялъ пропѣть стихъ церковный, сіе бо дѣло отроковъ тѣхъ, и пѣли они стихъ: «Днесъ благодать святаго духа насъ собра» а пѣли по старонаречному. А инымъ сказывалъ Илья Алексѣевичъ что пѣли стихъ: «Богъ Господь, явился намъ» и протчая и пѣли такъ дивно и прекрасно, что пѣніе ихъ превосходить умъ человѣческій и я спросилъ Илью Ивановича какъ же они не учившись, а поютъ такъ изрядно, и онъ сказалъ мнѣ благодать де Святаго Духа научила ихъ пѣти прекрасно. Тогда сталъ я Ильѣ Ивановичу говорить со слезами, на что ты батюшко меня одинаго оставилъ бѣдствовать въ привременной жизни, а съ собою не взялъ, и онъ нато сказалъ: мнѣ потерни Бога ради, я и самъ по терпѣнію своему воспріямъ отъ Бога таковое утѣшеніе,

какое ты нынѣ видишь; будешь и ты на семь мѣстѣ, ежели претерпишь мужественно виѣшняя и внутренняя нападенія. По сихъ далъ мнѣ Илья Ивановичъ три виноградины бѣыя отъ плодовъ рая того, и положилъ я ихъ за пазуху. Еще спросилъ я Илью Ивановича о прочихъ настоятеляхъ—батюшкѣ Степанѣ Ивановичѣ и о Семіонѣ Антоновичѣ, коихъ я бесѣды наслаждался еще въ жизни ихъ и знаемыхъ мнѣ преставльшихся друзьяхъ и о Данилѣ Петровичѣ батюшко, не извѣстенъ ли ты; онъ же батюшко Илья Ивановичъ сказа ми все по ряду, какъ Степанъ Ивановичъ и Самсонъ Антоновичъ и прочіе настоятели съ нимъ выдаются; сидятъ де они во прекрасныхъ мѣстахъ райскихъ селеній и Божиимъ мансвеніемъ подвижами приходятъ на сіе мѣсто прекрасное и полистое здѣ; и познаемъ де другъ друга отъ Бога дарованій данныхъ комужде по достоинству подвизавшимся въ мірѣ семь и противъ властей міра сего въ исповѣданіи Иисусъ Христовѣ и въ страданіи и виѣшнихъ и внутреннихъ; то де за сіи добродѣтели и познаемъ каждо другъ друга на семь мѣстѣ. *) А о Данилѣ Петровичѣ, о здателѣ храма Божіей матери, сказалъ что онъ отъ рая Божія приносимъ бываетъ на сіе значное мѣсто для утѣшенія духовныхъ бесѣдъ; нашихъ а кои въ моровое повѣтріе преставились, въ покойныхъ и прекрасныхъ мѣстахъ обитаютъ по иѣрѣ своихъ добродѣтелей, отъ которыхъ многихъ видѣхъ и познахъ; съ Матѣемъ Федоровымъ и съ женою его, такъ же и съ Таганскими съ Семеномъ Ивановымъ, съ серебрянникомъ Григорьемъ Леонтьевымъ и прочими разговаривалъ; сказывалъ мнѣ сослезами и обстоящихъ мене нуждахъ и печалѣхъ. Да и новожены, кои въ моровой язвѣ покаялись, всѣ тѣ спасены отъ муки, а кои не покаялись, тѣ и не спаслись; изъ новоженовъ видѣхъ Архипа Ермолаева да Григорья Леонтьева сына, которой сказала, что за отеческія молитвы помилованъ отъ муки, а жена ево за то избавлена отъ муки, что послѣ крещена святымъ крещеніемъ отеческимъ, а не отъ поповъ еретиковъ. То по бесѣдѣ и благословилъ мя батюшка Илья Ивановичъ святымъ благословеніемъ своимъ. Азъ же убѣдихся изрехъ сѣмо и овамо, ни кого же предстоющихъ видѣхъ и возопихъ гласомъ великимъ: братіе и отцы! чудо зрѣхъ и сидеся ко мнѣ много людей и служащихъ ми. Азъ же все по ряду имъ пересказалъ, гдѣ бѣхъ и что видѣхъ и како въ пазусѣ обрѣтошася три благо-

---

*) Данило Петровъ построилъ лѣтнюю большую мольбну на Преображенскомъ кладбищѣ.

словенныя виноградины отъ райа Божія отца Ильи Ивановича.
Аминь.

Видѣніе сіе бысть батюшкѣ Ильѣ Алексѣевичу въ лѣто 1771 года, по святому крещенію Василю.

Октября 22.

На дняхъ неизвѣстно за чѣмъ прибыли на Преображенское кладбище еедосѣвцы изъ Ярославской и Владимірской губерніи и участвуютъ на совѣщаніяхъ у настоятеля Семена Козмина въ келіи, продолжающихся почти ежедневно, о настоящемъ положеніи преображенскаго кладбища.

Октября 23.

Много уже говорилось про существующее несогласіе между еедосѣвцами и филипповскою сектою, хотя оба толка принадлежатъ къ одной и той же безпоповщинѣ; филипповцы уважаютъ браки, еедосѣвцы отвергаютъ оныя; но хотя филипповцы имѣютъ особую часовню, между тѣмъ оба толка почитаютъ одно преображенское кладбище.

Филипповцы, ревнуя еедосѣвцамъ, также распустили слухъ, что и они имѣютъ правѣдника *Филиппа Иванова Осинина* удостоеннаго нетлѣнія; о немъ рассказываютъ, будто могильщики, при перестройкѣ часовни на могилахъ преображенскаго кладбища нашли гробъ Осинина открытымъ; въ немъ тѣло его лежало нетлѣнно и имѣло видъ и свойства лучшаго русскаго коровьяго масла; одинъ изъ могильщиковъ дотронулся до его глазами онъ опустился подъ лобъ.

При случающихся отпѣванія филипповцы кадятъ всегда могилу Осинина.

Октября 24.

Даниловскому безпоповщинскому монастырю принадлежитъ близъ Ледовитаго моря находящаяся значительная община, въ поселеніи Суземкахъ; при томъ общины Даниловскаго монастыря, лежащія по Олонецкой и Архангельской губерніямъ, между еедосѣвцами называются «Весями».

Октября 25.

Настоятель преображенскаго кладбища Семень Козминъ теперь въ безпрестанной перепискѣ съ Ярославскими единомышлен-

никами; уважаемый иногородными едосѣвцами какъ главу безпоповщинской секты, онъ къ сильнѣйшимъ теперь Углицкимъ едосѣвцамъ не пропускаетъ ни одной почты, чтобъ не писать наставленій; равно какъ и къ Весьгонскимъ единомышленникамъ пишетъ весьма часто. Наблюденія сообщили извѣстіе, что будто бы настоятель Петербургскихъ едосѣвцевъ Фухсъ извѣстилъ Семена Козьмина, что о обезпеченіи участи безпоповщины онъ просилъ С.-Петербургскаго оберъ - полиціймейстера съ которымъ онъ въ большихъ сношеніяхъ.—Преображенское кладбище само собою относилось къ его превосходительству о томъ же.

Октября 26.

Въ Рогожской части, Дурномъ проулкѣ, въ домѣ Молоткина, находящаяся община безпоповщинской Филипповской секты, въ одинаковомъ съ преображенскимъ кладбищемъ безпокойствѣ о своей будущей участи. Попечитель Григорій Нестеровъ убѣждаетъ своихъ единомышленниковъ, что если правительство, само дозволитъ существованіе преображенскаго богадѣльнаго дома, возстанетъ противъ него, то вѣроятно обратится и противъ пріюта Филипповскаго, основаннаго безъ всякаго съ его стороны дозволенія.

Ноября 1.

Черниговской губерніи, Стародубскаго уѣзда, монастыря едосѣвской секты, во имя Покрова Божіей Матери, монашествующіе прислали съ нарочитымъ посланнымъ просьбу, къ настоятелю преображенскаго кладбища Семену Козьмину, дабы онъ прислалъ, по усмотрѣнію своему, наставника для совершенія служеній, крещенія и исповѣди, ибо бывший ихъ настоятель умеръ.

Семень Козминъ собралъ отцевъ съ потребниками и безъ оныхъ и на общемъ совѣтѣ предлагалъ кому угодно занять мѣсто наставника въ Покровскомъ Стародубскомъ монастырѣ, но какъ никто не изъявилъ желанія, то отправилъ присланнаго обратно, съ приказаніемъ объявить обителя Покровской, что самъ изберетъ достойнаго править обителію, снабдитъ грамотою за подписаніемъ отцевъ попечителей и пришлетъ своевременно.

Кто отправленъ будетъ по назначенію настоятеля Семена Козьмина, будетъ донесено немедленно.

Ноября 2.

Фабрикантомъ Дмитріемъ Андреевымъ, въ деревнѣ Черницыной, устроена молельна въ домѣ тамошней жительницы Екатерины, и крестьянина (прозываемаго выходцемъ) Андреяновича; за образа заплочено 2000 руб. служеніе въ ней началось съ сентября мѣсяца сего года; при открытіи ея (по Ѳедосѣевскому названію «обновленію») Андреяновичъ далъ преображенскаго кладбища головщику 10 руб. ассигн. Въ нее для слушанія вечерень, заутренъ и другихъ служеній собираются жители деревни Черницыной, принадлежащія Ѳедосѣевскому согласію.

Ноября 3.

Костромской губерніи, города Галича, настоятель Ѳедосѣевской общины Иванъ Матвѣевъ извѣстилъ настоятеля преображенскаго кладбища Семена Козьмина, что его (Ивана Матвѣева) требуетъ Костромской епископъ въ г. Кострому для личныхъ объясненій, почему онъ по совѣту двухъ богатыхъ Галицкихъ купцовъ (прозываемыхъ) *Кузьмичей изъ Галича*, скрылся въ одной изъ ближнихъ общинъ. Галицкія же купцы (упомянутые Кузьмичи) прислали къ Семену Козьмину просьбу, что если «Галицкаго настоятеля Ивана Матвѣева захватить по распоряженію правительства, то чтобъ преображенское кладбище не оставило бы подѣдомственной ему Галицкой обители безъ настоятеля и пастыря въ служенія и исполненія требъ, какъ-то: крещенія и исповѣди».

Семень Козьминъ требованіе это предлагалъ совѣту попечителей преображенскаго кладбища, объявивъ при томъ, что Галицкимъ единомышленникамъ необходимо слѣдуетъ помочь, отправивъ туда наставника, ибо они усердные «сподвижники преображенскаго кладбища».

Ноября 7.

Сего 2 ноября, въ Лефортовской части, въ домѣ купца Гучкова, проживавшій крестьянинъ Никита Семеновъ, отъ роду 68 лѣтъ, повѣсилъ, но какъ крестьянинъ г. Губина Иванъ Алексѣевъ случайно нашелъ его, то и успѣлъ вынуть изъ петли, чѣмъ спасъ жизнь Никитѣ Семенову; какъ слышно, по слѣдствію открыто, будто онъ это сдѣлалъ отъ отчаянія, произведенномъ бѣдностію его угнѣтавшей.

Между тѣмъ наблюденія открываютъ, что будтобы Никита

Семеновъ былъ понуждаемъ кунцемъ Гучковымъ присоединиться къ еедосѣвской сектѣ, Гучковъ ему безпрерывно твердилъ: перекрестись въ нашу вѣру, ваша со всѣми таинствами проклята,— это произвело то ужасное отчаяніе, которое было причиною его поступка.

Ноября 8.

Въ Московской губерніи, въ 28 верстахъ отъ Москвы, по Калужской дорогѣ есть селеніе Павлово, въ которомъ проживаютъ большую частію еедосѣвны; они имѣютъ значительную моленную, въ которую собираются ихъ единомышленники изъ ближайшихъ деревень; эта моленная подъ особеннымъ покровительствомъ преображенскаго кладбища и управляется наставленіями упорнѣйшаго кладбищенскаго наставника Егора Гаврилова, посѣщающаго весьма часто селеніе Павлово. Кромѣ этой еще въ Калужской губерніи, въ Малоярославскомъ уѣздѣ въ 7-ми верстахъ отъ уѣзднаго города, существуетъ значительная еедосѣвская моленная (также относящаяся къ преображенскому кладбищу) въ селеніи Спась-Лыково.

Ноября 9.

Раскольники безоповщинскаго стародубскаго покровскаго монастыря просили преображенское кладбище о присылкѣ имъ въ обитель настоятеля, о чемъ донесено было еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ; Семенъ Козьминъ обще съ попечителями кладбища назначилъ туда начальникомъ Московскаго мѣщанина Алексѣя Михѣева и съ нимъ казначеемъ мѣщанина же Михаила Данилова Самарскаго—оба они снабжены грамотами на свои достоинства, и отправлены въ стародубскій покровскій монастырь.

Ноября 10.

Купецъ 2-й гильдіи Константинъ Егоровъ взялъ въ арендное содержаніе домъ, построенный на землѣ дворцоваго вѣдомства во 2-мъ кварталѣ, Лефортовской части на Генеральной улицѣ; починивъ въ немъ разныя вѣтхости; устраиваетъ моленную еедосѣвской секты; тутъ же предполагаетъ сдѣлать помѣщеніе для приѣзжающихъ еедосѣвскихъ наставниковъ и монаховъ, по образцу существующихъ въ Москвѣ монастырскихъ подворьевъ. Иконостасъ уже въ сей моленной отдѣланъ, но еще служеніе не началось; управленіе дома Константинъ Егоровъ поручилъ еедосѣвкѣ, цѣховой Пелагеѣ Ивановой; къ ней подъ предлогомъ прирѣвнія бѣд-

ныхъ, онъ присылаетъ для прожитія еедосѣвцевъ; при значительномъ состояніи Егорова весьма легко можетъ основаться въ семь мѣстѣ приютъ безпоповщинской секты.

Ноября 11.

Частныя случаи, открываемыя наблюденіями, показываютъ, какъ Московское духовенство обращаетъ въ свою пользу укорененіе безпоповщинской секты, получая чрезъ это значительныя выгоды. Вотъ дѣйствія нѣкоторыхъ приходскихъ священниковъ: призываемые при рожденіи у еедосѣвцевъ дѣтей для молитвы новорожденному, совершивъ ее, не озабочиваются окрещеніемъ ихъ предоставляя на волю родителей или родственниковъ совершить это священнодѣйствіе, какъ они желаютъ; за это снисхожденіе они получаютъ плату вдвое противъ того, что бы могли получить при совершеніи крещенія. Весьма большая часть еедосѣвцевъ проживающая въ домахъ вмѣстѣ съ православными прихожанами, по необходимости должна призывать священниковъ для дачи новорожденному молитвы, ибо безъ сего ихъ выгонять изъ квартиры и еслибъ корыстолюбіе не ослабляло духовныя лица, то они не находили бы большаго сопротивленія совершить и обрядъ крещенія; не принимали-бъ отговорокъ, будто новорожденнаго отнесутъ для крещенія въ другой приходъ или въ воспитательный домъ и не пропускали бы случая приобщать новорожденныхъ къ православію.

Сельское духовенство впадаетъ въ большія безпорядки; оно какъ слышно числитъ, еедосѣвцевъ въ званіи прихожанъ для пополненія недостающаго числа православныхъ, долженствующаго составить положенное закономъ количество, не отмѣчаетъ еедосѣвцевъ въ метрическихъ книгахъ; примѣрно сему слѣдуетъ духовенство Ярославской епархіи; сами еедосѣвцы, оттуда приѣзжающіе, рассказываютъ, что православные священники отъ нихъ въ селахъ большія имѣютъ выгоды, чѣмъ отъ церковныхъ прихожанъ.

Ноября 12.

Въ сводѣ законовъ т. 14 сказано: «мѣстное гражданское и «духовное начальство имѣетъ строжайшее наблюденіе, чтобъ крестьянскія избы не были обращены въ публичныя молебни.

Въ 1838 году уничтожена бывшая Покровская молебна, принадлежавшая безпоповщинской поморской сектѣ, гдѣ совершались браки, и въ томъ же 1838 году она перенесена въ Лефортовскую

часть, во 2-й кварталъ, на Генеральную улицу въ домъ Ивана Васильева Анисимова, куда перешелъ и бывший наставникъ покровской часовни Андреянъ Сергѣевъ; съ переходомъ его браки безпоповщинскіе и прочія служенія, въ ней по сіе время совершаются.

Ноября 13.

Въ Стародубскомъ покровскомъ еедосѣвской секты монастырѣ, былъ настоятелемъ Петръ Ѳеодоровъ, уважаемый Московскимъ преображенскимъ кладбищемъ; его почитаютъ основателемъ безбрачной жизни между еедосѣвцами, чему служитъ доказательствомъ письмо ученика его Якова Васильева къ Ѳеодосѣвцу Ѳеодору Григорьеву, жившему на преображенскомъ кладбищѣ; онъ въ немъ, воспрещая браки, говоритъ: что «браки не могутъ быть совершаемы, ибо нѣтъ *Хриstopодражательнаго священника*». Вотъ это письмо, подлинникъ котораго хранится при дѣлахъ преображенскаго кладбища, какъ догматическое наставленіе для руководства:

Достолюбезный о Христѣ братъ Іаковъ Васильевичъ, душеспасительно здравствовать вамъ желаю.

Пріятное твое писаніе я получилъ, въ которомъ увѣдомляете о постриженіи, что конечно у васъ всѣмъ къ тому охотникамъ безнадежно было отказано, и о семъ я зѣло удивляюсь и въ недоумѣніе прихожу, чего ради сдѣлалось у васъ такое пресѣченіе, развѣ не по времени—какъ нѣкоторые разумѣютъ, но видится нынѣшнее время не токмо не возбраняетъ, но паче дозволяетъ. По-неже мы нынѣ за неимѣніемъ Христо-преданнаго священства, всѣ должны проходить дѣвственное житіе, а дѣвственникамъ слѣдуетъ жить по иночески, но сіе въ мірѣ и намъ неумѣстно, а удалившимся міра пострищися зѣло благопристойно и полезно, но простому иноку и по нуждѣ пострищи другаго — неудобно; и естли тако, то по вашему разсужденію невозможно будетъ и простолюдину крестить, ни каять въ неприсутствіи священныхъ лицъ; и если вы на сіе покажете смотрительные случаи и обдержные правила, то равнообразно и мы въ постриженіи такожде можемъ показать отъ исторій церковныхъ и отъ святоотеческихъ правилъ, что сіе состоитъ въ равномъ образѣ, какъ простолюдину въ неприсутствіи священника крестить и каять, такъ и простому иноку другаго пострищи по нуждѣ невозбранно; или того ради, что нѣкоторые иноки невоздержно живутъ и всюду по своей волѣ бродятъ, таковыхъ и мы не похваляемъ, по недовѣдомымъ Божиимъ

судьбамъ ихъ оставляемъ; а которые иноки пострижены по чину и живутъ въ послушаніи евангельскихъ отцевъ, на тѣхъ никто порока никакого навести не можетъ; правда не для осужденія сказать, что мы видимъ нѣкоторые и бѣлцы не токмо воздержно живутъ, но столько безчинно поступаютъ, что и перо описать не можетъ. То неужели ради ихъ безчинія, другимъ и христіанства лишаться, якоже ради нѣкихъ иноковъ лишаемся иночества, чего и помыслить отнюдь невозможно. Но по всему видѣти есть, что не ино служитъ препятіемъ, какъ только одно презрѣніе иноческаго образа якоже видѣти есть на самомъ дѣлѣ: когда приходятъ къ намъ въ христіяны отъ поповлянъ иноки, то по крещеніи дѣлаете ихъ бѣлцами, а они чрезъ сіе приходятъ въ зазорное житіе, а другіе и поженились. То кто же будетъ ихъ претыканію причиной? вы судите. При томъ же нѣкоторые престарѣлые люди и сѣдинами украшенные обѣщались было посвятить себя Богу и приготовились къ постриженію въ иноческій чинъ, егда же увѣдалъ ихъ отецъ духовный и о семъ имъ зѣло возбранилъ; они же послушавши такового пустозвона, отвергнуши своя къ Богу обѣты, а иноческій чинъ другимъ отдавши и до днѣсь живутъ среди соблазновъ и сообращаются съ зазорными лица. И сего ради такое ученіе намъ непріятно, понеже съдревле православною церковію несогласно и сопротивно, зане никто отъ древнихъ учителей когда дерзнулъ отъ обѣтовъ иноческихъ кого отводить и иноческій чинъ презирать и людямъ чрезъ сіе къ претыканію соблазнъ подавать. Но наипаче таковымъ совѣтуютъ отъ міра бѣжать и во обителяхъ иноческое или пустынное житіе лобызать. А нынѣшніи учителя отъ боголюбезнаго иноческаго образа отводятъ и пользы въ немъ быти не примѣчаютъ, а другіе не только пользы не примѣчаютъ, но и весьма дерзновенно иноковъ хухваютъ; а иніи же отнюдь никому и постригаться не попускаютъ, и по всѣмъ вышеозначеннымъ ихъ поступкамъ видѣти есть, что всеу они и древностию хвалятся, ей же и сами противу лежатъ непокорностию духа. Тѣмъ же подобало бы намъ, о богомудріи! Прилежниѣ испытать, кто наставникомъ иноковъ былъ; но о всѣмъ аще и малое отроча спросите, речеть вамъ, яко великій Антоній, и Ларіонъ, и Пахомій, ему же и одѣяніе иноческое Ангель нося, показа и являя, яко иже по образу сіе носящій во ангельскомъ чину причитаются. Кто сего иноческаго одѣянія ненавистникъ и хульникъ; точію еретикъ Мартинъ Люторъ, онъ явился перворожденный сынъ діаволовъ. Онъ училъ инокамъ чинъ повергать и женъ себѣ понимать; онъ не устрашил-

ся инокъ и демонами порицать и прочія ереси обновлять. И того ради не малаго вамъ потреба опасенія, дабы не быть участниками лютернскаго злаго ученія и за презрѣніе древле церковнаго преданія не навести бы на ся святоотеческая запрещенія. А что вы упоминаете, яко бы у насъ постраженіе запрещено ради нѣкоихъ омышленій въ текуція времена. Но мнѣ сіе не вонятно, какія омышленія, и въ которыя времена? Прошу о семъ потонку мнѣ описать брато любно, дабы и я былъ предостороженъ.

Пространно писать за краткостію времени оставляю. Вамъ всякаго благополучія желатель, грѣшный Федоръ Григорьевъ униженно кланяюсь.

Москва, въ домъ Ковылина.

Ноября 14.

У Арбатскихъ воротъ, въ приходѣ Бориса и Глѣба въ домѣ Гаврилы Сергѣева Соколова; была молезна едосѣвской секты; за помѣщеніе ея прихожане платили 1000 руб. въ годъ, со смертію Гаврилы Сергѣева Соколова, случившеюся въ 1844 году, сынъ его—нынѣшній владѣлецъ дома, отказался отъ содержанія молельни, но съ сентября мѣсяца сего текущаго года былъ убѣжденъ едосѣвцами возобновить служеніе, которое и отправляется до нынѣ.

Ноября 15.

На Преображенскомъ кладбищѣ, по полученіи нѣкоторыхъ письменныхъ извѣстій изъ С.-Петербурга, настоятелемъ Семеномъ Козьминимъ, водворилось прежнее спокойствіе. Семень Козьминъ читалъ письмо при купцахъ Бузинѣ, Гучьковѣ, Алексѣѣ Никифоровѣ,—на другой день по всѣмъ часовнямъ было отправлено молебствіе. По прежнему начали собираться на кладбище всѣ удаленныя со времени посѣщенія графомъ Строгановымъ, какъ мужчины, такъ и женщины.

Ноября 17.

Есть достовѣрное на Преображенскомъ кладбищѣ преданіе, что безпоповщинская едосѣвская секта основалась въ Сибири во время царствованія Екатерины II-й; въ Тобольскую губернію былъ сосланъ чиновникъ Егермейстерской части Яковъ Петровъ Деревягинъ; проживъ тамъ 7-мь лѣтъ, онъ многихъ совратилъ отъ пра-

вославія, перекрестилъ въ едосѣвскій расколъ, котораго правила оставилъ по сіе время твердо сохранившіяся; его память и понынѣ чтутъ едосеевцы; послѣ 7-ми лѣтъ Деревягинъ былъ прощенъ и возвращенъ къ Императорскому двору; съ отъѣздомъ его секта пришла въ упадокъ, но съ переходомъ въ нее двухъ братьевъ Тюменскихъ купцовъ Ивана и Федора Варашковыхъ, она съ большимъ успѣхомъ распространилась по всей Сибири.

Ноября 18.

Настоятель Преображенскаго кладбища Семень Козминъ, содрати отъ православія въ едосѣвскую секту Московскаго мѣщанина Никиту Иванова, приказалъ мѣщанину Егору Гаврилову вмѣстѣ съ проживающею на кладбищѣ мѣщанкою Домной Ивановой перекрестить, что тѣ и исполнили 17 числа Сентября мѣсяца; а сего текущаго года послѣ сего мѣщанинъ Никита Ивановъ помѣщенъ на жительство въ больницѣ преображенскаго кладбища.

Ноября 19.

Въ Лефортовской части проживалъ едосѣвецъ Московскій Ефимъ Федотовъ, онъ въ теченіи 28 лѣтъ содержалъ торговыя бани купца Кожевникова у Покровскаго моста, гдѣ (какъ едосѣвцамъ извѣстно) онъ многія дѣлалъ злодѣянія; богатство и связи сокрыли его даже отъ законнаго преслѣдованія *въ 1830 году въ участи по дѣлу о поджигательствѣ Москвы, по которому 18-ть ея товарищей были наказаны.* Въ 1840 году онъ отправился въ С.-Петербургъ, возвратясь откуда, прокрадся съ товарищами своими на преображенское кладбище; разломавъ дверь у проживающаго тамъ едосѣвца Марина Иванова похитилъ 1500 руб. денегъ, раздѣлил ихъ въ Сокольнической роцѣ съ ними и отправился въ С.-Петербургъ.

Проживая по сіе время тамъ, онъ, какъ увѣдомляютъ С. Петербургскіе едосѣвцы здѣшнее кладбище, продолжаетъ свое ремесло, скрывая себя подъ видомъ фабриканта, работающаго на одномъ станкѣ штофныя платки съ 6-ю человекѣми ткачей.

Ноября 20.

Въ Ярославской губерніи едосѣвская, секта хотя во многихъ мѣстахъ таилась, но не распространялась съ такимъ успѣхомъ

какъ во время бывшаго гражданскаго губернатора Безобразова, который во время управленія своего ввелъ отчетность о состояніи безпоповщинской секты въ Ярославской губерніи, представленіемъ дважды въ годъ земскою полиціею, о всѣхъ молеельняхъ, общинахъ и числѣ ихъ прихожанъ; въ канцеляріи его поручено было симъ завѣдывать секретарю Спасскому, который (какъ нынѣ начальники Ярославскихъ общинъ показываютъ) обложилъ каждую общину платежемъ 120 руб. ассигн, при подачѣ каждой вѣдомости; въ сихъ вѣдомостяхъ число раскольниковъ безпоповщинской секты не увеличивалось, но уменьшалось. Отдаленныя общины отъ губернскаго города, платя положенныя деньги, не представляли совершенно вѣдомостей. Образъ этого управленія наследовало преемничество г. Безобразова, и, какъ нынѣ очевидно, утвердило покровительствомъ во всѣхъ судебныхъ инстанціяхъ тотъ обширный и твердый бытъ безпоповщины въ Ярославской губерніи, которымъ она пользуется.

Ноября 21.

Случай доставилъ любопытныя свидѣтельства, относяціяся къ *биографическимъ содѣніямъ о настоятель Преображенскаго кладбища Семенѣ Козминѣ*. Во время трехъ годичнаго его укрывательства изъ Москвы, по дѣлу въ городѣ Южновѣ, онъ въ сопровожденіи двухъ Ѳеодосѣевцевъ — Семена Фомина и Ѳеодора Емельянова Звонорева находящихся еще на Преображенскомъ кладбищѣ, въ началѣ своего путешествія (по ихъ разсказу) былъ въ Воронежской губерніи въ Новохоперской крѣпости, гдѣ нашелъ незначительное число Ѳеодосѣевцевъ, но проживъ тамъ, своимъ служеніемъ и наставленіями, обратилъ большое число отъ православія къ Ѳеодосѣевской сектѣ. Въ Воронежской губерніи главные его успѣхи были въ многочисленныхъ имѣніяхъ графини Орловой. Въ Саратовѣ онъ собралъ разсѣянныхъ Ѳеодосѣевцевъ, служилъ, перекрещивалъ и наставлялъ въ правилахъ раскола, чѣмъ приобрѣлъ къ себѣ уваженіе до того, что Саратовская община прислала потомъ одного изъ своихъ Ѳеодосѣевцевъ Козанкова для изученія чтенію и пѣнію по уставу преображенскаго кладбища.—На Кубани и Донѣ онъ посѣялъ вновь безпоповщинскій расколъ; тамъ въ станицахъ казацкихъ отдаленныхъ отъ православныхъ церквей онъ имѣлъ большіе успѣхи; оба его товарищи отзываются, что Семенъ Козминъ тамъ перекрестилъ большое количество казаковъ.

До Семена Козмина власть кладбища надъ другими общинами едва существовала, но онъ, вступивъ въ управленіе имъ, вытребовалъ свидѣнія о всѣхъ настоятеляхъ иногородныхъ общинъ *), собирая съ Московскихъ Фодосѣвцевъ пожертвованія, рассылая ихъ по общинамъ и тѣмъ пріобрѣлъ право власти надъ ними. Убѣдивъ Московскаго купца Тимофея Ефремова Соколова на помянутое умершей его жены пожертвовать въ полное распоряженіе кладбища 40 т. руб., онъ вытребовалъ въ Москву настоятелей изъ Усть-Сысольска, Великихъ Лукъ, Кресцевъ, Судивлавля, Галича, Костромы, Коломны, Тулы, Тамбова, Саратова, Ростова; раздѣлилъ имъ всѣ означенныя 40 т. рублей, съ тѣмъ что они должны быть: «во всемъ единодушны съ преображенскимъ кладбищемъ, отрѣчься отъ поморскихъ правилъ Даниловскаго монастыря, исполнять уставъ кладбища во всей его силѣ; если въ чемъ поступать противъ него, то должны съ терпѣніемъ и смиреніемъ принять присланныхъ отъ кладбища для ихъ исправленія;» въ сихъ послѣднихъ правилахъ и обязанностяхъ состоитъ подчиненность каждой иногородной общины преображенскому кладбищу, или лучше сказать, его настоятелю Семену Козмину.

Ноября 22.

На преображенскомъ кладбищѣ въ женской палатѣ надъ воротами, головщица Марья Данилова наказала плетью дѣвку по имени Домну 15-ти лѣтъ за то, что она отлучилась для свиданія съ родителями въ слободѣ проживающими;—Домна послѣ наказанія умерла въ 9-й день, и похоронена 18 числа сего текущаго мѣсяца на кладбищѣ—причина смерти ея обозначена болѣзнію.

Ноября 23.

Ниже приведенное письмо учителя безпоповщинскаго поморскаго согласія даниловскаго монастыря Тимофея Андреева, писано къ фодосѣвкѣ Агрипинѣ Емельяновой Мониной, братъ которой былъ настоятелемъ покровской часовни въ Москвѣ; оно заслуживаетъ особеннаго вниманія въ историческомъ и религіозномъ отношеніяхъ, объясняя что Даниловскій монастырь въ своихъ прави-

---

*) На основаніи сихъ-то свидѣній, похищенныхъ изъ его келій, составлено обзорѣе Фодосѣвскихъ общинъ принадлежащихъ Преображенскому кладбищу представленное 1 августа за № 191.

лахъ не соглашается ни съ Московскимъ преображенскимъ кладбищемъ, ни съ Филипповскою сектою въ Москвѣ находящеюся. Изъ этого письма видно: 1) что Даниловскій монастырь, издревле существующая, былъ въ большемъ уваженіи въ безпоповщинской сектѣ, до 1736 года были между нимъ и преображенскимъ кладбищемъ несогласія за правила секты; въ 1736 году Московскіе едосѣевцы соединились во мнѣніяхъ своихъ съ Даниловскимъ монастыремъ, но между ними и Московскими филипповцами была вражда, которую сочинитель письма (какъ учитель секты) объясняетъ въ 10-ти пунктахъ называя Филипповскій толкъ за москворѣцкими христіанами порицающими крещеніе Даниловскаго монастыря, снимающими съ ихъ единомышленниковъ кресты, перекрещивающими ихъ, обѣщающими спасеніе только въ своей сектѣ и наконецъ что филипповцы отступили отъ истинныхъ правилъ церковнослуженія.

2) Къ объясненію этого письма надо присовокупить, что Филипповщина въ Москвѣ имѣла свою часовню называемую Монинскою, близъ Москворѣцкаго моста на Балчугѣ; до 1812 г. настоятелемъ ея былъ мѣщанинъ Алексѣй Яковлевъ, во время палествія непріятеля Филипповщина была не видна (не такъ, какъ Преображенская, успѣвшая заслужить снисхожденіе Наполеона); въ 1813 году собравшіеся филипповцы учредили свою часовню и общину въ Рогожской части въ дурномъ проулкѣ, гдѣ она и по сіе время существуетъ.

Филипповская часовня на существованіе свое никакого акта не имѣетъ, тогда какъ преображенское и рогожское кладбища дозволены самимъ правительствомъ; община эта забыта, какъ кажется, мѣстнымъ начальствомъ,—и указъ 1826 года дозволилъ едва ли не одни только тѣ молебни, которыя были въ виду правительства.

Письмо Тимофея Андреева.

Господи Ісусе Христе Сыне Божій помилуй насъ. Пречестнѣйшей Христолюбивѣ Агрипинѣ Емельяновѣ мира здравія и душевнаго спасенія, смиренномудраго праваго разсужденія всеусердно желаю, отъ Господа Бога просити по худей моей мѣрности о васъ потщаніе имѣю. Понеже убо слышится мнѣ, что вы до всепослѣднѣйшія худости моея рачительство свое всеусердно возбуждаете, и огнепальное желаніе имѣете ослабодати отъ насъ отъ обонихъ у васъ въ царствующемъ Градѣ Москвѣ содержащихся въ христіанѣхъ разгласіяхъ, а

именно о еедосѣвовомъ и замоскворѣцкомъ, о которыхъ твое усердіе колеблется и во установленіе пріити невозможноеть и разсудительное твоего ума свойство измѣрити онѣхъ разгласіевъ послѣдованіе сице не достигаеть. Но дивлюся азъ вашему огневозженному желанію, что еще пламень твоего усердія не угасаетъ, еже бы здоровое и ласкосердственное цѣлительство изобрѣсти твоей души; и якоже елень жаляетъ на сточники воду многихъ, да жаждою объятый прохладеніе воспріяти имать, сице твоя благодость жаляетъ, да прохладеніе твоея жажды и сухоты многой, сіе есть твоего сомнѣнія, отъ моего недостовинства воспріяти, отъ коего твое усердія разсудися и миѣ нѣчто о твоёмъ сомнѣніи прислати разрѣшеніе, да убо посланное сіе мое грубонаписаніе будетъ вашей любви на въ презрѣніе, но правую мыслію въ твоей души да вообразится. Понеже не отъ своего болѣе разсужденія сіе мое написаніе, но отъ священнаго писанія и отъ первѣйшихъ отецъ поспѣдованія предлагаю твоему всеблажайшему усердію. Въ началѣ о еедосѣвовомъ согласіи вамъ извѣствую сице: понеже сіе согласіе аще изначала своего и не безъ винъ блже, но губою явственнѣйшаго и правдоразсмотрительнаго прежнихъ нашихъ отецъ поморскихъ разсужденія потирахуса ихъ болѣзненныя струпы. Чего ради не дерзаху сами и весма прочимъ запрещаху, тогда церковное исполненіе на части расколотворствовати и слезоплачевно всѣхъ моляху и зѣло рачительствоваху народу тогда христіанскому, да соблюдутъ неотмѣнно церковное согласіе, о чемъ ихъ и писма на се свидѣлствуютъ, которыя здѣ предложити вашему усердію за невѣстимость оставляются, негли не случится ли у васъ миѣ побывать и тамо предложити самолично не попрятствуюся. Но онѣхъ еедосѣвовыхъ они поморстїи древніи наши отцы единныя кафолическія нашея церкве чадами именовлаху, единныя купели порожденіе святаго крещенія быти разумѣваху, единныя благодати святаго духа освященіе объявляху. Аще убо кїи и недостатокъ за кимъ любо видяху, не дерзаху толь смѣло яростно на нихъ наскоковати и въ томъ не милостивно терзати ризу матере кафолическія нашея церкве на многія части, юже всепримилостивый ея женихъ Христось Спаситель нашъ мученическими обagri кровьюми, и своею кровію запечатлѣ и своя невѣсты чадъ трудоподвизаніемъ всепрекрасно увѣнча. Но аще убо и случяся нѣкогда распрїя и раздѣленіе у еедосѣвовыхъ съ нашими прежними отцы поморскими, но послѣди всяко укрѣпительное соединеніе еще при благоумдромъ нашемъ отце начальяицѣ и пастырѣ Андрѣе Діонисьевичѣ радостно

содѣяся. О чесомъ писмо поморскихъ отецъ писанное, въ которое время у нихъ соединеніе бысть въ лѣто 7235 г. году изъявляетъ; тѣмъже убо и намъ нынѣ послѣднимъ остальцемъ всеблаженныя ихъ паствы должно во всемъ и имъ послѣдовати и неизмѣнати уставленнаго ими предѣла, по реченному во святомъ писаніи гласу: не прелагай предѣлъ вѣчныхъ, яже положиша отцы твои, и паки: проклятъ раззорый уставы отеческія, и индѣ: не отступай отъ заповѣди старецъ, ибо тѣи навывокоша отъ отецъ своихъ, но и блаженный церковный славій, сосудъ избранный, Павелъ вопіеть: блюдитесь отъ творящихъ распри и раздоры, и Юда апостоль вопіеть: въ послѣдняя времена придуть ругатели во своихъ похотѣхъ ходящии и отдѣляющіи себе отъ единости вѣры, суть тѣлѣснии и духа святаго не имущіи. Златословесный же органъ и богоглаголивая уста—церковный Христовъ—воинъ Іоаннъ Златоустый таковая о семъ вѣщаетъ и глаголетъ: ни что же тако радражаетъ Бога, яко еже съ церковію раздѣлятися, аще и безчисленная содѣявше благая, и паки: еже въ ересь власти и церковъ разодрати не меньшее зло, и паки той же рече: яко ниже самая мученическая кровь можетъ сего грѣха загладити. Но что убо многая о семъ глаголати и свидѣтельствовати божественная писанія, о которомъ обои законы вѣтхій и новый исполнены суть; оставляю въ вѣтхозаконіи случившееся богопустное наказаніе на Дафана и Авирона, тако же и Корея, которымъ за неправое сотворшееся отъ нихъ раздоротореніе съ Моисеемъ, ниже земля стерпѣ, но низведѣ ихъ во преисподняя адская жилища. Оле убо нынѣшнихъ христіанъ смѣлости! всесмѣлость не страшася утробы милостивыя нашея матере терзати и на части раздирати ризу ея отъ вышняго богословія и стканную. И она уже не терпитъ много весма въ раздорозобилствующихъ храмѣхъ пребывати, но удаляется яко отъ нѣкоторыхъ нечистотъ. Наипаче тамо присутствовати зрится идѣже миръ много пребываетъ по реченному во святѣмъ евангеліи: отъ сего познають яко мни ученицы есте, аще любовь имате, и паки чрезъ святаго Духа пророкъ возглашаетъ: миръ много любящимъ законъ твой, тамо бо мира нѣсть, идѣже свары и распри бывають, ту любовь законъ не лежитъ, идѣже другъ на друга воюють и мечи и оскорды и изостраютъ, тамо согражденія и соединенія не зрится. Идѣже яко звѣри дивии другъ друга уладаютъ, тамо не зри согражденія, но разрушенія. Ту не помышлай богатства благодати, но нищеты и убожества и запустѣнія. По реченному отъ Спасителя нашего

Христа: аще домъ на ся востанеть—раздѣлится, и царство на ся востанеть—запустѣеть, и паки: аще миръ дому тому, то миръ на нихъ почіеть. Сія убо грубосложне твоему боголюбію предложиго о еедосѣвыхъ и о раздоротворствующихъ Христовою церковію, каковый вредъ на своихъ душахъ подъяютъ сицевія и каковую тщету церковному исполненію таковіи приносятъ, и каковое осужденіе таковая творящии себѣ получаютъ, церковъ же древлеправославная, зрится, болѣе недостатки чедовѣческіи тягото-носителии поднимала, а не за всякія противности (кромѣ вредительныхъ всецерковній богословіи и догматамъ и таинствамъ) отлучатися повѣлѣвала, о чемъ многія доводы въ писаніи показуются, но краткость сего грубоначертанія лобызающе, многая писати оставляемъ; онии же еедосѣвы аще древле при отцехъ и многая неустроенія церковная имѣяху, отцы же имъ любовне претерпѣвали. Нынѣ же въ нихъ видится многая уже испразднися и малая нѣкая оставишася, но и тая зрится наиболѣе въ старозаматорѣльяхъ и не во многихъ; но и въ тѣхъ не вся показуется; отъ сего познавается, яко ихъ вреды не къ распробстраненію происходятъ, но помалѣ исцѣлѣваются и въ чувство приходятъ, о чемъ и намъ во оныхъ покорни явишася и писменное вѣдѣніе дапа съ прикладованіемъ рукъ, и вамъ извѣстна суть.

Наше же отстатіе отъ замоскворѣцкихъ не вѣтунѣ бысть, но со омышленіемъ явившихся надъ ними сицевыхъ недостатковъ: что они глаголются, якобы древнихъ поморскихъ отецъ послѣдователями, а поморскихъ отцемъ во многихъ вещехъ противляются и священному писанію не соглашаются. Первое: Поморстии отцы съ еедосѣвыми, якоже выше назнаменовашъ, всякое согласіе имѣяху, раздоротворствовати же не точію сами трепетаху, они же съ ними раздоротворствуютъ, и прочимъ запрещаху, второе: Поморстии наши древніи оцы ихъ православными именовашу, замоскворѣцкіи же христіане еретиками ихъ называютъ. Третіе: Поморстии отцы на крещеніе ихъ Духу святому приходяти свидѣтельствоваху, они же духъ дяволь сказуютъ. Четвертое: Поморстии отцы имъ спасеніе опредѣляху, сіи же замоскворѣцкіи въ муку имъ отъити сказуютъ и спасенія имъ не проповѣдаютъ. Пятое: противно Поморскимъ, кресты съ нихъ снимати, сирѣчь съ еедосѣвыхъ, повѣлѣвають. Шестое: Четырдесятный постъ вмѣсто миропомазанія противно писанію божественному и Поморскимъ отцемъ положили. Седмое: сами между собою всякое неустроеніе и вражды имѣютъ и которыи расколы производятъ. Осмое: которыи Поморскимъ и

Питерскимъ прежде примирились и съ тѣми общенія не имѣють, и бывшіи у нихъ соборъ въ поморіи разбойническимъ называютъ и ему не послѣдуютъ. Девятое: Сами токмо во единой Москвѣ на Балчугѣ и ихъ послѣдователямъ спастися сказуютъ; а кромѣ ихъ послѣдованіи имѣющимъ и ихъ многимъ не знающимъ не спасеніе, но погибель предопредѣляютъ. Десятое: во многомъ обычая древнимъ отцемъ не послѣдуютъ, яко же во отвращеніи церковныхъ службы, тако въ тихости и кротости и правости нрава и неалобіи и любви нелицемѣрній и снисхожденія аностольскаго къ человѣческимъ немощемъ. Глаголютъ, яко бо во всемъ отцемъ послѣдуютъ и прочая иная. Сихъ убо ради причинъ сомнѣтельныхъ, мы и прочія страны, отъ замоскворѣцкиихъ ученихомъ. Обаче и оныхъ обрѣгающихся судити мы премалѣйшимъ не дерзаемъ, но аще и явимый сей недостатокъ за ними обретеса, наиболѣе въ Божіе правосудіе сіе полагаемъ, хотящее судити не лицемѣрно всехъ и воздати комуждо по дѣломъ ихъ; мы же паче себѣ разсуждаемъ и свои недостатки судимъ, по гласу сосуда избраннаго: кто есть судий чужему рабу или стоитъ или падаеть, твоему же бжелюбію азъ мнѣ совѣтую несомнительной быти о еедосѣвельхъ и о прочихъ правовѣрныхъ хрестіанехъ. Но искати своему случившемуся тебѣ паденію, егда тебѣ время будетъ цѣленія. За симъ писавый твоей благодати грѣшный Тимофѣй Андреевъ всепокорнѣ кланяюсь.

Монастырь Даниловъ.

Ноября 24.

Къ купцу Гучкову пришелъ 22-го числа сего ноября мѣсяца, знакомый ему иногородный крестьянинъ, при немъ было 2500 р. ассигн., Гучковъ назначилъ ему ночевать во флигель, гдѣ для его фабрики просѣкають картоны; спавшіе съ этимъ крестьяниномъ работники Гучкова (исполняющіе должность пѣвчихъ на кладбищѣ), замѣтивъ кожаную сумку у него подъ сорочкою, ее похитили и скрылись съ фабрики; поутру, когда это происшествіе узналъ Гучковъ, приказалъ, оцѣнивъ флигель, сдѣлать обыскъ: одинъ изъ работниковъ замѣтилъ, что подъ пѣчью въ продушнѣ что-то спрятано, палкою досталъ оттуда кожанную сумку; разсернувъ ее, увидавъ инструментъ для чеканенія фальшивой монеты; при немъ два неотдѣланные серебряныя рубля и два таковыя же талера; отдалъ купцу Гучкову, который все это спряталъ въ карманъ и не объявилъ о семъ, куда слѣдуетъ.

Книга Большой чертежъ, изд. по 8 стар. рукоп. и 2 печ. книги Г. Спасскимъ. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 3 ф.

О Русскомъ войскѣ въ царствованіе Михайла Феодоровича и послѣ его до Петра I-го, изслѣд. И. Бѣляева. М. 1846 г., ц. 50 коп. перес. за 2 ф.

Библиотека Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, сост. П. М. Строевымъ; со снимкомъ съ 1-го листа Правды Русской по пергам. сборнику конца XIV вѣка. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о Русской исторіи, М. Погодина. М. 1846 г., томы: 1, 2 и 3-й, по 1 р., перес. за 6 ф.

Исторія о Донскихъ казакахъ, соч. А. Ригельмана, съ 19 рисунк. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., пер. за 2 ф.

Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, соч. А. Ригельмана, съ 30 рисун. М. 1847 г., ц. 2 р., перес. за 4 ф.

Исторія Россійская, В. Н. Татищева, книга 5-я, или часть 4-я. М. 1848 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 4 ф.

Богословіе св. Іоанна Дамаскина, въ переводѣ Іоанна ексарха Болгарскаго. М. 1878 г. ц. 3 р.

Шестодневъ составленный Іоанномъ ексархомъ Болгарскимъ. М. 1879. ц. 3 р.

Послание многословное, сочин. инока Зиновія, по рукописи XVI в. Трудъ Андрея Попова. М. 1880. ц. 2. р.

Ч Т Е Н І Я

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Годъ 2, 3 и 4 по 2 рубля каждая книга. Годы 1861—1880, по 4 книги, каждый годъ по 10 рублей. Отдѣльно книги этихъ годовъ не продаются. За пересылку взимается съ вѣсу по разстоянію.

ВРЕМЕНИКЪ

**Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ,
съ 1849 по 1858 годъ,**

25 книгъ, каждая по два рубля, а за всѣ безъ перес. 37 р. 50 к., съ пересылкой 45 р. На пересылку всякой книги «Временника» за 4 фунта.

